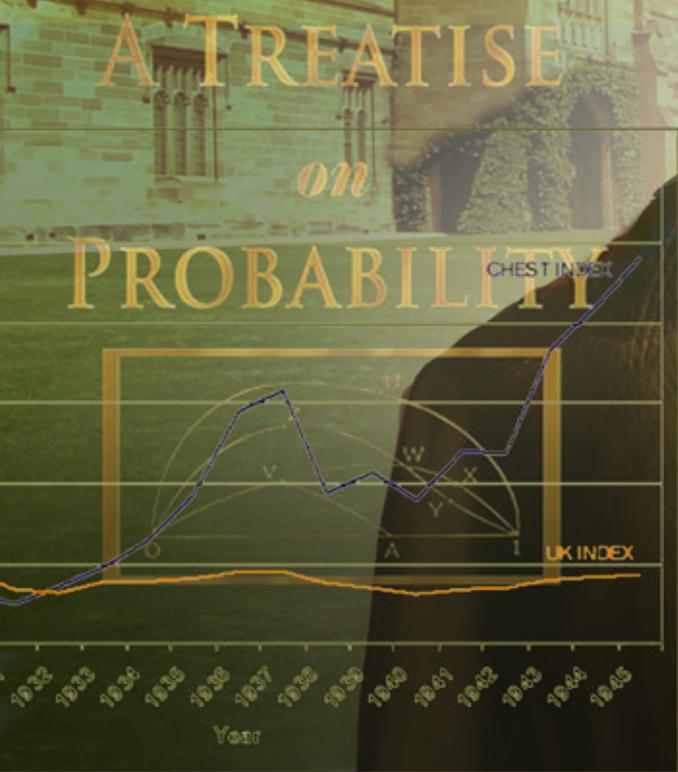

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

Учёный

ежемесячный научный журнал

11
2012
Том II

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 11 (46) / 2012

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

Ответственный редактор: Шульга Олеся Анатольевна

Художник: Евгений Шишков

Верстка: Павел Бурьянов

На обложке изображен Джон Мейнард Кейнс, английский экономист, основатель кейнсианского направления в экономической теории.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

672000, г. Чита, ул. Бутина, 37, а/я 417.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»

127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Богомолова Е.С.**
Этос купца..... 225
- Гаврилов А.А.**
Средства массовой информации и современные мифы: к вопросу об основании социально-политического мифотворчества 230
- Емельянов А.В.**
Массовая культура: аспекты трансформации..... 233
- Малахов А.В.**
Консервативная мысль дореволюционной России глазами западных ученых..... 237
- Михайлова Т.В.**
Социально-философский анализ причин общественного отношения к проблеме эвтаназии 239
- Филатенко И.А.**
Политическое событие в координатах социологии и политологии 243
- Хамзина Д.З.**
Гносеологическая характеристика мировоззренческого образа 246
- Челомбицкая М.П., Лавинский Н.Г.**
Противоречивая сущность самоактуализации 248

ФИЛОЛОГИЯ

- Абдулхаков Р.Р.**
Краткая характеристика литературы периода Золотой Орды 253
- Боймуратова Н.Б.**
Вклад в литературоведение узбекских поэтов первой половины XV века 255

- Голубева Е.В.**
К проблемам лингвокогнитивного исследования калмыцкого фольклора 258
- Дунина Е.В.**
Коллизия греха и покаяния в рассказе А.П. Чехова «Огни» 260
- Емельянчик Т.А.**
Способы языковой реализации оппозиции «звук-тишина» в поэтических текстах М. Волошина 262
- Жлюдина А.В., Володина Д.Н.**
Европейское пространство романа М.А. Осоргина «Книга о концах» в контексте диалога культур 266
- Одилова Г.К., Махмудова У.**
Проблема прагматического равенства в передаче национального менталитета мировоззрения в художественном переводе.. 270
- Павлова Д.Д.**
Безэквивалентная лексика на страницах газеты «Вечерний Гродно» 273
- Поташова К.А.**
М.Ю. Лермонтов и К.П. Брюллов: жизненные и творческие связи..... 276
- Уварова И.Ю.**
Лексическая структура княжеского жития (на примере сказания о Борисе и Глебе в синодальной редакции)..... 279
- Хошимова Х.А.**
Таджикская повесть периода независимости.. 283

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

ИСТОРИЯ

Бидова Б.Б. Специально-криминологическое противодействие молодежному экстремизму	287
Бреев А.В., Захаров А.В., Калинина И.А. Террористическая контрабанда через государственную границу: правовая регламентация борьбы, проблемы и пути их решения	290
Вроцлавска П., Поваро М.А. Жалоба в Конституционный Трибунал Республики Польша	292
Зиндобрая М.Б. Категория договора и категория принуждения в разрешении правовых конфликтов: постановка проблемы	295
Комнатная Ю.А. О влиянии зарубежных научных традиций на формирование отечественной доктрины о международном частном праве дореволюционного периода: Московский университет	297
Мальцев Е.П. Проблемы совершенствования законодательства о дисциплинарном принуждении в системе органов внутренних дел Российской Федерации	302
Мурадымова Г.А. К вопросу о системе международного права ..	304
Турланов Д.А. Стратегическая программа таможенного сотрудничества ЕС и России: место и роль в развитии правовой базы сотрудничества России и ЕС в таможенной сфере.....	307
Ченский Д.Г. Принцип состязательности – как элемент права на справедливый судебный процесс	310

ПОЛИТОЛОГИЯ

Спиров А.С. Эволюция института губернаторства в конце XX – первой половине XXI в.	315
Юсупова Э.Ф. Политическая социализация личности как гарант демократического развития общества.....	318

Аникин С.А. Формирование рыночного пространства Среднего Поволжья	322
Белова Т.А. Контролирующие органы Сената Петра I	326
Валихонова Г. Уйгурская национальная традиция «машрап кеча».....	329
Казанцев А.В. Значение астраханского направления в российско-восточной торговле.....	331
Кожухарь А.И. Чайная фальсификация в России и Сибири как социально-культурное явление	333
Рахмонов Х.Х. Общественно-демографические процессы и межнациональные отношения в Узбекистане	336
Рыбаков Н.А. Развитие правового регулирования деятельности православных священников в армии за период XVIII–XIX вв.	339
Халмуратов Б.Р. Syncretism of Shamanistic Traditions with Islamic Thoughts (in the Example of the Uzbek People of the Fergana Valley)	343
Ходжакулиева Б.А. Мары – культурная столица СНГ 2012-ого года (к вопросу изучения истории древнего Мерва).....	346

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Барабанов Р.Е. Психологический портрет человека времен тоталитаризма	349
Горбунова Н.В. Социально-психологические особенности пациентов, больных туберкулезом	350
Дмитриева М.А. Причины социального сиротства	353
Иовенко Е.Ю. Гендерные особенности ценностных ориентаций студентов.....	355
Кузьмин А.В. Социально-психологический аспект становления полороловой идентичности подрастающего поколения российских граждан	358

Петрина М.Г. Психологические причины вовлечения молодых людей в деструктивные некульты («секты») 360	Хонский С.И. Социально-психологические функции смехового поведения..... 370
Хлебодарова О.Б. Эмпатийные сопереживания в контексте ценности личности 363	Штепина И.С. Технологическая характеристика организации психолого-диагностического эксперимента и диагностический инструментарий для оценки познавательной активности младших дошкольников 374
Хлестова А.М. Особенности личности и экзистенциальных переживаний лиц, страдающих алкогольной зависимостью (на примере групп анонимных алкоголиков) 366	Энгельке М.М. Программа проведения тренингов и консультирования в подростково-молодежном клубе «ИНСАЙТ» 377

ФИЛОСОФИЯ

Этос купца

Богомолова Елена Сергеевна, аспирант

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Цель данной статьи — ответить на следующие вопросы: каким был социокультурный облик русского купечества, в чем заключались причины его развития, был ли у него предпринимательский потенциал и какую роль купечество сыграло в становлении предпринимательства.

В дореволюционной России только купечество оказалось наиболее подготовленным, экономически активным и предприимчивым сословием для ведения предпринимательской деятельности. Купец «на протяжении XVIII и XIX вв. являлся олицетворением предпринимателя» [1, с. 29]. В данной сословии следует искать истоки российского предпринимательства. Исследование культуры купечества углубит понимание тенденций современной экономической сферы жизни, в частности предпринимательства.

Развитие торгово-промышленных отношений

Купцы появились еще в древней Руси. Первые упоминания о них относятся к IX в. Со словом «купец» связывали и продавца, и торговые корабли, и даже покупателя. Развитие купечества обусловлено развитием торговли. Первые русские князья были не только воинами, но и торговцами. Во времена Киевской Руси обособленного торгово-промышленного класса не существовало.

Князь с дружиной ездил на «полюдь» для сбора дани с подвластных Киеву племен. Часть дани распределялась между дружинниками. По мнению В.Б. Перхавко, решающую роль в появлении торговцев-профессионалов сыграла потребность в сбыте излишков дани и возможность приобрести не производившиеся тогда на Руси предметы роскоши и монетное серебро [2, с. 30]. В последнем племенная и военно-дружинная знать нуждалась особенно. Именно в ее руках «скоплялись, благодаря торговле, большие богатства» [3, с. 8]. Некоторые из дружинников стали профессиональными купцами.

Изначально, в IX–X вв., торговля велась далеко за пределами Руси, с соседними странами. С XI в. она активно формирует внутренний рынок и оказывает влияние на развитие государства. Именно торговля нередко ста-

новила причиной создания городов. Города строились вдоль рек, которые являлись основными торговыми путями. Самый известный из них — путь «из варяг в греки». В XIII в., после создания царства Ордынского, вся Русь покрывается сетью военных дорог, объединивших Русь с системой международной сухопутной торговли — «великим шелковым путем». Под купцом все чаще понимают человека, профессионально занимающегося торговлей. Купец становится основным посредником между производителем и потребителем какого-либо товара, или между производителями разных товаров. Наиболее крупных купцов величают «гостями». Постепенно торговля становится способом сбыта продукции ремесла, охоты, земледелия и скотоводства. Ряды купцов пополняются выходцами из ремесленной среды.

С XVII в. в России распространяется мануфактурное производство: ремёсла уступают место промышленности, мелкие предприятия — заводам и т.д. В XVIII в. наблюдается развитие рыночных отношений, и в конце века купцов выделяют в отдельное полупривилегированное сословие. Купечество — «это исторически сложившаяся профессионально-социальная группа, отличавшаяся от других социумов российского общества по роду занятий и общественному статусу» [4, с. 7]. Слово «Купец» стало обозначать приверженность человека к этому сословию.

В литературе можно встретить некоторые тождественные термины. Например, купцов называли «третьим сословием», так как купечество стояло после дворянства и духовенства. Термин «торговое сословие» применялся к купцам, так как только им были предоставлены наиболее широкие права на ведение торговой деятельности.

Но торговля не была обязательным условием принадлежности к купечеству. Купцы также занимались промышленностью, владели фабриками и заводами. Из 16354 купеческих дворов исключительно торговлей занимались всего 6894 двора, то есть около 40% [5, с. 56]. Поэтому к купцам также применим термин «торгово-промышленное сословие».

Существует также понятие «временные купцы». Ими назывались представители разных сословий, которые

приобретали торговые права, но оставались причисленными к своему сословию.

Итак, купечество активно развивалось с развитием российского государства и к XVIII в. преобразовалось в целое сословие. К крупнейшим российским купцам относятся: А.Ф. Второв, А.М. Сибиряков, Г.Г. Солодовников, Г.И. Шелихов, П.И. Губонин, И.Л. Медведников и многие другие. Также можно выделить целые династии купцов: Морозовы, Рябушинские и другие.

Межсословные отношения

Отношение крестьянства к купечеству. Помимо хозяйственной деятельности на главу крестьянской семьи ложись и другие обязанности. Необходимо было как-то купить то, что нельзя было произвести собственными силами. Для этого крестьянин либо продавал излишки своей продукции, либо использовал деньги, заработанные другим способом (например, извозом). «В одной крестьянской семье, в одной «семейной корпорации» нередко объединялись такие различные фигуры, как мелкий более или менее самостоятельный землевладелец и ремесленник, наемный работник, предприниматель, эксплуатирующий чужой труд. Даже, более того, порой бывало так, что эти разные социальные состояния совмещались в одном крестьянине» [6, с. 73–74]. Это иллюстрирует наличие врожденных предпринимательских качеств в крестьянском сословии. Кроме того, ведение крестьянского хозяйства схоже по своим функциям с предпринимательской деятельностью: эффективная организация труда, координация и контроль работников, оперативное принятие решений, ответственность за них и т.д.

По мнению А.В. Павловской, «именно крестьянство стало основным поставщиком русских предпринимателей в XIX в.» [7, с. 270]. Изучение истоков династий крупнейших предпринимателей дореволюционной России свидетельствует о том, что они преимущественно были выходцами из крепостных крестьян: Морозовы, Солдатенковы, Ушаковы и другие.

Получается, что купцы вышли из народной среды, но, в отличие от крестьян, жили как-то по-другому — богаче, свободнее. Естественно, крестьяне не могли это воспринимать спокойно. Также они не без оснований считали, что купцы их обманывают: покупают задёшево, а продают втридорога. У крестьян не было ни времени, ни средств для выбора более выгодного для себя покупателя. «Экономические предпосылки ограбления городскими торговцами крестьян усиливались бесправностью сельских жителей. Приехав со своей поклажей в город, они попадали в руки беззащитных городских купцов и их агентов» [8, с. 95]. Особенно это было характерно для провинциальных районов России, экономически более отсталых по сравнению с центральными городами.

Отношение дворянства к купечеству. Со временем, богачешее купечество приобретало большее значение в общественной жизни России, вытесняло дво-

рянство с его традиционных позиций и даже заселяло родословные имена. «Тогда еще Большая Дмитровка была сплошь дворянской: Долгорукие, Долгоруковы, Голицыны, Урусовы, Горчаковы, Салтыковы, Шаховские, Щербатовы, Мятлевы... Только позднее дворцы стали переходить в руки купечества, и на грани настоящего и прошлого веков исчезли с фронтов дворянские гербы, появились на стенах вывески новых домовладельцев: Солодовниковы, Голофтеевы, Цыплаковы, Шелапутины, Хлудовы, Обидины, Ляпины...» [9, с. 108]. Подтверждение этому процессу мы находим и в труде А.П. Корелина: «разбогатевшие купцы, заводчики, фабриканты — все эти Демидовы, Лазаревы, Строгановы, Осокины, Турчаниновы, Яковлевы и др. — разными правдами и неправдами добывали дворянство, «одворянивались» и пополняли высшее сословие» [10, с. 106].

В связи с этим, как подмечает А.В. Павловская, дворяне относились к купцам высокомерно и старались оградиться от общения с ними [11, с. 238].

Отношение к купечеству интеллигенции. Представители русской интеллигенции, рисуя картину «несчастной» жизни крестьян, пропагандировали мысль о том, что крестьяне нуждались в помощи и поддержке. В то же время купечество, которое, как уже говорилось выше, поднялось из народных низов, противоречило подобным представлениям. Бывшие крестьяне сумели достичь процветания и благополучия. При этом они не испытывали нужды, тем более потребности в помощи со стороны. Естественно, представителям интеллигенции было не по душе такое явное опровержение их идеям.

Отношение к купечеству со стороны духовенства. Отношение Церкви к купцам было неоднозначным. Церковь активно пользовалась привозимыми из других стран товарами: вином, оливковым маслом, ладаном, красителями и прочими вещами, которые были необходимы для организации богослужений и строительства храмов. «Да и сами представители православного духовенства еще в домонгольскую эпоху для пополнения доходов стали заниматься побочными видами деятельности — торговлей и ростовщичеством» [12, с. 84–85].

Обратная сторона медали заключалась в том, что Церковь не могла позволить упасть авторитету Церкви в глазах прихожан, поэтому иногда протестовала против предпринимательской деятельности.

Причины формирования негативного образа купцов

Торговля как основной род деятельности купцов явилась источником негативного отношения к ним. Именно эту причину А.В. Павловская предлагает в качестве основной. И с ней нельзя не согласиться. Торговля касалась представителей всех сословий: покупали товары все, купец богател за счет всех. Другие сословия пользовались большим уважением, так как дворяне получали власть в силу своего происхождения, чиновники — благодаря государственным полномочиям, интел-

лигенция — за счет образования, а в основе статусного положения купцов лежали богатство и капитал. Сообразно народным суждениям получено все это могло быть только нечестным путем [13, с. 242].

Распространение идеи о нечестности русских купцов иностранцами. Эту причину, наряду с другими, указывает П.А. Бурыйшкін, так как экономически иностранным торговцам это было выгодно. П.А. Бурыйшкін перечисляет следующих зарубежных авторов, которые формировали неприглядный плутовской образ русского купца: С. Герберштейн, А. Олеарий, Р. Барберино, Нецгебауэр, Петрей, Рейтенфекс, Кильбургер, Майерберг, Фортэн де Пиль, Д. Маккензи Уоллса. Можно продолжить список такими именами как Г. Штаден и Я. Рейтенфельс.

Да, иностранные путешественники и торговцы в основном свидетельствовали о нечестности и лживости русских купцов. Но стоит учитывать тот факт, что обман в торговле не считался зазорным, тем более, когда речь шла об иностранцах. К тому же, иностранцы сами, рассчитывая на невежество русских купцов, пытались их обмануть. Получается, наши соотечественники просто платили им той же монетой. Для русского иностранцы — люди другой национальности и веры. Говоря словами А. Олеария: «они не придают никакого значения иностранцу сравнительно с людьми собственной своей страны... Они полагают, что нанесли бы большой ущерб своему государю и всей нации, если бы они по отношению к иностранным гостям и послам великих государей вели себя с приятной вежливостью и почтительностью» [14, с. 192–193]. Действительно, за рубежом поведение торговцев было особо безнравственным. Торговые сделки не обходились без конфликтов и даже драк. Поэтому «в торговых соглашениях специально оговаривалось, что обе стороны на взаимной основе отказываются от применения таких мер, как конфискация товаров, арест и содержание купцов в тюрьмах» [15, с. 89]. Негативное отношение к иноземцам со стороны купцов объясняется наличием льгот и привилегий, которыми часто были одарены иноземцы, и которых были лишены русские купцы.

Стоит обратить внимание, что суждения в заморских сочинениях порой очень противоречивы, имеют односторонний взгляд и ситуативный характер. Также, учитывая непонимание иноземцами нашей культуры, не стоит безоговорочно воспринимать за правду мнения зарубежных авторов. Пожалуй, стоит согласиться с П.А. Бурыйшкіным и назвать многие утверждения заморских авторов «легендой» [16, с. 14]. Поэтому, так или иначе, при изучении культуры купечества безоглядно ориентироваться на их труды не стоит.

Отечественная литература, в которой чаще давались сатирические и карикатурные образы купцов — это третья причина. П.А. Бахрушин приводит в пример произведения таких авторов как А.Н. Островский, П.А. Плавильщиков, И.А. Крылов, Н.В. Гоголь, И.Ф. Горбунов, М.Е. Салтыков-Щедрин,

П.Д. Боборыкин, М. Горький. Можно дополнить этот список А.П. Чеховым и Н.А. Некрасовым.

Есть мнения, что литераторы и публицисты — беспристрастные «бытописатели» (П.А. Бурыйшкін), а герои их произведений — образы национального характера. Тем не менее, нельзя отрицать субъективного характера художественной литературы. Она скорее отображает внутреннее состояние автора, чем объективную картину мира. Литература XIX века в значительной степени выражала проблемы не русского народа, а русской интеллигенции. Поднимала вопросы, мучившие культурное общество. Она была нереалистической, была «ответом на экзистенциальную боль образованного общества» [17]. Хотя, конечно же, и были исключения. Тем не менее, к русской художественной литературе как к источнику информации по интересующему нас поводу надо подходить с осторожностью.

Россия — земледельческая страна и должна таковой оставаться — так считали русские «аграрники» и их последователи. Пропаганда их идей явилась последней из причин негативного образа русского купечества, выделенных П.А. Бурыйшкіным. «Люди думали, занятие земледельческим трудом — близость к земле — способствует охранению здоровых начал в человеке, а «амбары» и фабрика пробуждают в людях самые дурные инстинкты» [18, с. 8]. Наша страна считалась страной земледельческой, хотя такой статус приобрела далеко не сразу, а лишь с началом заселения северо-восточной Руси. Торговля, преобладавшая в Киевской Руси, там была невозможна [19, с. 11]. Позже с развитием фабричного производства, Петр Великий, свел Россию с ее «истинного» пути развития и насильственно изменил структуру экономики.

Перечисленные причины формирования негативного образа русских купцов вполне обоснованы, имеют право на жизнь и поддерживаются многими современными авторами.

Формирование внутрисословной культуры

Итак, купечество являлось основным социальным носителем предпринимательской деятельности в России. Оно было единственным открытым сословием, вступали в которое, просто внося денежный взнос. В зависимости от размера вносимого капитала выбиралась гильдия. То есть, особой сословной группой купечество не было, и в купечество постепенно включались почти все слои населения.

Практицизм. Для представителей купеческого сословия выгода и прибыль выходили на первый план. Купцы стремились к общению преимущественно с представителями высших гильдий. Это способствовало активному развитию внутрисословных отношений и обособленности купечества от других сословий. Отношения внутри сословия характеризовались меньшей формальностью и практицизмом. «Многие историки справедливо отмечают социальную незрелость русского купечества XIV–XV вв.

Его верхушка, относившаяся к «лучшим людям», всячески стремилась возвыситься над основной массой населения городского посада («черными людьми») и слиться с боярскими кругами» [20, с. 155].

Разгульность. «Отношение к «толстосумам» было, в общем, мало дружелюбным, насмешливым и немного «свысока». Во всяком случае, «торгово-промышленники» отнюдь не пользовались тем значением и не имели того удельного веса, которые они должны были иметь благодаря своему руководящему участию в русской хозяйственной жизни и которыми пользовались их западные, европейские и особенно заокеанские коллеги в своих странах» [21, с. 7–8].

Из-за негативного отношения со стороны общества, постоянного контроля, боязни огласки и еще большего осуждения, формировались определенные рамки поведения и правила приличия. Порой, слишком жесткие ограничения развивали у купцов склонность к азартным играм и спиртному, широкому разгулу, который переходил в «загул».

«Порок пьянства так распространен у этого народа во всех сословиях, как у духовных, так и у светских лиц, у высоких и низких, мужчин и женщин, молодых и старых, что если на улицах видишь лежащих там и валяющихся в грязи пьяных, то не обращаешь внимания: до того все это обыденно. Если какой-либо возчик встречает подобных пьяных свиней, ему лично известных, то он их кидает в свою повозку и везет домой, где получает плату за проезд. Никто из них никогда не упустит случая, чтобы выпить или хорошенько напиться, как бы, где бы и при каких обстоятельствах это ни было» [22, с. 198].

Духовность. Отчего торгово-предпринимательское сословие в XIX в. явило миру уникальный феномен — «филантропическое предпринимательство»? В российском обществе предпринимательская деятельность воспринималась в целом, как богопротивное занятие.

Парадоксально, но и сами купцы, и предприниматели относились к своему делу скептически, считая его недостойным. Так как «на религиозных началах покоились у купцов основы мировоззрения и морали» [23, с. 106]. Не удивительно, что у них возникало желание «замолить грехи». Поэтому одним из наиболее традиционных проявлений купеческой благотворительности было пожертвование Церкви, строительство храмов и монастырей. Именно через благотворительность проявлялась система моральных ценностей купцов, основанная на христианской этике.

С другой стороны, важной причиной благотворительности была возможность таким способом получить общественное признание. Как утверждают некоторые ученые, филантропия купечества базировалась на их стремлении к личной выгоде, не была альтруистической.

Тем не менее, учитывая масштабы благотворительности (даже в ущерб своему состоянию), добровольность принятия на себя этой деятельности, можно говорить об обратном. Благотворительность предстает

как специфическая форма служения обществу, не имеющая в своей основе практических соображений и материальных выгод. Она представляла купцам возможность главным образом реализовать свои потребности в общественной деятельности, не более того. Купцы принимали активное участие в благоустройстве городов и в помощи горожанам.

Наиболее известные российские купцы-меценаты, которые навсегда вошли в историю России: Третьяковы, Мамонтовы, Бахрушины, Морозовы, Прохоровы, Щукины, Найденовы, Боткины и многие другие.

Смышленость. Как уже говорилось выше, зарубежная литература пропагандировала мысль о лживости русских купцов. Но при этом они говорили и о сообразительности русских купцов. К примеру, А. Олеарий в своих сочинениях прямо признавал, что русские купцы обладают сметливостью: «для ведения торговых дел требуется у них большого ума и благоразумия» [24, с. 28]. Но при этом его оценка имела негативный оттенок, так как он соединял эти черты с необыкновенной хитростью русских. «Что касается ума, русские, правда, отличаются смышленостью и хитростью, но пользуются они умом своим не для того, чтобы стремиться к добродетели и похвальной жизни, но чтобы искать выгод и пользы и угождать страстям своим» [25, с. 189]. Есть мнения и другого иностранного путешественника — Г. Штадена. «Однако, самый последний крестьянин так сведущ во всяких шельмовских штучках, что превзойдет и наших докторов, которые обучаются праву, со всеми их хитрыми казусами и вывертами. Если кто-нибудь из наших всеученейших докторов попадет в Москву, придется ему прежде всего учиться заново!» [26, с. 507].

Доверие. Русские литературные источники свидетельствуют о том, что среди *своих* слово русского купца считалось нерушимым. «Еще в «Русской правде», русском юридическом памятнике, относящемся к XI — XII вв., купец мог давать купцу деньги на торговлю без записи и свидетелей. Если же должник отказывался их возвращать, кредитору достаточно было принести клятву, чтобы ему поверили. Вот сколь сильно было значение сказанного слова» [27, с. 281]. «Среди торговцев встречались честные и справедливые люди, стремившиеся, естественно, получить прибыль, но не любой ценой» [28, с. 262].

Так происходило становление особой купеческо-предпринимательской культуры.

Вывод

Торговля — один из древнейших видов предпринимательства. Именно она послужила основной причиной формирования негативного образа купца в обществе, что имело огромные последствия. Купцы пытались оправдаться за свое состояние даже перед самими собой. Они искали возможности с пользой применить заработанные деньги и получить общественное признание. Это повлекло за собой две тенденции.

Во-первых, развитие меценатства и благотворительности, которые в России приобрели особый размах по сравнению с другими странами. Данные явления явились характерной чертой духовного облика отечественного купечества.

Во-вторых, многие богатые представители купечества стремились получить дворянские титулы. Это привело к потере четкости сословных границ купечества в начале XX века. «Буржуа-дельцу, являвшемуся истинным хозяином капиталистического общества в Западной Европе и в Северной Америке, в России приходилось доказывать и завоевывать свое право быть «первым среди остальных» в условиях архаичной сословно-бюрократической системы, где «большие деньги» не всегда давали «большую власть» и вызывали уважение. Это объясняет очевидный «эскапизм», характерный для определенной части капиталистов, их стремление уйти в другие области деятельности, пользовавшиеся большим общественным престижем» [29, с. 257].

При этом, есть мнения, которые на наш взгляд кажутся убедительными, о положительном образе купцов. «Деловитость, бережливость до скупости, строгость домашнего уклада, религиозность и консерватизм в общественно-политических взглядах и поведении — вот система ценностных ориентиров, свойственная купечеству в течение длительного времени, вплоть до второй половины XIX в.» [30, с. 36].

В пользу положительного образа купца стоит заметить. Ведение международных торговых операций диктовало необходимость в обладании специфичными навыками и знаниями. «Русские предприниматели умели налаживать международные контакты, легко общались с представителями самых разных культур, что мало вяжется с тем образом, который создавался художественной литературой» [31, с. 261]. Предпринимательство купцов стало своеобразной связующей нитью между русской культурой и другими странами.

Литература:

1. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. — 1914 г.). — М.: наука, 1992. — с. 29.
2. Перхавко В.Б. Первые купцы российские. — 2-е изд. — М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2006. — С. 30.
3. Русский быт. Очерки. Петроград. Издание «Жизни для всех», 1915. — С. 8.
4. Перхавко В.Б. Первые купцы российские. — 2-е изд. — М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2006. — С. 7.
5. Королева С.И. Торговое сословие России. — М., 1998. — с. 56.
6. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). Издательство «НАУКА», М., 1983 г. — с. 73–74.
7. Павловская А.В. Русский мир: характер, быт и нравы. В 2 т. — М.: СЛОВО/SLOVO, 2009. — Т. 2 — с. 270.
8. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). Издательство «НАУКА», М., 1983 г. — с. 95.
9. Гиляровский Вл. Сочинения в четырех томах. Т. 4. / Сост. И прим. Б.И. Есина. — М.: Правда, 1989. — с. 108.
10. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М: издательство «НАУКА», 1979. — с. 106.
11. Павловская А.В. Русский мир: характер, быт и нравы. В 2 т. — М.: СЛОВО/SLOVO, 2009. — Т. 2 — с. 238.
12. Перхавко В.Б. Первые купцы российские. — 2-е изд. — М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2006. — С. 84–85.
13. Павловская А.В. Русский мир: характер, быт и нравы. В 2 т. — М.: СЛОВО/SLOVO, 2009. — Т. 2 — с. 242.
14. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. — М.: Российские семена, 1996. — С. 192–193.
15. Перхавко В.Б. Первые купцы российские. — 2-е изд. — М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2006. — С. 89.
16. Бурьшкин П.А. Москва купеческая. Захаров. Москва. 2002. — С. 14.
17. Виктор Аксютин, из книги «Явления русского духа», готовящейся к изданию. <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/ideas/russkharakter.htm>.
18. Бурьшкин П.А. Москва купеческая. Захаров. Москва. 2002. — С. 8.
19. Русский быт. Очерки. Петроград. Издание «Жизни для всех», 1915. — С. 11.
20. Перхавко В.Б. Первые купцы российские. — 2-е изд. — М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2006. — с. 155.
21. Бурьшкин П.А. Москва купеческая. Захаров. Москва. 2002. — С. 7–8.
22. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. — М.: Российские семена, 1996. — С. 198.
23. Купеческая Москва: Образы ушедшей российской буржуазии. Перевод с английского / Отв. Ред. Дж. Уэст, Ю.А.Петров. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — с. 106.
24. Олеарий А. О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. (3-я кн. «Путешествия» Олеария). Пер. с нем. изд. 1656 г.А. Михайлова, 1861. — С. 28.
25. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. — М.: Российские семена, 1996. — С. 189.

26. Генрих Штаден. Записки о Московии. В 2-х томах. М.: Древлехранилище, 2008. Т.1 — С. 507.
27. Павловская А.В. Русский мир: характер, быт и нравы. В 2 т. — М.: СЛОВО/SLOVO, 2009. — Т. 2 — с. 281.
28. Перхавко В.Б. Первые купцы российские. — 2-е изд. — М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2006. — С. 262.
29. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. — 1914 г.). — М.: наука, 1992. — с. 257.
30. Маркин Т.Д. Московское купечество: социальный портрет: Учебное пособие. — М.: Союз., 1999. — С. 36.
31. Павловская А.В. Русский мир: характер, быт и нравы. В 2 т. — М.: СЛОВО/SLOVO, 2009. — Т. 2 — с. 261.

Средства массовой информации и современные мифы: к вопросу об основании социально-политического мифотворчества

Гаврилов Александр Александрович, аспирант
Омский государственный технический университет

Рассматривается феномен социально-политического мифа как одного из эффективнейших средств манипулирования массовым сознанием. Особое внимание уделяется основаниям и целям современного мифотворчества.

Ключевые слова: *социально-политический миф, средства массовой информации (СМИ), мифологизация, массовое сознание.*

Mass media and modern myths: determinants of sociopolitical myths-creating

A phenomenon of sociopolitical myth as one of the most effective manipulation means is considered. Determinants and purposes of modern myths-creating are specially examined.

Keywords: *sociopolitical myth, mass media, mythologization, public consciousness.*

Изменения конца XX — начала XXI веков коснулись практически всех сфер общественной жизни развитых стран — политики, экономики, права... Переход к информационному обществу, процессы глобализации и политика мультикультуранности, мировой экономический кризис, волна революций и войн, международный терроризм и противостояния «запада» с мусульманским миром — эти и другие тенденции общественного развития непосредственно влияют и на духовную сферу, недаром многие ученые говорят о расколе общественного сознания, кризисе мировоззрения, о разрушении системы ценностей и проблеме идентичности общества и отдельного индивида. Немаловажную роль в этих процессах сыграли и средства массовой информации (СМИ).

СМИ сегодня активно создают единое информационное пространство, участвуют в процессах социализации, служат одним из основных каналов получения информации. От направленности и характера материалов в значительной мере зависит, какие взгляды, стереотипы, мнения и мировоззренческие установки будут складываться у населения. СМИ являются одним из самых влиятельных институтов, участвующим в формировании общественного сознания. Однако далеко не всегда масс-медиа положительно воздействуют на общество: на манипулятивный характер СМИ обращали внимание многие исследователи [См.: 9, 10, 11 и др.], считая, что их основная

роль в современных условиях не столько информационная, сколько идеологическая.

Сегодня СМИ используют довольно широкий арсенал методов влияния на общественное сознание, среди которых можно выделить средства эмоционального воздействия (сенсационность, медиа-насилие, метод запугивания), изменение коммуникативно-содержательной стороны информации (искажение, утаивание информации, манипуляция со временем и местом ее подачи, мистификация), лингвистические приемы (фрагментация, упрощение, повторение, эвфемизация, метафоризация и др.).

Одним из самых эффективных приемов воздействия на сознание является **мифологизация** — целенаправленное внедрение в общественное сознание социально-политических мифов — иллюзорных моделей действительности. С.Г. Кара-Мурза следующим образом описывает принцип действия мифа в общественном сознании: «Введенный в сознание людей и глубоко там укрепившийся, миф способен длительное время (при наличии определенных предпосылок) подменять собой реальность. В результате реципиент воспринимает ее в соответствии с трактовкой мифа и действует, исходя из этого восприятия. Миф <...> снимает с реципиента необходимость напряженно думать и осмысливать мир вокруг себя. Человеку уже не нужно познавать мир — он берет готовую заготовку, миф и о мире» [3, с. 196].

Миф в современном обществе выполняет ряд функций. Прежде всего, он иллюзорно восполняет практическую нехватку знаний при необходимости объяснения непонятных явлений общественно-политической жизни, кроме того, он выполняет и другие функции: аксиологическую (ориентация на ценности, транслируемые мифом), интегрирующую (объединение индивидов в социум), компенсаторную (функция утешения), мировоззренческую (формирование миропонимания), нормативно-регулятивную (воздействие на поведение). Реализация этих функций в обществе может носить как положительный, так и отрицательный характер.

Следует отметить, что современные социально-политические мифы, как и мифы древности, строятся на устойчивых архетипах (прообразах). Наиболее частотными являются образы героя, мудреца, воина, родителя, кормчего. Часто встречаются оппозиции образов: добро — зло, герой — антигерой, страх — покой, прошлое — будущее, небесное — земное, война — мир, жизнь — смерть, свобода — угнетение и др.

Немаловажным аспектом мифологизации является воздействие на историческую память общества. Историческая память — «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящее» [2, с. 23–24]. Она включает в себя исторические символы и архетипы, которые обеспечивают передачу сведений о прошлом. «Человек, не являющийся носителем исторической памяти, выпадает из социума, становясь желанной мишенью для манипуляций его сознанием и поведением» [4, с. 62].

Основные характеристики современных социально-политических мифов довольно широко освещены в работах отечественных и зарубежных исследователей, однако зачастую обходятся стороной вопросы, связанные с детерминантами современного мифотворчества.

Вследствие этого, представляется целесообразным установить, за счет чего становится возможной мифологизация сознания, кто является «творцами» (или «заказчиками») современных мифов и какие социально-политические цели ими преследуются.

Внедрению мифов в сознание масс и индивида способствуют низкий образовательный уровень населения, подданническая политическая культура, нехватка знаний об общественно-политическом устройстве, информационные перегрузки, доверие к СМИ и авторитетам, нежелание критического осмысления событий действительности и получаемой информации. Возможность мифологизации также обусловлена низкой медийной грамотностью (компетентностью) населения, в частности, в нашей стране. К тому же, современное общество достаточно разобщено, а это заметно препятствует восстановлению и развитию исторической памяти, мешающей чрезмерной мифологизации массового сознания.

Немаловажным является тот факт, что сознание масс содержит в себе элементы как сознательного, так и бессознательного, и именно архетипы в коллективном бессознательном актуализируют в сознании мифологические образы [См.: 12, 13], иными словами, массовое сознание по своей природе предрасположено к вере в миф.

Процесс мифологизации сознания наиболее результативен в том случае, когда направлен не на отдельного индивида, а на массу. Е.Д. Павлова отмечает: «... сознание масс иррационально и мифологично по своей природе, а потому и управление ими опирается на знание структуры мифов и лежащих в их основе архетипов; символика мифа наиболее ярко отражает бессознательные стремления, потребности и импульсы масс» [5, с. 61].

Далее попытаемся выяснить, кто является «создателем» современных социально-политических мифов и какие цели преследует.

Американский ученый Г. Шиллер указывает на возможность идеологического подчинения масс при помощи мифотворчества: «Мифы создаются для того, чтобы держать людей в повиновении. Когда их удастся незаметно внедрить в сознание масс, как это делает культурно-информационный аппарат, мифы обретают огромную силу, ибо большинство людей не подозревают о происходящей манипуляции» [8, с. 42]. В этом случае «манипулятором» выступает власть, «политическая элита», при этом через СМИ органы власти стараются «навязать» обществу, массам определенные смыслы, побудить к действию, повысить свою авторитетность или, напротив, снизить политический вес своих оппонентов.

Подобная схема особенно актуальна в период выборов: СМИ в угоду определенной политической силе создают такой образ, имидж кандидата, который может оказать максимально положительное воздействие на электорат. Политическая борьба выигрывается тем, кому удалось через различные каналы масс-медиа побудить большинство избирателей сделать выбор в свою пользу.

Так, немало работ посвящено исследованию образа В.В. Путина на президентских выборах 2000 года. Исследователи отмечают, что СМИ на основе ряда архетипов создали образ будущего президента как «современного, серьезного, мужественного, в меру жесткого патриота» [5, с. 70], «лидера-защитника», «лидера-борца», «лидера-героя» [6, с. 163].

Социально-политический миф может быть разработан и различными коммерческими организациями, стремящимися расширить рынки, увеличить степень своего влияния, выиграть конкурентную борьбу или максимизировать прибыль. В случае с последней целью — максимизацией прибыли — вспоминается успешно вживленный в сознание масс практически во всем мире миф о новом штамме гриппа А (H₁N₁), об эпидемии и возможной «пандемии». За кратчайшие сроки СМИ разнесли этот миф (подобно вирусу) по всему миру, а фармацевтические компании получили огромнейшую прибыль.

Следует отметить, что и СМИ в большинстве своем — проекты коммерческие, следовательно, они стараются максимизировать свою прибыль. Предприятиям масс-медиа в этом помогает социально-политический миф о плюрализме СМИ. Именно благодаря этому мифу становится возможной манипуляция массовым сознанием; плюрализм подразумевает возможность выбора, но, если предметов выбора нет, либо создается иллюзия их существования, то выбор изначально носит манипулятивный характер. «Иллюзия усиливается намеренно поддерживаемой <...> готовностью принимать обилие средств массовой информации за разнообразие содержания» [8, с. 36]. В этом случае возможность манипулирования есть прямой шаг к увеличению прибыли за счет увеличения подписчиков (зрителей, слушателей), что достигается злободневностью, сенсационностью преподносимой информации, оперативностью реагирования на события и рядом других средств.

Существует и более глобальная цель мифологизации сознания — ослабить, «разложить изнутри» общественную систему геополитического соперника на международной арене, иными словами целью является успешное ведение информационной войны. Здесь примером может послужить информационная политика США, направленная против Советского Союза.

Так, например, с 1951 года американские радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» вели передачи на Восточную Европу и СССР. По сути, данные радиостанции являлись «органами политико-культурного проникновения», финансируемыми Центральным разведывательным управлением США [8, с. 65].

В информационной кампании США против СССР было использовано множество приемов манипуляции и пропаганды, внедрение мифов — не исключение. Например, с 50-х годов прошлого века общность народов СССР и их стратегических союзников во всем мире разрушал гениальный по своей простоте миф о том, что страны соцлагеря существуют за счет рядовых советских граждан [7, с. 66].

Один из методов информационной борьбы направлен на искажение исторической памяти: «если люди забывают действительность, то любую проблему можно представить с помощью мифа» [4, с. 63]. Сегодня существует немало мифов, касающихся Второй мировой войны. В основном в подобных мифах по-новому трактуется вопрос о вкладе СССР (России) и западных стран в победу над фашизмом, причем зачастую не в пользу Советского Союза.

Еще одним мифом, направленным на ослабление России, является миф о «русском варварстве». В его основе лежит идея о том, что Россия — страна нецивилизованная, в которой процветала и процветает тирания, правовой нигилизм, что она остается средневековой по нравам и духу народа, а русские люди — дикие по своей природе. Этот миф зародился в европейском Просвещении и существует до сих пор, не сменив при этом основной идеи. Миф о «русском варварстве» не только

успешно функционирует в сознании развитых западных обществ, но и внедряется в российское же сознание, нанося ему сильнейшую травму. «Сегодня этот процесс набирает обороты, продолжая увеличивать размер национальной катастрофы. Она выражается в комплексе неполноценности перед Западом, западным человеком» [7, с. 185].

Кроме того через современные мифы власть может найти поддержку у населения в вопросах проводимой политики (как внешней, так и внутренней).

Ярчайшим примером является внешняя политика США по отношению к исламским республикам с тоталитарным режимом (Ирак, Иран, Ливия, Сирия). В данных случаях в СМИ создается панорамный образ врага, обществу преподносится оппозиция добра и зла, где защитниками добра выступают США. Так, например, в преддверии военной кампании в Ираке директор ЦРУ Джордж Тенет проинформировал президента Буша о том, что по данным старших чиновников ЦРУ у Садда Хусейна нет оружия массового поражения [1]. Но американская администрация проигнорировала это сообщение и продолжала подготовку военного вторжения. При этом в американских и европейских СМИ бомбардировки территории Ирака мотивировались, прежде всего, необходимостью уничтожения оружия массового поражения и свержения режима Садда Хусейна, которого обвиняли в сотрудничестве с международными террористическими организациями, в том числе и с Аль-Каидой.

Следует отметить, что данный миф был успешно «вживлен» в общественное сознание американцев до старта военной операции и на ее начальном этапе. Однако, вследствие роста потерь американской армии, затянутости военных действий, огромных экономических вливаний в финансирование военной кампании и безуспешных поисков оружия массового поражения миф, оправдывающий вступление США в войну, постепенно стал «ослабевать». Это проявлялось в росте числа американцев, настроенных против кампании в Ираке, в увеличении недовольных внешней политикой Джорджа Буша. Миф не подкреплялся фактами, люди стали «прозревать» и оценивать события адекватно реальности.

Примеров мифологизации массового сознания немало, и, если раньше мифы создавались самим обществом при невозможности объяснить какой-либо природный или социальный феномен, то сегодня в демократических государствах создана целая индустрия по созданию и внедрению мифов с целью манипуляции сознанием масс.

Мифологизация сознания имеет под собой ряд оснований: с одной стороны, само общество в его современном состоянии создает возможность для успешного внедрения мифа, с другой — социально-политический миф, транслируемый средствами массовой информации, является одним из эффективнейших методов ведения борьбы за экономические и политические ресурсы, вследствие чего он активно используется властью, коммерческими организациями, участниками геополитических процессов.

Литература:

1. Blumenthal S. Turning truth into lies // The Guardian. — 2007. — 7 сентября. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2007/sep/07/turningtruthintolies> (дата обращения: 12.10.2012).
2. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. — М.: Кругъ, 2006. — 768 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием-2. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. — 528 с.
4. Лебец А.С. Мифотворчество как социально-философская интерпретация политического процесса // Философия права. 2008. — № 6. — С. 60–63.
5. Павлова Е.Д. Скрытое воздействие средств массовой информации на массовое сознание как социально-философская проблема: Дис. ... канд. филос. наук. — М., 2004. — 154 с.
6. Рогожина Е.М. Особенности мифологизации образа В.В. Путина как общегосударственного лидера в нач. 2000-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 4: в 2-х ч. — Ч.1. — С. 161–164.
7. Ткаченко С.В. Информационная война против России. — СПб.: Питер, 2011. — 224 с.
8. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Пер. с англ.; Науч. ред. Я.Н. Засурский. — М.: Мысль, 1980. — 326 с.
9. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. — М.: Эксмо, 2003.
10. Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. — М.: СИНТЕГ, 2000.
11. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. — М.: Мысль, 1980.
12. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
13. Юнг К.Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1997.

Массовая культура: аспекты трансформации

Емельянов Александр Владимирович, кандидат философских наук, доцент
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий» (г. Ижевск, Удмуртская Республика)

Концепт «массовой культуры» является довольно распространённым в культурологии, философии, социологии, и отражает определённую установку осмысления культуры, так, как она возникала и какие формы приобретала, начиная примерно с 20-х гг. XX в. В то же время изменения, происходящие в обществе, их темп и качественные трансформации побуждают говорить также и об изменениях в подходах, смыслах применяемых для анализа понятий: если сами они могут не меняться, то может качественно меняться их содержание, смысловое наполнение. Так, мало у кого возникает сомнение, что существенный сегмент современной культуры так и остаётся «массовым», вместе с тем это уже далеко не те формы, которые имели место в 10–30-е или 60–70-е гг. XX в., не говоря уже о ситуации начала XXI века. Концепт «массовой культуры» является достаточно широко востребованным и обсуждаемым в гуманитарном знании, вследствие этого представляет интерес исследование изменений, которые сопровождают как само явление, так и его определения, характеристики, тем более, что сами эти изменения позволяют понять характер как общества, так и культуры в целом.

Следует отметить, что любое наименование — лишь некая обобщённая проекция для обозначения спектра явлений, подвергаемых анализу. Подобно этому, массовая культура обозначает (и может обозначать) множе-

ство совершенно разнородных явлений, в частности, музыкальных, кинематографических, литературных стилей и направлений, обозначаемых данным понятием. Массовая культура в некотором смысле выступает коррелятом массовому обществу, появившемуся на рубеже XIX–XX вв.; в работах различных авторов того периода, в частности Ф. Тённиса, произошло концептуальное обозначение публики и толпы, общины и общества, которые фиксировали новый характер общественного состояния. Массовое общество, появившись с этого периода, на протяжении XX в. существенным образом менялось, соответственно, менялись (и имеет смысл говорить об изменениях) коррелятивные ему формы, в том числе и массовая культура. Какими были и являются эти изменения?

Середина XX в., рубеж послевоенного времени, традиционно считается временем перехода от современного общества к состоянию постмодерна. Последнее означало переход на новую ступень организации социальных процессов, социальных связей, социального мироощущения, в первую очередь. Термин массовой культуры, тем не менее остался неизменным, но предполагал несколько иную демаркацию: так, культура в доминирующей своей форме так и осталась массовой, шла ли речь об культурологических формах постмодернового общества или же о довоенных формах организации культурных пространств. Незначительно менялся (во всяком случае, не

претерпевал качественных изменений) и концепт элитарной культуры, т.е. культуры для избранных, культуры меньшинства, элиты: её качественный характер и наличие оставались и остаются неизменными на протяжении XIX–XXI в. Однако происходили трансформации социальных носителей, стилей и направлений, источников производства и воспроизводства продукции. Критерии демаркации элитарности и массовости (при том, что огромное число произведений слабо вписывается в данное деление) также вызывает сомнение в их определённости, скорее речь идёт о том, как те или иные агенты готовы маркировать тот или иной культурный артефакт. К примеру, рок-музыка образца Аквариума или Наутилуса Помпилиуса: в каких аспектах здесь можно говорить об элитарности, избранный слушателя, и в каких — об традиционных маркерах массовости — тиражируемости, артикуляции в СМИ, массовых концертах и т.д.

Термин «массовая культура», как область применения того, что называют «массовостью», традиционно ограничивается двумя критериями:

- тиражируемость в СМИ, артикуляция того или иного артефакта в массовых сетях воспроизводства. В этой связи любое произведение искусства, попадая в теле- или радиоформат, в широкий кинопрокат или массовые книжные, газетные тиражи, автоматически становится достижением массовой культуры.

- артикуляция и воспроизведение артефактов в различных коллективных формах, будь то концерты, фестивали, акции и др.

Как это часто бывает в гуманитарном знании, ни один из этих критериев достоверно не работает, и относимость того или иного артефакта именно к массовому происходит скорее интуитивно, нежели посредством подобия неких объективных критериев. Наиболее характерно этот способ демаркации выразил Х.Ортега-и-Гассет: «Чтобы ощутить массу как психологическую реальность, не требуется людских скопищ. По одному-единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса — это всякий, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, как и все, и не только не удручён, но доволен собственной неотличимостью» [2, с. 13]. Действительно, в большинстве случаев, внешние формы различения не работают, и лишь на интуитивном уровне можно увидеть различие в форме слушания, ценностном мире аудитории, скажем, певицы Глюкозы или группы «Лицей», присутствии тех или иных смысловых координат. Соответственно, отнесение того или иного автора к «массовым формам» в известной степени является делом вкуса.

Обозначая культуру как массовую, необходимо учитывать как качественно разнородный характер внутри неё самой, так и те объективные изменения — в форме ретрансляции массовых продуктов, изменений в структуре СМИ, которые происходили на протяжении 20 в. и происходят на наших глазах в настоящее время. Так, можно говорить о качественно новых тенденциях в связи с появ-

лением Интернета, однако сама сеть Интернет буквально в течение буквально последних 5-ти лет породила совершенно иной способ потребления и создания информации: социальные сети, сервисы зачатки контента и доступа к нему, благодаря которым изменился и сам способ потребления масс-культурных продуктов. В этом смысле термин «массовость» можно применять лишь очень условно, и массовым благодаря интернету может стать любой ролик, наподобие «Мистера Трололо», причём совершенно спонтанно и неожиданно, при том что черты массовости могут быть изначально в данном артефакте не заложены. Как отмечает В. Елистратов, в советское время, например, было создано огромное количество артефактов, не знакомых и созданных в иных стандартах, нежели чем западный масскульт, но которые вполне могут стать массовыми, в этой связи, например, «Анна Герман не хуже Фрэнка Синатры» [1].

Изменения в культуре порождают и попытки их концептуализации, т.е. выявления теоретических способов описания, тенденций, которые бы адекватно показывали новый культурный уровень. Так, Д. Смолкина говорит о «демассификации» культуры: комплексе тенденций, возникающих в результате распространения и внедрения электронных СМИ. Демассификация происходит на нескольких уровнях: «разрушение монолитности инфосферы (построение индивидуализированных каналов информации, её диверсификация), квантификация медиа-сообщений («клип-культура») и дифференциация массовой аудитории СМИ «второй волны» (формирование малых аудиторий)» [4, с.19].

М. Маклюэн и В. Беньямином в их классических работах было представлено и обозначено принципиально иное видение восприятия культурных артефактов: произведение искусства, будь то шедевр или ширпотрёб, благодаря технической воспроизводимости может передаваться на совершенно разные аудитории и вызывать совершенно непредсказуемые эффекты, в культурность встраивается непосредственное влияние канала — средства коммуникации. Эти рассуждения, характерные для 20–40 гг., в полной мере относятся и к современной ситуации, лишь углубляясь, усиливаясь и разнообразясь, в связи с множественностью распространения новых каналов ретрансляции. Речь сейчас идёт уже не просто о телевидении или интернете, но например, о спутниковых каналах, мобильной связи в многочисленных разновидностях, различных социокультурных формах, где грань между элитарностью и массовостью стирается или наполняется новым содержанием. Трансформации массовой культуры происходят, следовательно, в рамках как изменения каналов, форм и видов передачи информации, так и изменения самой информации, появления её новых форм. Существенное значение имеет также изменения отношения информации, массовым культурным артефактам, в форме концептуальных сдвигов.

Рассматривая современное состояние массовой культуры, важно выделить те характеристики, которые их в на-

ибольшей степени определяют, те философские смыслы, которые за ними стоят. На наш взгляд, это можно рассмотреть посредством трех понятий, широко представленных в современной культуре (фрик, оксюморон и римейк), которые могли бы послужить иллюстрацией для разнообразных и порой противоречивых процессов в массовой культуре.

1. *Фрик*. Недавнее триумфальное участие «Бурановских бабушек» на Евровидении лишней раз подтвердило поиски культурой необычных, нестандартных явлений. «Фрик» в целом означает отклонение (здесь присутствует широкий семантический спектр: чудака, дурак, клоун, пугало и т.п.). Фрик в культуре — это одновременно и выход из привычного ряда восприятия, но и одновременно — как то, что вполне соответствует и вписывается в возможные тенденции, отвечая подсознательным желанием аудитории. Можно было бы сказать, что фриковость — это некая реакция культуры на усредненность, требования формата, коммерциализированность (предполагающую предсказуемость). Культура, с одной стороны, нацелена на коммерческие форматы, но с другой — остаётся культурой с потребностью порождения новых смыслов, идей, необходимости творчества. В этой связи фриковость выступает как форма поиска нового, как механизм, существующий внутри самой же массовой культуры — как механизм специального отбора или даже создания фриков: поскольку механизм предсказуемой и коммерчески ориентированной культуры включает в себя способы отклонения, обновления. Хорошие фрики всегда ценятся, многие выдающиеся авторы или артефакты могут проходить стадию фриков (сюда относится даже пример «Битлз»). Фриковость — это образец действия «демассификации» культуры (Д. Смолкина), т.е. поиска неких атомарных фактов, способных взорвать стандартное поле, причём механизмов, действующих не вопреки, а внутри самой логики масскультулы.

2. *Оксюморон*, рассматриваемый в данном контексте как обобщённое слово для обозначения языковых, логических трансформаций, игр смысла, которые в изобилии присутствуют в СМИ, в различных формах подачи артефактов. Оксюморон и близкие к нему лингвистические формы инверсии, катархезы, каламбура и т.д. являются специфическим способом подачи, изложения культурной информации, раскрытия и обыгрывания её смыслов. Языковой оксюморон, в частности, отражает противоречивость, инаковость ситуации («сухая вода», «грустная радость», «красноречивое молчание»), в некотором смысле потребность в оксюморонах отражает необходимость проговаривания или обыгрывания социальных, культурных противоречий (Мейер). В распространённости оксюморонов, каламбуров можно увидеть следы обращения, переигрывания классических традиций; в самых разных артефактах, будь то юмор, названия фильмов и книг (Н. Михалков: утомлённое солнце — «Утомлённые солнцем», «Севильский цирюльник» — «Сибирский цирюльник», названия многих романов Д. Донцовой, заго-

ловки статей, публикаций, даже научных (Г. Тульчинский: «Культура в шопе», «Слово и тело постмодернизма» [5]). Во всём этом можно увидеть следы специфических языковых инверсий, весьма характерных в современной культуре. В целом это подчиняется логике постмодерна, общий смысл которого заключён в перепонимании классических парадигм в новом русле, форма фиксации движения развития культуры. В наличии собственно оксюморонов можно увидеть формы своеобразного воплощения диалектической логики (Г. Гегель), понимаемой как отражение движения или изменения (жизни) в слове («грустная радость» означает, что настроение может меняться ситуационно, «убогая роскошь» — напоминание о бренности любых материальных богатств). Оксюморон является и характерным выражением т.н. «женской логики», с присущей ей «игрой в противоречивость»; появление в последние годы в интернете целой «индустрии» цитатников, ресурсов, обслуживающих страницы в социальных сетях и ими же являющихся, может рассматриваться как новый, совершенно специфический культурный слой, переполненный с лингвистической точки зрения различными языковыми оксюморонами.

3. *Римейк*: повторение, воспроизведение заново, близкие значения в кинематографе — сиквел, приквел, на эстраде — пародии и т.д. Римейк и римейковость — это также существенная черта массовой культуры, а также собственно и культуры постмодерна, за которыми стоит не создание нового артефакта, но перепонимание старого, перевод на новый уровень. Римейковость — отнюдь не новая черта и не порождение последних десятилетий, однако можно сказать, что именно этот жанр и форма задаёт претензию к некоей массивификации произведения. Либо к переводу на новый уровень, адаптацию к новой аудитории, переоткрыванию смыслов, которые когда-то были созданы, и возникает потребность воспроизвести их на новом материале. Отнюдь не все римейки и не всегда являются буквальными повторами или бесталанными произведениями: так, например, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова можно рассматривать как своего рода «сиквел» «Фауста» И. Гёте и Библии, с соответствующими персонажами и именами (по мнению В. Руднева, это был один из первых постмодернистских романов); самая популярная на просторах бывшего СНГ комедия «Бриллиантовая рука» была снята как сиквел не менее популярного фильма «Разиня», фильмы о Фантомасе, шедшие в 70-е гг., были сделаны как пародии на фантомасиаду западного кинематографа, но принимались за чистую монету. Однако чаще под римейковостью можно увидеть симптом некоего истощения культуры, невозможности или нежелания рождать новые смыслы, отчасти продиктованные коммерциализацией. Так, в юмористической передаче гораздо проще обыграть проверенный номер на новый лад, спародировать имеющееся; исполняемый эстрадным певцом, например, Филиппом Киркоровым, старый шлягер придаёт популярности как певцу, так и шлягеру. В римейко-

ности можно увидеть и черты подражательности, а если глубже — миметичности, способа реализации символической функции культуры (Э.Кассирер), формы передачи и перепонимания опыта, формы диалога.

Перечисленные особенности дают, на наш взгляд, форму внутренних характеристик продуктов массовой культуры, позволяют прояснить её сущность, а также трансформации. Массовая культура как весьма широкий термин, локализуемый, тем не менее как культура «посредством СМИ», нуждается в своём изучении, а также мониторинге её изменений. Целесообразно привести здесь слова В.Руднева: «массовая культура может быть примитивной с точки зрения элитарной фундаментальной культуры, но она не должна быть плохо сделанной, а, наоборот в своей примитивности она должна быть совершенной — только в этом случае ей обеспечен читательский и, стало быть, коммерческий успех» [3, с.148]. В этой связи представляются не совсем верными оценки о «примитивности» масс-культы, столь распространённые в научной литературе: всё выглядит на поверку гораздо более сложно устроенным.

Изменения последних лет, связанные с развитием средств массовой коммуникации, в частности, интернета, напрямую касаются и динамики форм и видов массовой культуры. Можно сказать, что акцент однозначно склоняется в пользу информации, передаваемой на электронных носителях, и уже они задают стандарты её восприятия и образа, канал информации (М. Маклюэн) становится выборочным и более зависимым от аудитории. Так, сам термин «масса» целесообразно экстраполировать уже на аудиторию интернета, а внутри неё — и на сегменты и типы потребления. Развитие таких сервисов, как youtube, торренты, технологии быстрого доступа, интенсивное развитие в последнее десятилетие социальных

сетей позволяют говорить о типах и способах потребления информации, когда она сама становится более объёмной, обширной и гораздо менее унифицированной. Любая социальная сеть, например, «В Контакте» — это ещё в настоящее время и мощный аудио-видеохостинг, со своеобразно формируемыми «облаками» производителей и потребителей информации. Возможности наподобие статистики просмотров тех или иных роликов позволяют судить о реальных вкусах и предпочтениях (соответственно, критерий массовости принципиально меняется), это же служит почвой для открытия совершенно неожиданных эффектов. Например, достоянием «новой» массовой культуры может стать давно забытый ролик или фильм, клип, вновь смонтированный или снятый на самодельном оборудовании и т.п. Аналогичным образом меняется критерий популярности и адресности информации (В. Елистратов в своей статье отмечает, что стандартные критерии индивидуальности и массовости давно не работают: «это миф, что все слушают какого-то Киркорова или Билана и читают Устинову и Донцову. «Толкиенистов» давно уже на порядок больше», чем «киркоровцев». А «эмо» больше, чем «донцовцев» [1]). Происходит и трансформация стилей, жанров, в частности, наиболее яркой тенденцией последних лет можно отметить увлечение прослушиванием рэп-музыки среди молодёжи. В последнем нередко видят альтернативу року, с той функцией, которые он выполнял в 60—80 е гг.; рэп как речитативность, «словесное шаманство» означает новый востребованный способ усвоения новых смыслов, иной способ проговаривания духовной информации.

Эти и многие другие примеры позволяют судить о тех изменениях, которые происходят в настоящее время в массовой культуре, и культуре вообще, о тех трансформациях, налагаемых новыми смыслами самого термина.

Литература:

1. Елистратов В. Массовая культура: жрецы, певцы и бренды //Нева, 2012 — №2.
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. — М., 2002.
3. Руднев В. Словарь культуры XX века — М., 1997.
4. Смолкина Д.В. Трансформации массовой культуры в постиндустриальном обществе //Автореф. дисс. на соискание уч.степени доктора культурологии. — Екатеринбург, 2012.
5. Тульчинский Г.Л. Слово и тело постмодернизма //Вопросы философии, 1999. — №10. — с. 35—54.

Консервативная мысль дореволюционной России глазами западных ученых

Малахов Александр Владимирович, магистрант
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

Исследование содержит обзор зарубежных исследований, посвященных славянофильству и дореволюционному русскому консерватизму, опубликованных за последние восемь лет (2005–2012). Анализ показывает, что славянофильство рассматривается в качестве все более сложного явления, чье содержание не ограничено противопоставлением России Западному миру. Дополнительно рассматриваются работы, делающие более доступной для англоязычного читателя русскую интеллектуальную традицию.

Ключевые слова: славянофильство, консерватизм, интеллектуальная история, Россия, *slavic studies*, *slavophiles*.

Не секрет, что при рассмотрении продолжающегося со времен крушения Советского Союза поиска «национальной идеи», а заодно и идеологического обоснования существования нового государства, одним из первых вариантов, с которым сталкивается любой исследователь, является ориентация на преемственность к дореволюционной России. Прогнозируемым следствием такой ориентированности оказывается опора или, во всяком случае, повышенное внимание к русским консервативным мыслителям конца XIX — начала XX веков, как правило, хотя и не всегда верно, отождествляемых с таким мировоззренческим и интеллектуальным течением, как славянофильство. События последнего времени, от основания Центра консервативных исследований на соцфаке МГУ до создания Изборского клуба, дают основания предполагать, что в ближайшие годы, если только не произойдет резкое изменение политического ландшафта, интерес к дореволюционным консерваторам внутри страны будет уверенно расти. Однако, на основании подобного — детерминированного внешними по отношению к науке факторами — интереса весьма затруднительно оценить реальную значимость наследия славянофилов и их место в истории мысли. Более точным, хотя и не без оговорок, свидетельством значимости служит внимание к какому-то вопросу в мировой (англоязычной и, по большей части, западной) науке. К тому же, по общему признанию, отечественная гуманитарная наука до сих пор находится в плачевном состоянии, одной из причин чего является игнорирование работ, опубликованных вне русскоязычной среды. Эти обстоятельства указывают на принципиальную важность анализа зарубежных исследований, посвященных русской интеллектуальной истории.

С учетом вышесказанного предметом нашего основного интереса оказываются академические работы, фокусирующиеся на славянофильстве и консервативной мысли Российской империи конца XIX века, авторов, работающих за пределами России и стран бывшего Совет-

ского Союза. Дополнительно, нашей задачей является определение «смысловых паттернов» и выявление контекстов, в которых упоминается и рассматривается славянофильство. Хронологически наше внимание сосредоточено на работах, опубликованных в 2005–2012 гг. и особенно в последние 2–3 года, т.е. на работах, которые, с одной стороны — отражают современное состояние западной гуманитарной науки, с другой — не успели получить сколько-нибудь широкую известность среди русскоязычных исследователей.

В плане методологии нами будет использоваться смешанный подход, сочетающий массовый «количественный» обзор, дающий ответы на вопросы, наподобие «интересует ли славянофильство кого-нибудь за пределами России?», и «качественный» анализ наиболее знаковых и фундаментальных работ, позволяющий понять тенденции и дискурсы, определяющие отношения западных ученых к рассматриваемой тематике.

После сравнения основных реферативных баз (Web of Science, Scopus, Google Scholar) и локальных баз крупнейших издательств (Springer, Wiley, Taylor & Francis) нами был сделан выбор в пользу Google Scholar [1] в качестве основного инструмента для поиска научных публикаций. На английском языке, когда речь идет о славянофильстве, обычно используется один из двух терминов — *slavophilism* и *slavophile*, гораздо реже можно встретить использование *slavophilia* и других вариантов. В общей сложности, по двум ключевым словам, Google Scholar находит 6790 работ, в том числе 2302, изданных с 2005 года. При более подробном рассмотрении картина выглядит следующим образом: наибольшее количество работ опубликовано в 2007–2009 годах (более 300 в год), наименьшее в 2005. Первое, что бросается в глаза — отсутствие ясного тренда: несмотря на «аномальные» 2007–2009 года, в целом ситуация выглядит стабильной 230–330 публикаций в год (такая же ситуация сохраняется при расширении временных рамок до 2000 года).

Второе, о чем следует сказать — результаты по двум запросам могут частично перекрываться, поэтому, реально число работ оказывается несколько меньше. Третий момент, который следует принимать во внимание — количество русскоязычных публикаций, упоминающих о славянофильстве и славянофилах; таковых оказывается 2890 (1200 и 1690 соответственно), с аналогичной поправкой на частичное пересечение.

Всю совокупность найденных публикаций можно разделить на (1) работы, посвященные собственно славянофильству, (2) работы, рассматривающие интеллектуальный климат России периода империи, (3) работы по истории России, (4) работы, анализирующие современную ситуацию. Также, существует весьма обширная «нулевая» группа, исключенная нами из анализа, куда попадают нерелевантные результаты (включая рецензии, краткие содержания, дублирующиеся и, особенно, русскоязычные публикации, попавшие в поиск, из-за наличия в них англоязычных аннотаций и ключевых слов). При этом первая группа, несомненно, включает наименьшее число публикаций — по моей оценке, не более 100 книг и статей.

Значительная часть работ, что вполне естественно, опубликована в изданиях, ориентированных на славистику и собственно Россию, включая *The Russian Review*, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, *Russian History*, *Slavonica*, *The Slavonic and East European Review*, *Journal of Eurasian Studies*. Тем не менее, статьи, касающиеся славянофильства, появляются также в общеисторических (*Modern Intellectual History*, *History and Theory*), богословских (*Modern Theology*), религиоведческих (*Journal of Religious History*), философских (*Diogenes*), политологических (*International Relations*, *Nations and Nationalism*), антропологических (*American Anthropologist*) журналах.

Довольно точно можно утверждать, что из всех революционных российских мыслителей наибольшее внимание зарубежных исследователей, от культурологов до богословов, привлекает к себе Ф.М. Достоевский. Только за последние несколько лет, среди прочего, были опубликованы объемные монографии Роуэна Уильямса [а1], Нэнси Роттенбург [2], Дженет Такер [3], Линды Ивантис [4].

Всем прочим российским мыслителям (не считая, пожалуй, Л.Н. Толстого) уделяется в разы меньше внимания. В принципе, это может служить подтверждением известного мнения, что «русские философы — это писатели» (Фёдор Гиренок), либо, с не меньшим успехом, свидетельствовать о том, что на Западе до сих пор не произошло «открытия» русской интеллектуальной традиции. Обе версии выглядят справедливыми, хотя в отношении второй можно заметить, что ситуация постепенно становится более обнадеживающей. К примеру, несколько отклоняясь от основной темы обзора, стоит упомянуть вышедшую летом 2012 в издательстве Оксфордского университета монографию Джорджа М. Йонга «Русские космисты: эзотерический футуризм Николая Федо-

рова и его последователей» [5], открывающую для англоязычного читателя немалый пласт из истории русской мысли. Следует упомянуть и о сборнике «История русской мысли» [6], изданном в Кембридже в 2010, и объединившем под одной обложке тексты больше дюжины ученых. В свете темы нашего обзора, стоит отдельно упомянуть главы «Консерватизм в век Александра I и Николая I» (*William Leatherbarrow*, 73–94) и «Религиозный ренессанс в Серебрянный Век» (*Ruth Coates*, 169–193). Еще один значимый сборник — «Понимание русскости» (*Understanding Russianness*) [7], опубликован в прошлом году одним из ведущих академических издательств мира — Routledge.

Особого внимания заслуживает энциклопедическая по охвату «История русской философии 1830–1930: вера, разум и защита человеческого достоинства» [8], вышедшая в Кембридже в 2010, критически важная для определения того, какое место занимает славянофильство в истории русской мысли, с точки зрения западных ученых. С наиболее значимыми идеями и тезисами, представленными в «Истории» русскоязычный читатель может ознакомиться в развернутом обзоре К.М. Антонова, опубликованном в Вестнике Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета [9].

Если же рассматривать наиболее важные работы, посвященные славянофильству, то в первую очередь следует отметить монографию «Славянофильская мысль и политика культурного национализма» [10] авторства Сусанны Рабов-Эдлинг, сотрудницы Центра по изучению России (*Centrum för ryslandsstudier*) в Университете Уппсалы. Тезис автора состоит в том, что славянофильство являлось прогрессивной программой, нацеленной не на изоляцию от Европы, но на социальные изменения и присоединение к «западному проекту человеческого прогресса» (Рут Коатес). В конечном счете, Рабов-Эдлинг рассматривает славянофильство как приложение идей Просвещения к российской почве.

Нельзя обойти вниманием монографию Лауры Энгельштейн «Славянофильская империя: нелиберальный путь имперской России» [11], напротив, рассматривающую славянофильство (под которым подразумевается скорее идеология Российской империи) в качестве полной противоположности европейского пути. Согласно интерпретации автора, вся интеллектуальная жизнь России того времени, включая правовое, культурное и религиозное поле, вращалась вокруг двух вопросов — идентичность и отношение к Западу.

Наконец еще одна значимая монография, недавно вышедшая в Стэнфорде — «Романтический национализм в Восточной Европе» [12] Сергея Биленки, является попыткой через «транснациональную перспективу» глубже понять политическое воображение, сформировавшееся в XIX веке национальную идентичность трех народов — русских, украинцев и поляков (конкретно России посвящены вторая «Independent Part of the Universe» и пятая «Stretching the Skin of the Nation» главы).

В целом же ситуация выглядит неоднозначно. Да, славянофильство привлекало и привлекает к себе некоторое внимание западных ученых и работы, посвященные данному направлению, не редко появляются в ведущих гуманитарных изданиях. Само же количество этих ученых крайне ограничено (по всей видимости, измеряется даже не десятками человек), а славянофильство по-прежнему рассматривается ими как локальное во времени и пространстве явление, едва ли имеющее какое-либо вли-

яние на сегодняшнюю интеллектуальную жизнь. Однако, некоторые англоязычные работы последних лет (*Slavophile Empire, Romantic Nationalism in Eastern Europe, Slavophile Thought and the Politics of Cultural Nationalism*) задают действительно высокую научную планку и, скорее всего, на многие годы войдут в список обязательного чтения любого исследователя славянофильства, независимо от того работает ли он в России или за ее пределами.

Литература:

1. Google Scholar. Режим доступа: <http://scholar.google.com>.
2. Williams, Rowan. *Dostoevsky: Language, Faith and Fiction*. — London: Continuum International Publishi, 2008. — 290 p.
3. Rutenburg, Nancy. *Dostoevsky's Democracy*. — Princeton: Princeton University Press, 2010. — 288 p.
4. Tucker, J.G. *Profane Challenge and Orthodox Response in Dostoevsky's Crime and Punishment*. — Amsterdam: Rodopi, 2008. — 292 p.
5. Ivanits, Linda. *Dostoevsky and the Russian People*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — 272 p.
6. Young, G.M. *The Russian Cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers* — Oxford: Oxford University Press, 2012. — 288 p.
7. Leatherbarrow W., Offord D. (eds). *A History of Russian Thought*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — 462 p.
8. Alapuro R., Mustajoki A., Pesonen P. (eds). *Understanding Russianness*. — New York; Routledge, 2011. — 280 p.
9. Hamburg G.M., Poole R.A. (eds). *A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity*. — Cambridge University Press, 2010. — 440 p.
10. Антонов К.М. *A History of Russian Philosophy. 1830–1930 // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета Серия: богословие, философия*. 2010, №4, сс. 138–148.
11. Rabow-Edling, S. *Slavophile Thought and the Politics of Cultural Nationalism*. — State University of New York Press, 2007. — 192 p.
12. Engelstein, L. *Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path*. — Cornell University Press, 2009. — 256 p.
13. Bilenky S. *Romantic Nationalism in Eastern Europe: Russian, Polish, and Ukrainian Political Imaginations*. — Stanford University Press, 2012. — 408 p.

Социально-философский анализ причин общественного отношения к проблеме эвтанази

Михайлова Татьяна Владимировна, аспирант
Хакасский государственный университет

В статье исследуются причины общественного отношения к проблеме эвтанази. Доказано, что смерть — это один из коренных параметров коллективного сознания, поскольку последнее не может оставаться без изменений в ходе исторического процесса, и эти изменения не могут не выразиться также и в сдвигах в отношении общества к смерти. С использованием сравнительно-исторического подхода удалось показать динамику изменения отношения общества к эвтаназии.

Отношение к смерти — верный индикатор отношения к жизни как конкретно-единичного человека, так и общества в целом. Общество длительное время «закрывалось» от проблем, связанных со смертью и умиранием. Анализируя отношение к смерти в обществе, не возможно не согласиться с С. Рязанцевым, который в своем

эссе «Memento mori» [5, с. 119] говорит о том, что большинству современных людей свойственно сторониться всего того, что как бы то ни было связано со смертью. Сегодня большинство рождается и умирает уже не под крышей своего родного дома, а в клиниках и больницах. Передоверив себя здравоохранению, человек получил ил-

люзию освобождения от проблем. Таинство смерти стало в основном тягостной обязанностью, о собственной кончине не принято рассуждать. Подрастающее поколение стараются оберегать от раздумий о смерти, о ней не говорят и в зрелом возрасте, втихомолку провозжая в последний путь своих родных и близких.

Впрочем, считает Рязанцев, людям всегда было свойственно избегать разговоров о смерти, и даже само слово «умереть» в повседневной речи старались заменять какими-либо другими, более смягченными выражениями: «отправиться в лучший мир», «приказать долго жить», «протянуть ноги». Аналогичные языковые табу на слово «умереть» имелись и в других языках: в английском — «to go» («уйти»), «to take the ferry» («сесть на паром»), «to hop off the twig» («спрыгнуть с ветки»); в немецком — «die Augen schlissen» («закрыть глаза»), «heimgehen» («уйти домой»); в итальянском — «ritornare al nulla» («вернуться к нулю»); в испанском — «irse al otro potrero» («отправиться на другое пастбище»); во французском — «casser sa pipe» («сломать свою трубку»), «il dit bonsoir a 1 a compagnie» («он попрощался с компанией»). Также старались не произносить слово «кладбище».

«Отношение к смерти — это одна из величайших проблем, с которой непременно сталкивается человек в своей жизни. Однако эта проблема не только не разрешена (в искусстве, в философии, в науке в общем), но она даже мало продумана. Решение ее предоставлено каждому человеку в отдельности. Ибо ум человеческий слаб, пуглив. Он откладывает этот вопрос до последних дней, когда решать уже поздно. И тем более поздно бороться, поздно сожалеть, что мысли о смерти застали врасплох...» [3, с. 404].

Отношение к смерти меняется в разные исторические эпохи. По мнению современных ученых, отношение к смерти служит эталоном, индикатором характера цивилизации.

Сегодня в обществе можно выделить две как будто противоречащих друг другу тенденции. С одной стороны, в современном обществе наблюдается тенденция к вытеснению смерти из коллективного сознания, которая априори живет в нем, согласно К. Юнгу. Общество игнорирует эту проблему и ведет себя так, будто смерть индивида не пробивает никакой брешы в структуре общества. «В наиболее индустриализированных странах Запада кончина человека так обставлена, что она становится делом одних только врачей и предпринимателей, занятых похоронным бизнесом» [5, с. 8]. Под довлеющим влиянием западной культуры аналогичная ситуация наблюдается и у нас. Опыт многих поколений, этнические нормативы относительно смерти утрачиваются.

Известный современный философ Ж. Бодрийяр утверждает, что «сама экзистенциальная ситуация; современного человека вовлечена в парадоксальную симулятивную темпоральность, так, практика искусственного продления жизни и предупреждения смерти всевозможными мерами безопасности фактически ведет к тому, что сама жизнь становится призрачной» [1, с. 11].

Дело в том, что непрерывная борьба со смертью, на которой сосредоточилось современное общество, ведет к переносу смерти непосредственно в жизнь, к превращению жизни в «послежитие», «пережиточность», «доживание», а это есть модус призрачного существования. Таким образом, западная цивилизация последних десятилетий XX века, говорит Бодрийяр, живет ослаблено симулятивными формами.

В основе всей рациональности нашей культуры лежит исключение мертвых и смерти. От первобытных обществ к обществам современным идет необратимая эволюция: мало-помалу мертвые как бы перестают существовать. Они все менее являются полноценными существами. Поначалу они переносятся из домашней интимности на кладбища, затем все дальше от центра к периферии и, в конечном счете, практически в никуда, как это происходит в современных мегаполисах. В новых городах, по мнению Ж. Бодрийяра, в рамках современной общественной рациональности могут найти себе структурное пристанище даже безумцы, правонарушители и люди аномального поведения, одна лишь смерть не может быть здесь локализована, а тем более запрограммирована. Сегодня быть мертвым — это ненормально, это совершеннейшая немалимая аномалия, это антиобщественное, неисправимо отклоняющееся поведение.

Однако здесь мы имеем дело с закономерной метаморфозой: раз нет больше кладбища, значит, его функцию выполняют все современные города в целом — это мертвые города или города смерти, как называет их Бодрийяр. А поскольку «столичный город является и завершённой формой культуры в целом, то значит, и вся наша культура является просто культурой смерти» [1, с. 234]. Логически вытекающий вывод, который делает Бодрийяр «когда смерть вытесняется в послежитие, то, в силу хорошо известного возвратного процесса, и сама жизнь оказывается всего лишь доживанием, детерминированным смертью» [1, с. 235].

Попытка современной эпохи обуздать смерть вылилась в этику накопления и материального производства, так называемый «дух капитализма» в самых грандиозных масштабах, имеющих целью лишь защиту от смерти. «Вся наша культура — это одно сплошное усилие отъединить жизнь от смерти, обуздать амбивалентность, смерти, заменив ее одним лишь воспроизводством жизни как ценности и времени как всеобщей эквивалентности. Отмена смерти — наш фантазм, развивающийся во все стороны: в религиях это фантазм загробной жизни и вечности, в науке — фантазм истины, в экономике — фантазм производительности, и накопления» [1, с. 236].

Современная культура предлагает своеобразную интерпретацию так называемой «естественной смерти». Само ее понятие возникает из возможности раздвинуть жизненные пределы. Наука и биомедицинская техника заняты вовсе не удовлетворением изначального желания жить как можно дольше — к продлению жизни их толкает превращение жизни в жизненный капитал. Естественная

смерть сегодня — это смерть, подлежащая ведению науки и которую наука должна уничтожать. Хорошая смерть — это побежденная смерть. И поскольку сегодня конституционно постулируется и ставится во главу угла неотъемлемое право каждого на жизнь, то это с необходимостью, но незаметно для нас, распространяет юрисдикцию общества и на смерть. Смерть социализируется и отныне она может быть только «естественной», как понимает ее общество на данный текущий момент. Всякая иная смерть в социальном плане выступает как, скандальный беспорядок, это означает, что не было сделано все, что требовалось. Таким образом, смерть отнимается у каждого конкретного члена общества, ему уже не позволено умереть так, как хочется. Отныне он волен только жить как можно дольше, как провозглашает негласная идеология современного общества и медицины, а умирать той смертью, которая дозволена системой. Очевидно, что принцип «естественной смерти» равнозначен нейтрализации жизни как таковой.

С другой стороны, в последние пару десятилетий наблюдается другая, противоположная тенденция по отношению к смерти в обществе. Необходимо отметить, что во многих странах приходят к выводу, что подготовленному человеку смерть представляется естественным финалом жизненного пути, а не безысходным крахом. Раздаются голоса в пользу необходимости некой специальной подготовки с детства, развивается специальная наука — **танатология**, в ряде стран, прежде всего в Америке, специальные курсы по проблемам смерти и умирания включены в учебные планы многих университетов не только на медицинских факультетах, но и факультетах психологии, философии, права.

Танатология — это наука, изучающая смерть. Ее причины, процесс и проявления. Проблема смерти изучается многими специалистами, в том числе этнографами, археологами, историками культуры и литературы. Актуальна эта проблема и для философов.

Следуя логике К. Юнга, смерть — это один из коренных параметров коллективного сознания, а поскольку последнее не может оставаться без изменений в ходе исторического процесса, то эти изменения не могут не выразиться также и в сдвигах в отношении человека к смерти. Рязанцев утверждает, что «изучение установок в отношении к смерти может пролить свет на установки людей в отношении к жизни и основным ее ценностям. Поэтому восприятие смерти, загробного мира, связей между живыми и мертвыми — темы, обсуждение которых могло бы существенно углубить понимание философами социально-культурной реальности минувших эпох» [5, с. 9].

Ученые много спорят о том, что же есть такое человек. Одна из версий — человек начинается тогда, когда у него появляется первый фетиш — абстрактная вера, подкрепленная конкретными, хоть и не всегда правильно толкуемыми наблюдениями. И смерть естественным образом должна была стать одним из первых таких фетишей в силу всеобщности, необходимости и необъяснимости рационалистических позиций своей природы. «Можно ска-

зать, человек начался не с палки, которую обезьяна взяла в руки как орудие труда, а с похорон — одного из первых человеческих обрядов» [2, с. 127].

Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней подготовиться, — говорил Козьма Прутков. Но как же готовиться к ней, если сама тема считается неприличной для обсуждения? Гораздо охотнее рассуждают о бессмертии, которого пока нет, чем о смерти, которая сегодня обязательно есть. Разговор о смерти как универсальном явлении природы, которое рано или поздно коснется каждого из нас, ведется редко, и даже словарный запас в теме «смерть» весьма беден. Допустимыми считаются лишь легенды, аллегории, почтительное молчание и т.п. Женщина скажет не «мой муж умер», а я «потеряла мужа», верующие говорят не «умер», а «престался», «отдал богу душу», поэты — «ушел в лучший мир».

Тема смерти — средство для обнажения человеческих чувств и мыслей у большинства писателей. Но весьма характерно, что художники, прозаики, поэты не могут подойти до описания смерти как физиологического действия со всеми его атрибутами — психическими и вегетативными, а рисуют лишь философское, моральное, психологическое состояние умирающего человека и окружающих его людей.

Смерть, как каждому известно, это то, что случается с другими. В подсознании каждого из нас живет неистребимая установка — закон смертности относящийся к людям вообще, не касается меня лично, — точно так же, как филантроп, любящий человечество в целом, ко мне лично не питает особой любви. Отсюда втайне и скоропалительно делается вывод, что смерть не имеет ко мне ни малейшего отношения. «Кто говорит о смерти, кто пытается философствовать о смерти, осмыслить смерть, — тот ставит самого себя вне всеобщей смертности...» [7, с. 13]. Так уж устроен человек, что ему свойственно до последнего приписывать себе некую исключительную привилегию «закон смертности применим ко всем живым существам, кроме меня...». Как отмечает Владимир Янкелевич, в своей книге «Смерть», с точки зрения заинтересованного субъекта, собственная смерть — это будущее, которое никогда не наступит, или, «лучше сказать, будущее смерти грядет, никогда не становясь настоящим, по крайней мере, для меня — того, кто говорит и думает в данный момент» [7, с. 22]. Так как будущее своей собственной смерти — для субъекта не обращено в настоящее, то оно с необходимостью приобретает для него абстрактный характер. И если дата нашей смерти не определена, мы с охотой откладываем ее до греческих календ, то реальное осознание смерти происходит в нашей жизни, как правило, слишком поздно. «Реально осознать» смерть — это не только пережить ее угрозу как действительную и близкую, это значит фактически почувствовать себя лично затронутым этой угрозой. На практике же, если угроза касается, хотя и непосредственная, других людей, смертных вообще, пусть даже очень нам близких, — отсутствует то главное, что делает ее действительной реальной и реальной именно для нас.

Дело в том, что человек, реально осознавший свою собственную смерть — мою для меня, твою для тебя, вашу, соответственно, для каждого из вас, — в корне отличается от того, кто, рассуждая, применяет универсальный закон к своему частному случаю. А реальное осознание — это не рассуждение. Этот процесс вряд ли можно иначе описать как моментальное и интуитивное постижение. «Между анонимным «люди», т.е. Все и Никто, с одной стороны, и мною самим — с другой, — поистине метафизическая разница...» [7, с. 25].

Есть нечто, утверждает В. Янкелевич, что не позволяет полностью согласиться с довольно распространенной среди философов точкой зрения (хотя нужно признать некоторую ее справедливость), о том, что созерцать смерть для человека собственно то же, что созерцать поверхностную глубину ночного неба, он не знает, к чему приложить усилия, и рефлексия его, равно как и пристальное внимание, остаются беспредметными. «Это не мысль, а «думка», мысль только нарождающаяся и всегда незавершенная, разновидность грезы, в общем, тихая грусть. Смутная тоска...» [7, с. 42]. Шеллинг, к примеру, объясняет это тем, что смерть — это ничто, разрушающее мысль, это ни есть небытие, это именно ничто, убийственное отрицание. Как альтернативу Янкелевич предлагает здесь два варианта: нам остается либо размышлять над смертью, вокруг, по поводу смерти; либо думать о другом, не о смерти, а, например, о жизни.

Оба варианта в свете проблемы эвтаназии достаточно компетентны. Кроме того, общество обязано мыслить о смертных, а это живые существа, в какой бы момент они не стали объектом мышления. Таким образом, кто мыслит о смерти, тот с неизбежностью мыслит о жизни. Человек обречен мыслить во всей полноте.

Общество XX века отразило тот кризис, в который медленно входила техногенная цивилизация, возникшая на развалинах средневековья. В XX веке имели место фундаментальные изменения в ценностной ориентации человека, в становлении единых оснований общечеловеческой культуры. С одной стороны, это кардинальные перемены в социально-экономической сфере, с другой — не меньшим трансформациям подверглась сфера духовной жизни, основные признаки чего выразились в разрушении классической морали, крахе привычной картины мироздания, полном размывании общеобязательных некогда устоев философии, искусства, теории науки. И если еще в XIX веке общество было не готово жить без опоры на разум и традицию в обществе, связанную с ним, и высокая классическая мысль не впускала в сферу своей деятельности проблемы секса, безумия, тюрьмы, то в XX веке постмодерн отказался от иерархии, оценок и какого бы то ни было сравнения с прошлым в целом. Вышеозначенные темы стали легализоваться и постепенно расширяться, становясь не только предметом внимания со стороны ученых, но и заполняя собой искусство. Тенденция постмодернизма заключается в том, что он «расползается» на периферии, втягивая в свое поле самые пограничные

и маргинальные состояния. Идол предшествующей эпохи — Разум — теряет функцию законодателя. Ему перестают доверять, его критикуют. Философия постмодерна отказалась от услуг законодательного разума в пользу разума интерпретативного, в чем выразилась главная характеристика нового общества. «Интерпретативный разум переориентировал поиск оснований знания с трансцендентальной субъективности, каторгой была увлечена немецкая классическая философия, на повседневно-обыденную жизненную практику» [4, с. 32]. Истина так же была свергнута с трона. Гадамер заявил, что процесс раскрытия истинного смысла бесконечен. Категориальный аппарат классического научного мышления, включавший в себя такие понятия как сущность, закономерность, основание, причина, объективность, — был отвергнут. Тема повседневности — как донаучной естественной установки, актуальное «здесь» и «сейчас» бытие субъекта, включающее весь спектр его личностных предпочтений — становится центральной в феноменологической социологии. Непределенность и вероятность становятся главными понятиями онтологии и гносеологии. Философия теряет свои границы и отныне в некоем «размытом» виде существует внутри стихов, фильмов, литературной прозы и т.д.

Что касается человека, то культурное пространство постмодернизма отныне связано с телом и его потребностями. Появилась особая индустрия «body building» — культуризм, пластическая хирургия, с помощью которой стало возможным изменить фигуру, цвет глаз, кожу и даже пол. «Бодицентризм» свидетельствует о появлении в обществе человека нового, даже по сравнению с началом века, типа.

Согласно изысканиям кандидата философских наук И.В. Сохань, «телесность человека выступает как первичная фактичность его присутствия в мире, как разрыв анонимности бытия» [6, с. 173]. Через тело человека в мир проникают основные структуры — время и пространство, в этом смысле телесность выступает некоей «черной дырой» в бытии через которую вечно что-то становится. У нас есть два пути осознания бытия: через разум и через телесность. А поскольку современное общество низвергло с пьедестала «крылатую голову ангела без тела», то, таким образом, наша телесность опосредует наше отношение к бытию и самим себе. Телесность как «распахнутость» человека в мир первичнее сознания. Через телесность обнаруживается весь мир. Человек как метафизическая сущность ушел из современного общества, осталась сугубо физическая проблема. Именно через телесность человек загроможден всеми вещами мира, через телесность втянут во всевозможные взаимоотношения.

Выводы

Таким образом, фундаментальные изменения в человеке и закономерно связанные с этим кардинальные изменения ценностей общества делают возможным сегодня постановку такой проблемы как эвтаназия и поиск ва-

риантов ее решения. Снятие табу в обществе дает человеку свободу выбора. Однако следует напомнить, было бы крайне однобоким рассматривать эвтаназию только лишь как решение физической проблемы физического человека. Минимально необходимо представить решение в двух вариантах, на двух уровнях (благодаря целостному рассмотрению человека):

— метафизическом (как проблеме нравственного свободного выбора);

— физическом (как проблеме растянутости процесса умирания, протеста против тяжелой смерти).

Итак, эвтаназия сегодня логически все более претендует быть обычной составляющей частью нашей жизни. Однако, не все так гладко. Это явление, как впрочем, и всякое другое «новшество» с трудом прокладывает себе дорогу, отзывая сильное противодействие и, в первую очередь, со стороны наиболее древних, традиционных и устоявшихся общественных институтов.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросовет, 2005. 387 с.
2. Зильбер А.П. Трактат об эйтаназии. Петрозаводск: Октябрь, 1998. 492 с.
3. Зошенко М. Исповедь. М.: Изд-во Сов. Россия, 1987. 463 с.
4. Крапивенский С.Э. Социальная философия. М.: «Владос», 2004. 532 с.
5. Рязанцев С. Философия смерти. СПб.: Изд-во СПИКС, 1994. 319 с.
6. Сохань И.В. Онтология повседневного бытия как условие формирования эко-центрического мировоззрения. Томск: Изд-во Научно-технической литературы, 2000. С. 173–174.
7. Янкевич В. Смерть. М.: Изд-во Лит. инс-т им. А.М. Горького, 1999. 444 с.

Политическое событие в координатах социологии и политологии

Филатенко Ирина Александровна, кандидат филологических наук, докторант
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

Событие (далее также — С.) принадлежит к числу фундаментальных понятий, которыми оперирует политологическая и социологическая науки. Наряду с конфликтом, ситуацией, данная категория широко используется в анализе политического процесса. Последний понимается не только как совокупность действий различных субъектов политики, которые направлены на завоевание, удержание, укрепление и использование власти в социуме, но и как последовательная цепь политических событий и явлений, имеющих внутреннюю связь. Однако несмотря на значимость данного понятия теоретическому исследованию С. в политологии уделяется недостаточно внимания [см. об этом: 8].

В целом политическое событие в рамках политологической парадигмы определяется как «факт, имевший место в какой-либо из сфер жизни общества, на международной арене и оказавший воздействие на политические процессы, так или иначе повлиявший на деятельность субъектов политики» [6, с. 419]. При определении С. как *политического* исследователи руководствуются разными критериями. Учёные исходят из выявления *границ политического* пространства, то есть связи между людьми и политическими институтами, сферы деятельности политического субъекта. Оно способно сужаться и расширяться, ограничивая и расширяя круг вопросов, в решении которых необходимо участие субъекта политики [5, с. 106]. В тоталитарных странах, стремящихся контр-

олировать всю жизнедеятельность социума, любое событие экономической, культурной, личной жизни рассматривается как политическое. В данном случае действует принцип беспредельного расширения политического пространства. В демократических государствах вмешательство власти в ту или иную социальную сферу ограничено и в идеале возможно лишь в том случае, если в них нарушаются нормы права, создается угроза стабильного развития общества, то есть политическое пространство целенаправленно сужается до ограниченного круга. Вместе с тем политическая действительность не всегда вписывается в эти жёсткие рамки. Например, и в условиях демократии враждующие политические силы используют частные, не имеющие большого значения события с тем, чтобы дискредитировать оппонента, наделяя тем самым это С. статусом политического [см. об этом: 6].

Также при определении С. как политического важную роль играет *субъект* политического процесса (в широком смысле). По мнению А.Ф. Филиппова, именно субъект (в его терминологии — наблюдатель) квалифицирует событие как политическое на том основании, что оно *для него* таким *представляется*. Если же для иных наблюдателей это же С. не политическое (или же вообще не событие), то это всё равно не лишает его соответствующей характеристики для первого круга лиц [10].

По замечанию исследователей, глобализация процессов в современном мире приводит к тому, что большая

часть С., произошедших в любой его точке, формально не имеющих отношения к политике, могут быть рассмотрены как политические. В частности, Ж. Бодрийяр отмечал такое «просачивание» происшествий в сферу политического: «Цунами в Пакистане, матч по боксу между чернокожими в США... — все события такого рода, некогда выглядевшие мелкими и аполитичными, благодаря мощи средств распространения получают социальный и «исторический» размах» [3, с. 208]. Иными словами, политическое событие всё же не совпадает с неким реальным происшествием, которое связано, по мнению субъекта (коллективного в том числе), со сферой политического. Лишь *введение* такого С. в коммуникативное пространство и его последующая *репрезентация* и *интерпретация* экспертами, политиками, рядовыми гражданами, СМИ может сделать его таковым и включить в смысловое поле политики [11].

В этой связи особый интерес представляет точка зрения Л.В. Сморгунова, который исходит из идеи принципиальной *конструируемости* мира политических событий в СМИ, соответственно, рассматривает их через призму массмедийной «виртуальной реальности» [9]. Согласно исследователю, в процессе производства политических С. масс-медиа играют важную роль. То, что произошло, становится событием лишь после придания ему *публичности*, обнародования, встраивания в новостийную «рамку». До этого момента случившееся политическим С. не является, что, кроме прочего, и отличает его от события исторического. В зависимости от характера «рамки» новостей, в которую заключается случившееся, меняется и образ происходящего в политике.

По мысли учёного, современный человек ждет событий. Ежедневная потребность в них, во-первых, означает, что индивид испытывает желание жить совместно с другими, находящимися далеко или близко. Этот способ коммуникации возник в последние десятилетия в результате разрушения традиционных (семья, нация, культурное сообщество). Потребление событий, таким образом, является современной формой политико-социального общения в современном мире. Во-вторых, желание потреблять С. побуждает СМИ поставлять их в промышленном масштабе. Для этого им придаётся товарный вид, соответствующая упаковка, а затем следует отправка адресату. Примечательно, что мир событий конструируется вне зависимости от того, свершились ли они или нет. С. может стать всё что угодно: «Происходящее является сырым материалом для «производителя» события. Он должен вырвать происходящее из текучести и наделить его качествами событийности» [9, с. 74]. Эти обстоятельства толкают политических деятелей использовать «событийный ресурс» в своих целях. По мнению исследователя, современный политический процесс, по сути, является производством и потреблением политических событий («выборы», «демонстрация», «митинг») — своеобразного товара, который призван удовлетворять в том числе и потребность в коммуникации. В конструировании политических С. ак-

цент делается не на субъектах, а на проблемах (продвигаются идеи, а затем уже кандидаты). Кроме того, для такого события значение имеет не то, что случилось, а цель, которую ставят перед собой адресанты, обнародуя его в СМИ.

Подобного мнения придерживается и Н.В. Шатина [11], полагая, что мир политических С. не всегда имеет «стихийный» характер, такое событие *может создаваться* и специально. О принципиальной *возможности конструирования политического С.* свидетельствуют и размышления Н.В. Иллерицкой в связи с анализом событий прошлых эпох. По её мнению, исследователь не описывает политическое событие прошлого, но «учреждает» его, создает его интеллектуальную модель. Соответственно, объем такого С. зависит от угла зрения учёного, а решающим аргументом его конструирования становится новая интерпретация прошлого [7, с. 150]. Оно актуализируется так, что определяет смысл настоящего, а произошедшие в нем события формируют узлы социально-политической реальности.

Созвучные идеи высказываются и в новейших социологических работах, сфокусированных на исследовании события, сферой бытования которого является информационное общество. Анализируя социокультурное воздействие масс-медиа на политические процессы и на общество в целом, социологи также отмечают, что представление рядовых граждан о реальных С. являются результатом конструирования действительности средствами массовой информации. Иными словами, опровергая принцип «объективного отражения» реальности, учёные приходят к выводу, что в процессе социально-политического конструирования медиа создают определенный тип действительности. Её составляющими являются медиасобытия (точнее — медиаверсии событий), также конструируемые СМИ [1]. Как минимум происходит структуризация С.: выстраивается логическая последовательность и устанавливаются причинно-следственные связи для облегчения «понимания» адресата. Но в целом производство такого события представляет собой сложный технологический процесс, на который оказывает влияние характер политических отношений в обществе, социокультурные условия. Кроме специфики масс-медиа, профессиональной традиции, на «создание» С. также влияет комплекс факторов: экономических, политических и др. [2]. Технические параметры задают определенный формат, предполагающий временные ограничения, что неизбежно накладывает отпечаток на семантическую составляющую. Экономический фактор влияет на оперативность подачи событий и на их отбор. В таком ракурсе С. — это товар, который необходимо продать потребителю. Отсюда проистекает ориентация массмедийных источников на сенсационность, эпатажность.

Воздействие политического компонента на конструирование медиасобытия трудно переоценить, прежде всего потому, что СМИ, по замечанию социологов, «виртуализируют» политику: «...политический процесс трансформи-

руется от прямого участия граждан в совокупность опосредованных действий и акций, которые разворачиваются в символических формах в медиапространстве» [2, с. 33]. Исходя из этого современные политические деятели готовы искусственно создавать информационные поводы, чтобы попасть в заданное виртуальное пространство. Как следствие С. отличаются популизмом, скандальностью, искусственностью и пр. По замечанию К.А. Антонова, большая часть публичных политических событий изначально суть медиасобытия, так как их «творцы» рассматривают СМИ как средство достижения результата и учитывают их специфику.

Политические события обладают пространственно-временными характеристиками. Их измерение в пространстве задаётся разным параметрами: 1) географическими (страна, регион, «место мест» [10], которое не есть просто элементарным местом свершения С.); 2) экономическими (экономическая система общества рассматривается во взаимосвязи с политической); 3) политическими (политическая система детерминирует С.); 4) культурными [см. об этом: 8].

Временное измерение политических событий включает в себя не только физическое, но и политическое время. Последнее определяется как мера интенсивности деятельности политического субъекта. Оно измеряется «частотой событий в единицу физического времени, может ускоряться или замедляться в зависимости от своей событийной насыщенности» [5, с. 107].

Политическое событие обладает *значимостью*. С одной стороны, она определяется тем, насколько прои-

зошедшее событие отражает базовые или национальные *ценности* общества, задевает «общие струны» его членов. Этим вызывается резонанс, дающий политическому событию энергию и определяющий его потенциал, попадание в общее информационное пространство [4]. С другой стороны, именно *резонанс*, который вызывает политическое С., точнее его интерпретация, определяет значимость последнего и может повлечь за собой определённые последствия [11]. Это парадоксальное свойство политических событий обусловлено тем, что в современном информационном обществе политическая действительность в значительной мере перемещается в пространство масс-медиа и может быть рассмотрена как результат целенаправленного моделирования.

Таким образом, политическое событие занимает значимое место в жизни социума, событийная канва которой оказывается в фокусе внимания и социологии, и политологии. Определяемое как нечто, произошедшее, свершившееся в социальной сфере одного государства или же мирового сообщества и оказавшее воздействие на политические процессы, оно выделяется на основании разных критериев. В условиях современного общества среди них особую значимость приобретает репрезентация и интерпретация С. в информационном пространстве. И в социологической, и в политологической парадигмах высказывается мысль о том, что не только мир политических событий *конструируется* в СМИ, причём вне зависимости от того, свершились ли они или нет, но и сами С. являются результатом *целенаправленного «конструирования»* средствами массовой информации.

Литература:

1. Антонов К.А. Телевизионные новости: конструирование политических событий: Автореф. дис... к. соц. наук. — Кемерово, 2004. — 22 с.
2. Антонов К.А. Телевизионные новости в массово-коммуникационном процессе: социологический анализ механизмов социально-политического конструирования: Автореф. дис... д. соц. наук.. — Кемерово, 2009. — 32 с.
3. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Изд. «Алетейя», 1999.
4. Гордеева М.А., Лапицкая Я.В. Интерпретация политических событий в процессе европейской интеграции: между словом и делом // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2008. — № 1. — С. 66–75.
5. Демидов А., Федосеев А. Основы политологии: Учеб. пособие. — М.: Высшая школа, 1995. — 271 с.
6. Загладин Н.В. Событие политическое // Политическая энциклопедия: в 2-х томах. — М.: Мысль, 2000. — Том 2. — С. 419–420.
7. Иллерицкая Н.В. Прошлое в современности: к вопросу о технологии конструирования политического события // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2008. — № 1. — С. 150–160.
8. Мадатов А.С. Роль политических событий в смене режима // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2008. — № 1. — С. 161–179.
9. Сморгуну Л.В. Гуманитарные технологии и формирование политического события // Гуманитарные технологии и политический процесс в России. Сб. ст. / Под ред. Л. В. Сморгуну. — СПб., 2001.
10. Филиппов А.Ф. Пространство политических событий // Полис. — 2005. № 2. — С. 6–25.
11. Шатина Н.В. «Политическое событие» как область интерпретации российского экспертного сообщества // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2008. — № 1. — С. 217–226.

Гносеологическая характеристика мировоззренческого образа

Хамзина Дилара Зуфаровна, старший преподаватель
Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Понятие «мировоззренческий образ», нередко встречающееся в научных, философских, литературоведческих текстах, не получило еще категориального статуса. В некоторой степени это связано с полисемантической природой понятий «образ» и «мировоззрение». Например, если исходить из существующих определений, то в объем понятия «образ» следует включать не только все чувственные, но и все рациональные формы репрезентации знания. Как заметили Р.Ю. Рахматуллин, Л.В. Сафронова и Т.Р. Рахматуллин, существующие определения не позволяют отличить образ «от знака, звука, ощущения, теории и других форм отражения» [1, с. 6]. Сами авторы предлагают определять образ «как интегративное качество совокупности зрительных сигналов, субъективно переживаемое как модальности, структурно тождественные самому оригиналу» [1, с. 8]. Похожее определение обнаруживается и в диссертационном исследовании З.Ф. Абраровой, посвященной образным представлениям, где образ рассматривается «как психическая форма визуального выражения информации, обладающая структурным соответствием с отражаемым в нем предметом и переживаемый человеком в качестве реально существующего объекта» [2, с. 7]. Думается, авторы обеих определений, избегая логической ошибки слишком широкого определения, допускают другую крайность: слишком узкого определения. Сводить образ только к одной из форм чувственного отражения — зрению, слуху, осязанию, запаху — вряд ли оправдано, ибо образ полимодален. Например, если мы вспоминаем вчерашнюю встречу с компаньоном в кафе, то кроме зрительных ощущений, этот образ может включать в себя и звуки музыки, запах, вкус кофе. Предмет всегда воспринимается вместе с фоном, и фон не обязательно визуален. С учетом высказанного, мы определяем образ как совокупность чувственных сигналов, изоморфных содержанию объекта-оригинала, и субъективно переживаемых в качестве самого объекта.

Понятие «мировоззрение», введенное в предметное поле философии И. Кантом, еще более многозначно. Оно употребляется и для характеристики индивида («мировоззрение Л.Н. Толстого»), и для выделения ценностных ориентаций социальной группы («мировоззрение битников»), и для выражения особенностей и настроений целой эпохи («мировоззрение Возрождения») и т.д. Не вдаваясь в критический анализ десятков существующих определений мировоззрения, обозначим собственную позицию по этому вопросу: *мировоззрение — это взгляды субъекта на мир, на свое место в нем, ставшие убеждениями субъекта, определяющими его отношение к миру и к самому себе и являющиеся основой его поступков.*

Важнейшей составляющей мировоззрения является её предметная сторона — картина мира, состоящая из мировоззренческих образов. Они представляют в мировоззрении наиболее значимые для субъекта предметы и события настоящего, прошлого и предполагаемого будущего. В мифологической картине мира это антропоморфные образы значимых для мифологической культуры процессов, событий, героев (образы лесных и морских духов, богов любви, войны и т.д.). Содержание религиозной картины мира составляют образы судного дня, рая, ада, Бога, т.п. В научную картину мира входят образы значимых для науки определенного периода объектов — абсолютного пространства, атома, молекулы ДНК, «раздувающейся» Вселенной и т.д. Особый интерес для современного этапа развития культуры представляют образы научного мировоззрения, локализованные в научной картине мира. Последняя и составляет предметную сторону научного мировоззрения.

Поскольку и в науке, и в философии существуют сторонники скептического отношения к образным формам выражения знания, сделаем одно, важное с точки зрения рассматриваемой темы, замечание. Противники наглядности в науке оперируют, главным образом, тезисом о неадекватности образа объекту. Но является ли это основанием для утверждения, что наука развивается путем освобождения от образных форм репрезентации? На самом деле, наивно полагать, что образ электрона является копией реально существующего электрона. Даже образ наблюдаемого нами здесь и сейчас звёздного неба не является копией этого звёздного неба, ибо в реальном мире нет ни света, ни цвета, а есть электромагнитные волны, расположенные в частотном диапазоне от 400 до 690 терагерц. Как справедливо заметил В.Ф. Петренко, «мир наполнен красками, звуками, запахами, но все эти качества производны от органов восприятия субъекта. Физика не «знает» красного, но описывает электромагнитные волны определенной длины (частоты) которые при воздействии на сетчатку глаза человека вызывают соответствующее ощущение» [3, с. 62]. То же самое можно сказать и о звуке: звук есть психическая форма репрезентации вибраций среды, поэтому в материальном мире никаких звуков нет, а есть вибрации, находящиеся в диапазоне частот от 16 Гц до 20 кГц. Поэтому даже механическая картина мира, оперирующая знаниями об объектах наблюдаемого макромира, не состоит из образов-копий. Такое же утверждение правомерно и по отношению к образам мифологической и религиозной картин мира: ни образ бога морей Нептуна, ни образ Кришны не являются фотографиями обозначаемых ими мифических или религиозных персонажей. Как писал Гуссерль, «в себе сущий

предмет никогда не бывает таким, чтобы сознание и «я» сознания не имели касательства к нему» [4, с. 5]. Даже если исходить из заложенной Кантом конструктивистской традиции объяснения природы репрезентантов, то и в этом случае утверждение о ненадобности образной формы выражения знания не является в должной мере обоснованным.

Вопрос о том, зачем на уровне научного мировоззрения оперировать образными представлениями, в конечном счете, приводит к вопросу, зачем вообще нужны образы? Может ли психика человека обойтись без образных представлений? Думается, нет. Для того, чтобы успешно существовать среди окружающих вещей и явлений, они должны быть как-то «представлены» человеку. М. Хайдеггер писал, что в мировоззрении «природа и история становятся предметом объясняющего представления»..., когда опредмечивание сущего происходит в представлении», т.е. с появлением картины мира [4, с. 48, 51]. Так уж человек устроен, что «обладает внутренней психологической потребностью в том, чтобы наглядная картина объекта витала перед анализирующей и синтезирующей деятельностью его разума» [5, с. 180]. Эйнштейн, с почтением относившийся к математическим методам получения знания, писал о человеческой потребности в онтологизации так: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира<...>. Этим занимается художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и её оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность» [6, с. 9]. Такого же мнения придерживался и основоположник квантовой механики М. Планк: «Когда великие творцы естествознания проводили свои идеи в науку, <...> опорой всей их деятельности была незыблемая уверенность в реальности их картины мира» [7, с. 49].

Итак, человек каким-то образом должен представлять себе, что такое мир, в который он погружен. Но он не может знать и одинаково ценить все окружающие его предметы и их свойства. Поэтому картина мира строится из образов значимых для него и его сообщества предметов. В философии ими занимается онтология, поэтому научную картину мира ряд авторов называют научной онтологией, а частнонаучные картины мира — дисциплинарными онтологиями [8; 9]. В таком случае понятия «мировоззренческий образ» и «образ картины мира» являются синонимами, обладают одинаковым содержанием.

Рассмотрим особенности и познавательные возможности образов научной картины мира, которая изучена лучше, чем другие картины мира.

Как уже отмечалось выше, образы научной картины мира являются не копиями объектов, а созданными человеком конструктами, репрезентирующими эти объекты. Основание этих образов составляют теоретические модели. Онтологизация теоретической модели происходит в сфере обыденного сознания, «бытийном слое со-

знания» (В.П. Зинченко). Механизм трансформации теоретической модели в образ научной картины мира описан в статье Р.Ю. Рахматуллина и Л.М. Габбасовой, которые пишут, что онтологизация теоретической модели происходит при её «проецировании на бытийный, обыденно-практический слой сознания. Только там она обретает «картинность», облачаясь в одежду какой-либо операции или образа. Именно на этом уровне сознания теоретическая модель трансформируется в тот или иной образ, соответствующий времени, месту, условиям, и начинает переживаться как фрагмент бытия» [10, с. 180]. Мимикрируя под обычный чувственный образ, онтологизированная теоретическая модель обретает важную черту этого образа — интенциональность. Именно благодаря этому свойству она начинает переживаться человеком в качестве реально существующего объекта внепсихической реальности. Поэтому образ научной картины мира является особым видом репрезентанта, представляющим научную теорию в чувственно воспринимаемой форме.

Вторым важным свойством мировоззренческих образов науки является их способность к синтезу знаний, обладающих разными модальностями. Известно, что обобщение, как логическая операция, возможна лишь с понятиями, принадлежащими к одному классу. Например, понятие «тоталитарное государство» при обобщении приводит к понятию «государство», но его обобщением не может быть понятие «репрессия». А в мировоззренческом образе могут быть синтезированы в одно целое и форма, и цвет, и переживание, т.е. то, что логически несоединимо. Как писали Н.Ю. Вергилес и В.П. Зинченко, «образ должен быть инвариантным относительно многочисленных трансформаций стимула» [11, с. 65]. А мировоззренческий образ должен быть еще более инвариантным, чем обычный.

Для чего же нужна онтологизация в области мировоззренческого знания? Дело в том, что научное знание создается для его применения. Но для этого его нужно перевести на язык той сферы, где она будет применяться. Математический формализм не может летать в виде ракеты, а формула химической реакции ионного обмена не создает щелочь из кислоты. Для их применения на практике нужен перевод этих вербально-знаковых конструкций на «язык вещей» — онтологизированные образы общенаучной или частнонаучной картины мира. Р. Фейнман, обращаясь к своим ученикам, говорил: «В физике вы должны понимать связь слов с реальным миром. Получив какие-то выводы, вы должны перевести их на родной язык и на язык природы — в кубики и стеклянные шарики, с которыми вы будете экспериментировать» [12, с. 56]. По этой причине на уровне мировоззрения человек не оперирует математическими формулами или сложными знаковыми конструкциями теоретической физики или молекулярной биологии. Мировоззрение строится на удобном и легкодоступном для большинства людей языке. А таким языком является универсальный язык образов, не требующий перевода на другие языки. Решая проблему понимания на-

учного и философского знания, Айер пришел к выводу о необходимости общих для всех людей («нейтральных», по его выражению) феноменов, которыми, как он считает, и являются образы [13]. Мы полагаем, что научные знания о новых объектах или их новых интерпретациях могут быть приняты субъектом познания за истинные лишь в том случае, если они согласуются с его картиной мира. История науки изобилует примерами, когда новое знание не вписывалось в существующее мировоззрение и не находило понимания среди носителей этого мировоззрения. В эпоху Возрождения сожгли Д. Бруно за неоплатонизм

и гелиоцентрические представления, которые не вписывались в господствующую христианскую картину мира. Выдающийся русский математик М.В. Остроградский иронизировал над новыми геометрическими представлениями Н.И. Лобачевского, а в советской школе биологии 1930–50 гг. осуждалась хромосомная теория наследственности.

Есть основания полагать, что мировоззренческие образы служат определенной матрицей, сформировавшейся в результате жизненного опыта, и координирующей познавательную деятельность человека.

Литература:

1. Рахматуллин Р.Ю., Сафронова Л.В., Рахматуллин Т.Р. Образ как гносеологическая категория: трудности определения // Вестник ВЭГУ. 2008. № 3.
2. Абрарова З.Ф. Визуализированный образ в научном познании: Автореферат дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Башкирский гос. ун-т. Уфа, 2010.
3. Петренко В.Ф. Вернем психологии сознание // Вестник МГУ. Серия «Психология». 2010. № 3. С. 121–141.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1994.
5. Славин А.В. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971.
6. Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965.
7. Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966.
8. Костюк В.Н. Онтология изменяющегося научного знания // Философские науки. 1982. № 1.
9. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.
10. Рахматуллин Р.Ю., Габбасова Л.М. Роль обыденного сознания в онтологизации теоретической модели // Вестник ВЭГУ. 2005. № 1.
11. Вергилес Н.Ю., Зинченко В.П. Проблема адекватности образа // Вопросы философии. 1967. № 4.
12. Фейнман Р. Характер физических законов. М., 1968.
13. Ayer A. The Problem of Knowledge. L., 1956.

Противоречивая сущность самоактуализации

Челомбикская Марина Петровна, кандидат философских наук, доцент;
Лавинский Николай Глебович, кандидат фармацевтических наук, доцент
Северокавказский филиал МАДИ (ГТУ) в г. Лермонтове

Идея самоактуализации человека имеет давнюю историю. Она восходит к учениям Сократа, Платона, Аристотеля и др., которые призывали своих современников к поискам истины, развитию мышления, стремлению к духовному совершенству. Уже в античной философии присутствует ясное представление о том, что самоосуществление человека немислимо без работы разума, как специфически человеческого начала. Знаменитое изречение «познай самого себя» переосмысливается Сократом не только как способность разума (интеллекта), но и как императив, повелевающий стать самим собой. Сократ первый создал школу интеллектуального самосовершенствования. Его метод — знание о незнании, стремление к истине. Знание о незнании формирует у пытливого человека потребность в новом знании, побуждает к интеллектуальной активности, наполняет пози-

тивным содержанием его духовную жизнь. Платон ставил перед человеком такие задачи, как умение задавать вопросы, стремление к пониманию сути интеллектуальной проблемы, умению проводить собеседника через все ее глубины [1]. Древнегреческие мыслители понимали самоактуализацию человека через самоопределение, самоосуществление, самопознание.

Следующий круг вопросов, связанных с самоактуализацией человека, далее освещаемых западноевропейской философией — это не только интеллектуальные способности человека, границы его разума и рассудка, но и нравственная шкала самореализации. Согласно Канту, человек по принципу и образу мыслей есть субъект, восприимчивый к добру только в постоянной деятельности и созидании. Конечной целью моральной деятельности человека является достижение высшего блага. Поступать

нужно так, чтобы всегда относиться к человечеству как к цели и никогда как к средству. Способом существования нравственного потенциала человека является его постоянная реализация [2].

С XVIII века утверждается Просвещение как философское воззрение, менталитет и культура, которые отстаивали убеждение в стремлении человеческого рода к совершенствованию, успешному применению разума для преодоления всех форм несвободы. Д. Дидро, Вольтер, Ш.Л. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, Д. Локк и др. были уверены в прогрессе самоактуализации человека и возлагали большие надежды на воспитание личности, наделенной от природы светом разума и готовой признать природное равенство людей. Но уже параллельно этим убеждениям возникло сомнение и разочарование в разуме человека, в его познавательных возможностях и желании нравственно совершенствоваться. Так, самоосуществление у А. Шопенгауэра, Ф. Ницше выглядит пессимистично. С точки зрения А. Шопенгауэра, наши желания и стремления бесконечны, ненасытны, наполнены разладом и конфликтом, доставляют человеку страдания, а достигнутое удовольствие — кратковременно. И хотя каждый волевой акт имеет конкретную цель, что отмечает Шопенгауэр, в целом, по его мнению, жизнь человека не имеет смысла [3]. Как преодолеть бессмысленность стремлений? Может, эту задачу реализует «сверхчеловек», о котором мечтал Ницше? Однако его романтическая идея о человеке будущего, отказавшегося от традиционных ценностей прошлого, является утопией и оставляет без ответа вопрос о том, что может придать смысл человеческому волевому хотению [4].

Принципиальное значение для открытия новых путей анализа самоактуализации человека имело артикулирование философией социальных условий, выраженность человека вовне. С момента рождения до смерти человек нуждается в других людях, чтобы с их помощью познать себя, стать в их глазах значительнее. Образ «Я» формируется во взаимодействии с другими. Образ «Другого» всегда присутствует в нашем сознании. Этот ракурс проблемы изучался многими философами и получил различное выражение. Особое место принадлежит К. Марксу, показавшему культурную и социальную оформленность человека, зависящую от контекста эпохи. Марксизм выделил такую фундаментальную основу человеческой самореализации, как ее зависимость от совокупности всех общественных отношений, от трудовой деятельности. Человек должен трудиться, чтобы реализовать себя [5].

В отличие от западных, русские философы видят смысл бытия в служении другому. Единичный человек, согласно русским мыслителям, не может реализовать себя в бытии иначе, как сообща, со всем миром. В процессе самоактуализации вплотную смыкаются две линии человеческого бытия — самопознание и самосовершенствование. Философия В.С. Соловьева предполагает не только самосовершенствование человека, но и преобразование человеком внешнего мира [6]. Каждый отдельный человек

(как и все человечество в целом) живет в поисках таких способов реализации данных ему природой способностей и возможностей, которые обеспечивали бы наилучшее, благополучное обустройство его социального бытия. Познать себя насколько это возможно — значит приобрести основу для самоактуализации как способности наиболее полно использовать свои таланты и возможности. Самопознание не предполагает уход человека в себя. Скорее всего, это так называемый демократический индивидуализм, который предполагает выход за пределы внутреннего мира личности, ее деятельностные усилия по совершенствованию своего внутреннего духовного мира с направленностью, переносом на внешний мир.

С.Л. Франк в своих трудах призывает человека не отчаиваться в поисках смысла жизни, несмотря на осознание ее бессмысленности, краткотечности и иллюзорной прочности нашего бытия. Он последовательно доказывает, что поиски смысла жизни есть ничто иное, как поиски Бога и истинное служение ему, а истинное служение — это направление своей внешней деятельности на ближайшие, неотложные нужды сегодняшнего дня, на живые конкретные потребности окружающих людей [7].

В отечественной философии процесс самоактуализации подразумевает реализацию человеком своих способностей, что одновременно является и целью, к которой движется человек, и процессом данного движения. Стремление к самоактуализации — это высший уровень мотивации личности, естественный, закономерный и необходимый процесс жизни. Понятие «самоактуализация» в узком смысле означает практические аспекты сознательной целенаправленной деятельности человека в мире действительности, практическое осуществление своих жизненных планов. Родственное понятие «самоактуализации» — «самореализация» означает формирование человеком концепции своего будущего, подготовку им жизненных планов, разработку стратегии и тактики их осуществления. Понятие «самореализация» подразумевает мыслительный, когнитивный аспект, теоретическую деятельность, работу во внутреннем плане. Самореализация проявляется в построении, корректировке, перестройке «концепции Я», картины мира и жизненного плана, осознании результатов предшествующей деятельности. Самоактуализация и самореализация оказываются, таким образом, двумя неразрывными сторонами единого процесса, процесса развития и роста, результатом которого является человек, максимально раскрывший и использующий свой человеческий потенциал с пользой для себя и на благо общества, т.е., самоактуализировавшаяся личность.

Важно отметить, что одним из источников социально-философской интерпретации темы выступает психология. Психологические исследования самоактуализации можно найти в работах А. Адлера, К.Г. Юнга, С.Л. Рубинштейна. Впервые идея самоактуализации получила концептуальное оформление в трудах немецкого нейрофизиолога Курта Гольдштейна. Самоактуализация, по

Гольдштейну, это основной и, по существу, единственный мотив в человеческой жизни. Это действия, направленные на удовлетворение потребностей, где любая потребность — состояние дефицита, мотивирующее человека на его восполнение. Это пространство, которое необходимо заполнить. Удовлетворение любой отдельной потребности выходит на сцену тогда, когда это является предпосылкой для самореализации всего организма. Самоактуализация — творческая тенденция человеческой природы, основа развития и совершенствования организма» [8].

Много общего с идеями Гольдштейна содержится в концепции «стремления к актуализации» Карла Роджерса. Под стремлением к актуализации К. Роджерс понимает свойственную всем живым организмам направленность — стремление к росту, развитию, созреванию, тенденцию проявлять и активизировать все способности организма в той мере, в какой эта активизация способствует развитию организма или личности [9].

По определению А. Маслоу, самоактуализация — это умение человека стать тем, кем он способен стать, т.е. он обязан выполнить свою миссию — реализовать то, что в нем заложено, в соответствии с собственными высшими потребностями: Истиной, Красотой, Совершенством и т.д. Потребность в самоактуализации является вершиной в ряду потребностей человека, она не может возникнуть и быть реализованной, если не реализованы потребности низшего порядка [10]. Таким образом, на базе потребности в самоактуализации рождаются мотивы, направляющие человека к реализации высших смыслов своего существования. При этом отмечается, что при доминировании у человека низших потребностей не происходит самоактуализации. Для самоактуализации необходима целевая мотивация, настойчивость, соответствующий уровень интеллекта и жизненный опыт, а также наличие социального заказа и востребованность со стороны социума.

В преодолении собственной неполноценности, в побуждении улучшить себя, развить свои способности видит назначение человека А. Адлер. Достижение своих целей в работе, дружбе и любви позволяет человеку прожить жизнь во всей ее полноте. Обосновав концепцию уникального для человека «жизненного стиля» и «жизненного плана», Адлер во многом превосходил идеи гуманистической психологии о самореализации личности [11]. Для К. Юнга самореализация, которую он включал в процесс индивидуализации, выступает как стремление человека стать собой, стать единым, однородным существом. Это одна из главных жизненных задач человека. Чувство ширящегося смысла существования выводит человека за пределы потребления [12].

Особой позиции в понимании самоактуализации придерживается В. Франкл, согласно которому смыслы жизни не даны человеку изначально, их необходимо специально отыскивать [13]. По его мнению, существуют три наиболее общих пути поиска смысла: то, что мы делаем в жизни (творчество, созидание); то, что мы берем от мира

(переживания); позиция, которую мы занимаем по отношению к судьбе, которую не в силах изменить. На базе потребности в самоактуализации рождаются мотивы в поисках смысла собственной жизни в целом. Эти мотивы и определяют специфическую форму саморазвития, названную самоактуализацией. Цель самоактуализации состоит в том, чтобы достичь полноты ощущения жизни. Если ему удастся прожить ее во всей полноте, т.е. самоактуализироваться и самореализоваться, то он испытывает высшую удовлетворенность собой и своей жизнью, способен до самого конца проявлять активность, радоваться успехам и тому, что именно ему удалось что-то сделать.

Исследовательское поле самоактуализации по мере развития общества и человека все в большей степени прорастает связями с социальными условиями. Экзистенциалисты наиболее ярко показали значимость проблемы свободы и ответственности в реализации индивидуальности человека. Ж.П. Сартр утверждает, что индивидуальность человека связана с выбором, за который он несет ответственность перед собой и перед другими. Сартр убежден, что живущий всегда выбирает благо, а не зло, потому что ничто не может быть благом для нас, не являясь благом для всех [14]. Но проблема выбора осложняется тем, как показывает А. Камю, что человек не знает ничего иного, кроме своего удела [15]. За его пределами остается вопрос о том, есть ли у этого мира превосходящий человека смысл?

Самоактуализация, в понятии Н.А. Кебиной, — это акт движения к смыслу человеческой жизни. Она раскрывает диалектику человеческого бытия, являясь способом осуществления смысла жизни, обрекая личность на вечный путь сотворения собственной жизни, где нет устоявшихся формул и готовых рецептов. Самоактуализация также является потребностью, формой и результатом активности развитой личности, достигающей собственного предназначения [16]. Можно выделить ряд противоречий самоактуализации: 1) с одной стороны, самоактуализация это естественно-биологическая всеобщая потребность, с другой стороны, она элитна, избирательна, исключительна, достижима незначительной частью людей; 2) самоактуализация детерминирована индивидуально (изнутри), одновременно она социально обусловлена; 3) самоактуализирующаяся личность может быть как незаметной, так и известной, публичной личностью; 4) самоактуализация нацеливает человека принимать мир таким, каков он есть, вместе с тем заставляя его поступать вопреки обществу, изменять и совершенствовать его; 5) движение к самореализации сопряжено со страданием, болью, неудовлетворенностью собой, но также приносит личности подлинное удовлетворение и счастье, наполняет жизнь смыслом.

Э. Фромм внес значительный вклад в изучение роли социально-культурных факторов в процессе самореализации человека. В своих работах он раскрывает новые грани взаимодействия личности и социокультурной среды, выявляет причины и сущность таких деструкций личности

как садомазохизм, нарциссизм и др., и выдвигает положение о социокультурном типе самореализации. Главное внимание философ уделяет неплодотворной ориентации человека, к которым относит потребительскую (рецептивную), эксплуататорскую и рыночную. Важно отметить, что именно последний тип самореализации, возникающий в современном рыночном обществе, Фромм считает самым губительным, поскольку он уничтожает индивидуальность человека и заставляет его формировать те качества, которые, как говорит мыслитель, требует «личный рынок». Чтобы быть востребованным и пользоваться успехом в рыночной конкуренции с ее постоянно меняющимися условиями, человек должен «черпать чувство идентичности не в самом себе и в своих силах, а в мнении других о себе» [17]. Тип личности должен удовлетворять одному условию — пользоваться спросом и поэтому так важна «упаковка» человека, его бодрость, крепость, энергичность, честолюбие, семейное положение, принадлежность к клубу и знакомство с нужными людьми. Фромм подверг критике одно из основополагающих требований современного рыночного («постиндустриального», «массового», «сетевого» и т.п.) общества к человеку, а именно — быть конкурентоспособным. Но эта конкурентоспособность элиминирует индивидуальность. Таков один из векторов размышлений о судьбах самореализации в современном обществе.

Понятие «самоактуализация» в философии рассматривается как стремление личности к самоосуществлению, к реализации того, что содержится в качестве нравственных, интеллектуальных, творческих потенций. Качественным измерением самоактуализации является удовлетворенность жизнью, отражающая позитивный смысл достижения значимых для личности ценностей и целей. Результаты самоактуализации позволяют человеку подняться над случайностью и пассивностью собственного существования и тем самым достичь позитивной свободы и собственной значимости.

Кризис, охвативший в XX веке все области жизни, проявил себя в пересмотре рациональных основ познания и в разработке концептов, относящихся к различным сторонам постиндустриального общества. Относительно высокие уровни жизни и формы жизнедеятельности, в которых легализовались образы жизни, верований, демократические свободы, сопровождалась вторжением во все сферы и в том числе в сознании индивида упрощенных, стандартизированных представлений, норм ценностей. В качестве базового элемента, обуславливающего вектор самоактуализации человека, выдвигают информационные технологии, индустрии знаний и, как следствие, — новую профессиональную дифференциацию. Именно эти факторы становятся определяющими в габитусе самоактуализации.

Несомненно, в последнее десятилетие условия для самореализации личности изменились. Переориентация общества на информацию и знание как стратегические

ресурсы развития, виртуализация и глобализация общественной жизни, привели к радикальным переменам как в отдельных сферах общества: политической, экономической, производственной, социально-личностной и др., так и в общественной организации в целом. Неограниченность в информационных ресурсах, а их избыточность выступает сегодня одной из причин зыбкости процесса личностной самоактуализации. Многие исследователи утверждают амбивалентность виртуальности. Она может способствовать расширению опыта, компенсировать монотонность повседневности, а может стать драмой индивида, не умеющего жить в реальном мире. «В современном дифференцированном обществе, где идеи коллективизма уступают место идеям индивидуальной самореализации, выбор индивида становится еще более трудным. Если так легко репрезентировать себя как угодно, отождествить свое «эго» с кем угодно, легко и просто перемещаться в пространстве наподобие знака, то вопрос о том, «кто я есть», становится лишним, особенно у пограничной черты, перейдя которую можно попасть в псевдореальность».

Сегодня все вращается вокруг собственного «я», собственной жизни, сокращаются сферы, где собственную жизнь определяют коллективные действия, и растет принужденность строить собственную биографию самостоятельно. Человек остался наедине с комплексом жизненных проблем, ему негде и не у кого искать спасения, кроме как в своих личных силах и способностях. Это делает актуальным обращение к теме самоактуализации, как концепции развития человека и общества, основывающейся на идее опоры на саморазвитие, предполагающей максимально эффективное использование человеком всей совокупности своих сил, способностей, навыков и возможностей. Самоактуализация рассматривается сегодня как процесс непрерывный, предполагающий осознание личностью перспективы собственного и общественного развития, умение видеть альтернативы, осознание ответственности за свой выбор, овладение индивидуальным стилем деятельности.

Самоактуализация современного человека чаще всего носит инструментальный, прагматический характер. Общество, где новая информация, знания имеют свой срок и заказчика, выдвигает требования к человеку, стремящемуся осуществить свои претензии и намерения. В системе современных ценностных ориентаций важную роль играют такие понятия, как «успешность», «конкурентоспособность», «высокий уровень материальной обеспеченности», «востребованность», «высокооплачиваемая работа» и т.д. Процесс самоактуализации усложняется тем, что его вектор направлен на выявление, развитие и совершенствование лишь тех способностей, возможностей и потенций человека, на которые есть запрос общества. Чтобы преуспеть в сегодняшнем обществе и быть конкурентоспособным, человеку необходимо постоянно заниматься вопросами саморазвития и самоактуализации.

Литература:

1. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. /Пер. с древнегреч. Под общ. Ред. А.Ф. Лосева. — М.: Мысль, 1990, Т. 2. — 526 с.
2. Кант И. Соч. в 6-ти Т.4. Под общ. Ред. В.Ф. Асмуса. — М.: Мысль, 1996. — 564 с.
3. Шопенгауэр А. Избранные произведения. /Сост. и примеч. И.С. Нарский. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 206 с.
4. Ницше Ф. Избранные произведения. / Перевод. Сост. и авт. вступ. ст. Свасьян К.А. — М.: Просвещение, 1993. — 571 с.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. //Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М.: Госполитиздат, 1956. — 720 с.
6. Соловьев В.С. Первое начало теоретической философии \\ Сочинения в 2 т.Т.1. — М.: Мысль, 1988 (философское наследие). — С. 758—797.
7. Франк С.Л. Реальность и человек. — М.: Республика, 1997. — 479 с.
8. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. — М.: Прогресс-Универс, 1994. — 480 с.
9. Goldstein K. and Scheerer A. Abstract and Concrete Behavior: an Experimental Study. — «Psychological Monographs» — N.Y., 1941. — 369 p.
10. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. / пер. с англ. Г.А. Балл, А.П. Погребский. — М.: Смысл, 1999. — 424 с.
11. Адлер А. Понять природу человека. /Пер. с нем. Цветина Е.А. — СПб.: Гуманит. Агентство, 2000. — 254 с.
12. Юнг К.Г. Исследование феноменологии самости: Пер. с англ. — М.: 1997. — 330 с.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
14. Сартр Ж.П. Экзистенциализм — это гуманизм. /Сумерки богов, М.: Политиздат, 1989. — 359 с.
15. Камю А. Бунтующий человек. — М.: Изд-во политической литературы, 1990. — 415 с.
16. Кебина Н.А. Философия смысла и самореализация личности. /Под науч. ред. А.Э. Воскобойникова. М.: Изд-во Московского гуманитарного унив-та, 2003. — 244 с.
17. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. /Пер. с нем. Э.М. Телятникова. — М.: АСТ-ЛТД, 1998. — 670 с.

ФИЛОЛОГИЯ

Краткая характеристика литературы периода Золотой Орды

Абдулхаков Рамис Рафилевич, кандидат филологических наук
Российский исламский институт

В научно-исследовательской и педагогической деятельности профессора Г.А. Федорова-Давыдова тематика Золотой Орды занимает центральное место. Некоторые современные татарские ученые, как, например Альберт Бурханов, называют его «патриархом золотоордынской археологии», считают этого уважаемого профессора своим учителем и наставником. Благодаря многолетней и плодотворной деятельности Г.А. Федорова-Давыдова, а также его последователей и учеников стало возможным объективное освещение истории и цивилизации Золотой Орды, сыгравшей огромную роль в судьбе народов Евразии, в первую очередь в жизни татарского народа, в его этнической истории, в становлении государственности и культуре. Принято считать, что труды профессора Г.А. Федорова-Давыдова служат надежным подспорьем, важным источником для всех, кто занимается изучением Золотой Орды, способствующих более объективному и глубокому пониманию не только литературы, но и всей духовной жизни этого периода [3, с. 51].

В первой четверти XII века Средняя Азия была захвачена монголами. Вместе с монголами в Среднюю Азию прибыли новые потоки тюркских кочевых племен. Огромная территория, в том числе Средняя Азия и кыпчакские степи оказались завоеванными.

После распада державы Чингиз хана на территории от Каспия до Алтая образовался улус Чагатай. Другая часть тюркских племен образовала улус Джучи — Золотую Орду. Северный Хорезм в этот период входил в состав государства Золотой Орды. Монгольское нашествие нанесло серьезный удар по развитию литературы Средней Азии. В этот нелегкий период центр литературной деятельности на тюркских языках на время перемещается из Средней Азии в Золотую Орду, Сирию и Египет. Но в основном в Египет — страну арабов, где в это время во главе государственной власти находились мамлюки — кыпчакские рабы, захватившие власть в свои руки и правившие страной около 250 лет [4, с. 12–13].

В XIV веке в Египте и на территории Золотой Орды создаются оригинальные произведения светского содержания. В этот непростой период переводятся различные

труды с арабского и персидского языков. Стоит лишь отметить, что в низовьях Сыр-Дарьи поэт Хорезми создает уникальное произведение под названием «Мухаббетнаме», в низовьях Волги и в Хорезме на огузско-кыпчакском письменном языке создается «Нахдж ал-Фарадис», а с персидского языка поэтом Кутбом переводится эпос «Хосрау и Ширин» Низами. Арабские ученые того времени внимательно изучали языки тюркских народов и племен, и на основе исследований тюркоязычного населения Египта и Золотой Орды создавали соответствующие грамматики и словари [4, с. 14–15].

Исследователи отмечают, что в Золотой Орде была очень развитая инфраструктура городской жизни. Сарай был одним из богатейших и культурных городов мира. Есть основание полагать, что Сарай был центром культуры, средоточием науки и просвещения, где существовал свой университет. Золотоордынские правители тратили немало усилий на развитие образования, ремесел и торговли. Например, в периоды правления Берке хана, в пределах своего государства он построил мечети и школы, болгары-мусульмане часто осуществляли хадж-паломничество в священные города Мекку и Медину.

Во времена правления Узбек хана Ислам становится государственной религией. Золотая Орда достигает своего наибольшего расцвета и могущества. В Сарае жили и занимались творчеством, научными исследованиями такие выдающиеся ученые и поэты мусульманского Востока, как Кутбутдин ар-Рахибаш, Согутдин Тафтазани, Хафиз ибн Базади, Камалетдин Куджанди и многие другие. В Дешти-Кыпчаке выросли свои ученые и писатели, благодаря деятельности которых письменная культура Золотой Орды стала известной во многих мусульманских странах. Примечательно, что многие мастера художественного слова, научных направлений называли себя псевдонимами Сарай или Булгари [2, с. 57].

Письменные памятники художественной литературы эпохи Золотой Орды обильно насыщены элементами народной речи, острыми и меткими выражениями, пословицами и поговорками, конструкциями разговорного языка бытующими и в современном татарском языке [1, с. 20].

Дошедшие до нас письменные памятники представлены в виде сочинений различного характера и назначения. Так, среди них имеются словари, официальные документы, надгробные надписи (эпитафии), научные трактаты, книги религиозно-дидактического характера, путевые записи и т.д. Большинство сочинений было написано на тюрко-татарском языке.

По мнению профессора Э.Н. Наджиба, в XIV веке на территории Золотой Орды, в Средней Азии и в Египте сложились своеобразные смешанные письменные языки, которые оказали свое влияние и на развитие литературы. Среди этих письменных языков принято выделять следующее:

1) **старотуркменский** письменный язык, сложившийся еще в XIII веке, в Египте при мамлюкских правителях достигает своего значительного развития;

2) **огузско-кыпчакский** письменный язык отражает особенности языка как огузских племен, прибывших в Египет при сельджукидах, особенно при айюбидах, так и кыпчакских племен, прибывших сюда вместе с огузскими племенами;

3) **кыпчакско-огузский** письменный язык, сложился в XII веке в низовьях Сыр-Дарьи, развивается и распространяется вплоть до территории мамлюкского Египта;

4) в низовьях Волги и северного Хорезма сложился своеобразный письменный язык 3 группы тюркских языков на основе языка **огузско-туркменских** племен, который испытал определенное влияние языка кыпчакских племен и в периоды правления династии караханидов не остался в стороне от влияния уйгурской литературной традиции [4, с. 16–17].

Примечательно, что литература периода Золотой Орды продолжила лучшие традиции древнетюркского и болгарского словесного искусства. Здесь всегда почитались и высоко ценились произведения Юсуфа Баласагуни, Ахмеда Ясави, Сулеймана Бакырганый, Кул Гали и других авторов предшествующей поэзии тюркских народов. С другой стороны, тюрко-татарская литература периода Золотой Орды развивалась в тесной взаимосвязи с письменной культурой мусульманского Востока. Произведения таких авторов как: Фирдоуси, Газзали, Низами, Руми, Саади читались на языке оригинала, а также в различных комментариях и переводах. Тем не менее, когда заходит речь о литературе Средневековья, необходимо учесть тот факт, что между произведениями словесного искусства и другими видами письменных литературных памятников нет резких границ, то есть они смешивались. Например, сочинение Махмуда Булгари «Нахдж ал-Фарадис» (1358) одновременно выполняют религиозно-этические, познавательные и эстетические функции восприятия действительности [3, с. 52–53].

Махмуд Булгари, опираясь на литературные традиции своего времени, создал книгу компилятивного характера, во введении, автор при написании своего труда использовал надежные источники, всего их 21. Среди них встречаются труды известных богословов мусульманского

мира — имама ал-Бахави (ум. 1112 г.), имама Газали (1058–1111 гг.) и т.д. Тем более в письменном памятнике «Нахдж ал-Фарадис» встречается труд и знаменитого мухаддиса Мухаммеда аль-Бухари (810–870 гг.) под названием ал-Джамигъ ас-Сахих» («Сборник достоверных преданий»)[5, с. 33].

Несомненно, ал-Джамигъ «ас-Сахих» («Сборник достоверных преданий») является одним из шести общепризнанных мусульманами авторитетных сводов. Ведь имам аль-Бухари еще в юном возрасте обнаружил в себе огромный интерес и потенциал к исследованиям различных исламских наук. В поисках хадисов он путешествовал по многим городам Ближнего и Среднего Востока, где по его собственным словам, повстречал более тысячи мухаддисов. После возвращения на родину имам Бухари продолжил свою исследовательскую работу, всего же на составление им «Сахиха» ушло порядка шестнадцати лет. По сообщениям современников, имам Бухари проверил шестьсот тысяч хадисов, которые были на ходу в те времена, не считая двухсот тысяч, записанных им собственноручно у своих учителей и информаторов. Из всего этого громадного количества материала, он отобрал для своего знаменитого сборника всего лишь около семи тысяч трёхсот хадисов, а с учётом того, что многие из них повторяются с небольшими изменениями как варианты, на самом деле их количество меньше. Это лишнее раз свидетельствует, как имам Бухари серьезно относился к выполнению поставленной им перед самим собой задачи и сколь высоки были критерии отбора и проверки сведений [6, с. 5].

Исходя из перечисленного факта, можно сказать, что главной идеей сочинения Махмуда Булгари — это изложение правил поведения мусульманина, основная часть которого состоит из четырех глав. Каждая глава разделена на десять разделов. Первая глава посвящена житию пророка Мухаммеда (мир ему и благоденствие Аллаха). В разделах освещается следующее: о высоких моральных качествах пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), о ниспослании пророку откровений, о первых сподвижниках пророка и об их подвигах, о переселении (хиджра) пророка из Мекки в Медину, о вознесении пророка в ночь Мигъраж, помощь ангелов пророку в битвах, о смерти пророка. Во второй главе даются биографические и исторические данные о четырех праведных халифах: Абу Бакре, Омаре, Османе и Али, да будет над ними мир, повествуется о близких людях пророка: дочь Фатима, внуки Хасан и Хусейн, а также упоминается четыре имама: имам Абу-Ханифа, имам Шафиги, имам Малик и имам Ахмед ибн Ханбал. Третья глава книги посвящена таким богоугодным делам, как выполнение намаза, выплата закята, исполнение постов (ураза), совершение паломничества (хадж), о послушании и повиновении родителям, о принятии дозволенной пищи (халал), о добрых делах, о терпении в невзгодах и несчастьях. Четвертая глава посвящена действиям, которые отдаляют человека от Аллаха: пролитие невинной крови, прелюбодеяние, о вреде хмельного, надменность и вы-

сокомерие, ложь и клевета, излишняя привязанность к земной жизни и богатству, злопамятность и т.д.

«Нахдж ал-Фарадис» стал весьма распространенным жанром религиозно-дидактического содержания того периода с высокой формой художественного воплощения как назидание морально-этических норм поведения [5, с. 35–36].

Свои уникальные произведения писатели и поэты эпохи Улуса Джучи сочиняли в таких литературных жанрах как: дастан, кыйсса, хикаят, газель, касыда, поэма, рубаи (четверостишие), ода — маджия, марсия — элигия, басня и т.д. При реализации художественного замысла такие авторы как Рабгузи, Саиф Сарай, Махмуда Булгари и т.д. свободно оперировали материалами фольклора и мифологии, религиозных и исторических книг, примерами объек-

тивной действительности, а также литературой предшествующих эпох [3, с. 52–53].

Немаловажно отметить еще одну характерную тенденцию: поэты и писатели Золотой Орды разрабатывали и активно вели различные поиски смысла человеческого бытия, например, морально-этические проблемы общества, обустройство общества, поиск смысла жизни, отношение человека к Богу, любовь, взаимоотношения правителей и их подданных. Светские мотивы в литературе наиболее часто переплетаются с религиозно-суфийскими воззрениями. Нравственность, знание и разум считаются в литературе эпохи Золотой Орды основными компонентами эстетического идеала, они считали, что жить и трудиться во благо и пользу людей, и оставить после себя «доброе имя» — это смысл всей нашей жизни.

Литература:

1. История татарского литературного языка (XIII — первая четверть / XX вв.). Казань: Фикер, 2003. — 656 с.
2. Миннегулов Х.Ю. Татарская литература и восточная классика /Х.Ю. Миннегулов. — Казань: изд-во КГУ. — 1993. — 384 с.
3. Миннегулов Х.Ю. Записи разных лет (Татарская Литература:
4. история, поэтика и взаимосвязи) / Х.Ю. Миннегулов. — Казань: «Идел-Пресс», 2010. — 407 с.
5. Наджип Э.Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Э.Н. Наджип; Ин-т народов Азии АН СССР. — Москва, 1965. — 96 с.
6. Нуриева Ф.Ш. «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари /Ф.Ш. Нуриева. — Казань: 1999. — 208 с.
7. Сахих аль-Бухари. Достоверные предания из жизни Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует: Ясное изложение хадисов «Достоверного сборника»; составил имам Абуль-'Аббас Ахмад бин 'Абдуль-Латиф аз-Зубайди / Перевод с арабского, примечания и указатели: кандидат философских наук Абдулла Нирша. — 5-е изд., испр. — М.: Умма, 2008. — 960 с.

Вклад в литературоведение узбекских поэтов первой половины XV века

Боймуратова Наргиза Бозорбоевна, соискатель

Институт языка и литературы имени Алишера Навои АН Республики Узбекистан (г. Ташкент)

В статье освещена в форме краткого обзора литературная жизнь в Хорасане в I половине XV века, озаглавленная появлением целой плеяды талантливых поэтов. Особо отмечены заслуги перед узбекской литературой великого Алишера Навои, проанализировавшего в своей книге-антологии «Мажолисун-нафоис» творчество поэтов названного периода.

Ключевые слова: *литературоведение, произведение, литературное наследие, тюркская поэзия, фарси, творчество, поэтические жанры, узбекский литературный язык.*

В последние годы усилилось внимание к национальным ценностям, историческому прошлому народа, его религии и языку, наблюдается возрождение национальных традиций и обычаев. Литературоведческая наука также достигла определенных успехов в этом направлении. Активно проводятся научные исследования по изучению «вновь открытых произведений». Издаются произведения из культурного наследия, дошедших до нас в рукописях или высеченные на камнях. Произведения эти становятся доступными для народа.

Президент Республики Узбекистан неоднократно подчеркивал роль национальных традиций и ценностей для воспитания подрастающего поколения и широких слоёв населения, значение классической и современной литературы в формировании гармоничной личности.

Действительно, необходимо воспитывать современную молодёжь на лучших образцах национальной и мировой культуры.

В узбекской классической литературе поэзия первой половины XV века занимает особое место. В этот период

успешно развивается жанр газели (газель-лирическое стихотворение). Появляются такие известные поэты-лирики, как Саккокий, Лутфи, Атои, Гадои, Юсуф Амири, Якини (все в Самарканде). Их поэтические творения привлекали внимание своей простотой, народностью, изяществом и тем, что писались на тюркском языке. Этот факт можно объяснить огромным влиянием, которое оказывало высокое творчество Навои на поэтов.

Сведения о поэтах той эпохи мы получили благодаря произведениям Алишера Навои. «Мажолисун-нафоис» и «Мухокаматул Лугатайн». Изучению творчества поэтов первой половины XV века посвятили свои исследования Абдурауф Фитрат, Х. Зариф, Э. Рустамов, Ойбек, Н.Маллаев, Э.Ахмаджужаев, С.Эркинов, А.Хайитметов, С.Ганиева, Н.Давронов, И.Хаккулов, Х.Расулов, М.Жамолова, М.Абдувохидова, С.Рафиддинов, а из зарубежных исследователей можно назвать имена А.Н.Самойлович, Ф.Купрулузода, Эдгара Блоше, Яноша Экмана.

В первой половине XV века в Моварауннахре и Хорасане обострилась политическая борьба, возникли противоречия между ханствами и их правителями, общественная жизнь была нестабильной. Несмотря на это, Самарканд в Моварауннахре и Герат в Хорасане оставались основными центрами культуры, искусства, литературы и науки. То же самое можно сказать и о городах Хорезме, Бухаре, Мешхеде, Балхе, где в этот период жили и творили многие поэты, деятели искусств.

Уже в те далёкие годы отдельные образцы поэтического творчества были «изданы», (то есть получили распространение в рукописях), появились диваны (сборники стихов одного поэта). Алишер Навои дал объективную оценку состоянию и развитию тюркской поэзии. В своем произведении «Мухокаматул-лугатайн» он отмечает развитие поэзии на языке фарси и на тюркском языке, приветствует появление поэта Шохруха Султана (воспитанник сохибкирана Темура), писавшего на тюркском языке. В его антологии «Мажолисун-нафоис» упоминаются поэты Саккокий, Хайдар Хорезми, Атои, Муками, Якини, Амири и Гадои. Благодаря антологии Навои мы узнали о целой плеяде фарсиязычных и тюркоязычных поэтов, развитии поэзии в Мовароуннахре и Хорасане, выдающихся деятелях литературы и искусства.

Первая половина XV века — эпоха исторического развития новой и плодотворной культуры, искусства и литературы народов Средней Азии, а особенности узбекского народа.

В этот период были достигнуты большие успехи в науке, зодчестве, изобразительном искусстве, музыке, литературе и других сферах искусства; великие ученые, живописцы и поэты народов Средней Азии внесли огромный вклад в сокровищницу мирового искусства. Как и в предшествующие десятилетия, культура, искусство и литература развивались в условиях ожесточенной борьбы, резких противоречий, раздираемых феодальное общество. И тем не менее в середине XV века в Хорасане появилась новая узбекская литературная школа.

Но до сего времени неизвестны имена многих поэтов, живших и писавших свои произведения в то время в Мовароуннахре. Навои в своем сборнике «Мажолисун-нафоис» представил сведения в основном о поэтах Хорасана. Шах Самарканди также посвятил свой сборник поэтом прошлых веков.

В 1993 году доктор филологических наук Эргаш Умаров, будучи в служебной командировке, в США, снял фотокопию с рукописи произведения ученого-литературоведа Шайха Ахмада ибн Худойода Тарози, жившего в середине XV века и написавшего в 1436–1437 годах на узбекском языке книгу «Фунунулболага». Рукопись дала возможность изучить литературную жизнь эпохи Мовароуннахра и её особенности.

Шайх Ахмад Тарози в своей книге осветил научные вопросы, касающиеся поэтической теории и заодно привел примеры из нескольких стихотворений персидских и узбекских поэтов, имена которых были нам до сего времени неизвестны. Среди них поэты, писавшие на фарси (кроме известных нам классиков) Имом Зиёвуддин Форси, Жалол Самарканди, Мавлоно Сайфиддин, Хаёли, Умид Камоли, Хожа Хасан Мухаммад, Мухаммад Ганжави, Шайх Носир, Азми Мухаммад Гунбади, Мужириддин Бойлакони, Шайдо, Урбони, Гулшани, с творчеством которых мы встречаемся впервые, и этот фактор выдвигает новые проблемы перед изучающими историю литературы.

В названном выше произведении упомянуты и известные узбекские поэты: Лутфи, Хайдар Хорезми, Атои, Саккоки, автор «Латофатнома» Хужанди.

Сохибкиран Темур и его потомки были людьми, близкими к науке и искусству.

По сведению из книги «Мажолисун-нафоис» А.Навои, в Хорасане наиболее известными были поэты Мавлоно Лутфи, Мавлоно Атои, Мавлоно Амири, Мавлоно Якини, Мавлоно Гадои, Мавлоно Мукуми, Мавлоно Латифи, Хайдар Хорезми, Дурбек, Саид Хасан Ардашер, Ахмади, создавшие свои прекрасные стихи и поэмы на узбекском языке. Одним словом, этот период был периодом развития и расцвета тюркской, узбекской литературы. Лутфи, Атои, Гадои — величественные образцы той эпохи, на примере которых художественная литература достигла наивысшего расцвета.

В это время были созданы новые поэмы, сказания, сказки, легенды, притчи, песни, пословицы и произведения других жанров. В них нашли отражение мечты о спокойной и благополучной жизни, идеи противостояния против социальной несправедливости, борьбы с невежественными правителями, с падением нравов, разоблачения клеветников. Можно сказать, узбекская литература развивалась под влиянием литературы философского-аллегорического направления. Представители узбекской письменной литературы использовали темы, идеи и мотивы устного народного творчества, фольклорные сюжеты и образы, художественный стиль, богатство языка и поэтические формы. Поэты перенимали народный опыт и в своих произведениях оттачивали и шлифовали народные

пословицы и выражения. Тем самым великие представители письменной литературы приблизились к народному творчеству и жизни народа и содействовали развитию общества.

Это сближение особенно полно проявляется в творчестве Лутфи, Атои, Гадои и выдающегося мыслителя и деятеля Алишера Навои.

Среди великих творений того времени следует отметить также «Латофатнома» Хужанди, «Дахнома» Юсуфа Амири, «Таашукнома» Саида Ахмада, «Хакикатнома» и «Содокатнома» Саида Косими, «Гулшан-ул-асрор» Хайдара Хорезми, «Чогир ва бонг» Юсуфа Амири, «Ук ва Ёй» Якини и другие.

Можно назвать ещё целый ряд деятелей узбекской литературы, которые способствовали развитию не только литературы, но и узбекского литературного языка. В этот период наблюдалось активное развитие поэтических жанров: газели, рубаи, китъа (короткое стихотворение), касида (ода), нома (сказание), мунозара (беседа-диалог), достон (поэма).

Важное место в истории узбекской литературы занимает произведение Лутфи «Маликул-калом». Лутфи прославился как великий поэт, создавший произведения на узбекском языке и фарси. Его лирика отличается высокой художественностью и богатством языка. Жизнь Лутфи проходила в кругу учёных, поэтов, деятелей культуры того времени. Он обладал большими знаниями, острой наблюдательностью, природной одарённостью и пользовался авторитетом. Алишер Навои в своей книге особо подчеркивал, что Лутфи создал удивительные стихи на узбекском и фарси-таджикском языках и что его талант заслуживает высокого признания.

Чари, зарубежный исследователь подчеркивал, что в конце XIV и первой половины XV века чигатайская литература получила новый виток развития, на мировую арену вышли новые имена. В их числе: Саккоки, Лутфи, Атои, Юсуф Амири, Хорезми, Ахмад Мирзо, Гадои, Якини и другие. Среди них особо выделялись произведения Лутфи, Атои, Саккоки. Они задолго до Навои писали свои произведения на родном языке и тем самым внесли значительный вклад в развитие языка и литературы и поэтому являются известными личностями.

Наиболее заметной фигурой и зрелым творцом был Мавлоно Лутфи. На примере его творчества можно от-

четливо видеть все положительные черты литературы того времени. Его поэзия настолько совершенна, что его талант можно сравнить с гениальностью Навои. До сего времени слава Лутфи не померла. Сборник стихов Лутфи — это книга любви. Все его стихи, в каком бы жанре они ни были написаны, выражают страсть, рассказывают о преданности, призывают к верности.

Ещё один могучий талант XV века — Мавлоно Атои. Первым об Атои поведал Алишер Навои. В своей книге «Мажолисун-нафоис», во втором сборнике Навои писал: «Мавлоно Атои... сын Исмоила-ота. Отшельник, с благообразным поведением, был тюрко-язычным и снискал себе авторитет среди современников. Его стихи отличаются простотой» [3].

Читая стихотворения Атои, мы убеждаемся, насколько был прав Навои в своей оценке.

Среди тюркских поэтов можно отметить Гадои, создавшего произведения на узбекском языке и внесшего большой вклад в развитие узбекской культуры. Язык и стиль поэзии Гадои очень энергичный и звонкий. Он не увлекался ажурными, искусственными фразами, словами, непонятными для слушателей. В большинстве его стихов каждое слово яркое, звучное, мелодичное.

Навои сказал о стихах Гадои, что его творчество пополнило «копилку славы» своего времени. Поэзия Гадои нашла отражение в разных видах лирики. Но основную часть поэтического наследия Гадои составляют газели. В XV веке центр развития тюркской поэзии был в Самарканде и Герате. В этот период в Герате процветали талантливые поэты и музыканты Сохиб Балхи, Мавлоно Жунуни и Мавлоно Ориф. Сохиб Балхи прославился как поэт и музыкант, Мавлоно Жунуни — своими сатирическими произведениями. Автор бесед «Гуй ва чавгон» Орифи Хирот был известен среди населения как поэт, пишущий касыды (оды). Современники называли его «Салмони Соний».

В XV веке узбекская классическая литература достигла своей вершины. В этот период было создано много уникальных произведений, которые заняли достойное место среди выдающихся произведений мировой литературы.

И сегодня, произведения, написанные более полувека назад, любимы народом, газели того времени исполняются нашими хафизами (певцами) как прекрасные песни.

Литература:

1. Каримов И.А. Жамиятимиз мавкуриси халкни халк, миллатни миллат қилишга хизмат этсин. — Тошкент: Ўзбекистон, 1998.
2. Алишер Навои. Асарлари, XII том.
3. Девони Шайхзода Атои. Тошкент.Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси. Фан нашриёти. 2008.
4. Каримов И.А. Жамиятимиз мавкуриси халкни халк, миллатни миллат қилишга хизмат этсин. — Тошкент: Ўзбекистон, 1998.

К проблемам лингвокогнитивного исследования калмыцкого фольклора

Голубева Евгения Владимировна, кандидат филологических наук
Калмыцкий государственный университет (г. Элиста)

Культура каждого народа значима для всех людей и должна сохраняться вне зависимости от того, велик или мал этот народ по численности. У разных этнических групп свои системы духовно-нравственных и эстетических ценностей, но в них много общего, способствующего пониманию национального своеобразия других культур.

Основным элементом любой культуры является фольклор. Именно он способен явиться основой диалога культур, так как устное народное творчество разных народов имеет универсальные черты, что и облегчает его восприятие. В то же время оно отражает то специфическое, особенное, характерное для данного народа и его культуры, что может заинтересовать человека иной национальности, вовлечь его в межкультурное общение.

Представления человека об окружающей действительности лежат в основе мировидения. Картина мира каждого конкретного народа представляет собой совокупность представлений многих поколений людей о реальном вещном мире.

Обладая универсальными и национально-специфичными чертами, картина мира является категорией виртуальной, существующей в сознании каждого отдельного человека. Знания, отраженные в языке народа, формируют языковую картину мира.

В процессе когнитивного исследования картины мира народа определяющую роль играет анализ языка, поскольку именно единицы языка являются транслятором ментального характера и фиксатором длительного опыта многих поколений.

Любую картину мира формирует совокупность значимых концептов. В современной лингвистике существует множество трактовок термина «концепт». *Лингвокогнитивный* подход определяет его как мыслительное образование, закрепляющее и моделирующее познавательный опыт человека [8; 3]; в рамках *культурологии* концепт понимается как результат, итог культурных знаний [9; 6]. В нашем понимании концепт является сложным ментальным образованием, когнитивной структурой, представляющей целостное знание о явлениях действительности, значимых для индивида, представителя определенного этноса.

В современной когнитивной лингвистике существует два направления: «операционное», изучающее различные форматы знания — концепты, фреймы, сценарии [2; 5; 7 и др.], и «интерпретативное», которое связано с изучением содержательной специфики и области применения единиц концептуальной системы [1; 2 и др.].

Особый интерес для современной когнитивной лингвистики представляют фольклорные тексты. Используя существующие на сегодняшний день теоретические представления, фольклорный текст можно определить как культурный код нации, ценнейший источник сведений о менталитете, коллективном сознании, морали, психологии, поведении носителей того или иного языка. Эпос, сказки, пословицы, поговорки занимают особое место среди текстов, отражающих и формирующих шкалу ценностных ориентиров, структурирующих концептосферу этноса.

Исследование в области языка фольклора вносит важный вклад в понимание культуры народа, причем не только его прошлого, но и тех коренных, глубинных ценностей, которые и по сей день составляют своеобразие национального менталитета.

Исследование языка фольклора в когнитивном аспекте выявляет связь знаний, заложенных в языке, с восприятием, познанием и мышлением фольклорного субъекта, а также выявляет особенности фольклорного восприятия и структурирования мира в виде разных когнитивных моделей.

На сегодняшний день фольклорные концепты русской лингвокультуры являются достаточно изученными. Всестороннее изучение русского фольклора обусловлено активным развитием в начале XX века нового раздела науки о языке — лингвокультурологии. В рамках нового направления лингвистики вводятся в научный оборот и используются такие термины, как «концепт», «базовый концепт», «картина мира», «научная картина мира», «наивная картина мира», «образ мира», «модель мира», «концептосфера», «языковая картина мира» и т.д. Понятие «фольклорный концепт» широко используется в исследованиях, посвященных описанию фрагментов фольклорной картины мира, начиная с конца 90-х гг. XX в. [10].

С точки зрения функциональной лингвистики, фольклористики и этнографии объекты фольклорного фонда калмыцкого языка изучены в достаточной мере и в данных вопросах следует обращаться к фундаментальным работам А.Н. Веселовского, В.М. Гацака, Е.М. Мелетинского, Б.Н. Путилова, К.В. Чистова, С.Ю. Неклюдова, А.А. Бурыкина, В.Л. Кляуса, В.Н. Топорова, Г.Ц. Пюрбева, Н.Л. Жуковской, А.Ш. Кичикова, Н.Ц. Биткеева, Э.Б. Овалова, Е.Э. Хабуновой, Э.П. Бакаевой, Б.А. Бичеева, Т.С. Басанговой и других исследователей.

В то же время в калмыцком языкознании в настоящее время отсутствуют комплексные работы, посвященные

лингвокогнитивному исследованию фольклора, анализу составляющих его жанров.

В научных трудах калмыцких лингвистов фольклорный материал (пословицы и поговорки, загадки, сказки, героический эпос «Джангар») привлекается в виде репрезентаций отдельных концептов калмыцкой культуры (см. работы Т.С. Есеновой, Г.Ц. Пюрбеева, П.А. Дарваева, Ж.Н. Цереновой, О.К. Мушаевой, Е.В. Голубевой и др.). Очень подробно описаны лингвокультурные типажи некоторых калмыцких писателей, общественных и научных деятелей (Д.Н. Кугультинова, А.М. Амур-Санана, Б.Б. Сангаджиевой, Л.О. Инджиева, П.М. Эрдниева и др.), анализу подвергнуты концепты «счастье», «душа», «кочевье», «родина», «вода», «скотовод» и т.д.

В современных работах в калмыцком языкознании смешиваются подходы и методы, методические инструменты, используется разнородный иллюстративный материал, включающий полевые исследования авторов, что вполне оправдано, так как в рамках калмыцкой лингвокультуры применение научно-терминологического аппарата находится в стадии становления и освоения.

Актуальность темы исследования реализуемого проекта обусловлена необходимостью комплексного изучения особенностей фольклора калмыков с точки зрения когнитивной лингвистики. Полученные в ходе реализации проекта результаты способны дать ценные фактические сведения, так как помимо структурных различий между картиной мира, наивной картиной мира, языковой картиной мира прослеживаются явные расхождения и в фольклорной картине мира любого народа. Вероятно, это обусловлено спецификой формирования и функционирования фольклорных жанров. Живое общение между коммуникантами в процессе передачи (рассказывание сказок, легенд, исполнение героического эпоса «Джангар», встраивание в бытовой дискурс пословиц, поговорок, загадок и т.д.), наслаивание субъективной оценки говорящего (т.н. ментальная проекция), неизбежное искажение первоначального смысла или трактовки, многолетняя изустная передача материала — все эти факторы влияют на когнитивные особенности фольклорной картины мира. Ценность лингвокогнитивного изучения фольклора калмыков представляется бесспорной.

Специфика объекта исследования обуславливает применение междисциплинарного подхода, благодаря которому становится возможным обобщение данных истории, этнографии, фольклористики, ономастики, а также использование следующих методов (помимо инструментов когнитивного анализа): системно-структурного, семиотического, компаративистского и описательного.

Теоретическая значимость лингвокогнитивного исследования фольклора заключается в возможности использования его результатов для дальнейшего лингвокогнитивного анализа и структурирования картины мира калмыков, фольклорно-языковой картины мира, символики и семантики фольклорного слова. Практическая ценность подобного исследования определяется возмож-

ностью использования его материалов при проведении спецкурсов и спецсеминаров по когнитивной лингвистике, семасиологии калмыцкого языка, лингвофольклористике.

Национально-культурная специфика в экспликации базовых концептов культуры в фольклорных текстах калмыков обусловлена идеализацией картины мира. Например, в героическом эпосе «Джангар» герои не стареют после двадцати пяти лет, в стране Бумба нет холодной зимы и жаркого лета. В сказочном дискурсе образ мира прорисован чистыми красками, цветовая палитра не допускает смешанных тонов, активно используются символические концепты белого и черного, красного, желтого, синего цветов. Сюжеты калмыцких сказок сплетены из числовых образов, с одной стороны, реализующих художественную гиперболизацию сил врага или главного героя, а с другой стороны, отражающих сакральные количественные представления народа о мире (троемирие, единство четверки, значимость числа двенадцать в календарном цикле и т.д.).

Пространственные характеристики фольклорных текстов также имеют индивидуальные свойства, так как вписываются в особую ономастическую картину мира, требующую отдельного описания и анализа, картографирования и ориентации. Вымышленные географические объекты, безусловно, имеют аналоги в реальной действительности, но вместе с тем не могут существовать вне устного народного творчества.

Временные представления калмыков связаны с культом числа, обладают собственными категориями измерения и освоения, что обусловлено понятиями цикличности и бесконечности временного континуума. Для калмыков смерть — это не конец жизни, это начало или продолжение цепи перерождений, это завершение земного времени пребывания человека, переход к качественно новому состоянию души. Подобные верования берут начало в буддийских канонах, в тенгрианстве (вера в Вечное Синее небо), поэтому это не могло не найти отражения в древних фольклорных единицах.

Таким образом, в заключение данной статьи необходимо сделать однозначный вывод о том, что лингвокогнитивное исследование калмыцкого фольклора — это насущная необходимость современного языкознания, способная дать ключ к пониманию особенностей мышления, языкового сознания, ментальных поступков представителей единственной монголоязычной нации, единственного народа, исповедующего буддизм на территории Европы. Калмыки более четырехсот лет благополучно соседствуют в России со славянскими и тюркскими народами, ассимилируя и привнося элементы собственной самобытной нити в культурную ткань нашей страны. Язык калмыков находится на грани исчезновения, практически не используется в быту, не слышен на улицах и в официальных организациях, поэтому на фоне подобного утрачивания живого калмыцкого языка становится особенно актуальным изучение, категоризация и систематизация языка фольклора.

Литература:

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996.
2. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.
3. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Жизнь в мимолетных мелочах. СПб, 2006.
4. Есенова Т.С. Концепт «счастье» в калмыцкой лингвокультуре // АЛТАИКА. М., 2004.
5. Кубрякова Е.С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка: Типы категорий в язык. Вып VII. М.-Тамбов: ТГУ, 2010. С. 13–18.
6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии наук. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
7. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Мир, 1979.
8. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004.
9. Степанов Ю.С. Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанова. М., 2001. С. 5–42.
10. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. Учебное пособие. М.: Флинта. Наука, 2009. 184 с.

Коллизия греха и покаяния в рассказе А.П. Чехова «Огни»

Дунина Елена Владимировна, студент
Шадринский государственный педагогический институт

Имя А.П. Чехова известно читателям всего мира и вовсе не потому, что его рассказы забавны и коротки, а потому, что они глубоки по содержанию. Антон Павлович по праву считается мастером рассказа, новеллы-миниатюры. **«Краткость – сестра таланта» – ведь так оно и есть:** все его рассказы короткие, но в них заложен глубокий философский смысл. В своих рассказах художник передает всю жизнь человека. Маленький рассказ у него вырастает до высоты эпического повествования.

Думается, что причина популярности Чехова и в наши дни состоит в необычайной созвучности тех вопросов, которые решают его герои, нынешнему положению человека. Жизнь героев А.П. Чехова – это попытка найти себя, ответить на главный вопрос – вопрос о значимости собственной жизни, своей судьбы – для себя самого, для других, для Бога. Попытка найти свое счастье и желание быть нужным – это всего лишь часть жизненных проблем, которые пытаются решить герои произведений. Рассказы приковывают внимание, потому что напоминают читателям об их собственных проблемах (поиске себя в этом огромном мире). В том числе и о проблеме преодоления ситуации грехопадения через покаяние и последующее нахождение своего счастья.

В повести «Огни» сталкиваются две моральные позиции – человека средних лет инженера Ананьева и молодого студента фон Штенберга.

Для Штенберга (как и для Ананьева, когда ему было столько лет, сколько сейчас его молодому оппоненту) время ассоциируется с вечностью. Бесконечные огни вдоль насыпи наводят Штенберга на размышления о том, что было тысячи лет назад, об амалекитянах и филистим-

лянах, и о том, что через две тысячи лет от железнодо- рожной насыпи и от всех, кто ее строит, «не останется и пыли». С точки зрения этой концепции, сегодняшний день кажется весьма условным и относительным, любые поступки если и не оправданны, то, во всяком случае, не заслуживают строгого осуждения и внимания.

Такой взгляд на время и человеческую судьбу, как нам видится, ведет к процветанию безнравственности. Ананьев, рассуждавший подобным образом в молодости, сошелся с Кисочкой и бросил ее, а Штенбергу, который сейчас проходит тот же жизненный этап, через который прошел в свое время Ананьев, его *«высокопробные мысли»* не мешают совершать *«донжуанские набег»* в соседнюю Вуколовку.

Иного отсчета времени придерживается Ананьев сейчас. В прошлом году, говорит он, на месте стройки была *«голая степь»*, теперь строительство дороги принесло с собой *«жизнь, цивилизацию»*, а после, *«лет так через сто или двести, добрые люди настроят здесь фабрик, школ, больниц и – закипит машина!»*. Пока есть силы, до старости, утверждает Ананьев, надо совершать практические поступки и думать об их нравственности или безнравственности (*«ломать головы, избреть, возвышаться над шаблоном, жалеть рабочих, красть или не красть»*), работать для прогресса науки, искусства, не *«считать вздором, нелепостью»* творения Шекспира и Дарвина только потому, что и гении смертны, не пожимать плечами в ответ на проклятые вопросы – и т.д. и т.д.) [4, с. 44]. Иными словами – соизмерять нравственность с продолжительностью человеческой жизни и с обозримыми отрезками времени.

В качестве доказательства безнравственности и духовного убожества пессимизма студента Ананьев приводит пример из своей молодости. Когда — то он соблазнил молодую женщину, которую его приятели между собой кичочкой. Её семья сложилась неудачна. Для провинции, где она жила, это было типично. Кисочка говорит о том, что интеллигентным девушкам и женщинам *«решительно некуда деваться»; «уезжать на курсы, или поступать в учительницы, вообще жить идеями и целями, как мужчины живут, не всякая может. Надо выходить замуж... Выходят девушки так, зря... Какая же после этого жизнь?»*

Кисочка оправдывает тех женщин, которые, не выдержав томительно-скучной жизни, бегут от своих мужей: *«Сами понимаете, женщина, образованная и воспитанная, живет с глупым, тяжелым человеком; встретится ей какой-нибудь интеллигентный человек, офицер, актер или доктор, ну полюбит, станет ей невыносима жизнь, она и бежит от мужа. И осуждать нельзя!»*

Кисочка с душевной скорбью отмечала, что с актером уехала от мужа ее двоюродная сестра, в конце концов, уходит от мужа и сама Кисочка.

Нужно, однако, отметить, что наряду с этой мыслью о невольной вине, в этическом содержании пьесы заложена еще одна идея — о том, что человека нельзя освободить от моральной ответственности за его поступки в жизни. Эпизод с Кисочкой послужил для Ананьева ценным жизненным уроком. Угрызения совести пробудили в нем, стороннике философии пессимизма, чувство порядочности, он пересмотрел своё поведение, свои поступки и в результате превратился в хорошего семьянина.

Покаяние

К такой концепции Ананьев пришел в поезде, в ночь бегства от Кисочки: *«Я уже ясно сознавал, что мною совершено зло, равносильное убийству, совесть погнала меня назад в N., и я, не мудрствуя лукаво, покаялся перед Кисочкой, вымолил у нее, как мальчишка, прощение и поплакал вместе с ней...»* [4, с. 48]. С этого открытия, как он считает, у него началось *«нормальное мышление»*.

Речь Ананьева убедительна, его образ мыслей привлекателен, он свою логику и свое право на поучения выстрадал. Речь Ананьева — это своего рода проповедь, обращенная не только к одному конкретному слушателю, а к молодым людям вообще.

Видимо, есть какие-то существенные причины того, что, с одной стороны, «словами можно доказать что угодно», а с другой — самые поучительные примеры и наставления не могут повлиять на дела людские. Штенберг проходит сейчас через тот жизненный этап, со свойственными ему мерками и образом мыслей, через который в свое время прошел и Ананьев. Так, значит, может быть, все дело в том, что разное ощущение времени и вследствие этого разные морали, разный опыт, разные взгляды на жизнь — это различие поколений и возможно перед

этими преградами, действительно, бессильны всякие словесные убеждения.

В начале рассказа, при описании своих первых впечатлений от ночной степи, повествователь говорит об *«исключительной обстановке»*, напоминающей ему *«о временах хаоса»*, огни в ночи кажутся ему намеком на *«какую-то важную тайну»*. И когда вслед за этим Ананьев, восхищаясь насыпью, *«которая стоит миллионы»*, говорит о цивилизующей роли железной дороги, такие мерки свершающегося выглядят явно мельче. В конце повести выступают новые факторы, о которых, как это станет обычным при изображениях споров в чеховских произведениях, спорщики не думают, упускают их из виду — повествователь же напоминает, указывает на них как на то, что следует принимать в расчет, что должно быть связано и объяснено. *«Многое было сказано ночью, но я не увозил с собой ни одного решенного вопроса»*. В памяти рассказчика остаются только огни (то есть вечное, Штенбергово) и образ Кисочки (временное, ананьевское). И студент, и инженер наутро погружены в будничные дела, уже не думают о ночном споре. Рассказчик *«в последний раз взглянул на студента и Ананьева, на истеричную собаку с мутными, точно пьяными, глазами, на рабочих, мелькавших в утреннем тумане, на насыпь, на лошаденку, вытягивающую шею, и подумал: «Ничего не разберешь на этом свете!»* [2, с. 20].

Вот что, оказывается, порождает конечный вывод повествователя: трудность найти сколько-нибудь разумное объяснение связи любого единичного явления, конечного фрагмента жизни с бесконечным разнообразием мира.

Наконец, итоговый вывод повествователя *«ничего не разберешь...»* получает подкрепление еще и в том, что вся повесть буквально пронизана чисто художественной игрой многими и различными аспектами времени. Самые различные временные масштабы на равных выступают в повести, соседствуют, пересекаясь, но не исключая один другой [1, с. 102].

Время — вечность, измеряемое тысячелетиями, поглощающее не только отдельные творения рук человеческих, но и целые народы (*«амалекитян и филистимлян»*, о которых говорит Штенберг).

Время, связанное с идеей прогресса, соизмеряемое с жизнью и делами отдельных людей и отдельных поколений (реалии этого аспекта времени — *«цивилизация»*, строящаяся железная дорога, потом фабрики, школы, больницы, о которых говорит Ананьев) [1, с. 104].

Время отдельной человеческой жизни (так, Ананьев во время романа с Кисочкой был молод, теперь он *«уже начал, как Отелло, опускаться в долину преклонных лет»*; у него, в свою очередь, дети, которые растут, старятся и т.д.) [1, с. 103].

Время будничности, повседневности (Ананьев, сообщает нам, каждую ночь храпит; мужик уже который день возит котлы «по линии» и не найдет, кому их сдать; пофилософствовав ночью, студент и инженер наутро погружаются в самые будничные заботы) [1, с. 105].

Время, определяющее тот или иной психологический процесс (сошелся с Кисочкой, бежал, заговорила совесть, промаялся две ночи и «уже ясно сознавал, что ...»).

Время того или иного события (Кисочка плакала, потом «в какие-нибудь три четверти часа сделалась любовницей», «побыла Кисочка у меня в номере часа полтора, а уж чувствовала себя в нем как дома» и т.д.).

При этом каждый из временных уровней представлен своим прошлым, настоящим и будущим. Так, время-вечность о прошлом напоминает гибелью «ветхозаветных народов», о будущем — надписью на кладбищенских воротах: «Грядет час, в онь же...». Ананьев, склонный к позитивной концепции времени, «любил хорошо поест, выпить и похвалить прошлое»; в настоящем его жизненная программа такова: «У кого жена да пара ребят, тому не до сна. Теперь корми и одевай, да на будущее припасай»; о его взглядах на будущее говорит и весь его облик: «Я сыт, здоров, доволен собой, а придет время, и вы, молодые люди, будете тоже сыты, здоровы и довольны собой...». Количество временных комбинаций, предстающих в «Огнях», таким образом, чрезвычайно велико.

Литература:

1. Катаев, В.Б. Проза Чехова [Текст] / В.Б. Катаев. — М.: МГУ, 1979.
2. Линков, В.Я. Значение рассказа «Огни» в развитии повествовательных приемов Чехова [Текст] / В.Я. Линков. — М.: «Вестн. Моск. ун-та, филология», 1971.
3. Скафтымов, А.П. К вопросу о принципах построения пьес А.П. Чехова [Текст] / А.П. Скафтымов. — М.: Ученые записки Саратовского университета, 1948.
4. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах [Текст] / А.П. Чехов. — М.: Наука, 1985.
5. Чудаков, А.П. Об эволюции стиля прозы Чехова [Текст] / А.П. Чудаков. — М.: Славянская филология, 1963.

Способы языковой реализации оппозиции «звук-тишина» в поэтических текстах М. Волошина

Емельяничик Татьяна Андреевна, аспирант
Балтийский федеральный университет им. И. Канта (г. Калининград)

Рассматриваются особенности репрезентации членов оппозиции «звук-тишина» в поэтических текстах М. Волошина; устанавливается их структурирующая функция и аксиологическая значимость в стихотворениях поэта.

На протяжении многих веков гуманитарная исследовательская мысль «уподоблялась маятнику, раскачивающемуся то в сторону всепоглощающего и многополюсного синкретизма, то в сторону бинаризма, антиномического типа рассуждений» [8, с. 26]. Неослабевающий интерес исследователей к такой проблеме, как синкретичность восприятия и отражения действительности объясняется усилением антропоцентрических тенденций в современной лингвистике. Эта особенность

Конечная цель автора — не просто провозглашение «*ничего не разберешь...*», а обоснование причин, по которым человек может прийти к такому выводу. «Вывод Чехова не онтологический: мир есть хаос, а гносеологический: вследствие таких-то обстоятельств человек современного сознания может прийти к выводу о хаотичности мира. Возможность сделать опасный для нравственности вывод и шаткость или иллюзорность мыслимых контрдоводов — этой тревогой продиктован замысел «Огней» [5, с. 315]. Чувство порядочности, как нам видится, является основным критерием оценки поведения человека жизни. В «Верочке», «Иванове», «Огнях» А.П. Чехов заставляет героев в критические минуты их личной жизни ощущать угрызения совести [3, с. 150]. На наш взгляд, А.П. Чехов в произведении «Огни» подчеркивает мысль, что нарушение чувства порядочности не проходит безнаказанно для человека. Угрызения совести всегда являются наказанием человеку за его вольную и даже невольную вину, если от его действий (или бездействий) страдает близкое ему существо. Например: в страданиях Кисочки, соблазненной Ананьевым, вся вина падает на героя.

наиболее ярко проявляется в индивидуально-авторском мировосприятии. При этом наибольшей аксиологической значимостью обладают стержневые, структурирующие для авторского мировосприятия компоненты. Чаще всего такие компоненты представлены бинарными оппозициями, которые, по определению В.П. Руднева, с одной стороны, являются универсальным средством познания мира, с другой стороны, свидетельствуют о его бесконечности и непознаваемости. Известно, что «уже пер-

вобытнй человек пытался упорядочить окружающий мир, категоризуя его с помощью множества бинарных оппозиций: жизнь — смерть, небо — земля, солнце — луна и т.п.» [8, с. 21]. В современном мире, по мнению В.П. Руднева, невозможность понимания мира до конца также «компенсируется бинарной дополнительностью точек зрения на мир» [7, с. 243]. Эти оппозиции в поэтическом мире образуют систему смысловых пар, в которых первый член маркирован положительно, второй — отрицательно, ср.: светлый-темный, большой-малый, горячий-холодный и т.д. В авторских контекстах такие бинарные оппозиции обрастают «дополнительными противопоставлениями и сопоставлениями, делающими создаваемую художником картину мира богаче и многообразнее» [8, с. 23]. Среди соответствующих структурных парадигм «особое значение имеет оппозиция «звук-тишина» [6, с. 79], поскольку ее семантика связана с коммуникацией — важнейшей сферой человеческой жизни. Звучание, по мнению Н.А. Мишанкиной, «позволяет человеку проследить динамику изменений мира, а с этим напрямую связан уровень биологической и социальной адаптации. Принципиально важное значение имеет восприятие звучания для развития психической и когнитивной сферы человека...» [5, с. 165]. Кроме того, и звучание и тишина есть категории сакральные. Так, звучание нераздельно связано с хвалой Всевышнему. Тишина и молчание свидетельствуют о послушании Высшей воле и имеют глубочайшие корни в христианстве: опыт «внутренней тишины», в истоках которой находится традиция священнобезмолвия, аскетического молчальничества, исихазма. Тишина и молчание оберегают человека и входят «в правила, регламентирующие его поведение в чрезвычайных и торжественных ситуациях» [1, с. 431]. Все вышесказанное свидетельствует о неоспоримой значимости оппозиции «звук — тишина».

В данной статье указанная оппозиция рассматривается на материале поэтического творчества М. Волошина, который как поэт-символист имел огромный талант в создании утонченных природных картин, был чуток к звуковой стороне жизни мира. «Быть символистом, — писал Волошин, — значит в обыденном явлении жизни провидеть вечное, провидеть одно из проявлений музыкальной гармонии мира...» [3, с. 445–446].

Так, музыкальная гармония, музыкальное звучание в поэзии М. Волошина, могут осмысляться как обладающие способностью объединить внешний, физический мир и внутренний, ментальный, когда особое состояние души репрезентируется через музыкальные образы. Ср.: «Как звонкий звук трубы, разнесшись по лесам, // Разбудит в тишине ряд откликов далеких, // Так и в моей душе, в ответ твоим стихам // Родилось много чувств...» (II, 339)¹, «Есть люди на свете: их нервы как струны — // Едва

прикоснешься — рождается звук. // И каждый поступок, неловкое слово // Для них уже служит источником мук...» (II, 322), «...В озерах памяти моей // Опять гудит подводный Китеж, // И легкий шелест дальних слов // Певуч, как гул колоколов...» (I, 72). В данных примерах поэт использует сравнительные обороты, подчеркивающие особенность в характере восприятия звучания, а не в самом звучании как таковом. Таким способом достигается эффект нарушения автоматизации восприятия и сосредоточения на данном аспекте действительности.

При этом, если подойти к звучанию с объективной точки зрения, то можно прийти к выводу, что оно реализуется как «динамический (протекающий во времени) признак какого-либо объекта или явления. Но факты языка показывают, что данный признак давно осмысляется как самостоятельная сущность. Человеческое сознание абстрагировало, «оторвало» его от предмета, явления» [5, с. 164]. Эта особенность получает непосредственную отраженность в поэтических текстах М. Волошина, где «оторванность» звучания от предмета эстетически акцентируется, переосмысливается метонимически. Ср.: «...Гимн весенний над ним из окошка звенел, // кто-то бледный над ним наклонялся и пел, // А вокруг становилось темнее...» (II, 449), «Весь день звучали сверху струны // И гуды стерегущих птиц...» (I, 239), «...Я долго стоял и глядел на него [на бюст Мопассана. — Т.Е.]... // Далекие звуки рыдали...» (II, 384).

В поэтических текстах М. Волошина агентивность звучания наделяет его (звучание) свойствами мощной преобразующей силы. Ср.: «Звучанье солнц из глублины веков». (II, 581), «...И в пространство величаво, // Властной музыкой звуча, // Распростерлись три луча, // Как венец...» (I, 22), «...А весна в ответ на это // ...Обдала дыханьем ночи, // ...Звучным пеньем соловьев. // И навстречу этим звукам // Задышала грудь сильнее, // Лед растаял, и забилося // Сердце громче и полней...» (I, 315). Интересен и тот факт, что звук порождает изменения в обонятельном ощущении, со звучанием непосредственно связана реализация определенной обонятельной информации в вышеприведенных текстах: «обдала дыханьем ночи», «задышала грудь сильнее». Данные языковые парадигмы дают возможность подчеркнуть синкретичность человеческого восприятия, зависимость ощущений различной природы друг от друга.

В этой связи следует отметить, что звук может осмысляться «как явление (слуховое), которое может быть охарактеризовано метафорически через лексику других сфер восприятия» [5, с. 166]. Таким образом, одним из средств преодоления дискретности картины мира выступает метафора, которая у М. Волошина «обладает универсальностью ... и предельной многозначностью» [9, с. 172]. Ср.: «...И ветры — сторожа покинутой земли — // Кричат в смя-

¹ В круглых скобках после цитат стихотворений М. Волошина римской и арабской цифрами обозначены соответственно том и страница указанного в библиографии собрания сочинений поэта.

тении, и моря *вопл* напевный // Теперь растет вдали...» (I, 102), «Вещий крик осеннего ветра в поле. // Завернувшись в складки одежды темной, // Стонет бурный вечер в тоске бездомной, // Стонет от боли...» (I, 98). В данных примерах создается эффект близости мира человека и мира природы, объединенных родственными, подобными звуками. И это вполне объяснимо, так как метафоричность в творчестве М. Волошина служит средством «проникновения в высшую реальность» [9, с. 115]. Кроме того, наряду с метафорой в поэтических текстах художника слова широко используются сравнения, которые, как отмечает Н.Д. Арутюнова, являются «развернутыми метафорами» [2, с. 605]. При этом звучание природных объектов в текстах поэта реализуется через цепочки последовательных уподоблений, посредством которых создается эффект акустического единства в многообразии. Ср.: «...Он [вихрь — Т.Е.] ревет внизу в ущелье, // Будто стонет там во мгле, // А в лесу *трещат* деревья...» (II, 148), «...Кто-то вздрогнул в этом мире. // Щебет птиц. Далекий ключ. // Как струна на чьей-то лире // зазвенел по ветке луч...» (I, 65), «...Во сне, // Как тяжело больной, вздыхало море, // Ворочаясь со стоном... (II, 367), «...Под быстрым градом звонких льдин // Стучат на крышах черепицы, // И ветки сизые маслин // В испуге бьют крылом, как птицы...» (I, 162). Как видно из приведенных примеров, метафора и сравнение усиливают друг друга, создавая ощущение восприятия не обыденного, а глубоко переживаемого.

Подобная глубина восприятия поэтом окружающего мира стала одной из составляющих антропоморфизма звучаний природы в творчестве М. Волошина. Ср.: «...Между мхом и травой мохнатой // Ключ лепечет невнятно...» (I, 26), «...Я внимаю, склоняясь на песок, // Кликам ветра и голосу моря...» (I, 35), «...Это осень, // Далей просинь, // Гулы сосен, // Веток свист...» (I, 100). Это явление привлекает внимание ученых, которые отмечают, что «при оценке звучания сферы неодушевленного ярко проявляется такая черта человеческого мышления, как антропоморфизм — представление объектов мира в терминах человека» [цит. по: 6, с. 82]. При этом природные объекты осмысливаются как «изоморфные человеку в аспекте эмоциональном», и следовательно, как «способные вступать в коммуникацию с ним» [цит. по: 6, с. 82]. Отметим, что в приведенных примерах лексемы, обозначающие звучание (*лепетать*, *клик*, *голос*, *гул*), относятся именно к сфере коммуникации. Таким способом на уровне звучания неоднократно проявляется близость двух миров — мира человека и мира природы.

Но в каждом из этих миров характер звучания может быть разным. Так, особое сочетание слитности и раздельности звуков в поэзии М. Волошина создает принцип единства в многообразии. С одной стороны, присутствует однородное, слитное, обволакивающее звучание, репрезентируемое лексемами «шуршать», «шелест», «шелестить», с другой — имеют место и звуки отдельные, четкие. Ср.: «Костер мой догорал на берегу пустыни. // *Шур-*

шали шелесты струистого стекла. // И горькая душа тоскующей полыни // В истомой мгле качалась и текла...» (I, 88), «...В дождь Париж расцветает, // Точно серая роза... // *Шелестит*, опьяняет // Влажной лаской наркоза...» (I, 23), «...А голос твой, стихом играя, // Сверкает, плавно напрягая // *Упругий* и *звенящий звук*... // Но в нем живет ни рокот лиры, // *А пенье стали, свист рапиры*...» (I, 196), «...*Лязг оркестра; свист и стук*. // Точно каждый озабочен // Заглушить позорный *звук* // *Мокро хлещущих пощечин*...» (I, 31). Растворенность, мягкость, однородность звучания в первых двух примерах актуализируется через лексемы «струистый», «стекло», «качалась», «текла», «опьяняет», «лаской», «наркоза», индуцирующие в сознании читателя образ плавного и бесконечного ритма жизни и ощущение полного погружения в это пространство. В то время как два последних примера интересны именно акцентуализацией четкости, раздельности звучания. Здесь звук характеризуется непосредственно через его признаки: «упругий», «звенящий», а также передается с помощью лексем «лязг», «свист», «стук».

Подобные характеристики звуков подчеркивают способность человека воспринимать звучание всем своим существом, что свидетельствует о надфизиологической природе данного явления. Вместе с тем, звучание может обладать и способностью властвовать над человеком. Ср.: «...Так часто ночью, в тишине, // Родится странный *звук* пугливо, // *Трепещет* долго в тьме ночной, // *Дрожит*, чуть слышно, замирая, // И *сердце* странною тоской // Невольно *сжаться* заставляя...» (II, 323), «...*Зовет* и *манит звук* прибой // *Куда-то ввысь, куда-то вдаль*, // И всюду тихая печаль // Разлита в мире надо мною». (II, 278). В данных примерах восприятие определяет состояние человека, делая невозможным его одиночество. В этой связи необходимо выявить саму суть реакции на звучание, которое органически связано с восприятием. Такая реакция в поэтических текстах М. Волошина может быть выражена в особой вибрации, репрезентируемой лексемами *замерла*, *замирая*, *замирающие*. Ср.: «Прозрачна тихая волна, // Как будто *замерла* она...» (I, 328), «...И лишь изредка птица ночная // Застонет в трущобе лесной // И долго звучит, *замирая*, // Ее голос в прохладе ночной...» (I, 184), «...Чую сердца прерывный звук // И во влажном степей дыханьи // *Жарких губ* и знакомых рук // *Замирающие* касанья...» (I, 138). Обратим внимание, что вышеназванные лексемы относятся к разным субъектам, но во всех случаях в их семантике происходит актуализация значения напряженности, вибрации. Все это уже связано со вторым членом рассматриваемой оппозиции, а именно с лексемой «тишина».

Переходя к рассмотрению второго компонента исследуемой парадигмы — «тишины», необходимо отметить некоторое сходство его реализации с воплощением уже рассмотренного выше компонента «звук». Во-первых, компонент «тишина» в большинстве случаев также характеризуется явно выраженной положительной оценкой.

Ср.: «...Мне жаль только этот таинственный мир // Забытого ныне искусства. // Прохладу и сумрак старинных церквей, // Проникнутых *тихой любовью*...» (II, 379), «... Но звездой сияет // ...Мне твой образ милый // *Тихо и спокойно*». (II, 354). Во-вторых, тишина осмысляется не как полное отсутствие звуков, а как нечто существующее, тесно связанное с миром. Ср.: «...Я познал сегодня ночью новый // Грех... И строже стала *тишина* — // *Тишина* души в провалах сна...» (I, 149), «...Уже толпа по улицам редела, // Над спящим городом ложилась *тишина*, // Одиннадцать часов раздельно прогудело, // У берега чуть плескалась волна, // Вдали по улице коляска прокатилась...» (I, 245). Обратим внимание, что тишина, как показывают приведенные выше примеры, может «осмысляться как нечто», существующее не только глубоко внутри, но и снаружи, вокруг, как воздух. В обоих случаях «тишина — это именно «нечто», а не отсутствие чего-то» [6, с. 86]. Данное представление в общечеловеческой культуре воспринимается как состояние, естественное для религиозного сознания, которое не приемлет идею абсолютной пустоты, т.е. оторванности от Бога, ибо такая оторванность есть смерть.

Поэтому вполне объяснимо в поэтических текстах М. Волошина осмысление категорий звука и тишины как вечно сменяющих друг друга, заключенных в стабильный гармоничный цикл. Ср.: «...Сменяя *тишину* веселым звоном пира, // Проходишь ты, *смеясь*, средь перьев и мечей, // Средь скорбно-умных лиц и блещущих речей // Шутов Веласкеса и дураков Шекспира...» (I, 177), «... Средь *земных безлюдий* // *Тишина гудит* // *Грохотом орудий*, // *Топотом* копыт...» (I, 225).

Но сфера тишины и сфера звучания могут иметь и ярко выраженную границу, что приводит к противоречивому сосуществованию звука и тишины. Способность звука нарушать тишину достигается посредством соответствующего построения поэтического текста. Ср.: «...Все замерло, молчит. // Но это *тишина* пред близкою грозой. // *Чу! вот он!* Первый *вихрь безудержно летит*...» (II, 321), «...И тени шевелятся, тянутся вверх, // Как длинные черные руки, // И *вдруг* раздвигают покров *тишины* // Органа *могущие звуки*...» (II, 380). В данных примерах наличие побудительных предложений, а также использование конструкции со словом «вдруг» способствуют репрезентации звука как явления неожиданного, нарушающего покой и порядок.

Из вышеприведенных примеров следует, что и тишина может осмысляться как мощная активная сила, оказывающая сильнейшее воздействие на человека. При этом особый эстетический эффект достигается при объединении в едином контексте лексем, отмеченных отрицательной и положительной оценками. Данное объединение лексем способствует возникновению в поэтических контекстах аксиологической неоднозначности, которая индуцирует в сознании человека ощущение священного трепета и тайны. Ср.: «...И я трепещу от дуновений *радости* и *ужаса*... // Я вся *тайна*. Я вся *ужас*. Я вся *тишина*. //

Я молчание». (II, 392), «...Так и хочется все мне // *Крикнуть* имя Клементины // В этой *мертвой тишине*...» (II, 260), «...А сам я летал, как летучая мышь, // Беззвучно крылом рассекая // Недвижимый воздух — и *мертвая тишь* // Меня подавляла, пугая...» (II, 331), «...Все так *прекрасно* вокруг, // Мир весь заснул в *тишине*. // Но отчего же, мой друг, // *Грустно* и *горько* так мне?..» (II, 201).

Подобной тайной, неким скрытым, глубинным смыслом в эстетической системе поэта можно охарактеризовать беззвучные действия. Ср.: «...И *тихо* мне *голос* *какой-то шептал*: // «Не верь, о, безумец, морской тишине — // Коварная буря таится во мгле...» (II, 233), «... Без мыслей, без дела, без дум, без волнения // По *тихому* морю *спокойно плыву*». (II, 308), «...Струистым бередя веслом // Узоры зыбкого молчанья, // *Беззвучно оплыви* кругом // *Сторожевые* изваянья...» (I, 168).

В поэтическом мире М. Волошина тишина как стабильное состояние осмысляется и в онтологической соотношенности с фундаментальными ценностями бытия, с важнейшими аксиологическими категориями. Данное осмысление находит непосредственное отражение в контекстах, в которых представлены сочетания лексем, номинирующих отсутствие звука с лексемами, имеющими в структуре значения богатые комплексы культурных ассоциаций положительной эмоциональной направленности. Ср.: «Казалось, *тишиною* // И *чудной* негой ночь была полна...» (II, 200), «Вечер. Меркнет. Воздух *ясен*. // *Тишь* как ночью. И в просторе // Нет ни шороха, ни звука. // Как стекло, *спокойно* море...» (II, 277), «...Мелькнут виденья прежних дней — // Мелькнут и прочь уходят тайно, // Как *трепет* жизни молодой, // Как *тихий звук* во тьме ночной...» (II, 533).

Кроме того, особый интерес представляет и аксиологически значимый механизм осмысления отсутствия звуков как категории ментальной, как состояния, присутствующего внутреннему миру человека. Ср.: «...Но *силы бодрые* копились в *тишине* // И первого толчка для выхода лишь ждали...» (II, 268), «*Во мне* утренняя *тишь* девушки. // *Во мне молчанье* непробужденной природы...» (II, 392), «...Усталая от ужаса *душа* // Все вынесла бы — только не *молчанье*...» (I, 367).

Итак, на основании проведенных наблюдений можно сделать вывод о том, что между членами исследуемой оппозиции «звук — тишина» существует непрерывное взаимодействие, которое достигается с помощью использования средств выражения, принадлежащих к различным языковым уровням. Так, например, лексические единицы, относящиеся к сфере звучания и тишины, благодаря яркой метафоризации в поэтических текстах М. Волошина служат способом сближения мира природы и мира человека, что входит в число важнейших аксиологических ценностей. При этом — на уровне построения поэтического текста — синтаксические конструкции со значением чередования свидетельствуют об осмыслении звука и тишины как категорий, вечно сменяющих друг друга, заключенных

в гармоничный цикл. Употребление же конструкций с междометиями, наречиями образа действия, а также побудительными предложениями способствует созданию дисгармонии между членами исследуемой оппозиции.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Феномен молчания // Язык о языке. М.: «Языки русской культуры», 2000.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999.
3. Волошин М.А. Лики творчества. Л., 1989.
4. Волошин М.А. Собрание сочинений. Т.1. Стихотворения и поэмы 1899–1926 гг. М., 2003; Т.2. Стихотворения и поэмы 1891–1931 гг. М., 2004.
5. Мишанкина Н.А. Метафорические модели звучания // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005.
6. Овчинникова Л.О. Оппозиция «звук — тишина» в картине мира Ю.Н.Куранова // Семантические процессы в языке и речи. Калининград: Изд-во КГУ, 2007.
7. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999.
8. Сухомлинова Ю.А. Бинарные оппозиции в творчестве Андрея Платонова. Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005.
9. Таран С.В. Функциональная роль минералогической лексики в идиостиле М. Волошина. Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2005.

Европейское пространство романа М.А. Осоргина «Книга о концах» в контексте диалога культур

Жлюдина Анастасия Викторовна, старший преподаватель;
Володина Дарья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Томский политехнический университет

Вынужденный жить за пределами родины М.А. Осоргин стремился к активному восприятию культурной среды тех стран, в которых находился. В период первой эмиграции (1906–1916 гг.) прозаик погрузился в быт и культуру Италии, ратовал за сближение русского и итальянского народов: организовывал поездки русских учителей в Италию, был итальянским корреспондентом «Русских ведомостей», рассказывающим о политической, экономической, культурной сторонах жизни страны. В период второй эмиграции (с 1922 года и до конца жизни писателя) Осоргину пришлось жить во многих европейских государствах: во Франции, в Германии, в Италии и др. Каждая страна открывалась для М. Осоргина прежде всего через культуру, именно ее он стремился показать своему читателю.

Повествование о культуре европейских государств нашло отражение в публицистическом и эпистолярном наследии писателя-эмигранта, достаточно изученном осоргиноведами (работы А. Пасквинелли, Н.П. Комоловой, М.П. Гребневой, Я.В. Леонтьева, И.В. Трофимова и др.). Однако особого внимания на наш взгляд заслуживает изображение европейского пространства (как места средоточия европейской культуры) в художественных произведениях М. Осоргина.

Роман «Книга о концах» (1935 г.) — вторая часть дилогии М. Осоргина о революции 1917 года. В первой части («Свидетель истории» 1932 г.) события разворачиваются в России, однако во втором романе герои изображаются в Европе, куда они бегут, спасаясь от смерти. Поэтому Европа является одним из ключевых топосов романа «Книга о концах». Это пространство реальной действительности, в которой вынуждены жить революционеры.

Европа предстает единым пространством расположенных близко друг к другу стран. Герои беспрепятственно пересекают границы и легко попадают водными и наземными путями в нужные им Францию, Италию, Бельгию, Швейцарию, расстояние между которыми соотносимо по российским меркам с расстоянием между городами. Но пути персонажей во второй части дилогии имеют иной характер, чем в первой. Отличительной чертой передвижений революционеров-эмигрантов становится ложность маршрутов и целей движения, повсюду их ожидает обман, т.к. они сами продуцируют ложь. Бодрясин едет по поручению партии в Бельгию ликвидировать шпиона, хотя все его естество противится этому («Вошел я в небольшой кабинет, весь застланный книжными полками, такой уютный и приятный, — и ничего не понимаю. По-

чему же я его, собственно, не убил?» [2, с. 379]). Он был готов переступить через себя и совершить убийство во имя долга перед товарищами, но его путь оказывается ложным: «мишень» — такой же русский беглец, как и он, мирно доживающий свой век на чужбине.

Противоестественным путь убийства становится и в общей для Европы атмосфере покоя, размеренности, наполненности мелочами бытовой жизни. На непривычных к «отдыху» и размеренному существованию русских эмигрантов Европа «давит», убаюкивает спокойствием, порождая обратное желание — действовать. Однако Европа — территория безопасности, свободы и легальности, где революционные действия практически невозможны.

Еще одна отличительная черта траектории путей персонажей «Книги о концах» — хаотичность и спонтанность. Отсутствует четкое целеполагание, определяющее направление движения, маршруты. Перемещения террористов-эмигрантов по Европе соотносимы с броуновским движением: вынужденные взаимодействовать с окружающей их средой персонажи перемещаются разрозненно и хаотично из одних европейских топосов в другие (из Парижа на остров Олерон, в Италию, в Лондон и т.д.). Бесцельные передвижения лишь усиливают драматизм существования русских в Европе. Пространственная динамика оказывается иллюзорной, а духовные пути героев заходят в тупик, прекращается их нравственная эволюция.

Таким образом, несмотря на то, что Европа предстает как единое пространство стабильности и свободы, для эмигрантов эта ложная свобода. Чуждые европейские топосы «отталкивают» русских эмигрантов, сводят на нет их попытки ассимилироваться.

В романе «Книга о концах» автор наделяет различные европейские топосы особой семантической нагрузкой, конкретизирующей представление о жизни в отдельных пространствах Европы.

Особого рассмотрения требует «мировая столица» — Париж. Это первый город, «встречающий» героев Осоргина за границей (Наташу, Анюту, Николая Ивановича и др.), с ним связано формирование у эмигрантов образа Европы. Попадая туда, Наташа испытывает «давление». Париж меняет прежнее представление героини о мире, который внезапно «...потускнел, сузился, переполнился тревожными мелочами. Люди стали оседлыми, связанными со множеством улиц, поворотов, вывесок и предметов быта» [2, с. 372]. В изображении внешнего пространства города и его внутренних локусов (отеля, комнаты) подчеркнуты серость, пространственная узость. Особое значение приобретает локус угла. Приехавшая в Париж Наташа осознает, что «в этой тесноте и озабоченности нужно <...> отыскать свой угол» [2, с. 372]. Весь Париж оказывается состоящим из углов. В Париже «улицы сходятся под углом» [2, с. 373], выход в мир, взгляд на него так же связан с семантикой угла: «Из верхнего углового окна виден...» [2, с. 373]. Наконец, угол становится самым удобным и подходящим для парижской жизни Наташи местом. Она замыкается, не видит смысла ни в духовном, ни

в интеллектуальном, ни в идеологическом действии (не посещает лекций в университете, не работает, не помогает партии).

Стремление к отграниченности от остального мира — вынужденная мера эмигрантов, попавших в чуждую среду. Анюта не чувствует полной свободы, «...читает, заняв уголок стола у лампы» [2, с. 375]. Блуждающий по разным странам и революционным квартирам Бодрясин также стремится к обретению своего угла, чтобы преодолеть неприкаянность, утолить жажду семейного счастья.

Париж чужд эмигрантам и шумом незнакомой бытовой жизни: «Рано утром опять бежит вода по трубам и шаркают ноги за дверью. За окном каменный грохот» [2, с. 373]. При описании всего пространства города (его домов, людей, климата) повествователь и герои используют образы, подчеркивающие «нездоровую» атмосферу: «унылые крыши домов», «перевернутые цветочные горшки», «пропыленные и липкие занавески окна», «не причесанная хозяйка», «стол с шаткими ножками», «нет настоящей зимы, так, слякоть какая-то», «и вообще живут неуютно».

Для вынужденных существовать в мировой столице героев она так и не становится «своей». Привыкая к ее локусам, герои чувствуют отчуждение неродного топоса. Однако в этом месте суетной жизни эмигранты ищут природные локусы, подобные родным: «Люксембургский сад близок, и там, в хорошую погоду, Наташа проводит с детьми целый день <...>. Для девочек Люксембургский сад — целый мир; таким миром для самой Наташи была деревня Федоровка на берегу Оки» [2, с. 451].

Следующее прибежище эмигрантов — остров Олерон во Франции — помогает им достигнуть бытийной и национальной обособленности. Остров не является противовесом Парижу, он не безжизнен, однако интенсивность этой жизни совсем иная. На острове доминирует природная жизнь: «Небольшой остров покрыт сосновым лесом, его северная часть выдвинута в океан и слабо заселена, а в южной части, близкой к матерiku, небольшие курорты» [2, с. 393]. Протяженность от юга к северу, от материка к океану, от более людной части к менее людной определяет место обоснования стремящихся к обособлению эмигрантов: «Группа русских обзавелась большой дачей в отдаленном конце, где на километры тянется пляж, море в отливе уходит недалеко, дачников почти нет, а население занято добыванием сосновой смолы и работой на устричных промыслах» [2, с. 394]. Автор изображает «европейский провинциальный мир», удаленный от суеты столицы.

Остров Олерон в романе «Книга о концах» отсылает к острову как мифопоэтической универсалии, как противоположному матерiku месту, пространственно отстраненному, обособленному, которому свойственно «существование отдельно, в стороне <...>, уклонение по тем или иным причинам от коммуникации со всеми» [5, с. 153]. Островное положение персонажей определяет особенности их поведения. Революционеры-эмигранты стано-

вятся носителями двойственного «островного сознания»: им присущи «одновременно открытость и закрытость, осознание собственной уникальности, но и стремление к чему-то большему, дальнему, к центру, представленному материком» [5, с. 153]. На острове Олерон эмигранты замыкаются в свое сообщество, общаются на своем языке и только друг с другом, подчеркивая свою особенность. Однако особенность персонажей осознается лишь ими самими. Остальное население острова, с которыми эмигранты не вступают в коммуникацию, отмечают их странность, граничащую с сумасшествием [5, с. 153]. Наличие барьера между пространством эмигрантов и остальных жителей острова подчеркивается повествователем, изображающим русских поселенцев с точки зрения других жителей острова, которые ощущают их инородность: «Дачников почти нет. Этим летом поселились в самом лесу, в большом деревянном доме, вытянутом в барак, русские. Живут барственно, купаются дважды в день, играют в крокет и в теннис, по утрам сами ходят на почту за письмами...» [2, с. 396].

Эмигрантов-островитян повествователь называет «маленькой колонией русских», что отсылает к притче о колонии рыжих обезьян в романе «Сивцев Вражек»). Трагические предсказания воплощаются в сюжете «Книги о концах»: изгнанные из родной страны люди предпринимают тщетные попытки повлиять на то, что там происходит. Их существование в Европе обречено. Близость к природной жизни не вытесняет интенции к самоизоляции, что обрекает их на вечное странничество: остров — это «случайный этап, место минутного отдыха от бурь, незнакомых даже океану» [2, с. 410]. Но в сюжетной логике появляется еще один вариант самоопределения в европейском пространстве.

Еще более отграниченным от большого мира становится следующее прибежище эмигрантов — небольшое местечко в Италии. Оно также символизирует отстраненность революционеров-романтиков от большого мира. Эмигранты вновь образуют свою колонию, живут изолированно, общаются лишь друг с другом. Как и прежде, на «инаковость» русских поселенцев указывают местные жители, избегающие общения с эмигрантами, с которыми у них нет ничего общего. Так, начальник станции «взял его за руку, вывел с вокзала на шоссе, показал на выложенную камнем тропинку вверх, для верности ткнул в небо коротким пальцем и прибавил:

— *Monti pure!*» [2, с. 437]. Соседка съора Паоло «повелительно указывала ему пальцем на дверь и утвердительно кивала:

— *Sior Paolo, eccolo la!*» [2, с. 437].

Обособленность и отстраненность эмигрантов проявляется и в их стремлении поселиться на «возвышенности», «приподняться» над другими. Вилла, в которой они живут, находится «на взгорье» [2, с. 432]. Одна из важных традиций русских поселенцев — подниматься ночью на гору Св. Анны, чтобы, уединившись, обозреть местность с высоты: «В очередное полнолуние была оче-

редная ночная прогулка на гору Санта-Анна, откуда чудесный вид на море...» [2, с. 446]. Герои, как мифические боги, поднимаются ночью на вершину горы и совершают своего рода дионисийские действия: пьют вино, ужинают на развалинах, поют, «играют с высотой», притупляющей страх и дающей необходимый выход из обыденности. Однако повествователь открывает абсурдность притязаний людей. Единственная возвышенная позиция принадлежит некой природобожественной, неперсонофицированной инстанции, выступающей субъектом сознания в главе «Тихая пристань» и обозревающей с высоты птичьего полета ничтожность людей, живущих на вилле, как и любых других земных существ: «С берегового пригорья, где светлые квадратики домов отпечатаны на серо-зеленой открытке, виден пустынный пляж за линией железной дороги <...>. На освещенном песке несколько букашек <...>. Тот, кто мог смотреть с горы, не считал букашек и не знал, сколько их теперь, сколько их было раньше» [2, с. 441].

Примечательно, что нарастание отстраненности персонажей от социума в «Книге о концах» связано со все большим приобщением к стихии естественной жизни. Находясь в итальянском местечке, эмигранты уже не стремятся попасть на большую землю для реализации революционных планов. Если в первой части романа изображалась жизнь эмигрантов в погоне за революционным прошлым, то во второй — общее разочарование в идее терроризма и уход вчерашних террористов в личную жизнь. Итальянское местечко — пространство, погружающее в размеренность и гармонию ранее презираемой эмигрантами повседневной жизни. Красота природы — море, горы — пробуждает естественные, природные чувства героев. Даже у кошки Матильды было «две страсти: мыши и личные романы» [2, с. 432]. Место обитания эмигрантов отгорожено от остального мира морем, горами и даже железной дорогой, которая им не мешает: «...большинство поездов не останавливаются в глухом и малолюдном местечке» [2, с. 433]. В этом прослеживается отмеченное И.В. Трофимовым в рассказах и очерках Осоргина об Италии стремление к изображению «локального образа страны»: «...место, избранное для статичного центра обозревания, вживания, может быть самым заурядным, внешне непритязательным, но обязательно — притягательным, т.е. с известного рода сильным полем притяжения. Это «поле притяжения» действует не по принципу «пылесоса», превращающего окружающую среду в бесформенную массу, а интегрирующее, моделируя в определенной точке пространства образ целого» [4, с. 167].

В описании итальянского местечка угадывается место первой ссылки Осоргина — местечко Сори близ Генуи. Его замкнутость сопряжена со значительной концентрацией жизни. Автор изображает знакомый ему мир «итальянской глуши», выделяющийся на фоне «европейского простора». Здесь течет особая национальная и «природокультурная» жизнь. Это место изобилия и щедрости природы и людей: русским беглецам дают продукты в кредит, приютил каторжан на вилле «богатый генуэзский купец,

которому она и надоела и вообще не нужна...» [2, с. 432]. Описывая отдельные локусы местечка, повествователь выстраивает культурные параллели. Так, из виллы, в которой поселились каторжане, «могла бы выглянуть из среднего окна пленительная итальянка, а слева и справа, театрално перекинувшись через балюстраду, могли бы мимо ее головки метать молнии ревнивых взглядов двое, — один с гитарой, другой с мандолиной» [2, с. 432]. Привычное стремительное течение времени здесь замедляется, эмигранты обходятся без календаря, определяя дни недели по традициям местных жителей: «...в местечке заметны воскресенья, когда итальянки — рыбачки, торговки, прачки, хозяйки, молочницы — с утра надевают городское платье, взбивают прически...» [2, с. 447]. Социальные условности отходят на второй план, национальная стихия Италии погружает героев в естественную жизнь, исключаяющую мирскую суету. Особый миропорядок местечка порождает в сознании Наташи Калымовой онтологическую цепочку, связывающую пространство со способом существования: «Италия — море — солнце — тело — бездействие — растительная жизнь» [2, с. 448]. Именно здесь человек может почувствовать течение мировых природных процессов: «по морю неторопливо плывут тени облаков, и меняются очертания матовых дорожек водяной ряби» [2, с. 433], «по всему склону поют цикады, громче к полуночи, тише к прохладе...», «светляки ищут самок, сидящих в траве и в щелях каменных заборов спокойными зелеными лапами» [2, с. 433].

Атмосфера естественных, природных изменений совпадает с внутренним состоянием эмигрантов. Автор сравнивает революционеров с изношенными машинами: «Раньше нервы были скручены в пружины, по которым проходил ток высокого напряжения. Теперь батареи иссякли, части машин изнашивались, повисли приводные ремни» [2, с. 433]. На фоне природного цветения обнажились болезни революционеров как последствия революционного прошлого: «У Нади Протасьевой оказался глубокий легочный процесс <...>. К Верочке Улановой вернулись ее тюремные припадки и кошмары <...>. Товарищ Гусев, бежавший с Акатую, никак не справится с ишиасом и лежит неделями...» [2, с. 434]. Появляется смерть, но не героическая, к которой готовили себя революционеры, а естественная, природная и неотвратимая (в итальянском местечке, на сельском кладбище появляются две русские могилы).

Среди революционеров образуются брачные союзы: обреченные на болезнь Надежда Протасьева и Гришка-акатуец становятся новобрачными, как будто вопреки неотвратимому и скорому биологическому исчезновению. Говорящий в их честь тост Бодрясин («Дети мои, глупо притворятся, точно это — дурное дело. Любовь ничем не хуже революции. Взглянем на дело просто — и будет всем хорошо и удобно» [2, с. 447]) ухаживает за Анютой. Наташа Калымова с ее потребностью в материнстве встречает Ивана Ивановича. У всех молодых пар появляются дети как реализация главного предназначения человека на Земле — продолжения жизни.

Итальянское местечко становится в романе средоточием органики жизни. Однако и герои, и повествователь понимают невозможность вечного пребывания в местах «мирового спокойствия». В стремлении к постоянной «суете» мира кроется непонятная и необъяснимая человеку загадка: «И вот — мы тоже расстаемся с уютным местечком и с виллой каторжан, простившись с двумя могилами, неизбежными в книге о концах. Расстаемся с грустью, — здесь жизнь текла мирно, воздух был чист, превосходный морской воздух. С террас открывался поистине волшебный вид. Какая вечная тревога нас гонит из спокойных мест в суету мира, часто против воли, еще чаще — по ошибочному мнению, что история любит шумные города и что мы почему-то должны быть участниками житейской склоки?» [2, с. 453].

Италия стала местом первой эмиграции Осоргина. Ее культуре и истории он посвятил свои работы (более 400 статей в газетах «Русские ведомости» и «Вестник Европы», статьи из последней вышли отдельной книгой «Очерки современной Италии» (Москва, 1913 г.); об Италии упоминается в беллетристических произведениях «Из маленького домика» (Латвия, 1921 г.), «Там, где был счастлив» (Париж, 1928 г.), «Времена» (Париж, 1955 г.). Осоргин перевел с итальянского пьесы К. Гольдони, Л. Пиранделло, К. Гоцци.

Значимость Италии в судьбе и творчестве писателя-эмигранта отмечают как российские (Н.П. Комолова, И.В. Трофимов), так и итальянские исследователи (А. Пасквинелли). Н.П. Комолова прослеживает динамику восприятия Осоргиным Италии от безграничной любви (во время первой эмиграции), восхищения итальянскими политическими движениями, видя «возможность использования этого опыта и в будущем в России» [1, с. 292], к последующему осуждению за «распространение шовинистических настроений в итальянском обществе» [1, с. 292] и к разрушению прежнего образа Италии как свободной и прогрессивной страны. По мнению исследовательницы, в сознании писателя-эмигранта было два представления об Италии: «прежнее, когда он жил там долго и «был счастлив», и новое, отягощенное невзгодами, пережитыми им лично, Россией и Италией» [1, с. 296].

А. Пасквинелли, составившая антологию итальянских очерков Осоргина, анализировала образ Италии в первую очередь в публицистике эмигранта, для которого она стала «страной изгнания, но вместе с тем — страной свободы, молодости, надежды» [3, с. 179]. Исследовательница утверждает, что Осоргин «стремился показать соотечественникам настоящую, а не туристическую Италию» [3, с. 179], поэтому для него было важно «познакомить читателя сначала с природой...» [3, с. 179]. А. Пасквинелли пишет, что тема Италии в творчестве Осоргина связана с «печальной» темой России.

И. В. Трофимов, рассматривающий итальянские мотивы в творчестве писателя-эмигранта, приходит к выводу, что Италия — «напоминание о непреходящих ценностях культуры, которая воплощает в себе благодатное насилие

над волей, чувством и разумом человека во имя его сохранения во времени» [4, с. 168]. Для Осоргина Италия — страна смирения, но не правительственного, а природокультурного, где «сама многовековая история культуры учит людей смирить себя во имя гармонии сожительства как с природой, так и себе подобными...» [4, с. 169]. Потому на страницах прозы Осоргина многие итальянские образы «возникают в обрамлении природы, которая в той же степени достояние Италии, в какой и ее культура» [4, с. 175].

Для первой русской эмиграции фигуры М. Осоргина, П. Муратова и Б. Зайцева были неразрывно связаны с Италией и итальянской культурой. В романе последнего «Дальний край» (1913) в одном из главных героев — Алексея — угадываются черты Осоргина.

Таким образом, вполне закономерно выделение в «Книге о концах» пространства Италии на фоне общего европейского пространства. Субъектная организация финала главы об Италии обнаруживает близость сознания героев и повествователя: «Расставаясь, мы видим из окна поезда белеющую на взгорье виллу. Затем поезд ныряет в туннель» [2, с. 453], что закрепляет идею родственности Италии и России в сознании автора.

Осоргин, страстно любивший Россию и уважающий культуру приютившей его Европы, выстраивает иерархию европейских топосов от центральных (столичных) к про-

винциальным (природным). В его концепции мировосприятия культура неотделимо от природы, поэтому наибольшее погружение человека в культурную среду возможно на окраинах стран, в небольших городках. Однако в финале романа выстраиваемая автором иерархия рушится: он показывает европейские топосы в сопоставлении, открывающем их общую трагичность: «В соседних домах, в ближних и дальних деревнях, во всей стране, во всех странах — одно и то же!» [2, с. 468]. Мировая война, знаменующая новый исторический этап, не принимает во внимание ни частного человека, ни культуры и самобытности стран. В мировых катастрофах не заметны частности: «Легкими перышками летят к стороне, в общую сорную кучу, этюды, наброски, акварели, — и с грохотом художники выдвигают на первый план мольберты с огромными полотнами. Больше не будет речи о маленьких героях и любимых лицах: только движение масс, бури океанов, сдвиги гор и мировые катастрофы» [2, с. 465]. Указывая источник очередной исторической бури («Обождите, потерпите, поскучайте, — скоро, в свете цветных прожекторов, выплывет на пуантах престарелая балерина-прелестница Европа» [2, с. 459]), повествователь говорит, что в масштабе бедствий станет не важным ни источник, ни какие-либо разделения на нации, культурную и политическую принадлежности.

Литература:

1. Комолова Н.П. «Там, где был счастлив»: Михаил Осоргин в Италии // Комолова Н.П. Италия в русской культуре Серебряного века: Времена и судьбы / Н.П. Комолова; Институт всеобщей истории. — М.: Наука, 2005. — С. 292–288.
2. Осоргин М. Свидетель истории / М. Осоргин // Осоргин М. Свидетель истории. Книга о концах: Романы. Рассказы / сост., примеч., вступ. статья О.Ю. Авдеевой. — М.: НПК «Интелвак»; 2003. — 496 с.
3. Пасквинелли А. Образы Италии в публицистике М.А. Осоргина // Россия и Италия / Институт всеобщей истории. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке / отв. ред. Н.П. Комолова. — М.: Наука, 2003. — С. 179–181.
4. Трофимов И.В. Итальянские мотивы в творчестве М. Осоргина // Россия и Италия / Институт всеобщей истории. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке / отв. ред. Н.П. Комолова. — М.: Наука, 2003. — С. 167–178.
5. Цивьян Т.В. Остров, островное сознание, островной сюжет // Цивьян Т.В. Язык: тема и вариации: В 2 кн. Кн.2. М.: Наука, 2008. — С. 389–398.

Проблема прагматического равенства в передаче национального менталитета мировоззрения в художественном переводе

Одилова Гульноза Камильжоновна, кандидат филологических наук, преподаватель;

Махмудова Умида, студент

Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Как известно, каждая нация характеризуется образом своей жизни и действиями, критериями этикета, формированием которых имеют глубокие корни в прошлом. Эти комплексные нормы составляют менталитет нацио-

нальности. Духовный облик какой национальности раскрывается через знакомства с нормами менталитета. Также через перевод мировое сообщество ярче представляет духовный мир нации, её обычаи и традиции как ут-

верждает наш Президент в своём труде «Юксак маънавият — энгилмас куч»: «За последние годы появляются большие возможности перевода на иностранные языки лучших образцов нашей национальной литературы и на этой основе демонстрацию образа жизни нашего народа и его человеческих достоинств. Однако, к сожалению, в этом вопросе мы до сих пор не добились практических результатов, бросающихся в глаза» [1, с. 176]

При переводе могут возникнуть прагматические проблемы, если переводчик не ознакомится с менталитетом народа переводимого и переведенного языков. С целью изучения национального менталитета переводчику необходимо владеть теоретическими знаниями об истории нации, её прошлом и настоящем, о её происхождении. Этот комплекс знаний в переводе называется также фоновым. Переводчик, владеющий не только знаниями языка, но и фоновыми, может создать переводный труд, близкий к оригиналу. Проанализируем следующий перевод:

П.Э.

Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы все-таки мой.

Смеётесь! — В блаженной крылатке дорожной
Луна высока.
Мой — так несомненно и так непрележно,
Как эта рука.

Опять с узелком пойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.
Я Вас целовала! Я Вас колдовала!
Смеюсь над загробной тьмой!
Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала — Домой!

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И, если целого мира Вы мертвы,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, — чую Вас всюду,
— Что ленты от Ваших венков! —
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков.

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
— Письмо в бесконечность.
— Письмо в беспредельность. —
Письмо в пустоту.

П.Э

Қабрингиз устида кеч куз хазони,
Қиш яқин, шаксиз
Мени тингланг, мархум, эшитинг жоним,
Сиз меникисиз.

Куласиз! — Кумуш ранг йўлнинг кифтида
Ой турар юксак.
Билсангиз, сиз менга кераксиз жуда
Бамисли юрак.

Шифохона сари тагин тугунла
Боргум мен шоша.
Сиз эса кетгансиз ўзга бир юртга,
Уммонлар оша.

Мен сизни суярдим — юрагимда ўт!
Нахот тақдир отди мени шу куйга?!
Ўлимга ишонмам! Йўлга кўзим тўрт,
Қайтингиз уйга!

Майли, куз тўлдирсин дилга ғам-ангиз,
Мотам битигида сўзлар униксин.
Дунё учун гар сиз ўлган бўлсангиз
Мен ҳам ўлгум, чин.

Тириксиз — кўряпман ушбу дам хатто,
Рухингизга мотам эмаску сарҳад, —
Сизни унутмагум, сақлагум ёдда
Абадул — абад.

Биламан, бу янглиг ваъдалар бари
Пуч ва бефойда.
Йўлларимиз кабидир соғинч хатларин
Манзилсиз жойга.

(перевод Мирпулат Мирзо)

Читая перевод стихотворения с русского языка узбекский, можно подумать, что «переводчик тоже женщина». Дело в том, что при чтении перевода, в котором описывается пламенная страсть любви и сожаления о прошлом, исходящие от страдающей женщины не могут вас оставить равнодушным. Самое важное то, что в нем слышится не голос переводчика-мужчина, а душевные страдания поэтессы-женщины. Обращение к покойному на «вы» переводится на узбекский язык соответственно формой «сиз» (вы) и это воспринимается очень трогательно. Горе разлуки для всех одинаково, смерть не выбирает национальности, языка. Их последствия одинаково воспринимаются всеми живыми. При чтение перевода, в вашем воображении возникает узбекская женщина, разлученная со своим возлюбленным. Невольно ищешь слова для её утешения. Однако, когда переводчик осуществляет дословный перевод: «Я вас целовала», «Я вас колдовала» — не тускнеет ли образ печального ангела в воображении

узбекского читателя? Узбекский дух, узбекское мировоззрение в мировоззрении узбека не позволяет женщине быть выше мужчины в супружеских отношениях (использованию ими ласкательных слов по отношению к мужчине). День первого шага Адама к Еве закреплён в исламе как закон шариата. В свою очередь при использовании узбекской женщиной слов «Я поцелую» (даже, если по отношению к законному супругу) несколько пострадал бы духовный облик лирического героя перед узбекским читателем. Покорение же возлюбленного через колдовство издревле считается позорным, не одобряется и вызывает ненависть у узбеков. Переводчик, осознавший это, данные строчки настолько мастерски заменяет другими, что лексические значения не только не страдают, но изобретение становится ещё более прозрачным. «Мен сизни суярдим, юрагимда ўт!» — «Я вас любила, в сердце огонь!» Любить с огнём в сердце (душе) имеет большую смысловую нагрузку, чем «Я вас любила» и «Я вас колдовала», и рецептор воспринимает это как должное.

Иногда участие непосредственного языка может привести к сложным путаницам тех переводчиков, мировоззрения которых противоречивы друг другу. Такой перевод приводит к снижению подлинности оригинала. В следующем переводе С. Маршак некоторые строчки 3 сонета В. Шекспира на русский язык подводит под русский менталитет:

For where is she so fair whose unweared womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb
Of his self-love to stop posterity?

Подстрочный перевод:

Где бы женщина считалась очаровательной, если б была бесплодной?

Или же есть такой безумец, который бы ушел из жизни, Приостанавливая увеличение численности поколения ради своих развлечений?

Перевод С. Маршака:

Какая смертная не будет рада
Отдать тебе не тронутую новь?
Или бессмертия тебе не надо
Так велика к себе твоя любовь?

Перевод Ю.Шомансура

Масъум вужудини багишлаб сенга
Қай дилбар қувонмас, топмас тасалло?
Мангуликни писанд қилмайсан нега?
Ўзингга шунчалар қўйдингми бино?

Шекспир в данном сонете призывает друга создать семью, иметь ребёнка, жениться на женщине, любящей

детей, а не гоняться за кокетками. Это связано с тем, что в то время, когда в Европе уменьшалась численность населения, мужчины, предавшиеся увеселениям, не спешили жениться. Прекрасная женщина поэзии Шекспира — это женщина, любящая детей, всей душой поглощенная домашними делами деревенская женщина. Мировоззрение Шекспира заключается в возвеличении и оценивании женщины за её любовь к детям, за её ловкость, проворность в трудолюбии — всё то, что соответствует взгляду нашего народа, его узбекскому духу, мировосприятию. Переводчик достиг бы успеха при его непосредственном переводе. Нельзя обвинять русского переводчика С. Маршака за созданный перевод исходя из русского менталитета и «одобряемого» русским читателем. Однако в переводе С. Маршака потерян смысл — изобразительная выразительность шекспировской философии и индивидуального представления о красоте женщины, наблюдаемые в оригинале. Исходя из общего содержания, русский переводчик упростил смысл предложения в высшей мере. Причиной последнего является русское мировоззрение. В результате всего этого, в переводе утеряно воздействие оригинала, его впечатлительность. Если бы этот перевод несколько несвойственный для русского мировоззрения, был переведён на узбекский язык с оригинала, тогда, несомненно, узбекский читатель во многом осознал бы узбекский дух в шекспировском мировоззрении и ещё более возросла бы его любовь к поэту.

Переводчик Джамол Камол данный катрен перевёл на узбекский язык с оригинала следующим образом:

Қайси дилбар сенга қучоғин очмас,
Қайси жонон қўрмас меҳрини раво?
Шунча худбинмисан ўзинг билан маст
Авлоддан ўлимни қўрасан авло?

Также, как и у каждого писателя и поэта есть свой стиль, переводчики также владеют своим стилем. Например, народный писатель Узбекистана Джамол Камол в одной из своих бесед сказал о том, что «в процессе перевода оригиналов трагедий и сонет В. Шекспира с английского языка на узбекский, на письменных столах должны быть и переводы на русский язык. В некоторых же случаях, с целью изображения высокого пафоса стихотворений В. Шекспира, необходимо опираться на переводы С. Маршака, отлично справившегося с этим».

С. Маршак:

Какая смертная не будет рада
Отдать тебе не тронутую новь?

Дж. Камол:

Қайси дилбар сенга қучоғин очмас,
Қайси жонон қўрмас меҳрини раво? [2, с. 64]

Как мы видим, эти последние строчки являются Самуил Маршakovским переводом, хотя и произведён перевод с английского языка. В них, содержание оригинала:

For where is she so fair whose unneared womb
Disdains the tillage of thy husbandry?

Подстрочный перевод:

Где бы женщина считалась очаровательной, если б была бесплодной?

Или же есть такой безумец, который бы ушел из жизни,

произведённого подстрочным переводом на узбекский язык, вовсе не наблюдается мировоззрение автора.

Такой порядок работы для переводчика, владеющего языком оригинала, когда две строчки одного катрена берутся с русского, последние 2 катрена переводятся с английского, и, приклеив к переводу ярлык, «сделанный с оригинала», не вызывает одобрения. Возможности узбекского языка достаточны при непосредственном переводе оригинала с английского языка для передачи шекспировского пафоса и доведения его до читателя. Требуют прощения и понимания работы переводчиков, не знающих языка оригинала, и, в связи с велением условий, опирающихся на посредственный язык. Так впервые знакомство узбекского читателя с мировой литературой происходит через переводы с русского языка. Этот катрен с оригинала можно было перевести следующим образом:

Литература:

1. Каримов И. Юксак маънавият — энгилмас куч. — Тошкент: Маънавият, 2008. — 176ст.
2. Шекспир В. Сонетлар / Инглиз тилидан Жамол Камол таржимаси. — Т.: Вектор-Пресс, 64ст
3. Файзуллаев Р. Бадиий таржимада миллий колоритни қайта яратиш масаласига доир. Филол. фанлари номзоди ... дисс. — Т., 1991. — 202 ст.
4. Шекспир В. Сонетлар / Инглиз тилидан Жамол Камол таржимаси. — Т.: Вектор-Пресс, 2009. — 175ст.
5. Иброҳим Гофуров. Таржимонликка кириш — Т.: Мехригиё, 2008. — 120ст.
6. Марина Цветаева шеърларидан таржималар / Мирпўлат Мирзо таржимаси. — Жаҳон адабиёти. №1.2010. — 38 ст.
7. Марина Цветаева. Собрание сочинений.
8. Ш. Сирожидинов., Г. Одилова. Бадиий таржима асослари. — Т.: Мумтоз сўз, 2011. — 166ст.

Безэквивалентная лексика на страницах газеты «Вечерний Гродно»

Павлова Дарья Дмитриевна, магистрант
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

Под безэквивалентной лексикой имеются в виду иноязычные слова и словосочетания, обозначающие предметы, процессы и иные реалии жизни, которые на данном этапе не имеют в языке перевода эквивалентов. Безэквивалентная лексика — лексические единицы, ко-

Сулув саналгайми кимки мевасиз,
Бош тортса рўзгоринг хизматларидан,
Ё дунёда борми шундайин эссиз
Севги чун воз кечса дилбандларидан.

Не следует забывать о том, что в процессе перевода через посредственный язык, высока опасность потери авторского мировоззрения и стиля. Неодобряемые переводчиком положения мировоззрения с посредственного языка могут быть встречены положительно со стороны последующей переводческой аудитории (переводящий через посредство языка).

Не следует слепо опираться на этот перевод, не изучив метода переводчика оригинала. Иногда переводчики с целью перевода художественного произведения с какого-либо языка изучают мировоззрения людей, говорящих на этом языке.

В качестве выводов следует отметить, что переводчик художественного произведения не должен упускать из виду то, как будет восприниматься мировоззрение автора и произведение на переведённом языке, а также, в какой мере перевод соответствует мировоззрению читателя, т.е. не упускать из виду прагматику рецептора. Это связано с тем, что проблема мировоззрения и менталитета играют важную роль в художественном переводе. Одной из актуальных задач переводоведения в этом направлении является анализ непосредственных художественных переводов, исследование проблем передачи мировоззрения и менталитета в переводе.

которые не имеют переводческих эквивалентов в языке перевода [3, с. 234]. Безэквивалентность устанавливается в рамках данной пары языков, т.е. список реалий данного языка в синхроническом плане более или менее устойчив.

Безэквивалентная лексика обнаруживается, главным образом, среди неологизмов, среди слов, называющих специфические понятия и национальные реалии, и среди малоизвестных имен и названий, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода [1, с. 56].

В результате проведенного исследования на базе материалов газеты «Вечерний Гродно» (ВГ) за 2009–2010 годы было выделено 55 примеров лексических единиц, содержащих в своем значении культурный компонент. Основой для систематизации выявленной лексики послужил предметный и смешанный принцип. Отбор лексики производился исходя из целесообразности его использования в практике преподавания РКИ. Из имеющегося в распоряжении материала, можно классифицировать безэквивалентную лексику следующим образом:

- I. Этнографическая лексика;
- II. Ономастическая лексика;
- III. Общественно-политическая лексика;
- IV. Рекламная лексика;
- V. Географическая лексика [2, с. 31].

Выделенные группы безэквивалентной лексики имеют достаточно сложный состав:

- I. Этнографическая лексика:

1. Быт

- а) пища, напитки:

У них борщ всегда на столе. (ВГ). — 2010–17 февраля — с. 6

Без дранников нельзя вообразить нашу жизнь. (ВГ). — 2009–16 декабря — с. 14

Бублики к чаю. (ВГ). — 2010–3 февраля — с. 20

На первое у нас была солянка. (ВГ). — 2010–10 марта — с. 11

Каравай был очень вкусным. (ВГ). — 2010–3 марта — с. 15

Квас хорош в жару. (ВГ). — 2009–10 июля — с. 21

Водка вредна для здоровья. (ВГ). — 2010–20 января — с. 8

В бутылке находился самогон. (ВГ). — 2010–27 января — с. 19

Данные напитки и еда имеют распространение в странах бывшего СССР и не характерны для других народов, поэтому иностранным студентам необходимо объяснять особенности национальной кухни народа, чей язык они желают освоить. Подобные разъяснения просто необходимы, чтобы иностранец не попал в неудобное положение, так как с подобной лексикой он может столкнуться на каждом шагу.

- б) жильё:

Большая дача. (ВГ). — 2010–21 апреля — с. 9

Общежитие находилось рядом. (ВГ). — 2010–5 мая — с. 12

Изба в лесу. (ВГ). — 2010–20 января — с. 23

Халупа разваливается. (ВГ). — 2009–16 декабря — с. 5

Подобные названия жилья широко распространены в

русскоязычной среде, но для иностранца они могут быть не знакомы. Следует давать определения подобных построек, чтобы иностранец всегда мог внятно изъясниться на улице.

2. Бытовые заведения:

- а) Увеселительные заведения:

Пивная находится за углом. (ВГ). — 2009–30 декабря — с. 22

Мы пошли в закусную. (ВГ). — 2010–17 февраля — с. 24

Появилась новая блинная. (ВГ). — 2010–17 февраля — с. 23

- б) Магазины:

Пошли в универмаг. (ВГ). — 2010–10 февраля — с. 7

Маленький хозмаг. (ВГ). — 2010–10 февраля — с. 6

Данные бытовые заведения многочисленны на территории бывшего СССР, поэтому следует знакомить студентов с подобной лексикой, чтобы они могли успешно совершить покупки и хорошо провести время.

3. Транспорт.

Здесь можно выделить группу безэквивалентной лексики, обозначающей марки автомобилей, встречающихся в большом количестве на страницах газеты: «Жигули», «Москвич», «Запорожец»:

Поехал старенький «Запорожец». (ВГ). — 2010–21 апреля — с. 3

«Москвич» обогнал автобус. (ВГ). — 2010–21 апреля — с. 4

4. Средства массовой информации:

- а) Газеты:

«Вечерний Гродно» объявил конкурс. (ВГ). — 2010–5 мая — с. 8

«Советская Беларусь» писала об этом. (ВГ). — 2009–14 ноября — с. 10

- б) передачи, фильмы:

В фильме «Старые клячи» была та же история. (ВГ). — 2009–10 июня — с. 17

Мы смотрели «Доброе утро, Беларусь!». (ВГ). — 2010–12 мая — с. 22

Иностранцев студентов следует знакомить с названиями русскоязычных передач, газет. Подобная информация будет полезна для расширения их кругозора.

5. Одежда:

Телогрейка меня согрела. (ВГ). — 2010–27 января — с. 14

Он был в валенках. (ВГ). — 2010–13 января — с. 10

Шапка-ушанка ей не подошла. (ВГ). — 2009–30 декабря — с. 17

Иностранцу необходимо знать названия одежды, которые широко распространены в русскоязычной среде. В противном случае он будет часами выбирать себе одежду.

6. Религия:

Взгляните на иконостас. (ВГ). — 2009–12 декабря — с. 14

7. Отдых, времяпрепровождение:

Субботник прошел успешно. (ВГ). — 2010–24 апреля — с. 20

Мы были в парке культуры. (ВГ). — 2010—24 апреля — с. 21

8. Обычаи, традиции, праздники:

Поздравляем с праздником 8 Марта. (ВГ). — 2010—8 марта — с. 2

В День Победы дарили цветы. (ВГ). — 2010—12 мая — с. 3

Иностранцы обязаны знать главные праздники народа, чей язык они изучают. Эти знания являются знаком уважения к культуре и традициям русскоязычного населения.

9. Образование:

В зачетке поставили оценку. (ВГ). — 2010 — 12 мая — с. 8

Безэквивалентная лексика в сфере образования особенно необходима иностранным студентам, так как эта лексика входит в их повседневный обиход. Без данного запаса слов они просто не смогут нормально учиться и общаться.

II. Ономастическая лексика:

1. Антропонимы. Представлены самые разные типы:

а) личные имена:

Ваня пришел домой. (ВГ). — 2010—5 мая — с. 25

Таня играла на скрипке. (ВГ). — 2010—5 мая — с. 23

б) фамилии:

Иванова участвовала в конкурсе. (ВГ). — 2009—23 ноября — с. 15

Белуосов не взял сдачу. (ВГ). — 2009—20 октября — с. 7

в) сочетание «имя+фамилия»:

Выступление пианиста Алексея Петрова. (ВГ). — 2010—17 февраля — с. 23

Бронзовая награда досталась Дарье Домрачевой. (ВГ). — 2010—2 февраля — с. 9

2. Имена знаменитых людей, писателей, выдающихся личностей:

Сталин был не против подобных действий. (ВГ). — 2009—7 мая — с. 10

Максим Богданович здесь писал свои творения. (ВГ). — 2009—3 марта — с. 5

Иностранным студентам целесообразно знать наиболее распространенные русскоязычные имена, фамилии, а тем более имена и фамилии исторических личностей.

3. Топонимы:

а) названия городов:

В Гродно открылась новая выставка. (ВГ). — 2009—23 апреля — с. 29

В Минске был салют. (ВГ). — 2010—12 мая — с. 4

б) названия улиц, районов города:

Люди бодро шагали по улице Ленина. (ВГ). — 2010—12 мая — с. 3

Она всю жизнь прожила на улице Репина. (ВГ). — 2010—12 мая — с. 14

Подобные знания топонимов необходимы иностранцами для спокойного проживания в стране и городе, где они обучаются русскому языку.

III. Общественно-политическая лексика:

1. Исполнительные учреждения:

Районный исполнительный комитет утвердил данное положение. (ВГ). — 2010—21 апреля — с. 12

Заседание городского исполнительного комитета прошло успешно. (ВГ). — 2010—1 марта — с. 28

2. Государственные служащие:

Депутаты были очень заняты. (ВГ). — 2009—15 марта — с. 14

Председатели исполкомов не могли прийти к единому мнению. (ВГ). — 2009—3 апреля — с. 5

IV. Рекламная лексика:

Артезианская вода «Веда» будет Вам полезна. (ВГ). — 2010—21 апреля — с. 40

«Малюткина одежда» — белье для новорожденных. (ВГ). — 2010—21 апреля — с. 44

V. Географическая лексика:

1. Флора:

Появились первые пролески. (ВГ). — 2009—6 марта — с. 22

Сирень цвела в саду. (ВГ). — 2009—10 мая — с. 14

2. Фауна:

У Варвары Ивановны в хозяйстве было три хрюшки, а также несколько кур-несушек. (ВГ). — 2009—20 декабря — с. 25

В Гродненском зоопарке зубры дали потомство впервые за последние пять лет. (ВГ). — 2009—2 марта — с. 31

Итак, необходимо отметить, что вся выделенная безэквивалентная лексика является разной по происхождению. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что на страницах газеты «Вечерний Гродно» преобладает этнографическая безэквивалентная лексика, в частности лексика быта, меньше всего встречается географическая безэквивалентная лексика.

Литература:

1. Брагина, А.А. Лексика языка и культура страны в лингвострановедческом аспекте / А.А. Брагина. — Москва: Русский язык, 1989. — 223 с.
2. Верещагин, Е.М. Язык и культура: лингвокраеведение преподавания русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин. — Минск: ТетраСистемс, 1999. — 60 с.
3. Словарь лингвистических терминов / Ин-т языкознания АН СССР; редкол.: О.С. Ахманова [и др.]. — М.: Советская энцикл., 1969. — 400 с.

М.Ю. Лермонтов и К.П. Брюллов: жизненные и творческие связи

Поташова Ксения Алексеевна, магистрант
Московский государственный областной университет

В культуре конца XVIII и особенно первой трети XIX века существовала неразрывная связь между различными родами искусства. В литературе и живописи раскрывались родственные мотивы, применялись психологический и социальный анализ, тщательно разрабатывались отдельные сцены и эпизоды. Театр, живопись, скульптура, музыка несомненно влияли на создание поэтом и писателем словесного портрета, пейзажа, интерьера. Большой интерес представляют суждения писателей об изобразительном искусстве, размышления художников о литературе, личностные и творческие связи поэтов и живописцев.

Среди поэтов и писателей можно встретить немало хороших художников. Однако живописное наследие Лермонтова среди графики, иллюстраций, портретов и пейзажей других литераторов стоит особняком, отличается особым профессионализмом. Учителями еще юного поэта были талантливый, но малоизвестный художник А.С. Солоницкий и известный художник П.А. Заболотский. В письмах поэта можно найти указание на интерес, который он с ранних лет проявлял к изобразительному искусству. В декабре 1828 г. в письме к М.А. Шан-Гирей поэт писал: «Скоро я начну рисовать с бюстов... Какое удовольствие! К тому же Александр Степанович мне показывает также, как должно рисовать пейзажи» [1] [VI; с. 404].

Анализируя манеру Лермонтова-рисовальщика, исследователи определили близость его картин к наследию К.П. Брюллова (1799–1852). Так, Н.Н. Врангель в статье «Лермонтов-художник» писал: «Лермонтов ближе всего примыкает к Брюллову, то есть отражает, как и все дилетанты вообще, наиболее яркое и господствующее течение в искусстве» [2; с. 211–212].

Поэт с юных лет был знаком с преданным учеником Брюллова М.Е. Меликовым (1818 – 1896). В Академии художеств под наставничеством Брюллова М.Е. Меликов учился с 1837г, до этого года жил в Москве. С Е.А. Арсеньевой в дружеских отношениях находился дядя М.Е. Меликова – герой Бородинского сражения П.М. Меликов. «Заметки и воспоминания художника-живописца» М.Е. Меликова ценны тем, что в них представлен яркий портрет Лермонтова: «В детстве наружность обращала на себя большое внимание: приземистый, маленький ростом с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза эти, с очень умными, черными ресницами <...> производили чарующее впечатление <...>. Во время вспышек гнева они

были ужасны. Я никогда не в состоянии был написать портрета Лермонтова <...> и, по моему мнению, один только К.П. Брюллов совладал с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды (по его выражению, вставить огонь в глаза)» [3; с. 73–74]. Однако внешность Лермонтова не произвела впечатления на К.П. Брюллова, хотя обычно в гостиных петербургского света художник присматривался, оценивал окружающее. Из воспоминаний ученика К.П. Брюллова М. Железнова стали известны детали встречи поэта и художника: «Одна петербургская дама, узнав, что Брюллов очень интересовался видеть Л., вздумала сделать ему удовольствие, познакомить его с Михаилом Юрьевичем у себя за обедом. Первое свидание этих двух знаменитостей было последним. Физиономия поэта произвела на Брюллова глубокое неприятное впечатление, которое осталось на всю жизнь и, временами, довольно часто мешало ему восхищаться стихотворениями Л.» [4; с. 81].

Личная встреча Лермонтова с Брюлловым могла произойти и в салоне Карамзиных, о чем можно судить по воспоминаниям В.А. Соллогуба: «У них каждый вечер собирался кружок, состоявший из цвета тогдашнего литературного и художественного мира. Глинка, Брюллов, Даргомыжский, словом, что носило известное в России имя в искусстве, прилежно посещало этот радушный, милый, высокоэстетический дом» [5; с. 348]. В этих же воспоминаниях приводится эпизод о том, как Лермонтов читал в гостиной Карамзиных свои стихотворения. Известны отзывы Брюллова на лирику Лермонтова, в которой художник находил отклики своим мыслям и переживаниям.

Брюллов не выполнил портрет Лермонтова, портрет, который мог бы занять достойное место во всей портретной галерее художника. Но можно считать удивительным тот факт, что в живописном наследии самого поэта сохранился графический набросок мужского профиля, предположительно портрет К.П. Брюллова.

Этот набросок был найден в бумагах Лермонтова и помещен в полном собрании сочинений поэта 1910–1913 гг. В этом же издании помещена статья Н.Н. Врангеля «Лермонтов-художник», в которой автор попытался атрибутировать рисунок и представил свое заключение: «Здесь на листе бумаги, рядом с головой какого-то неизвестного господина в очках, нарисован очень четко и метко характерный профиль Брюллова» [2; с. 216].

Интерес Лермонтова к Брюллову закономерен и по причине широкой популярности художника, и по причине близости тематики их произведений.

Рис. 1. Предположительный портрет К.П. Брюллова, найденный в бумагах М.Ю. Лермонтова

Особую известность Брюллову принесла его картина «Последний день Помпеи». На работу живописца откликнулись многие литераторы «золотого века» русской культуры. В.А. Жуковский назвал это полотно «богновенным видением», Н.В. Гоголь опубликовал апологетическую статью о картине, А.И. Герцен считал ее величайшим произведением русской живописи. И в творческом наследии Лермонтов имя Брюллова впервые упоминается в связи с полотном «Последний день Помпеи». Поэт писал о картине в романе «Княгиня Лиговская» (1836): «Если вы любите искусство, то я могу сказать весьма приятную новость, картина Брюллова «Последний день Помпеи» едет в Петербург. Про нее знала вся Италия, французы ее разобрали» [VI; с. 164]. Из этих слов становится ясно, что Лермонтову были известны резкие отклики французских газет на картину — несколько периодических изданий подвергли критике работу Брюллова. В мае 1834 года газета «Debats» сообщила о том, что «в этом произведении нет воодушевления, она оставляет зрителя холодным и невнимательным» [6; С. 503].

Выдержки из французской критики были напечатаны в журнале «Библиотека для чтения» (1834, т. IV, раздел «Смесь», статья «Карл Брюллов в Париже»). В статье приведены отзывы журнала «L'Artist» на картину, упреки за большие размеры полотна, за то, что картина в своей манере изображения опоздала на 20 лет. По всей вероятности, Лермонтову эта критика была известна.

Интересно, что еще в начале 1830-ых годов в письме к М.А. Шан-Гирей поэт писал о «приторном вкусе французов, не умеющих обнять высокое» [VI; с. 407]. Из этого письма 1831—1832 гг. видно отношение Лермонтова к мнению французов: критиковать картину — значит изменить истинному вкусу.

Тема общей гибели и разрушения была созвучна эпохе. В первой трети 19 века в России и в Западной Европе родилось ощущение неизбежности крупных общественных перемен, грозных исторических потрясений. Отечественная война 1812 года, восстание декабристов в России,

Рис. 2. К.П. Брюллов «Последний день Помпеи», 1833

движение карбонариев в Италии, польские восстания, июльская революция во Франции — всё это говорило о неизбежном крушении старого мира. Гибель Помпеи в этом контексте исторических событий стала символом неизбежных потрясений и изменений в жизни народов, эсхатологическим сюжетом в поэзии и живописи. Годовщина Бородинского сражения, десятилетие со дня смерти Наполеона ещё больше подтолкнула мыслящее общество 1830-х годов к определению роли России во всемирной истории.

Для романтического искусства была важна персонафикация героических деяний — в стихотворениях звучали имена партизана Дениса Давыдова, атамана Матвея Платова — также в 1830-х годах творческий ум поэтов и художников притягивала необыкновенная судьба французского императора. Принципы воплощения наполеоновской темы в разных произведениях были отличны, внимания к эпохе Наполеона было не только интересам исторического характера. Сама жизнь французского императора явилась предметом размышлений о роли человека, о его значении в истории.

К сожалению, законченной картины Брюллова о событиях 1812 года не сохранилось. До сегодняшнего дня дошли лишь несколько эскизов, среди которых «Отступление Наполеона из Москвы», «Наполеон у окна Кремля». Впервые идея создания картины, посвящённой событиям Отечественной войны 1812 года, возникла у Брюллова в 1836 году во время приезда в Москву. Им был выполнен ряд набросков, до сегодняшних дней не сохранившийся. О размышлениях художника над образом Наполеона мы можем говорить, ссылаясь только на графику 1850—1852 года. Это работы — «Пожар Москвы и Наполеон»,

«Наполеон у окна Кремля». Эти сюжеты были разработаны в 1836 году — известно, что художник много работал на территории Кремля.

В восприятии личности французского императора Наполеона Бонапарта Лермонтовым и Брюлловым можно

Рис. 3. К.П. Брюллов «Наполеон у окна Кремля»,
1850–1852

Рис. 4. К.П. Брюллов Портрет Ю.П. Самойловой,
1839

провести аналогии. Художник, обращаясь к теме Отечественной войны, «народную эпопею», батальные сцены, схватку русской и французской армии. В графических портретах Наполеона Бонапарта художник сумел создать жизненный образ императора, осознавшего бессмысленность своего похода. Неслучайным стал и выбор сюжета для будущего полотна «Отступление Наполеона из Москвы» — на картине представлен пожар Москвы. Адьютант Наполеона граф де Сюгер писал в воспоминаниях: «Это завоевание, стоившее таких жертв, уподобилось ускользающему призраку: казалось, он схватил его, но оно рассеялось в клубах дыма и пламени» [7; С. 142]. Очень точно удалось К.П. Брюллову выразить состояние полного распада некогда сильной армии в покидающей Москву толпе.

Важен образ Наполеона и в поэзии Лермонтова. С одной стороны поэт стремился постичь суть величия, могущественности французского императора — стихотворения «Эпитафия Наполеона» (1830), «Святая Елена» (1831), «Воздушный корабль» (1840):

Да тень твою никто не порицает,
Муж рока! Ты с людьми, что над тобою рок;
Кто знал тебя возвесть, лишь тот низвергнуть мог:
Великое ж ничто не изменяет.
«Эпитафия Наполеона» (1830), [I; с. 104]

В других стихотворениях — «Два великана» (1832), «Поле Бородина» (1831), «Бородино» (1837) Лермонтов показывает обреченность наполеоновской попытки покорить Россию:

Но улыбкой роковую
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!
«Два великана» (1832), [II; с. 51]

«Хоть побежденный, но герой» — так писал о Наполеоне поэт, так воспринимали его и Лермонтов, и Брюллов.

В творчестве поэта и художника можно встретить еще одну историческую закономерность — обличение лицемерия. Эта тема появилась неслучайно: война — время подвигов, отказа от провоцируемой светским обществом лживости человеческих отношений. Контракт жизни светского общества и недавнего героического прошлого стал поводом к появлению в произведениях Лермонтова и Брюллова темы маскарада.

Другое название портрета Ю.П. Самойловой, выполненного Брюлловым в 1839 году «Маскарад». На втором плане картины представлено грандиозное лицедейство, словно отвечающее определению средневекового драматургического жанра маски — «соединение в рамках одного представления диалога, музыки и танца; декоративная пышность; преобладание элементов зрелищности над единством действия и сюжетом» [8; с. 510]. Эту картину можно рассматривать как живописное переложение драмы Лермонтова «Маскарад» (1836–1837):

Напрасно я ишу повсюду развлечения.
Пестреет и жужжит толпа передо мной...
Но сердце холодно, и спит воображенье:
Они все чужды мне, и я им всем чужой! [V; с. 190]

На картине Брюллова представлен всеобщий маскарад жизни, на котором каждый пытается выдать себя не за того, кем является. Друг за другом изображены Арлекин в красном мексиканском одеянии и Меркурий, что-то нашептывающий султану-властителю. В «Маскараде» Лермонтова читаем:

Весь этот пестрый сброд — весь этот маскарад
Еще в уме моем кружится.
И что же я там делал, не смешно ль!..

Давал любовнику советы,
 Догадки потерял, слышал браслеты...
 И за других мечтал, как делают поэты... [V; с. 370]

На первом плане картины Брюллова — Ю.П. Самойлова, полная достоинства, скинувшая пренебрежительно маску. Вокруг — мир лжи и лицедейства. Сам Брюллов указал на то, что изобразил на картине «маскарад жизни». Идея и тема полотна созвучна с драмой М.Ю. Лермонтова «Маскарад», в центре которой герой — жертва несправедливости общества, окруженный злобой и враждой «света», одновременно трагическая и величественная фигура.

Интерес искусства первой трети XIX века к теме маскарада отметила Г.К. Леонтьева в книге «Карл Брюллов». Действительно, в 1839 г. художник написал портрет Ю.П. Самойловой, в 1840 г. была опубликована драма М.Ю. Лермонтова «Маскарад», а с 1841 г. приехавший в Санкт-Петербург О. Балзак начал работу над циклом произведений, составляющих единое полотно всемирного лицемерия, корыстолюбия, коварства и тщеславия. «Маскарад жизни», «человеческая комедия» — «точка отсчета нравственных ценностей, оказавшаяся родственной у великого нравописателя Франции, у его ровесника — русского живописца Брюллова и у лучшего

после гибели Пушкина поэта России» [9; с. 250].

Интерес Брюллова к анализу души человека проявлен в целой галерее замечательных портретов, созданных в России. Портреты Н.В. Кукольника (1836), А.Н. Струговщикова (1840), И.А. Монигетти (1840) — работы, в которых ощущается внутренний мир героя, сплетение чувств, мыслей и портретируемого, и самого художника. К.П. Брюллова занимали переживания человека, погруженность в себя, отстранение от окружающего мира. Удивительно цельным стал портрет поэта А.Н. Струговщикова — переводчика «Фауста». В портрете воплощена идея произведения Гете — стремление к познанию истины, и тонко передано настроение рефлексии, характерное для поколения 1830–1840-х годов. Эти проблемы поставлены и во многих произведениях Лермонтова, что число в романе «Герой нашего времени».

Несмотря на отсутствие дружеского общения между Лермонтовым и Брюлловым, их творчество неоднократно перекликалось, для их произведений были характерны общие идеи и настроения, что обусловлено как принадлежностью русских гениев одной эпохе и одной культуре, так и самим феноменом гениальности, проявившемся в верной способности выделить главное, определяющее в череде исторических и просто бытовых событий.

Литература:

1. Лермонтов М.Ю. Соч. в 6 т. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1954–1957 гг. — Т. VI. С. 404. Далее цитаты будут приведены по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.
2. Врангель Н.Н. «Лермонтов-рисовальщик» // Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: в 5 т. СПб.: Разр. изящн. словесности при Имп. Академии наук, 1910–1913. — Т.V. С. 211–212.
3. Меликов М.Е. Заметки и воспоминания художника-живописца // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художеств. лит., 1989. — С. 73–74.
4. Брюллов К.П. Неизданные письма и документы для его биографии с предисловием и примечаниями М. Железнова. Женева, 1867. — С. 81.
5. Соллогуб В.А. Из воспоминаний // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художеств. лит., 1989. — С. 348.
6. Цит. по: Ацаркина Э.Н. К.П. Брюллов. М.: Искусство, 1963. — С. 503.
7. Цит. по: Леонтьева Г.К. Карл Брюллов. М.: Искусство, 1983. — С. 142.
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. — С. 510.
9. Леонтьева Г.К. Карл Брюллов. М.: Искусство, 1983. — С. 250.

Лексическая структура княжеского жития (на примере сказания о Борисе и Глебе в синодальной редакции)

Уварова Ирина Юрьевна, преподаватель церковнославянского языка
 МОУ Центр «Истоки» (г. Волгоград)

Жития святых уже достаточно глубоко исследованы в филологической науке (см., например, обзоры научной литературы [1; 4; 6]). Чаще всего объектом внимания исследователей становятся житийные тексты, со-

зданные в древнерусский и старорусский периоды, а агиографические произведения в синодальной редакции остаются мало изученными. Выявление особенностей лексической структуры синодальных житий позволяет

нам говорить о том, что они выполняют функцию воспитания добропорядочного христианина, формируют у современного читателя представления о добре и зле, жизни и смерти и других мировоззренческих категориях.

Агиографическая литература направлена на поучительное воздействие, поскольку примером своей жизни святой утверждал истинность христианских заповедей. Житие святого рисует нравственный идеал человека, достигшего полного торжества духа над грешной плотью, победы над земными страстями [8, с. 39]. Агиографическое повествование — это не столько описание жизни святых (хотя именно из житий мы узнаем о жизненных и духовных перипетиях многих русских подвижников), сколько повествования о различных путях обретения (достижения) святости, которые имели в своей основе одну цель — уподобление, подражание Христу-Спасителю. Такое уподобление могло проявляться в страданиях и мученической смерти святого, а также в богоугодной, праведной, подвижнической его жизни [10]. В наших предыдущих работах мы рассматривали лексическую структуру подвижнического и великомученического житий [см. 11; 12]. В данной статье охарактеризуем фрагмент лексической структуры княжеского жития — Сказания о Борисе и Глебе (далее — Сказание), поскольку оно относится к княжеским житиям, повествующим о христианских мучениках — страстотерпцах, русских князьях, Борисе и Глебе. Это наименование может прилагаться ко всем мученикам, претерпевшим страдание во имя Христово. Преимущественно же оно относится к тем святым, которые приняли мученическую кончину не от гонителей христианства, но от своих единоверцев — в силу их злобы, коварства, заговора. Соответственно, в данном случае подчеркивается особый характер их подвига — беззлобие и непротивление врагам [5, с. 105].

Принимая во внимание разные толкования термина «лексическая структура текста», мы опираемся на определение, предложенное В.В. Степановой: «лексическая структура текста — это одна из составляющих в иерархической структуре его содержания, это лексическое обеспечение выражения этого содержания» [7, с. 189]. Поскольку слово, актуализируя в тексте то или иное свое значение, реализуется во многих системных отношениях, целесообразным считаем применение комплексного подхода, разрабатываемого в лингвистической школе профессора С.П. Лопушанской [2], при котором разграничиваются семантическая структура слова, сложившаяся в системе языка, и смысловая структура словоформы, функционирующей в контексте, а также два типа семантических изменений в смысловой структуре словоформы — семантическая модуляция (при сохранении исходной категориально-лексической семы) и семантическая деривация (при изменении исходной категориально-лексической семы) [9].

Построение текста рассматриваемого жития отличается от канонического жития византийского типа. В нем нет последовательного описания жизни святых — от ро-

ждения до смерти, а рассказан только один эпизод — убийство Святополком братьев Бориса и Глеба из-за политического соперничества. В соответствии с этим текст Сказания можно разделить на следующие части: 1) мученическая смерть Бориса и Глеба и изгнание Святополка Ярославом; 2) обретение и пренесение честных мощей святых страстотерпцев Бориса и Глеба, в крещении Романа и Давида; 3) чудеса исцеления людей, происходившие на мощах святых мучеников. Смысловые доминанты каждой из композиционных частей находят свое выражение в глагольной лексике, поскольку глагол как самая емкая по своему содержанию часть речи раскрывает разнообразные проявления деятельности человека, его состояний, отношений между людьми.

1. Мученические страдания святых братьев и преданных Борисовых отроков (младших членов княжеской дружины) раскрываются в тексте Сказания при помощи разнообразных глагольных словоформ с категориально-лексической семой «физическое воздействие на объект» (*ударити, отсекаати, избити, вонзити, напасти, мучити, пререзати, падати, уязвити* и др.) (при цитировании используется упрощенная графика), например: *и се окаяннии убийцы, яко зверие лютиши, внезапно нападоша со оружием* (Сказание, с. 62); *сами бояре вышегородскии окаяннии удариша бориса святаго копиями и прободоша его* (Сказание, с. 62). Данные глаголы в тексте употребляются в прямом значении, называют действия, связанные с отрицательным воздействием на объект.

Святые братья уподобляются Христу-Спасителю и готовы принять мученическую смерть, что передается в тексте с помощью глаголов прекращения бытия, употребленных в прямом значении: *погубити, убити* со значением «лишить жизни», например: *сие же глаголаше лукаво, ищущи како бы погубити бориса* (Сказание, с. 61); *по убиении святаго бориса, мысляше окаянный святополк, како бы еще и глеба убити* (Сказание, с. 63).

Отмщение, справедливое возмездие и изгнание братоубийцы Святополка новгородским князем Ярославом Мудрым изображается в тексте с помощью глаголов избавления в прямом значении (*победити, прогоняти*), например: *овогда бо ярослав святополка побеждаше и прогоняше* (Сказание, с. 66), глаголов соединения (*совокупити*) и противодействия (*сразитися*): *совокупи полки воев своих, и сразися с силою святополчею* (Сказание, с. 66), глаголов нанесения удара (*битися и сецися*): *бе же пяток той день: и бишася обе страны крепко* (Сказание, с. 66); *за руки бо емлющеся сечахуся* (Сказание, с. 66), глагола поступка и поведения (*отмстити*): *судие праведнейшии, отмсти кровь праведных сих* (Сказание, с. 66), глаголов победы (*одоleti*).

Для лексической структуры Сказания характерно, что лексико-семантические отношения внутри текста строятся на основе оценочного компонента. Глаголы с кате-

гориально-лексической семей 'физическое воздействие на объект' вступают в антонимические отношения с глаголами с категориально-лексической семей 'избавление', называя противоположные действия: *напасти — прогоняти, уязвити — победити*, выражая на лексическом уровне противопоставление правопорядка, родового старшинства в системе княжеского наследования, основанных на верности, уважении и любви, и властолюбия, заключающегося в жестокости, насилии и приводящего к междоусобным войнам.

Эмоциональные, внутренние переживания святых братьев по поводу кончины отца, святого равноапостольного великого князя Владимира, плач Глеба по убиенному брату репрезентируются в Сказании глаголами внешнего проявления отношения (*плакати, възрыдати*) и глаголом прикосновения *лобзати*, например: *блаженный же князь борис то слышав, нача плакати по отце своем* (Сказание, с. 60); *почто не сподобихся лобзати честныя седины твоя, отче мой* (Сказание, с. 60); *и възрыда глеб вельми, и плакаше горько по отце, и по убиенном брате* (Сказание, с. 64). Глаголы *возрыдати, лобзати* маркированы как фонетические, словообразовательные, лексические церковнославянизмы.

Высокая духовность, молитвенность, благочестие, бескорыстие, почитание старших — все эти христианские ценности, исповедуемые Борисом и Глебом, раскрываются в тексте с помощью глаголов речевой деятельности, связанной с религиозными обрядовыми действиями (*молитися, молити*) или маркированные как церковнославянизмы (*глаголати, рещи, вопрошати*), например: *и ина многая умиленная словеса в плаче своем глаголаше* (Сказание, с. 60); *яко приближишися уже убийцы от святополка на убиение его, прилежнее убо нача молитися* (Сказание, с. 62), глаголом внешнего проявления отношения *поклонитися*, например: *а святой борис остася с своими отроки, и хотяше ити к брату святополку, еже поклонитися ему, воздаючи честь яко старейшему брату* (Сказание, с. 61), а также глаголов эмоционально-оценочного отношения в прямом (*любити*) и переносных значениях, возникающих в результате семантической деривации (*прияти*) при употреблении названного глагола в сочетании с абстрактными существительными, например: *ты и мене сподоби о имени твоём претерпети страдание сие, еже не от сопротивных, но от брата моего приемлю неповинно* (Сказание, с. 62). Кроме того семантическая деривация, приводящая к появлению эмотивного значения, обнаруживается при употреблении глаголов помещения объекта *возлагатися, возложити* в сочетании с существительным *Богъ*, например: *святой же не емляше тому веры, ...обаче смущашеся мыслию в день той и печалию одержим бяше, и возлагашеся на б (о)га* (Сказание, с. 61). В приведенном примере глагол *возлагатися* выражает значение «надеяться, полагаться, рассчитывать», реализуя категориально-лексическую сему 'интеллектуальная деятельность'.

Преставление святых братьев Бориса и Глеба и их отца, святого великого князя Владимира, передается глаголами прекращения бытия (*преставитися, предстати, скончати, скончатися*), например: *и тако скончася борис святой, месяца июля* (Сказание, с. 63); *и предста глеб святой хр (с)ту б (о)гу в небесном царствии* (Сказание, с. 65); *яко отец его святой князь владимир преставися на берестове* (Сказание, с. 60). Данные лексемы являются церковнославянизмами, причем глаголы *преставитися* и *предстати* маркированы как церковнославянизмы приставками *пре-* и *пред-*. Бесславная смерть Святополка передается другими глаголами прекращения бытия (*умрети, погибати*), нейтральными в стилистическом отношении, однако в противопоставлении с глаголами-церковнославянизмами, подчеркивающими неправедный конец его темной, обезличенной жизни, например: *бесом бо мучимый, умре телом вкупе и душею, погибе бо вечно, наследствовав геенну огненную* (Сказание, с. 67).

В данной композиционной части при описании эмоционального состояния персонажей используются метафорические конструкции (*исполнитися зависти, претерпети страдание*), в которых глагольные словоформы претерпевают семантические изменения деривационного характера, например: *исполнися сердце его беззаконнаго властолюбия, и каиновы злобныя зависти* (Сказание, с. 61); *ты и мене сподоби о имени твоём претерпети страдание сие* (Сказание, с. 62). В приведенных примерах глаголы утрачивают исходные категориально-лексические семы 'становление физического качества', 'физиологическое состояние', и в сочетании с существительными, обозначающими эмоции, выражают значения «приведение в эмоциональное состояние», «пребывание в эмоциональном состоянии», реализуя соответствующие категориально-лексические семы. Следует отметить, что такие конструкции использованы в тексте Сказания для выражения отрицательных эмоций, при этом префиксы *ис-* (*из-*), *пре-*, маркируя глаголы *исполнитися, претерпети* как церковнославянизмы, актуализирует значение интенсивности переживаний субъекта.

2. Обретение и пренесение честных мощей святых страстотерпцев Бориса и Глеба, воздвижение церкви в честь святых Бориса и Глеба в Вышгороде описывается глаголами созидательной деятельности, обозначающими процессы создания объекта в результате физического труда и употребленными в прямом значении (*созидити, создати, созидати, построити*), например: *благоверный князь изяслав, созда новую церковь древяну велику во имя святых* (Сказание, с. 70); *и хотяше терем серебряный над ними построити* (Сказание, с. 73), глаголами покрытия объекта (*украсити, позлатити, изобразити, исписати*), например: *созда церковь, исписа всю внутрь иконным писанием, и украсию всякою красотою* (Сказание, с. 69), глаголами социальной деятельности, называемыми христианские об-

рядовые действия (*освятити, послужити*), например: *такожде и великий князь ярослав со всеми боляры, и со множеством народа, осватишиа церковь* (Сказание, с. 69).

Прославление русским народом честных мощей святых Бориса и Глеба, соприкосновение с сакральным, восприятие воочию чудесных знамений, происходящих у гроба святых страстотерпцев, в тексте репрезентируется эмоциональными глаголами, которые употребляются в прямых значениях (*удивлятися, удивитися, возрадоватися, любити*), например: *и удивляхуся чудеси тому, и несше в вышгород в церковь* (Сказание, с. 67); *о иных чудесех поведано бысть великому князю ярославу: той же возрадовася душею* (Сказание, с. 68). Лексемы *удивлятися, удивитися* сохраняют древний компонент значения, связывающий обозначаемое эмоциональное переживание с сакральным, и употребляется только для обозначения чувств, вызванных высокими переживаниями религиозного характера или событиями, имеющими к таким переживаниям непосредственное отношение (чудесами, видениями). Употребление данных глаголов в тексте показывает, что глаголы, обозначающие эмоциональное переживание, представляют не только определенное эмоциональное состояние субъекта, передавая, например, интенсивность переживания или указывая на его длительность, но и характеризуют самого субъекта, в нашем случае через его отношение к христианским ценностям, через его способность эти ценности воспринимать [3, с. 156].

3. Высшая степень обретения святости находит свое выражение в чудесах исцеления, которые происходят с немощными, физически страдающими людьми по молитвам к святым благоверным князьям Борису и Глебу и от чудотворных их мощей. Чудеса исцеления описываются с помощью глаголов с категориально-лексическими семантиками 'избавление' (*целити, исцелити*), например: *како его святии мученицы, борис и глеб, явлением своим исцелишиа* (Сказание, с. 74) и 'изменение физиологического состояния' (*прозрети, здравствовати, отверзнутися*), например: *и очи свои прилагаше, прося исцеления, и абие прозре* (Сказание, с. 74); *отверзошася бо ему очи, и бысть видяй, и славяше б (о)га* (Сказание, с. 77). Рассмотренные глаголы характеризуются единичными употреблениями в тексте в прямом значении.

Примечания

Лексические значения языковых единиц определяются (с учетом специфики) текста по: Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Сост. Протоиерей Г. Дьяченко. — М.: ТОО Издательство «Отчий дом», 2000. — 112 — с. (Репр. Воспроизв. Изд. 1990 г.); Словарь русского языка XI—XVII вв. — Вып. 1—28. — М.: Наука, 1975—2007; Словарь русского языка: В 4-х томах. — М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.

Принадлежность глагольного слова к лексико-семантической группе определяется с опорой на работы по лексикологии, а также на: Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. — 864 с.

При описании чудес, в частности того, как люди устремлялись за исцелением к церкви святых мучеников Бориса и Глеба, чтобы приложиться к их святым мощам, используются глаголы движения (*ити, приити, изити, отити, скакати, привести, пристати, ходити, возвратитися, приблизитися, бежати, прибежати* и др.), которые характеризуются большей частотностью и разнообразием лексем, употребленных в прямых, например: *идоша тамо убозии, аможе иде и хромец оный* (Сказание, с. 74); *у негоже бе нога суха скорчена, и не можаше ходити ею, но подделав деревяную ногу, хождаше* (Сказание, с. 74) и переносных значениях: *жена же от страха бысть яки мертва, и потом едва прииде в себе и лежаше больна* (Сказание, с. 75). В последнем примере переносное значение формируется в результате семантической деривации, которую обуславливает изменение характера объекта — одушевленный, конкретный, активный, выраженный возвратным местоимением (*въ*) *себе*. Субъект действия можно определить как одушевленный, конкретный, активный, выражен существительным *жена*. Глагол утрачивает исходную категориально-лексическую сему 'перемещение в пространстве' и реализует сему 'изменение состояния субъекта'.

Таким образом, лексическая структура Сказания о Борисе и Глебе, репрезентируя смысловые доминанты агиографического текста синодальной редакции, формируется глаголами различных лексико-семантических групп, представленность которых находится в зависимости от типа жития и его композиционной организации. Содержательной наполненностью характеризуется первая часть житийного текста, в которой уподобление святых Бориса и Глеба Христу в смерти и страданиях выражается глаголами разных лексико-семантических групп, отражающих мученический подвиг святых-страстотерпцев. Именно в этой части Сказания находят реализацию возникающие в контексте антонимические отношения глагольной лексикой, часто стилистически маркированной, демонстрируя духовную мощь святых братьев, обретение ими святости.

Глагольные лексемы употреблены в тексте Сказания как в прямых, так и в переносных значениях, ставших результатом деривационных или модуляционных семантических изменений в смысловых структурах словоформ, что придает повествованию образность и усиливает эмоциональное воздействие на читателя.

Литература:

1. Батурина Т.М. Семантика и функции глаголов в Житии Александра Невского: дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01 / Батурина Татьяна Михайловна. — Волгоград, 2010. — 189 с.
2. Горбань О.А. Лингвистические идеи профессора С.П. Лопушанской в контексте современной научной парадигмы / О.А. Горбань, Е.М. Шептухина // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2011. — Т. 153, кн. 6. — С. 7–15.
3. Дмитриева Е.Г. Формирование и развитие семантики глаголов эмоций в истории русского языка / Е.Г. Дмитриева // Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект. — Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. — 156 с.
4. Дмитриева Е.Г. Характерологическая функция эмотивной глагольной лексики в житийном тексте: дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01 / Дмитриева Евгения Геннадьевна. — Волгоград, 2005. — 209 с.
5. Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. — М.: Гнозис, 1994. — 112 с.
6. Капрэ Е.Н. Субъективная модальность в древнерусских и старорусских житийных текстах: дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01 / Капрэ Елена Николаевна. — Калининград, 2011. — 195 с.
7. Степанова В.В. Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии. СПб: Наука, САГА, 2006. — 272 с.
8. Кусков В.В. История древнерусской литературы / В.В. Кусков. — М.: Высш. шк., 1998.
9. Лопушанская С.П. Изменения семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). — Волгоград, 1988. — С. 5–19.
10. Минеева С.В. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких) / С.В. Минеева. — Курган: Издательство Курганского государственного университета, 1999. — 198 с.
11. Уварова И.Ю. Лексическая наполняемость глагольных словоформ в текстах житий синодальной редакции / И.Ю. Уварова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. — 2012. — № 1 (15). — С. 75–80.
12. Уварова И.Ю. Лексическая структура Жития святой великомученицы Ирины (по синодальному изданию) / И.Ю. Уварова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. — Вып. 8: Филологические науки. — С. 73–77.
13. Сказание о Борисе и Глебе — Сказание о убиении святых страстотерпцев, российских князей, Бориса и Глеба // Жития Святых. Минея Четья. Месяц май. — 8-ое синодальное изд. — М.: Издательство Братства свт. Алексия, 1998. — С. 59–83. (При цитировании указывается страница по данному изданию.)

Таджикская повесть периода независимости

Хошимова Хуршеда Абдуманоновна, соискатель

Институт языка, востоковедения, литературоведения и письменного наследия имени Рудаки АН Республики Таджикистан (г. Душанбе)

В статье рассматриваются темы повестей в современной таджикской прозе периода независимости республики Таджикистан, вошедшие в новый этап своего развития. В этот период таджикская повесть приобрело много нового, не только в содержательном плане, но и в структуре — жанровом аспекте. Автор, изучая повесть, как жанр, определяет основные тенденции развития исторической таджикской прозы, также особенности в период современной литературы.

Ключевые слова: повесть, проза, жанр, тенденция, развития, литература.

Государственная независимость сформировала новую таджикскую национальную идентичность. Учитывая данный фактор, писатели начали художественное переосмысление сложившихся новых реалий и новое познание истории своего народа. В целом, в условиях независимости литературные процессы в Таджикистане неизменно развиваются как на основе новых поиска новых путей, так и через продолжение и преемственность богатых традиций персидско-таджикской классической литературы.

Огромные социальные события, внутренние и внешние столкновения на религиозной почве, которые имели как военно-политический, так и идейно-политический характер, привели к большим политическим, культурным и духовным переменам. Таджикские литературоведы, переосмысливая происходящие события в обществе и литературе, также высказывали свое мнение в книгах и статьях относительно этих перемен, влияющих как в целом на литературу, так и на творчество отдельных писателей.

Например, по мнению Х. Шарифова, «для развития литературного процесса необходим ряд важных условий. Во-первых, возрождение цивилизации, культуры, духовности и основных литературно-художественных традиций. Во-вторых, придание особого значения изучению языка, прежде всего, литературного, и таким образом укрепление духовного статуса и авторитета персидско-таджикского языка. В-третьих, более обширное изучение мировой литературной мысли и, конечно же, мировой беллетристики. В-четвертых, обеспечение творческой независимости мыслей и дум каждого литератора и полная свобода мнений в познании литературы и непосредственно в литературном творчестве» (3, 110).¹

Таджикская советская литература появилась на основе симбиоза идейно-эстетических основ персидско-таджикской классической литературы и русской классической и советской литературы. Другими словами, она использовала готовый идейно-эстетический опыт. Период независимости Таджикистана совпал с мировыми глобальными тенденциями, когда в контекст таджикской культуры в целом, и литературы в частности, начали проникать новые идейно-эстетические взгляды. Исходя из этого, таджикские писатели в период независимости не только использовали накопленные в советское время духовные ценности, но также начали интенсивно знакомиться с новыми ценностями и использовать их в своем творчестве. Так как в стране началась гражданская война, писатели начали переосмысление трагических событий в жизни нации с точки зрения общечеловеческих гуманистических ценностей.

Говоря об идейно-эстетических основах, необходимо отметить, что в определенные исторические периоды проза, и в том числе жанр повести, развивается на основе потребностей времени, отображая самые разнообразные жизненные события и ситуации, характерные именно для той эпохи. Как известно, первой таджикской повестью в современном понимании была повесть С. Айни «Одина, или приключения одного бедного таджика» или просто «Одина». Для таджикской литературы это была повесть, написанная в новой жанровой форме, которая появилась под влиянием русской и европейской литературной традиции. С. Айни впервые в новой таджикской литературе через новую форму жанра повести отобразил судьбу представителя народа как главного героя (1, 7). Более того, можно утверждать, что С. Айни в повести «Одина» впервые создал в таджикской литературе образ простого труженика, заложив фундамент новой таджикской реалистической прозы. Впоследствии повествовательную традицию С. Айни продолжили такие его последователи: Дж. Икрами, С. Улугзода, Р. Джалил, Ф. Ниязи, П. Толис, Ф. Мухаммадиев и другие.

В таджикской литературе нынешнего периода особое значение приобрело художественное отображение про-

блем современной жизни таджикского народа в период государственной независимости. В творчестве современных таджикских писателей важное место занимают такие темы, как события гражданской войны, строительство гидроэлектростанций и стратегических автомобильных дорог, имеющих большое значение для дальнейшего развития нашей страны.

Размышления и творческие находки в отображении социально-нравственных тем в современной литературе наблюдаются в повестях: Болта Ортика — «Юсуфи Самарканд» («Самаркандский Юсуф»), Бахманёра — «Дуди ыасрат» («Дым печали») и «Заринаи зарнигор» («Золотая Зарина»), Юсуфа Акобира — «Шаъри хусур» («Город тестя»), Саидахмада Зардона — «Плефта», Мирзо Насриддина — «Хирмани сӯхта» («Обгоревший ток»), Раджаба Мардона — «Оташи дил» («Огонь сердца»), Кароматулло Мирзо — «Нишони зиндагӣ» («Знак жизни»), Сипехра Хасанзода — «Офтобо, ба ғуруб марав» («Не закатись, солнце, за горизонт»), Насима Раджаба — «Ишқи духтари яъудӣ» («Любовь еврейской девушки»), Саттора Турсуна — «Санг дар бағал ба тўфон» («С камнем в груди в бурю») и «Печаль»), Абдулхамида Самадова — «Шаъдрези садо» («Сладкозвучный голос») и «Майдони савдо» («Поле торговли»), Зарифа Гулома «Фолбин» («Колдун»), Шерали Мусозода — «Одам будан мехоёам» («Хочу быть человеком») и в ряде других.

Литературный процесс и творческие поиски писателей стали развиваться на основе новых стилей и методов, внося в их творчество существенные изменения. И в этом процессе заметен вклад как известных таджикских писателей, так и молодых прозаиков. Темы и творческие поиски как опытных, так и молодых писателей постепенно стали расширяться. Прозаики более обстоятельно взялись за художественное отображение актуальных проблем и событий жизни, трагедий гражданского противостояния, народной борьбы за достижение мира и согласия.

Некоторые писатели еще до периода независимости в своих произведениях в той или иной мере затрагивали темы, отражающие падение нравственности в обществе. Это говорит о том, что таджикские писатели, как тонкие психологи, чувствовали и предвещали надвигающиеся социальные потрясения. Подтверждением тому являются размышления героев повестей Ф. Мухаммадиева, У. Кухзода, Сорбона, С. Турсуна, М. Ходжаева и других, которые уже в 70–80 годы XX века били тревогу о падении нравственности молодежи, общественной морали, свидетельствовали о целом ряде негативных социальных явлений. Но, к сожалению, этот отрезвляющий голос писателей не был своевременно услышан, и впоследствии советское общество столкнулось с большими социальными потрясениями. Помимо того, эти потрясения и гражданское противостояние в определенный период даже повергли писа-

¹ Огорченные и надеющиеся (размышление о прошлой и современной литературы). — Душанбе: Сино, 2001. — 195.

телей в депрессию, заставили их замолчать, но вскоре они начали художественный анализ причин и результатов социальной трагедии.

Исходя из вышеизложенного, следует подчеркнуть, что современная таджикская проза за последние годы пережила существенные изменения, связанные с огромными политическими и культурными переменами. Все это заставило писателей решать свои задачи через новое эстетическое видение. Наряду с усовершенствованием своего писательского таланта, они стали уделять также внимание совершенствованию литературного стиля своих сочинений. Все это требует от современного таджикского литературоведения новых подходов к исследованию литературного процесса. Учитывая данный фактор, академик М. Шакури пишет: «Необходимо, чтобы проблемы современной таджикской прозы изучались в связи с историческим развитием нации в свете сложных продолжающихся процессов» (4, 270).

Как известно, во все времена и эпохи писатели являются выразителями народных чаяний через художественное познание мира. Поэтому писатели играют особую роль в духовной жизни и эстетическом воспитании народа, и это обязывает их создавать новые произведения в соответствии с духом и потребностями времени. Следует отметить, что развитие литературного процесса, его эволюция и совершенствование имеют тесную связь с мастерством и мировоззрением писателя. Поэтому каждодневные жизненные проблемы и социально-политическое положение общества являются вечными вопросами художественной литературы.

За последние годы в таджикской литературе особенно стал развиваться жанр повести, в котором наши писатели достигли определенных успехов. Именно этот жанр писатели больше стали использовать для отображения социального влияния времени на личность и вклада личности в социальное переустройство жизни. Как известно, литературные роды и жанры, в том числе повесть, возникают на почве определенного развития искусства слова и затем постепенно усовершенствуются. Это не означает, что одни литературные жанры заменяют другие. Дело в том, что особенности отдельных жанров и их задачи претерпевают определенную трансформацию в связи с потребностями времени. Поэтому изучение литературных жанров, в том числе такого ныне распространенного жанра, как повесть, тесно связано с процессами литературного мышления.

В период независимости для творческих людей, особенно поэтов и писателей, открылись новые творческие горизонты. Свобода слова и выражения дала литераторам большие возможности для изложения своих замыслов, выбора жанра, отражения окружающей действительности. А в период перестойки и независимости как писатели среднего возраста, так и молодые литераторы встретились с большими трудностями творческого характера. Они были возвращены прошедшей литературной школой, поэтому темы, которые они вынуждены были затрагивать

в своих произведениях, были новыми, точнее, быть может, даже неожиданными, появившимися в связи с историческими переменами в обществе. Сама жизнь теперь предоставляла писателям множество конфликтных ситуаций, и они через героев своих произведений начали смелее изображать и выявлять глубоко внедрившиеся общественные недуги. Особенно это можно заметить в перестроечное время, когда творческая решимость писателей дала толчок всему обществу. Другими словами, писатели как бы очутились в горячем котле событий и стали их непосредственными очевидцами. Больше не было необходимости выдумывать конфликтные ситуации: их обильно и в большом количестве предоставляла сама жизнь.

В течение 20 лет независимости таджикские писатели создали повести в различных направлениях и стилях. Повести Абдумалика Бахори «Писари милиса» («Сын милиционера») и «Баъси нотамом» («Незаконченный спор») посвящены трагическим событиям 30-х годов XX века. Другая его повесть, под названием «Дастовез» («Гостинец»), ближе к философской прозе. Повесть Саттора Турсуна «Санг дар багал ба туфон» («С камнем в груди в бурю») относится к философским произведениям. Героев повести немного: Рашод-пастух, Рахим Акбар, Насрин и его собака Бебок. В рамках ограниченного круга героев писатель смог выразить, с одной стороны, свои философские размышления, а с другой — последовательно изобразить ход событий. Основу повести составляют месть и злоба Рашида-пастуха, которые в конце концов низвергают его в пропасть смерти.

Сложный человеческий характер, проявлявшийся в различных жизненных ситуациях, мастерски изображает в своих повестях Абдулхамид Самад.

Сорбон, один из известных и талантливых таджикских писателей, в своих интересных повестях обращается к актуальным темам, волнующим все общество. Он как тонкий психолог, с большим мастерством отображает судьбу человека, реалии и трагедии жизни.

В период независимости зрелые писатели У. Кухзод, Р. Ёрмухаммад, Дж. Ақобиров, С. Рахимзод, Бахманёр, молодые писатели С. Хасанзод, Д. Мирзо, Ю. Юсуфи, К. Давлат, Н. Ёдгори, З. Гулом и другие создали множество повестей на различные темы и внесли существенный вклад в развитие новейшей таджикской прозы.

Таким образом, независимость, прежде всего, расширила границы творческой свободы писателей и стала основой для обновления их взглядов и позиций в объективном отображении жизни. Все это привело к тому, что литературная жизнь в эпоху независимости стала эволюционно развиваться.

Несомненно, не все новые повести как зрелых, так и молодых литераторов можно назвать удачными произведениями, и некоторые из них имеют определенные недостатки. Но в данном случае, более важно то, что «ущерб», причинённый гражданской войной, постыдные события и тяжёлая народная трагедия оставили неизгладимый опечаток на моральном состоянии и в сознании зрелых и мо-

лодых писателей» (2, 26). Талантливые писатели, постепенно вникая в суть происходящих событий, начали творческие поиски и создали интересные повести. Среди них можно назвать повести А. Бахори «Дили диллӯ» («Огонь сердца»), К. Мирзо «Нишони зиндагӣ» («Знак жизни»), Х. Аскара «Ишқи ғук» («Любовь жабы»), И. Насриддина «Як рӯзи хазонрез» («В день опавших листьев»), Ф. Ниязи «Гул ва пахта» («Хлопок и цветок»), С. Хасанова «Шикаст» («Поражение»), Х. Назарали «Дарди дил» («Боль сердца»), С. Рахимзода «Таронаҳо ва тавбаҳо» («Песни и покаяния»), А. Самада «Манбус» («Узник»), С. Саида «Вопасин парвози лошахӯр» («Последний полет коршуна») и «Ману шабҳои мантоби» («Я и лунные ночи») и многие другие, которые были опубли-

кованы как в литературных журналах, так и изданы отдельными книгами.

Таким образом можно подчеркнуть, что время бурных социально-политических и культурно-литературных перемен, несомненно, глубоко повлияло на деятельность и эстетическое мышление поэтов и писателей. Темы и содержание повестей, написанных в период независимости, отображают различные аспекты жизни и деятельности наших современников. В некоторых повестях писатели обращаются также к событиям советского времени, как бы обобщая опыт уходящей в прошлое эпохи. Через отображение жизни людей в советское время писатели пытаются ознакомить молодое поколение с созидательной борьбой их отцов и дедов.

Литература:

1. Салимов Ю. Повествовательная проза. — Душанбе: Ирфон, 1986.
2. Самад А. Проза последних лет // Садои Шарк, 1996, №9–12, 26–37.
3. Шарифов Х. Огорченные и надеющиеся (размышление о прошлой и современной литературе). — Душанбе: Сино, 2001. — 195.
4. Шукуров М. Реалистическая проза и эволюция эстетического сознания. — Душанбе: Ирфон, 1987. — 456 с.
5. «Садои Шарк» («Голос Востока») от 90-х годов XX века до 2012 года XXI столетия.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Специально-криминологическое противодействие молодежному экстремизму

Бидова Бэла Бертовна, кандидат юридических наук, доцент
Ессентукский институт управления, бизнеса и права

Современная российская молодежь составляет наиболее активную часть населения, в связи с чем проблема агрессивного поведения молодежных группировок в российском обществе становится все более актуальной. Намечается тенденция увеличения асоциальных проявлений среди представителей молодежи, возникновения новых субкультурных организаций с преобладанием норм поведения, отличных от господствующих в обществе («Белое братство», скинхеды, лимоновцы, баркашовцы, различные националистические партии, «Черная сотня» и др.).

По мнению ряда исследователей, явление экстремизма [41 с. 165], именно насилие как крайний способ любого вида поведения в отстаивании своих «единственно имеющих право на существование» и «неопровержимо верных» взглядов, является неременным элементом экстремизма. При этом, как подчеркивал один из первых отечественных исследователей этого явления [2, с. 95], безусловный примат действий над теорией — один из основных постулатов экстремизма.

Результативность профилактики экстремизма в небольшой степени зависит от уровня профессионального мастерства сотрудников правоохранительных органов. В этой связи необходимо разработать комплекс учебно-методических и практических спецкурсов в системе подготовки сотрудников Министерства внутренних дел, органов федеральной службы безопасности и др. правоохранительных структур, занимающихся противодействием экстремизма. Влияние недостатков и противоречий современной миграционной ситуации на проявления расово-этнического экстремизма позволяет в качестве самостоятельного направления его предупреждения обозначить противодействие негативным процессам, связанным с миграцией.

В этом же направлении следует обратиться и к состоянию системы субъектов противодействия экстремизму, в том числе молодежному. Не раз подчеркивалось, что комплексность этой системы все же предполагает особую ее организацию на уровне ведомств, являющимися ведущими органами правоохраны.

Криминологами давно подмечена на статистическом уровне закономерность: ослабление борьбы с незначи-

тельными правонарушениями ведет к росту тяжких насильственных преступлений. Ведь обычно до преступлений правонарушители совершают административные проступки, а перед совершением тяжких и особо тяжких преступлений — преступления небольшой и средней тяжести.

В этом случае преступления «экстремистского характера» фактически остаются за рамками борьбы с подобными негативными проявлениями и обладают высокой степенью латентности.

Говоря о латентности преступлений, совершаемых по мотивам национальной, этнической и иной ненависти или вражды, нами получены различные процентные данные об отражении в официальной статистике совершаемых подобных деяний (причем здесь нами не предлагались варианты ответов) [3, с. 93].

Тем не менее, учитывая социально-психологические корни экстремизма, отметим целесообразность при обнаружении проявлений экстремистских взглядов у взрослых проведения проверки влияния такого положения на мировоззрение и поведение их детей. Помимо этого, в силу распространенности приверженности к экстремизму в среде несовершеннолетних можно акцентировать внимание на этом аспекте нормотворческим путем. Так, можно добавить в качестве объектов воздействия в законодательство о профилактике правонарушений несовершеннолетних такие категории лиц, как «несовершеннолетние, а также их родители склонные к выражению экстремистских взглядов и совершению экстремистских действий».

Проблема экстремизма не может быть решена без принятия мер по повышению образовательного уровня населения в целом, связанная с изучением религии, ее истории, культуры, традиций в частности. Следует разъяснить широким массам, что экстремистская идеология не имеет ничего общего с истинными религиозными верованиями и идеалами верующих. Для эффективности названных мер необходимо принимать их с уровня школы. Преподавание религии в школах должно воспитывать межконфессиональную толерантность. Также изучение религии в школах призвано служить профилактике религиозного и между-

ционального экстремизма, фанатизма, ксенофобии, способствовать осознанному выбору мировоззрения на основе знаний и понимания ценностных систем и этических практик ведущих мировых религий [4, с. 137].

До сих пор значение образовательных учреждений в сфере противодействия молодежному экстремизму недооценено. Данное направление тем более актуально, поскольку наличие и многообразие проявлений деформированных взглядов на равноправие людей, отличающихся языком и цветом кожи у молодых людей, и, что еще более настораживающее, у обучающихся их педагогов, находит свое подтверждение специалистами.

В этом контексте немаловажным представляется выявление дефектов семейного воспитания, влияния родителей, порождающих националистические настроения у несовершеннолетних. Необходимо уделять должное внимание проблемам адаптации детей мигрантов, а также представителей дисперсно проживающих этнических меньшинств, с целью предупреждения негативных явлений.

Полагаем, что для профессионального выявления отклонений на почве расово-этнической ненависти и их нормализации необходимо развивать психолого-педагогические службы при образовательных учреждениях.

В профилактике религиозного экстремизма необходимо особое внимание обратить на то, что экстремистская идеология поступает к нам как через религиозных эмиссаров, так и через российских граждан, которые выезжают в зарубежные страны, особенно в целях обучения в религиозных учебных заведениях. Во время обучения за рубежом эти граждане, в основном молодежь, подвергаются массовой психологической обработке, а иногда и физическому воздействию [5, с. 29].

Важно, чтобы государственная политика учета культурных интересов различных этносов включала разнообразные гарантии сохранения и развития культурного наследия. Политика в социально-культурной сфере должна учитывать интересы всех этносов, проживающих в государстве. Все это одновременно поднимет авторитет центральной власти в национальных регионах, будет способствовать социальной стабильности.

В этом же направлении действуют общественные объединения, активно поднимающие вопросы правового обеспечения национального развития рассеянно, дисперсно проживающих групп этносов и каждого отдельного гражданина, принадлежащего к данному этносу. Наиболее эффективным институтом реализации этих запросов стала национально-культурная автономия, которая представляет собой экстерриториальную форму национальной самоорганизации [6, с. 46].

Эти предложения будут неполными, если не разработать механизм разрешения конфликтных ситуаций этнического характера, поскольку, как отмечалось, с одной стороны, как правило, подобные ситуации являются проявлениями экстремизма, с другой стороны, они являются почвой для распространения данного явления, причем в широкомасштабном плане. Данное направление реали-

зуется: во-первых, путем непрерывного мониторинга межэтнических взаимодействий, особенно имеющих напряженный характер, осуществляемого экспертами в целях выявления причин, учета обстоятельств возникновения конфликтов, разработки в соответствии с этим необходимого инструментария; во-вторых, путем непосредственного предупреждения конфликта либо его разрешения. При этом важнейшую роль в процессе решения конфликта играет фактор адекватности, т.е. предполагаемые методы урегулирования должны быть уместны при нахождении взаимоприемлемого выхода, поскольку в данном случае есть нечто такое, что может быть либо принято, либо отвергнуто изначально.

Считаем, что умалчивание конфликтных событий приводит к дальнейшему искажению фактов, нарастанию напряженности в отдельных регионах. Так, умалчивание известных этнических конфликтов, например, произошедших недавно в Ставрополе, когда краевой центр фактически несколько дней находился на чрезвычайном положении, недопустимо.

С другой стороны, следует тщательно рассматривать деятельность образовательных религиозных организаций. Ведь не секрет, что в Чечне, под официальным прикрытием религиозных образовательных учреждений действовали базы подготовки боевиков.

При иных направлениях организации предупредительной деятельности, учитывая особенности обстановки в местах компактного проживания и учебы (работы) иностранных граждан, возможно приближение к ним маршрутов несения службы патрульно-постовыми нарядами милиции.

Нам импонирует пример Республики Татарстан в части противодействия экстремистским проявлениям, где сохранилась должность Уполномоченного по делам религий, который ведет работу с представителями всех конфессий, стараясь оказывать помощь в решении их проблем.

В частности, во всех этнически сложных регионах, по нашему мнению, должен действовать Уполномоченный по делам религий.

Особенно это важно для Южного федерального округа, в котором огромное количество национальностей, исповедующих различные религии и имеющих непохожие друг на друга исторические традиции.

Деятельность Уполномоченного по делам религий должна быть разносторонней:

— координировать деятельность органов местного самоуправления в сфере недопущения и разрешения этнических конфликтов и противодействия экстремистским проявлениям; проводить с представителями указанных органов совместные собрания с руководителями общественных организаций с целью повышения правовой грамотности последних, в том числе в области противодействия экстремизму, обмена взаимовыгодной информацией, установления рабочих контактов и др.

— осуществлять координацию в проведении разъяснительной работы в образовательных заведениях всех

уровней о недопущении вовлечения и участия в экстремистских организациях;

– взаимодействовать с активом образовательной общности по этому направлению работы;

– своевременно выявлять криминогенные факторы, влияющие на проявления ненависти среди учащихся и иных лиц, поддерживающих проявления крайних взглядов;

– совместно с Министерством образования проводить экспертизу образовательных программ и учебников, используемых как в обычных, так и в религиозных (этнических) образовательных учреждениях;

– принимать участие в совместном осуществлении контроля за деятельностью религиозных организаций (особенно религиозных образовательных учреждений – вузов, медресе, начальных школ) на предмет соответствия их уставным целям;

– ориентировать и координировать усилия образовательных учреждений по принятию организационных и иных мер для обеспечения безопасности студентов.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы и предложения по вопросам специально-криминологического противодействия молодежному экстремизму:

1. В образовательных учреждениях следует: разработать и внедрить курс дисциплин, направленных на повышение образовательного уровня молодежи, связанных с изучением религии, ее истории, культуры, традиций; развивать психолого-педагогические службы; выявлять факты появления у молодых людей, в том числе мигрантов, экстремистских настроений для последующей работы с родителями, поддерживающими националистические и иные радикальные настроения и пр.

2. Необходимо усиление контроля за лицами, преподающими или изучающими дисциплины на религиозные тематики. Для этого необходимо составить банк данных о гражданах, выехавших на обучение в зарубежные религиозные учебные заведения или преподающих, а также вернувшихся по окончании учебы обратно.

3. Представляется необходимым в качестве объектов воздействия ввести такие категории лиц, как «не совершеннолетние, а также их родители, склонные к выражению экстремистских взглядов и совершению экс-

тремистских действий». Учет лиц – приверженцев экстремистских идей либо совершивших преступления экстремистской направленности – не следует прерывать и после их осуждения. В этом случае администрации учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в том числе лишение свободы, должны также ставить на учет и продолжать контролировать поведение подобных лиц.

4. Требуется усилить подразделения по противодействию терроризму и экстремизму (в МВД и ФСБ), а также органы прокуратуры, занимающиеся общенадзорным направлением в этой сфере. Такая необходимость наиболее отчетливо проявляется на городском (районном) уровне.

5. Количество преступлений террористического характера во всех федеральных округах РФ в несколько раз превышает число преступлений экстремистской направленности. Это свидетельствует о переносе центра тяжести борьбы с преступностью в сторону выявления и раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений. В этом случае преступления «экстремистского характера» фактически остаются за рамками борьбы с подобными негативными проявлениями.

6. Немаловажным обстоятельством является тот факт, что в настоящее время в России отсутствуют организации, целенаправленно занимающиеся с лицами, потерпевшими от совершения преступлений или оказавшимися в иной сложной жизненной ситуации, например, после какого-либо конфликта. Для этого государству требуется более тесно сотрудничать и активно способствовать развитию системы религиозных приютов для молодежи, которые, в частности, уже действуют в Южном федеральном округе.

7. Во всех этнически сложных регионах должна быть введена должность Уполномоченного по делам религий, который ведет работу с представителями всех конфессий, стараясь оказывать помощь в решении проблем религиозно-этнического характера.

Представляется, что предложенный комплекс мер позволит более эффективно противодействовать распространению экстремистских идей в молодежной среде.

Литература:

1. Боронбеков С. Шариат: его место и роль в формировании климата доверия, толерантного сознания и борьбе с экстремизмом в российском обществе. – Рязань: Язъять, 2004. – С. 165.
2. Грачев А.С. Политический экстремизм. – М.: Альфа, 2007. – С. 95.
3. Латентная преступность в Российской Федерации: 2005–2010 годы /Под ред. С.М. Иншакова. – М.: Юстицинформ, 2010. – С. 93.
4. Скворцова Л.В., Алпатова Е.А. Национализм и шовинизм у школьников (по материалам социологических исследований). – Рязань: Равновесие, 2009. – С. 137.
5. Хвыля-Олинтер А. Ваххабизм: вчера, сегодня, завтра //Профессионал. 2010. №6. – С. 29.
6. Галуза Е.В. Правовое регулирование миграции и обеспечение ее правомерного осуществления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград: Изд. Волгоградского института МВД, 2009. – С. 9.
7. Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия: современные проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2009. №2. – С. 46.

Террористическая контрабанда через государственную границу: правовая регламентация борьбы, проблемы и пути их решения

Бреев Алексей Владимирович, студент;
Захаров Александр Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент;
Калинина Ирина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

В современном мире терроризм представляет серьёзную угрозу безопасности не только какому-либо отдельному государству, но и всему мировому сообществу. Его глобальный характер заключается в том, что он посягает на наиболее значимые государственные и общечеловеческие ценности. В связи с этим особое внимание стоит уделить незаконному перемещению террористами запрещенных предметов и товаров через государственную границу РФ (террористическая контрабанда).

Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ) в ст. 322 предусматривает ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации, под которым понимается «пересечение Государственной границы Российской Федерации без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации либо без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». Террористическая деятельность чаще всего сопровождается незаконным проникновением на территорию другого государства, в т.ч. и перевозкой запрещенных товаров, ценностей и иных предметов. Незаконное пересечение границы нередко сочетается с контрабандой («контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей» [1, ст.226.1]). Ответственность за данное противоправное деяние установлена ст. 226.1 УК РФ. Когда Государственная и таможенная границы РФ практически совпадают и через них одновременно перемещаются люди и товары содеянное квалифицируется по совокупности ст. 226.1 и 322 УК РФ. Совокупность преступлений имеется и тогда, когда незаконное пересечение границы связано с угоном судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава.

Для перевозки своих товаров и предметов террористы могут использовать и международные перевозки на воздушном транспорте, в связи с чем установлена уголовная ответственность за «несоблюдение указанных в разрешении маршрутов, мест посадки, воздушных ворот, вы-

соты полета или иное нарушение правил международных полетов» (ст. 271 УК РФ «Нарушение правил международных полетов»). Существует проблема неопределенности в характеристике объекта данного преступления, что приводит к мысли о возможности изъятия ст. 271 либо из текста УК РФ вообще, либо, как минимум, из текста главы 27 УК РФ, т.к. она не имеет самостоятельного значения, поскольку является специальным составом ст. 322 «Незаконное пересечение Государственной границы». То обстоятельство, что пересечение границы происходит с использованием воздушного транспорта, характеризует лишь способ такого посягательства. В связи с этим полагаем, что ст. 271 должна быть исключена из УК РФ.

Среди актов национального законодательства выделим также Закон Российской Федерации от 01 апреля 1993 г. №4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Ст. 43 ФЗ «О Государственной границе Российской Федерации» определяет, что «лица, виновные в нарушении правил режима Государственной границы, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через Государственную границу, несут уголовную или административную ответственность в соответствии с законодательством РФ» [3, ст. 43]. В тех случаях, когда пересечение границы осуществляется вне пунктов пропуска, но при наличии действительных документов (общегражданских паспортов или иных документов), такие действия следует квалифицировать по ст. 18.1 КоАП РФ «Нарушение режима Государственной границы Российской Федерации». В этой норме КоАП РФ предусмотрена ответственность за нарушение правил пересечения Государственной границы, согласно которым ее пересекают в специально отведенных местах. По данной статье КоАП РФ следует также квалифицировать, например, перемещение через Государственную границу транспортных средств, грузов, товаров без соответствующих документов. Возникает вопрос, как и по какому законодательному акту (УК РФ или КоАП РФ) квалифицировать ситуацию, когда террорист незаконно перемещает свои товары и предметы через Государственную границу в специально отведенных местах — пунктах пропуска. В силу этого представляется, что образуется состав преступления, предусмотренный ст. 226.1, т.к. он полностью охватывает состав контрабанды, а не нарушения режима Государственной границы Российской Федерации (ст. 18.1 КоАП РФ). Ст. 18.1 КоАП РФ («нарушение правил пересечения Государственной границы Российской Федерации лицами

и (или) транспортными средствами либо нарушение порядка следования таких лиц и (или) транспортных средств от Государственной границы Российской Федерации до пунктов пропуска через Государственную границу Российской Федерации и в обратном направлении» [2, ст.18.1]) охватывает лишь ответственность за пересечение границы вне специально отведенных мест, т.е. важный аспект здесь — режим пересечения границы, а вопрос ставится о незаконном пересечении в специально отведенных местах. Таким образом, для правильного определения наказания в данной ситуации следует применять положения УК РФ.

До сих пор не сформировалось единого определения того, что понимают под террористической контрабандой (незаконным перемещением через государственную границу товаров и иных предметов террористами), поэтому предложим свой вариант. Итак, под террористической контрабандой через государственную границу следует понимать сокрытие и перемещение товаров и иных предметов террористического характера от таможенного контроля путем использования тайников или иных способов, затрудняющих обнаружение товаров, либо путем придания одним товарам вида других при перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. К товарам и предметам террористического характера следует отнести: 1) оружие, его основные части, и патроны к нему; 2) радиоактивные материалы, опасные отходы, запрещенные при ввозе, и (или) ограниченные к перемещению через таможенную границу при ввозе и (или) вывозе; 3) ядовитые вещества, не являющиеся прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ, ограниченные к перемещению через таможенную границу; 4) наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, за исключением ограниченных количеств наркотических средств и психотропных веществ в виде лекарственных средств для личного применения по медицинским показаниям при наличии соответствующих документов; 5) взрывчатые и озоноразрушающие вещества; 6) взрывные устройства и материалы к ним. Сокрытие товаров и иных предметов террористического характера осуществляется с целью прохождения таможенного контроля при перемещении их через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

Таким образом, в Российской Федерации осуществляется комплексная борьба с террористической контрабандой на уровне собственно Российской Федерации и в

рамках Таможенного союза Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация.

Кроме того, борьба с террористической контрабандой осуществляется и на международном уровне. Здесь особо следует выделить Международную конвенцию о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений, к которой Российская Федерация присоединилась 13 декабря 1994 года. Конвенция Найроби является многосторонним международно-правовым договором, назначение которого — создание правовой основы сотрудничества и взаимодействия государств по борьбе с контрабандой и иными таможенными правонарушениями. Среди несомненных достоинств данного акта следует отметить утверждение принципа «взаимного административного содействия», который включает в себя возможность таможенной службы одного государства-участника Конвенции обратиться к другому государству-участнику Конвенции с просьбой об оказании помощи в ходе любого расследования либо в связи с любым административным или судебным разбирательством, проводимым по делам о таможенных правонарушениях, что предусмотрено в ч. 2 ст. 2 Конвенции [4, с. 115]. К сожалению, принцип «взаимного административного содействия» не распространяется на просьбы об аресте лиц, закрепленный в ч. 3 ст. 2 Конвенции. Это является существенным недостатком, поскольку в рамках международного сотрудничества и обеспечения эффективности борьбы с международной террористической контрабандой зачастую требуются такие меры. Иначе у террориста-контрабандиста есть путь избежать наказания за свои деяния. А потому, предполагаем необходимым исключить положение ч. 3 ст. 2 Конвенции.

Таким образом, террористическая контрабанда представляет угрозу экономической и общественной безопасности всех государств в мире, а, следовательно, имеющиеся пробелы и недостатки, как в международных актах, так и в российском законодательстве должны быть исключены или хотя бы сведены к минимуму. В связи с этим, представляется целесообразным учесть указанные выше варианты решения существующих изъянов в законодательстве. Кроме того, борьба с террористической контрабандой невозможна без тесного сотрудничества между государствами и их органами власти, особенно, правоохранительными органами, значимая роль среди которых отводится таможенным органам, поскольку их назначением как раз и выступает осуществление таможенного контроля за перемещением товаров и транспортных средств через государственную и таможенную границу, в том числе и террористической контрабанды.

Литература:

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (с изм. от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. №25. Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Закон РФ от 01 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (с изм. от 25 июня 2012 г. № 93-ФЗ) // Российская газета. № 84. 04.05.1993.
4. Международная конвенция о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений (Вместе с Приложением X «Помощь в борьбе с контрабандой наркотических средств и психотропных веществ») (Заключена в г. Найроби 09.06.1977) // Таможенные ведомости. 1996. № 11. С. 103–117.

Жалоба в Конституционный Трибунал Республики Польша

Вроцлавска Патрисия, докторант
Лодзинский университет (Польша)

Поваро Марина Александровна, студент
Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина

В современном мире одной из основных гарантий законности, конституционности является контроль ответственности нормативно — правовых актов, издаваемых государством Конституции, осуществляемый в большинстве стран органами конституционной юстиции — конституционным трибуналом или судом. Польская Конституция от 17 марта 1921 года или так называемая Мартовская конституция не предусматривала подобной формы контроля. В двадцатых годах началась активная дискуссия об учреждении Конституционного Суда, но оказалась безрезультативной. Также и Конституция от 23 апреля 1935 года не предусматривала подобный орган. Осенью 1981 года ситуация кардинально изменилась, началась работа по подготовке конституционной новеллы, учреждавшей Конституционный Трибунал, которая была принята 26 марта 1982 года. Однако, закон о Конституционном Трибунале был принят лишь 29 апреля 1985 года, после трех лет едких споров о его устройстве, процедуре. Компетенция Трибунала была сильно ограничена, его решения не были окончательными, они подвергались рассмотрению Сеймом, который мог их заблокировать 2/3 голосов. Действующая Конституция от 2 апреля 1997 посвящает ст. 188–197 Конституционному Трибуналу. Положения Конституции конкретизированы в законе от 1 августа 1997 о Конституционном Трибунале [1, с. 353–354; 2, с. 216–217].

Конституционный Трибунал — это орган судебной власти. Согласно ст. 195 Конституции Республики Польша, Конституционный Трибунал состоит из 15 судей, избранных Сеймом на 9 лет из числа лиц, обладающих юридическим образованием, опытом. Повторное переизбрание недопустимо. Судьи независимы, подчиняются только Конституции и законам. Судьи наделяются иммунитетом на период срока полномочий. Должность судьи не совместима с другими должностями в государственном аппарате (*incompatibilitas*). Органами Конституционного Трибунала являются Общее Собрание и Председатель Трибунала.

Основная задача польского Конституционного Трибунала — это контроль иерархического соответствия юридических норм, в польской литературе он иногда упоминается как «отрицательный законодатель» (элиминирует из системы права неконституционные нормы). К его компетенции относится также вынесение решений по делам, возникающим в связи с подачей конституционной жалобы, о проверке соответствия Конституции целей или деятельности политических партий, решения по спорам о компетенции между центральными, предусмотренными Конституцией, органами государства.

По общему правилу, контроль, осуществляемый Трибуналом, является последующим, т.е. возникает по поводу проверки уже принятых актов. Однако, он может быть и превентивным, предварительным, только в двух случаях: 1) Президент РП отказывается от подписания закона и направляет его для повторного рассмотрения Сеймом, выступает с предложением перед Конституционным Трибуналом об исследовании его на соответствие Конституции; 2) относительно международных договоров представленных Президенту РП для ратификации [1, с. 359]. Контроль является только факультативным, когда осуществляется по инициативе уполномоченных субъектов. В зависимости от субъекта инициативы мы выделяем абстрактный и конкретный контроль. Конкретный контроль возникает всегда в связи с определенным судебным делом, именно в этом случае имеет место конституционная жалоба [2, с. 223–224]. Абстрактный же без наличия какого-то конкретного дела.

В доктрине конституционную жалобу определяют как средство, «служащее физическому или юридическому лицу для охраны прав, путем особенного конституционного судопроизводства, в случае их нарушения актами государственных органов или их бездействием [3, с.175]; «принадлежащее личности право на притязание об охране её основных прав в особенном процессе Конституционного Суда» [4, с. 31]; «учреждение, служащее физическому или юридическому лицу, по охране её основных прав от нарушений органов публичной власти, путем особенного процесса в Конституционном Суде» [5, с. 106]. В этих дефинициях можно заметить некую разницу, которая влияет на интерпретационные последствия. Полагается,

однако, признать, что все вышеуказанные дефиниции обладают чертами конституционной жалобы. Важным является, что процесс, возникающий при подаче конституционной жалобы — это особенный процесс, его целью является охрана основных прав и свобод, гарантированных Конституцией, а основанием — нарушение публичной властью какого-то из прав [6, с. 15].

Субъективные и предметные пределы польской модели конституционной жалобы урегулированы в ст. 79 п. 1 Конституции Республики Польша, согласно с которым, каждый, чьи конституционные свободы или права нарушены имеет право в установленном законом порядке, внести жалобу в Конституционный Трибунал по вопросу о соответствии закона или другого нормативного акта Конституции, на основании которого суд или орган публичной администрации вынес окончательное решение, разрешив вопрос о его свободах, правах или о его обязанностях.

Субъектом, имеющим право подать жалобу, является «каждый, чьи конституционные свободы или права нарушены». Термин «каждый» должен быть трактован широко — это и лица, являющиеся польскими гражданами, как и другие находящиеся под юрисдикцией РП (с некими исключениями, касающимися иностранцев), апатриды и юридические лица. В доктрине права появляются многочисленные аргументы, подтверждающие правильность широкого понимания обсуждаемого понятия, которые свидетельствуют, что такое описание класса субъектов вытекает из принципа равенства всех перед законом и запрещения дискриминации [4, с. 40], соответствие целям, каким учреждение конституционной жалобы должно служить, а также природе нарушенных конституционных свобод и прав [7, с. 207].

Предметом конституционной жалобы может быть «закон или другой нормативный акт, на основании которого, суд или орган публичной администрации вынес окончательное решение, затронув его свободы или права, или обязанности, определённые в Конституции». В постановлении от 1 февраля 2005 г. Конституционный Трибунал установил, что «Предметом исследования Трибунала являются не акты применения права, т.е. приговоры или решения, а нормативные акты, на основании которых эти решения вынесены. (...) Конституционный Трибунал создан для проверки соответствия нормативных актов Конституции, для исключения из юридической системы норм права противоречащих Конституции. Не относится к компетенции Конституционного Трибунала контроль правильности решений суда, толкование обязывающих норм, их применения или не применения судами, применяющимися в индивидуальных делах» [8]. Предметом обжалования не может быть пробел в праве, не являющийся актом в понимании ст. 79 Конституции (напр. устав кооператива) [9]. Нельзя также вносить жалобу против акта, который не был основанием решения, потому что это придавало бы процессу характер *actio popularis* [10]. Жалоба не может быть также направлена против неправильности применения норм судами [11]. Из выше изложенного сле-

дует, что в Польше применяется узкая модель конституционной жалобы, допуская её направление только против установленных норм права.

Чтобы конституционная жалоба могла быть принята, должны иметь место следующие предпосылки:

1) нарушение свобод или прав жалующегося наступило в результате применения норм судом или органом публичной администрации — нарушение это должно быть в отношении жалующегося личным, актуальным и непосредственным. О личном нарушении можно говорить, когда имеют место две предпосылки. Во-первых, жалующийся является адресатом юридической нормы, во-вторых у лица возникают права или обязанности, касающиеся его лично [12, с. 146]. Понятие «актуальное нарушение» означает ситуацию, когда оспариваемый акт или действие порождает юридическую ситуацию у жалующегося в момент внесения жалобы, другими словами, это ситуация, когда возникшая ситуация, существующая в момент внесения жалобы будет следствием применения нормативного акта, несмотря на то, что этот акт может уже не обязывать [13, с. 14]. Предпосылка непосредственности касается нормативных актов, на основании которых принято судебные или административные решения. О непосредственном воздействии можно говорить тогда, когда обязанности лица предусмотрены самим нормативным актом и не требуется вынесения каких-либо актов индивидуального характера [12, с. 147–148].

2) это заключение должно быть окончательным, однако Конституция РП не уточняет понятия «крайность». У этого термина нет также эквивалента в никакой другой подобной процедуре, судебные процедуры используют определение «правомочное решение» (гражданский процессуальный кодекс) или «правомочный приговор» (уголовный процессуальный кодекс). Предлагается понимать, что заключение окончательное, когда жалующемуся не предоставляется больше никакое национальное средство защиты его права, предметом которого, была бы проверка этого решения или приговора [1, с. 367].

3) предметом жалобы может быть только предположение несоответствия нормативного акта Конституции, на основании которого выдано решение, нарушающее права жалующегося — жалоба может быть направлена только против нормы права, согласно с узким пониманием конституционной жалобы в Польше,

4) формальные требования, предъявляемые к жалобе — жалобу необходимо внести в течение трёх месяцев со дня вручения жалующимся правомочного приговора, окончательного решения или другого окончательного акта — это значит, что после его истечения, право на обращение утрачивается и срок не подлежит восстановлению. Кроме того, жалоба должна быть составлена адвокатом или юрисконсультom (так называемое адвокатско-юрисконсультское принуждение). Это «принуждение» не применяется, когда жалующийся является судьей, прокурором, нотариусом, профессором или доктором юридических наук. Формальным условием для принятия жалобы является предоставление ее в

распоряжение Трибунала в пяти экземплярах — это необходимое условие для дальнейшего рассмотрения.

Начало процесса перед Трибуналом наступает в результате принятия экземпляров жалобы. Трибунал может постановить о приостановлении действия решения, приговора по делу, которого касается жалоба, если его исполнение могло бы вызвать неотвратимые последствия, связанные с большим ущербом для заявителя или когда рассматривается важное публичное дело или важное дело заявителя.

Очередной стадией процесса является предварительная проверка жалобы. Ее целью является исключение недостатков жалобы. Председатель Трибунала направляет жалобу для предварительного рассмотрения к определённому судье Трибунала. Если жалоба требует пояснений, вызывается жалующийся для дополнения, дачи пояснений по жалобе, должен явиться в течение 7 дней со дня вручения распоряжения. Если жалоба соответствует требованиям, судья Трибунала направляет её Председателю Трибунала для внесения в реестр жалоб, затем определяет судей, которые рассмотрят жалобу на закрытом заседании, на этом этапе жалобу проверяют на соответствие формальным требованиям, при необходимости назначается срок для устранения недостатков.

Если жалоба не соответствует требованиям, судья Трибунала выдаёт решение об отказе в ее принятии к рассмотрению. Жалобу, отвечающую всем требованиям, Трибунал рассматривает. Разбирательство не назначается раньше, чем после истечения 14 дней со дня вручения уведомления о ее приеме. Неявка на разбирательство не является основанием для перенесения разбирательства. Разбирательство начинается с оглашения дела. С этого момента жалующийся не может вернуть жалобу и остановить процесс. Затем жалующийся и остальные участники процесса представляют свои доводы по делу и доказательства их подтверждающие.

Протокол разбирательства составляет секретарь под руководством председательствующего в процессе. Когда Трибунал признает, что все по делу в процессе выяснено, председательствующий закрывает разбирательство. Рассматривая дело, Трибунал связан границами жалобы. Заключение выносится на судейском совещании после разбирательства.

Судейскому совещанию характерен закрытый и тайный характер. Трибунал выдаёт заключение по делу конституционной жалобы в полном составе (в составе пяти или трёх судей). Заключение и его основные мотивы объявляются в день разбирательства, однако, в деле особенно сложном или из-за наличия других важных поводов можно отсрочить его выдачу на период, не превышающий 14 дней. Заключение объявляется в открытом заседании, после чего публикуется в Газете Законов РП. Конституционный Трибунал обязан составить обоснование заключения в письменной форме не позднее месячного срока со дня его объявления. Заключение Трибунала является обязывающими и окончательными. Заключение Конституционного Трибунала вступают в силу со дня объявления, однако Конституционный Трибунал может определить другой день вступления в законную силу, но нельзя отсрочить более, чем на восемнадцать месяцев, когда заключение касается закона, а когда другого нормативного акта — двенадцати месяцев. В случае конституционной жалобы, решение имеет дихотомический характер, Трибунал констатирует соответствие рассматриваемого нормативного акта Конституции, или его несоответствие [4, с. 50]. Заключение о соответствии нормативного акта конституции не влекут никаких изменений в обязывающем юридическом порядке, зато заключения о несоответствии нормативного акта конституции отменяет неконституционную норму (юридический акт), а процесс, основанный на неконституционной норме, следовательно, не влечет юридических последствий.

Литература:

1. Гарлицки Л. «Польское конституционное право» // Издательство ЛИБЕР // Варшава 2008—438 с.
2. Гуреcki Д. «Польское конституционное право» // Издательство Волтерс Клувер // Варшава 2009—302 с.
3. Банашак Б. «Конституционная жалоба и её смысл в сфере основных прав» // «Основные права личности и их судебная охрана» Вишниевски Л. (ред.) // Сеймовое Издательство // Варшава 1997—259 с.
4. Чешейко-Сохацки З. «Конституционная жалоба в польском праве» // Сеймовый Обзор 1998 №1—168 с.
5. Тулея П., Грибовски М. «Конституционная жалоба как средство охраны прав личности в польской системе права» // «Суды и трибуналы в Конституции и в практике» Сжидло В. (ред.) // Сеймовое Издательство // Варшава 2005—156 с.
6. Ямруз Л. «Конституционная жалоба. Предварительное рассмотрение» // Издательство Темида 2 // Бялысток 2011—259 с.
7. Тжчински Й. «Субъективные пределы конституционной жалобы» // «Конституция, выборы, парламент» Гарлицки Л. (ред.) // Издательство ЛИБЕР // Варшава 2000—259 с.
8. Постановление Конституционного Трибунала Республики Польша от 1 февраля 2005 г. — СК 62/03.
9. Постановления Конституционного Трибунала Республики Польша от: 27 января 1998 г. — Тс 1/98; 24 января 1999 г. — Тс 124/98; 9 декабря 1999 г. — Тс 50/99; 31 августа 1998 г. — Тс 34/98.
10. Постановление Конституционного Трибунала Республики Польша от 24 февраля 1999 г. — СК 4/98.
11. Постановление Конституционного Трибунала Республики Польша от 25 августа 2000 г. — Тс 33/00.

12. Шмулик Б. «Конституционная жалоба. Польская модель на сравнительном фоне» // Издательство С.Н. Веck // Варшава 2006—317 с.
13. Якимович В. «Охрана публичных прав граждан и институт конституционной жалобы» // Casus № 10.

Категория договора и категория принуждения в разрешении правовых конфликтов: постановка проблемы

Зиндобрая Майя Борисовна, юрисконсульт
ООО «Роса» (г. Тюмень)

Настоящая работа представляет собой попытку обозначить наиболее существенные проблемы в рассмотрении сущности юридического конфликта, а также проблемы, возникающие при выборе того или иного пути его разрешения.

Под конфликтом в самом общем смысле понимают несогласие, несовместимость целей, интересов, норм поведения, отношений и т.п. [5].

Юридический конфликт, в свою очередь, — имеющий юридические последствия спор между взаимодействующими субъектами права [7].

Очевидно, что юридический конфликт — явление динамическое. Под динамикой юридического конфликта понимается его движение, развитие, изменение, соотношение сил участников, и, наконец, завершение [2].

Схему развития конфликта подробно описывал В.Н. Кудрявцев. В частности, ученый указывал, что конфликтная ситуация предшествует непосредственному противостоянию и противоборству сторон и представляет собой реально возникшее противоречие. В свою очередь, возникновение конфликтной ситуации предполагает наличие детерминант (факторов) развития конфликта, оформление субъектов конфликта и осознание ими неудовлетворенности сложившейся ситуацией, определяющих появление и обострение социальной напряженности, формирование, соответствующих ее восприятию и оценке, целей и путей их достижения. Конфликтное взаимодействие — это стадия непосредственного конфликта, в рамках которой субъекты пытаются реализовать (отстоять) собственные интересы путем открытого посягательства на интересы контрсубъектов. Завершение конфликта предполагает прекращение открытого противоборства между его субъектами, например, в связи с вынесением правоприменительного акта либо достижением договоренности относительно предмета конфликта, но не обязательно означает удовлетворение их интересов, что предполагает возможность возобновление конфликта на новом витке развития.

Однако существует и другой вариант динамики конфликта, предполагающий усиление борьбы, обострение противоречий. Обычно это явление именуют эскалацией конфликта. Остановимся на нем несколько подробнее.

Внешненаблюдаемый аспект эскалации конфликта — это, прежде всего, интенсификация борьбы. Конфликт, как отмечает А.Г. Здравомыслов, развивается «по методу раскручивания спирали; действия одной стороны сопровождаются контрдействием другой, и это последнее контрдействие отнюдь не адекватно по масштабу своих последствий исходной точке конфликта» [1]. Описанное А.Г. Здравомысловым явление принято называть эскалацией конфликта.

Сегодня российские и зарубежные исследователи в области юридической конфликтологии согласны с тем, что процедура разрешения конфликта может быть как государственной (судебной) так и негосударственной (альтернативной). В первом случае рассмотрение дела (разрешение конфликта) заканчивается решением суда, который представляет государство. При вынесении решения он руководствуется нормами закона. Во втором — конфликт разрешается с помощью альтернативных процедур, разнообразных по форме и содержанию, основанных на принципе компромисса.

Теоретическое обоснование существования указанных моделей разрешения конфликтов можно найти в общей концепции нормативных категорий Э. Ле Руа [8].

Этот автор различает четыре типа категорий на основе различных способов урегулирования конфликтов. Первая категория — категория соглашения: противостоящие стороны не доводят дело до конфликта как такового, они стремятся достичь полюбовного соглашения в рамках отношений диадического типа. Ее противоположностью является категория спора: конфликт оканчивается победой более сильного или более ловкого участника, но отношения остаются диадическими. Между этими полюсами находятся две остальные категории. Категория договора, при которой конфликт между сторонами требует вмешательства третьего лица, предусматривает содействие последнего в поиске путей достижения согласия, при этом юридические нормы служат моделями, но не императивами (так происходит при применении альтернативных способов разрешения конфликтов). Переход к категории принуждения знаменуется превращением конфликта в тяжбу, разрешаемую судом на основе существующего права.

Традиционным для Российской Федерации способом разрешения юридического конфликта является обращение в суд. Вместе с тем, обращение к силе государственного принуждения в разрешении конфликтов, находящихся в частноправовой сфере, сопряжено с рядом сложностей.

Во-первых, по нашему мнению, обращение к суду свидетельствует об эскалации конфликта, так как является актом открытого противостояния, который предполагает готовность подателя иска к длительной и дорогостоящей процедуре рассмотрения дела в суде. В этом случае участники конфликта, как правило, не стремятся к выработке решения, удовлетворяющего интересы обеих сторон. Участие в судебном процессе, одним из руководящих принципов которого является состязательность, делает из сторон противников, уменьшает вероятность принятия совместного решения на основе компромисса.

Во-вторых, разрешения конфликта в результате рассмотрения дела судом можно охарактеризовать с использованием «модели нулевой суммы» [9]. Эта концепция получила свое развитие в рамках теории игр. Ее суть заключается в том, что если двое игроков связаны только отношениями состязания, то в конце игры выигрыш одного неизменно означает проигрыш другого, что, в конечном счете, сводит игру к нулевому результату.

Модель компромисса (категория договора), лежащая в основе внесудебных способов подчиняется иной логике. Автор научных трудов по юридической антропологии Н. Рулан отмечает, что в этом случае обе стороны стремятся достичь такого положения, при котором выигрыш одной стороны не оборачивался бы проигрышем для другой. В этом случае игра заканчивается с положительным «сальдо»: стороны приходят к отличному от первоначальных ставок результату [6].

Категория договора в разрешении конфликтов в условиях современности приобретает все большее значение, особенно в экономической сфере, где уровень конфликтности постоянно повышается, силовые методы разрешения споров становятся неприемлемыми, расширяется международное сотрудничество. В этой области рассматривать сам конфликт как негативное, патологическое явление, которое нарушает нормальный ход развития, было бы неверно. Более того, договорные отношения (основа современного экономического оборота) конфликтны сами по себе, поскольку лица, в них участвующие, представляют противоположные интересы [4]. Признание этого факта приводит к необходимости урегулировать возникающие разногласия альтернативными формами, в основе которых лежит категория договора, что позволяет надолго сохранять партнерские отношения.

Институт медиации является наиболее распространенным среди способов альтернативного разрешения споров в мире, и в рамках рассмотрения категории договора для разрешения конфликтов представляет особый интерес.

Как правило, исследователи института медиации выделяют ряд преимуществ, отличающих данный метод от традиционного судопроизводства:

- 1) медиация — это добровольная процедура;
- 2) это неформальный и конфиденциальный процесс, способствующий минимизации рисков для репутации человека или организации;
- 3) в медиации гарантируется нейтральность и беспристрастность третьего лица, содействующего переговорному процессу;
- 4) в медиации чрезвычайно важно отсутствие полномочий у третьего лица на принятие и вынесение решения по спору.

По данным опроса участников процедуры медиации, проведенного в ходе реализации Проекта по многовариантному адекватному разрешению споров при Высшем суде графства Сан-Матео, Калифорния, участники процедуры медиации отмечают следующие ее плюсы:

1. Медиация дает сторонам конфликта шанс озвучить, высказать, что их беспокоит, и лично участвовать в процессе урегулирования спора. Медиаторы как правило обучены активному слушанию и другим коммуникативным навыкам, которые способствуют пониманию людей в конфликте.

2. Медиация способствует ослаблению и снижению напряженности, которая часто возникает в споре. Этот аспект особенно важен в делах, затрагивающих членов семьи или других людей, с которыми установлены долгосрочные взаимоотношения, например, в спорах, связанных с опекой над ребенком, утверждением завещания, и во многих других случаях, когда стороны желают не допустить дальнейшего развития конфликта.

3. С помощью медиации разрешение спора достигается быстрее, чем с помощью традиционного судебного разбирательства, — как правило, в течение нескольких недель или месяцев. Поскольку стороны напрямую могут поделиться друг с другом тем, что их беспокоит (или — что им требуется), частично отпадает необходимость в формальных ходатайствах и истребовании информации.

4. Участники медиации, как правило, выражают очень высокую удовлетворенность процедурой медиации, отмечая ее направленность на установление именно справедливости в споре [3].

В отличие от судебного заседания, при разрешении спора с участием медиатора у сторон отсутствует необходимость доказывать свою правоту, то есть здесь не применим принцип состязательности. Вместо этого сторонам предлагается иная стратегия поведения в поиске выхода их конфликта: сотрудничество вместо соперничества. Результатом разрешения спора становится не провозглашение победителя и побежденного, а решение, отражающее интересы обеих сторон, и потому более жизнеспособное.

Иными словами, стороны сами являются авторами решения, сохранив контроль как над самим процессом выработки решения, так и над его содержательной стороной.

Несмотря на очевидные положительные стороны применения альтернативных способов разрешения споров, приходится констатировать, что в Российской Федерации участники конфликта, как правило, делают выбор в пользу категории принуждения, обращаясь в государст-

венный судебный орган. Вместе с тем, законодательная база для активного применения категории договора и, в частности процедуры медиации, существует. Эта проблема задает направление для дальнейших исследований в затронутой области.

Литература:

1. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М., 1995.
2. Кудрявцев В.Н. — Юридическая конфликтология. — М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. — 316 с.
3. Парселл Ш. Варианты на выбор // Медиация и право, 2009, №3 (13).
4. Примак Т.К. Альтернативные средства разрешения конфликтов // Мировой судья. 2010, №9.
5. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 495 с.
6. Рулан Н. Юридическая антропология. — М.: Норма, 1999.
7. Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие для вузов / под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Червонюка. — Право и закон, М.: КолосС, 2003. — 544 с
8. Le Roy E. La conciliation et les modes precontentieux de reglement des conflicts. BLAJP // 12 (1987).
9. Stem J. Yngvesson B. Scarity and Disputing: zeroing on compromise decisions // American Ethnologist. 2. 1975.

О влиянии зарубежных научных традиций на формирование отечественной доктрины о международном частном праве дореволюционного периода: Московский университет

Комнатная Юлия Александровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Белгородский государственный университет

Сегодня, в условиях глобализации, и наука, и законодатель вновь обращаются к вопросам коллизионного регулирования трансграничных отношений. Однако отсутствие согласованности в решении вопросов коллизионного характера порождает многочисленные правовые ошибки, создает впечатление беспомощности в сложившихся обстоятельствах. При этом стоит отметить, что законодательство в данной области неоспоримо находится под воздействием научной мысли. В связи с выяснением первопричины установившихся противоречий считаем необходимым обращение к истории возникновения и развития отечественной доктрины о коллизионном праве.

В Московском университете в дореволюционный период проблемой коллизионного (международного частного) права занимались юристы-международники, цивилисты и энциклопедисты права, среди которых: М.Н. Капустин, Л.А. Камаровский Ю.С. Гамбаров, Е.Н. Трубецкой, Г.Ф. Шершеневич, В.А. Краснокутский и др.

С начала 60-х гг. XIX столетия в доктрине активно обсуждался вопрос возможности дуализма международ-

ного права. Одним из первых профессоров Московского университета этой проблемой занялся Михаил Николаевич Капустин (1828—1899). Спустя 10 лет после выхода в свет работы его ученика Н.П. Иванова, М.Н. Капустин достаточно подробно разобрал вопросы международного частного права. Его конспект лекций по международному праву, по мнению В.Э. Грабаря [3, с. 387], считался первой отечественной систематикой международного права. М.Н. Капустин включил международное частное право в систему международного права в виде отдельной третьей главы — Международное положение частных лиц. В отношении последнего отдела ученый отмечал: «Сюда относятся все положения относительно иностранцев и вообще те вопросы, которые могут быть разрешены только совместным приложением нескольких национальных прав» [13, с. 13]. В свою систематику он включил и вопросы судопроизводства с участием иностранных граждан. Четкого определения международного частного права М.Н. Капустин не дал, но описал его содержание: «Положение иностранцев, временное пребывание частных лиц вне пределов их национальной территории и граждан-

ские сделки между членами различных государств вызывают приложение юридических норм, несходных между собой. Столкновение таких норм, поскольку эти последние относятся к различным национальным законодательствам, должно быть определено с точностью, и по существу своему иметь международный характер. Учение о нем носит название частного международного права» [12, с. 70]. Анализируя представленную точку зрения можно увидеть, что М.Н. Капустин рассматривал международное частное право исключительно как коллизионное право, при этом отмечая международный характер исследуемых отношений и применяемых к ним норм.

Труд М.Н. Капустина был принят его современниками неоднозначно. Так, В.П. Даневский писал: «Наименее в этом отношении удачен отдел частного международного права (III), где нагромождено множество кратких, недостаточно объясненных и сжатых положений, мало между собой связанных» [4, с. 217]. Однако спустя время критик все же оценил заслуги ученого [5, с. 93]. В свою очередь Ф.Ф. Мартенс указанные лекции рассматривал иначе: «Действительно только эта система г. Капустина и заслуживает внимания... справедливо будет сказать, что его система стоит выше многих других» [15, с. 117]. В.Э. Грабарь также считал, что система М.Н. Капустина «оригинальна и интересна» [3, с. 387]. Однако и сегодня его работы представляют интерес [16, с. 121–124]. В результате сочинение М.Н. Капустина в истории формирования отечественной доктрины международного частного права можно назвать отправной точкой, положившей начало исследованию коллизионного права в системе международного права, как непосредственно с ним связанного.

Существенным можно считать вклад профессора Леонида Алексеевича Камаровского (1846–1912) в развитие отечественной науки о коллизионном праве. Помимо его научных работ особого внимания заслуживают отчеты о работе Института международного права, действительным членом которого Л.А. Камаровский являлся с 1891 года. В своей научной деятельности ученый придерживался религиозно-этического направления, рассматривая международное право с позиции требований справедливости.

Раскрывая основные вопросы науки международного права, Л.А. Камаровский определял международное право исключительно как публичную отрасль права [9, с. 3]. Рассматривая международное право широко, ученый включал в него «три большие области, которые стремятся выделиться в особые науки, по крайней мере, две из них уже обособились» [9, с. 4]. По мнению ученого, «вследствие всё расширяющегося гражданского оборота, частные лица не могут часто довольствоваться одной только государственной охраной... Относящиеся сюда нормы считают доселе многие (особенно в Англии) отраслью гражданского или уголовного права отдельных государств, но, по важности и своеобразности их, гораздо вернее выделять их в особую науку частного международ-

ного права и отличать ее от права публичного» [9, с. 5]. Позже ученый несколько изменил свою точку зрения и стал утверждать, что «Отправляясь от учения о способах разрешения столкновений между законодательствами различных стран (в области гражданских и уголовных) этот предмет понемногу расширится в то всемирное гражданское право (Weltbürgerrecht), о котором мечтал еще Кант...» [10, с. 5].

Вопросы международного частного права затрагивались им и при раскрытии проблем компетенции третейского суда [6, с. 181]. Также ученый освещал вопросы международного частного права, разбираемые Институтом международного права. Оценивая работу третьей комиссии, Л.А. Камаровский писал: «...можно сказать, что если этой комиссии удастся выполнить задуманный ею план, Институт окажет одну из величайших услуг науке права во всей ее совокупности, т.е. не только в области международного, но и в области гражданского и уголовного права» [11, с. 48]. Рассматривая доклад П. Манчини об основных руководящих началах международного частного права, в котором ученый отверг возможность создания единого гражданского кодекса для всех народов, Л.А. Камаровский сделал следующий вывод: «Итак, необходимо самостоятельно изучать частное международное право или те юридические начала, которые по самой природе вещей должны разрешать спорные вопросы о том, какие законы прилагаемы к каждому юридическому отношению» [11, с. 49]. Важной проблемой современного международного частного права комиссия назвала признание за его основу силу государственного суверенитета. Относительно этого утверждения Л.А. Камаровский написал: «Вот главный источник той путаницы, которая господствовала как в теории, так и в практике частного международного права до наших дней... Практические юристы без уважения относятся к частному международному праву, потому что оно, лишено научного основания и единства, составляет собрание запутаннейших, произвольных и самых противоречивых правил» [11, с. 50]. Соглашаясь с П. Манчини, Л.А. Камаровский также принял за главный принцип международного частного права международную обязанность, «которая соединяет все государства крепкими узами права» [11, с. 53].

Последующие его работы о деятельности Института носили исключительно информационный характер [7, 8]. Однако, характеризуя новейшие изменения и направления в области международного частного права, Л.А. Камаровский давал возможность отечественным ученым иметь представление о тенденциях европейской научной мысли.

Среди цивилистов особое место занимает профессор Юрий Степанович Гамбаров (1850–1926). Свои курсы лекций по гражданскому праву ученый стал публиковать с 1896 года.

Рассматривая ставшие традиционными коллизии разноместных законов, Ю.С. Гамбаров сделал попытку соотнести международное частное право с другими смежными

отраслями права. Ю.С. Гамбаров дал определение «разноместным законам», под которыми понимал «законы, действующие в различных государствах или в различных частях одного и того же государства» [2, с. 288]. Таким образом, ученый считал, что не существует отдельно внутриколлизионного и международного частного права. Основой применения судьей иностранного законодательства к отношениям, в которых участвуют иностранные граждане или возникающих по поводу имущества, находящегося в другой стране, он считает «международную вежливость» [2, с. 289]. Вопросы, связанные с применением основных правовых конструкций, таких как: *lex fori*, *lex rei sitae*, *lex loci actus*, *lex domicilii*, Ю.С. Гамбаров связывал с особым учением, называемым «collision statutum (conflit des lois), также — частным международным правом» [2, с. 289]. При этом, противореча себе, учение *collision statutum* он отделял от международного частного права, указывая, что «первое из этих названий прилагается обыкновенно к случаям столкновения разноместных законов в пределах одного и того же государства, второе — к столкновению законов различных государств, хотя принцип и основания для решения тех и других случаев одинаковы» [2, с. 289]. Относительно становления международного частного права Ю.С. Гамбаров утверждал, «что столкновение законов, действующих в пределах одного и того же государства, были выдвинуты гораздо раньше столкновений законов, действующих в различных государствах, так как в течение весьма продолжительного периода истории повсюду иностранцы были или совсем бесправны, или чрезвычайно ограничены в своей правоспособности. Поэтому уже вопросы, вызываемые столкновениями законов, и ставились сначала не в отношении к иностранцам, а в отношении к подданным каждого отдельного государства, подчиненным различным законам своей страны» [2, с. 290]. Ю.С. Гамбаров, будучи приверженцем цивилистического подхода, отстаивал позицию принадлежности международного частного права национальному гражданскому праву вследствие того, «что оно регулирует юридические отношения не между государствами или народами как таковыми и не между государствами и отдельными лицами, а исключительно юридические отношения отдельных лиц» [2, с. 293]. Ю.С. Гамбаров не поддерживал категоричности в отношении международного частного права и принял сторону Циттельмана, указывая, что «судье при разрешении случаев столкновения разноместных законов нужно руководствоваться, прежде всего, коллизионными нормами своего отечества, т.е. поставленными данным положительным законодательством нормами для разрешения этих столкновений, а в случае отсутствия таких норм или представляемых ими сомнений — обращаться к надгосударственным нормам частного международного права» [2, с. 292]. Это учение Ю.С. Гамбаров назвал «творчеством в юриспруденции», отметив, что оно может со временем стать общеобязательным источником права.

Изучив все известные в истории науки концепции кол-

лизионного права, Ю.С. Гамбаров пришел к выводу, что «ни одна из теорий, предложенных для однообразного разрешения всех относящихся к столкновению законов вопросов, не выдерживает критики» [2, с. 308]. Наиболее удачной он признал учение Савиньи, однако заметил, что «формула Савиньи может дать только руководящую нить, а не разрешение спорных случаев» [2, с. 309].

Учитывая все сложности, Ю.С. Гамбаров предпочел обособить коллизионное право, отметив, что «этот вопрос не входит в систему общего гражданского права, а составляет предмет особой юридической дисциплины, известной под именем частного международного права...» [2, с. 309–310]. Заслуга ученого при исследовании проблем международного частного права, заключается еще и в том, что он одним из первых изложил основные термины международного частного права, имеющие законодательное закрепление [2, с. 310].

Не оставил без внимания вопросы коллизионного права и Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920). Е.Н. Трубецкой указывал: «Как подданные, так и иностранцы, как временные, так и постоянные жители той или другой страны, обязаны подчиняться законам того государства, на территории которого они проживают. Государство вообще не может допускать на своей территории действия чужеземных законов, потому что это нарушило бы его права верховенства, его независимость по отношению к другим государствам» [17, с. 153]. Однако ученый вынужден был согласиться с тем, что «чресчур прямолинейное и неуклонное применение одних только территориальных законов в пределах каждого государства сделало бы крайне затруднительными или вовсе невозможными взаимные отношения между гражданами различных государств» [17, с. 153]. Кроме того, им также были отмечены заслуги практики в решении этой актуальной проблемы. Ссылаясь на множество вариантов правоотношений, осложненных иностранным элементом, кн. Е.Н. Трубецкой пишет: «Для разрешения целого ряда подобных казусов применение территориального начала оказалось бы несправедливым, и вот почему современные государства в целом ряде случаев от него отступают. Вследствие этого, при разрешении конкретных юридических случаев часто сталкиваются законы различных стран» [17, с. 154]. Поэтому, несмотря на то, что ученый отрицал необходимость применения чужого закона, все же отмечал: «Вопрос о том, на основании каких начал должны быть разрешаемы подобные столкновения, вызвал богатую юридическую литературу, причем вообще вопрос представляется в науке спорным. Подробное исследование этих споров составляет задачу науки международного права» [17, с. 154]. В качестве основных правил, применяемых в других государствах, Е.Н. Трубецкой указывал «статуарную теорию», отмечая коллизионный характер норм, регулирующих обсуждаемые вопросы.

Особенно важным представляется мнение о коллизионном праве Габриэля Феликсовича Шершеневича (1863–1912). Начиная с 1888 года, выходят его учебные

курсы по торговому и гражданскому праву. Однако в курсе гражданского права он практически не уделял внимания этому вопросу, а лишь отмечал, что: «В этом отношении можно указать, как на руководящие начала, на те принципы, которые выражены в частном международном праве по вопросу о столкновении различных государств. Принципы эти могут иметь применение к вопросу о столкновении местных законов с общими и с другими местными, насколько они не видоизменены русским положительным законодательством» [22, с. 55]. Рассматривая основы торгового права, Г.Ф. Шершеневич высказал следующее положение: «возникает международное торговое право, регулирующее, с одной стороны, отношения по торговле одного государства к другому и отношения каждого из них к подданным другого (торговые трактаты), с другой — взаимные отношения подданных разных государств, как частных лиц... Отсюда видно, что международное торговое право отличается смешанным характером — отчасти публичным, отчасти частным. Торговые отношения наряду с гражданскими дают главное содержание частному международному праву, хотя и не исчерпывают его вполне» [18, с. 5]. Что говорит о достаточно широком понимании ученым международного частного права. При этом Г.Ф. Шершеневич сомневался в противопоставлении частного права публичному, отмечая, что «Следует однако признать, что граница между публичным и гражданским правом, основанная на различии интересов, не может быть безусловно точной» [21, с. 16].

Однако при раскрытии вопросов общетеоретического характера, Г.Ф. Шершеневич утверждал, что «в пределах территории каждого государства могут иметь применение только те нормы права, которые соединены с велением власти» [20, с. 409]. Как и многие его предшественники, Г.Ф. Шершеневич отделяет столкновения иностранных законов от внутренних коллизий общего и местных законов [20, с. 410]. Кроме того, им активно пропагандировался исключительно законодательный подход. Он отмечал, что суд должен применять только те иностранные законы, на которые ссылается отечественный законодатель. Критикуя современных ученых, Г.Ф. Шершеневич писал: «Утверждают, что существует особая система права, международного, которая должна служить руководством для судьи при разрешении споров, возникающих между подданными разных государств, притом совершенно независимо от указания законодателя. Эти положения обязательны для судьи в силу собственного авторитета, хотя бы законодатель не делал никаких ссылок на иностранные законы» [20, с. 411]. Он называл общепринятые коллизионные правила лишь теоретическими рассуждениями, утверждая, что пока государство не включит их в законодательство, они не могут стать догмой. Г.Ф. Шершеневич активно критиковал рекомендуемое применение чужого права и выступал против ведущей роли доктрины в данном вопросе.

Рассматривая особенности гражданских отношений, Г.Ф. Шершеневич отмечал следующее: «мы встречаемся

с утверждением, что суд обязан применять к частноправовым отношениям, возникшим на почве международного общения, гражданские законы других государств» [20, с. 414]. Но он не видел в этом необходимости, если законодатель сам не предлагает подобных действий. Разбирая учение Савиньи, Г.Ф. Шершеневич писал: «Успех этой теории едва ли соответствует ее достоинству... принятое этою теорией исходное основание правового единства также неверно: цивилизованные народы находятся в общении экономическом, научном, художественном, но не правовом, потому что право каждого государства за пределами его территории перестает быть правом» [20, с. 416]. Условия применения коллизионных норм ученый именовал «неудобствами», которые возникли в результате пробелов в праве. Однако, по его утверждению, это не дает никому права восполнять недостатки закона «положением справедливости, любезности, выгоды, или заимствованием из других законодательств» [20, с. 418]. Кроме того, ученый отмечал, что «вопрос о пространстве действия закона может возникнуть не только в международных отношениях, но и внутри одного государства, в котором действуют различные местные законы» [20, с. 418]. Тем самым, Г.Ф. Шершеневич выделял две проблемы: столкновения законов внутри государства и столкновения иностранных законов, но при этом считал, что необходимость создавать отдельную правовую отрасль отсутствовала. Однако сегодня, Л.П. Ануфриева утверждает, что Г.Ф. Шершеневич, являясь сторонником цивилистов при определении содержания международного частного права, имел в виду международный характер этой науки [1, с. 19]. При этом, следуя выводам самого ученого, позволим себе не согласиться с Л.П. Ануфриевой. Анализируя все вышесказанное можно допустить только то, что Г.Ф. Шершеневич относил вопросы коллизионного права к общетеоретическим положениям. Кроме того, считаем его можно определить как сторонника внутриколлизионного права, но не в рамках гражданского права, а в пределах общего учения о праве. В связи с этим, Г.Ф. Шершеневича можно также назвать приверженцем законодательного подхода в коллизионном праве и основателем догматического подхода.

Отдельного внимания заслуживает работа В.А. Краснокутского, где автор достаточно четко обозначил свою позицию в отношении понятия и природы международного частного права. Во-первых, предметом международного частного права указано изучение конфликтных законов. Во-вторых, дано определение международному частному праву, согласно которого это система национальных коллизионных норм по вопросам частного права. В-третьих, определена проблема спорности вопроса взаимодействия международного частного и международного публичного права с национальным гражданским правом.

Раскрывая вопросы международного частного права, ученый традиционно ссылаясь на мнения Вестлэка, Пилье и других зарубежных авторов, приходя к выводу, что «самый постулат международного частного права, обязанность государств признавать, в известном слу-

чаях приложение чужого закона на своей территории, продиктовано международным публичным правом» [14, с. 8]. Исходя из этого положения, ученый говорил о международно-правовой природе международного частного права, указывая даже на некоторую публичность в определении. Однако при этом, В.А. Краснокутский отмечал, что само публичное право коллизионные вопросы не решает, «все данные и все средства может доставить только частное право, оно указывает те затруднения, которые возникают из различных частных норм и систем... и те средства какими можно привести к единой защите важнейшие интересы» [14, с. 8]. Следовательно, В.А. Краснокутский выделял вопросы международного частного права, определяя их началом международное публичное право и его основополагающие принципы — взаимности и общения. При этом автор видел необходимость учитывать волю законодателя, закрепленную в системе коллизионных норм государства и тесное взаи-

модействие международного частного права не только с международным и национальным правом, но и со сравнительным правоведением.

Таким образом, в Московском университете были представлены все направления в изучении международного частного права: общетеоретическое, международно-правовое и цивилистическое. В большинстве случаев речь шла именно об учении о международном частном праве, что говорит о доктринальном подходе в его определении. Кроме того, можно предположить, что был сформирован оригинальный догматический подход, который был представлен в общетеоретических рассуждениях Г.Ф. Шершеневича. Ученые-юристы Московского университета внесли значительный вклад в становление и развитие отечественной доктрины о коллизионном праве в дореволюционный период, устанавливая традицию рассматривать международное частное право в первую очередь как доктрину.

Литература:

1. Ануфриева Л.П. Международное частное право: в 3-х т. Москва: Бек, Т. 1. Общая часть. 2002. — 288 с.
2. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. С.-Петербург, 1911. — 787 с.
3. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права России (1647—1917) / Научн. ред. У.Э. Батлер. Отв. ред. В.А. Томсинов. Москва, 2005. — 888 с.
4. Даневский В.П. Очерк новейшей литературы по международному праву. СПб.: В тип. Второго отделения собств. Е.И.В. Канцелярии, 1876. — 281 с.
5. Даневский В.П. Пособие к изучению истории и системы международного права. Вып. I. Харьков: Типография А.Н. Гусева. Бывш. В.С. Бирюкова, 1892. — 230 с.
6. Камаровский Л.А. О международном суде. Москва: Типография Т.Малниснаго, 1881. — 542 с.
7. Камаровский Л.А. О съезде института международного права в Гамбурге, в 1891 г. // Юридический вестник. — 1892. — №12. Т. XII. Кн. 4. — С. 589—610.
8. Камаровский Л.А. О съезде института международного права в Мюнхене 1883. // Юридический вестник. — 1884. — №4. Т. XV. — С. 716—737.
9. Камаровский Л.А. Основные вопросы науки международного права. Москва: Тип. Общество распространения полезных книг, 1895. — 166 с.
10. Камаровский Л.А. Международное право. Москва, 1905—60 с.
11. Камаровский Л.А. Первое трехлетие Института международного права 1873—1876. — Москва: тип. Индрих, 1877. — 105 с.
12. Капустин М.Н. Конспект лекций по международному праву. // Временник демидовского юридического лицея. — 1873. — Книга пятая. — С. 29—88.
13. Капустин М.Н. Международное право: конспект лекций. Ярославль: Тип. Губ. Земской управы, 1873. — 87 с.
14. Краснокутский В.А. Международное частное право. Пособие к лекциям. Москва: Тип. Императорского Московского Университета. — 16 с.
15. Мартенс Ф.Ф. Международное право, сочинение М.Н. Капустина // Сборник государственных знаний. — 1875. — Том II. — С. 116—117.
16. Сафронова Е.В. Капустин М.Н. — общественный деятель, педагог и ученый (к 180-летию со дня рождения) // Педагогика. — 2009. — №1. — С. 121—124.
17. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. Москва, 1909. — 227 с.
18. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. Москва: Бр. Башмаковых, 1912. — 389 с.
19. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Введение. Т. 1: Вып. 1—2. Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1901. — 474 с.
20. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. I. Москва: Бр. Башмаковы, 1910. — 839 с.
21. Шершеневич Г.Ф. Понятие о гражданском праве. Казань. 1898. — 65 с.
22. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Москва: Бр. Башмаковых, 1911. — 474 с.

Проблемы совершенствования законодательства о дисциплинарном принуждении в системе органов внутренних дел Российской Федерации

Мальцев Евгений Павлович, преподаватель
Воронежский институт МВД России

В настоящее время в связи с реформированием Министерства внутренних дел России и его территориальных органов, совершенствованием системы гарантий прав и основных свобод граждан, отмечается повышенное внимание государства и общества к вопросам правового статуса сотрудников органов внутренних дел. Существенно возросли требования к служебной дисциплине, а так же к профессиональным и моральным качествам сотрудников органов внутренних дел (полиции).

В 2011 году была сформирована новая законодательная база деятельности МВД России, приняты федеральные законы:

- от 7 февраля 2011 г. №3 — ФЗ «О полиции»;
- от 19 июля 2011 г. №247 — ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
- от 30 ноября 2011 г. №342 ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Принятые нормативные правовые акты положили начало не только обновлению органов правопорядка страны, но формированию новых подходов в их деятельности, в том числе и во взаимоотношениях полиции и общества.

Однако, несмотря на принимаемые меры по профилактике, нарушения служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел остаются на достаточно высоком уровне. Так, в 2008 году было выявлено 146 033 фактов нарушения служебной дисциплины, к дисциплинарной ответственности привлечено 47 358 сотрудников; в 2009 году — 157 107 нарушений, и привлечено к дисциплинарной ответственности 56 021 сотрудник; в 2010 году выявлено 166 846 нарушений служебной дисциплины, к дисциплинарной ответственности привлечено 63 294 сотрудника [1].

Ряд происшествий произошедших с участием и по вине сотрудников полиции вызвал большой общественный резонанс и резкий рост критики в адрес МВД, что способствует формированию негативного отношения граждан к органам внутренних дел, снижению эффективности принимаемых мер по укреплению доверия граждан к органам правопорядка.

Представляется что, реализация принципа ответственности сотрудников органов внутренних дел (полиции) в случае нарушения служебной дисциплины предполагает наступление мер юридической ответственности за совершаемые ими дисциплинарные проступки. И здесь следует отметить, что из всех видов юридической ответственности,

применяемых к ним, на практике приоритет отдается мерам дисциплинарной ответственности, которые призваны, с одной стороны, стимулировать сотрудников органов внутренних дел к надлежащему выполнению своих служебных обязанностей, а с другой — способствовать профилактике и предупреждению правонарушений.

Государственное принудительное воздействие в сфере отношений по поводу реализации дисциплинарной ответственности реализуется в форме мер *дисциплинарного принуждения*. Важно отметить, что дисциплинарное принуждение значительно шире по своему содержанию, чем дисциплинарная ответственность, так как включает в себя *меры дисциплинарного пресечения, меры дисциплинарного процессуального обеспечения, меры дисциплинарного destимулирования, дисциплинарные взыскания и меры материальной ответственности* [2].

В правовой науке дисциплинарная ответственность рассматривается как особый вид государственного принуждения, связанного с применением субъектами дисциплинарной власти санкций за совершенные подчиненными субъектами дисциплинарные проступки. В отличие от других видов юридической ответственности, дисциплинарная направлена на обеспечение дисциплины в основном в рамках служебного подчинения, т.е. применяется должностными лицами (начальниками, командирами) подразделений, в которых проходит службу сотрудник органов внутренних дел [3].

История становления и развития органов внутренних дел в нашей стране показала, что система дисциплинарных отношений в милиции строилась применительно к дисциплинарным отношениям, сложившимся в Красной армии и регулировалась по большей части нормами дисциплинарных уставов, как Рабоче-крестьянской Красной Армии, так и Рабоче-крестьянской милиции.

Установление и нормативное закрепление дисциплинарных правоотношений в милиции в предвоенных условиях и в годы гражданской войны, близких по своему содержанию к воинским, имело положительное значение, так как способствовало повышению ее мобильности, боеготовности, организованности, обеспечило достаточно быструю перестройку работы милиции на военный лад. Дисциплина и дисциплинарные отношения в советской милиции в годы Великой Отечественной Войны и их правовое регулирование строились на принципах соответствия подчиненности этих отношений законам войны, вооруженной борьбы; безусловного единоначалия и безусловной исполнительности; полного приоритета и неизблемости дисциплинарных требований, правил и норм;

строгой единоличной ответственности за допущенные нарушения и совершенные преступления. Однако, такая практика, в послевоенные годы не оправдала себя в силу ее жесткости. Она не только не дала позитивных результатов, но и не учитывала эффективности партийно-политической идеологической работы в милиции. Началом этапа «демократизации» дисциплинарных отношений в органах внутренних дел стало принятие Дисциплинарных уставов ОВД 1971 и 1984 годов, которые ознаменовали собой новый уровень правового регулирования служебной дисциплины и дисциплинарных отношений в этих органах.

Без малого вековой опыт организации и деятельности советской милиции свидетельствует о том, что высокие показатели в выполнении возложенных на нее задач достигались только тогда, когда в основе дисциплинарных отношений лежали нормативно-правовые акты, и в первую очередь дисциплинарные уставы, когда поддерживалась и осознанно соблюдалась служебная дисциплина, когда начальствующий состав предъявлял к сотрудникам высокую и постоянную требовательность, когда существовал институт работников, непосредственно отвечавших за воспитательную работу с личным составом.

Следует отметить, что недавно принятые федеральные законы по юридической технике значительно превосходят ранее действовавшее законодательство и существенным образом отличаются в плане конструирования и изложения правовых норм. Сочетание норм материального и процессуального права в рамках одного нормативного правового акта способствует правильному их толкованию, пониманию и применению на практике.

Действующее служебное законодательство («О полиции», «О службе в органах внутренних дел») содержит ряд правовых норм, регламентирующих применение мер дисциплинарного принуждения в отношении сотрудников органов внутренних дел, вместе с тем, по-прежнему остаются не в полной мере урегулированными ряд проблемных вопросов. В результате тщательность и объективность разбирательства при совершении сотрудником дисциплинарного проступка зависят не от точного соблюдения правовых норм, а ставятся в прямую зависимость от усмотрения и уровня правовой культуры лиц, налагающих дисциплинарные взыскания. В целях их разрешения, предлагаем:

1. Законодательно закрепить определение дисциплинарного проступка, под которым следует понимать виновное деяние, выразившееся в неисполнении, ненадлежащем исполнении или превышении служебных полномочий, закрепленных в нормативных правовых и иных актах, при отсутствии признаков правонарушения уголовного или административного характера, за которое служебным законодательством предусмотрена дисциплинарная ответственность.

2. Уточнить определение «служебная дисциплина», путем изложения его в следующей редакции: служебная дисциплина в органах внутренних дел означает соблю-

дение сотрудниками органов внутренних дел установленных законодательством Российской Федерации, Присягой, Дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденным Президентом Российской Федерации, контрактом о службе, а также приказами Министра внутренних дел Российской Федерации, прямых начальников порядка и правил, непосредственно связанных с выполнением обязанностей по службе [4].

3. Дополнить ст. 51 ФЗ «О службе в ОВД...» следующим пунктом: «если сотрудником совершено нарушение служебной дисциплины, не носящего характер грубого нарушения служебной дисциплины, начальник вправе не привлекать его к дисциплинарной ответственности, а ограничиться предупреждением о недопустимости в дальнейшем совершения нарушений служебной дисциплины. Предупреждение о недопустимости в дальнейшем совершения нарушений служебной дисциплины не является дисциплинарным взысканием».

4. Исключить из перечня дисциплинарных взысканий, применяемых к сотрудникам органов внутренних дел, санкции, схожие по характеру последствий для нарушителя. Так, можно констатировать отсутствие какого-либо внятного различия между такими взысканиями как «выговор» и «строгий выговор». По нашему мнению, дисциплинарное взыскание в виде строгого выговора необходимо исключить.

5. Дополнить статью 51 ФЗ «О службе в ОВД...» пунктом 10 и изложить его в следующей редакции: «Взыскание в виде предупреждения о неполном служебном соответствии применять один раз за время пребывания сотрудника в занимаемой должности. Неполное служебное соответствие не может быть применено к сотруднику, занимающему должность менее одного года».

6. На законодательном уровне, по-прежнему, остался не решенным вопрос об особенностях привлечения к дисциплинарной ответственности лиц, в отношении которых была произведена замена административной ответственности дисциплинарной. Нет также и указания на необходимость информировать должностное лицо, возбудившее дело об административном правонарушении, о примененном в отношении виновного сотрудника дисциплинарном взыскании.

Думается, что в ст. 51 федерального закона от 30.11.2011 №342-ФЗ «О службе в ОВД...» необходимо внести уточнение о том, какие взыскания следует применять в случае замены административной ответственности дисциплинарной, в целях обеспечения справедливости наказания. Очевидно, что при совершении административного правонарушения, влекущего для обычного гражданина административный штраф, ограничиться замечанием вряд ли возможно. С другой стороны, факт привлечения сотрудника к административной ответственности не влечет никаких последствий по службе, в отличие от дисциплинарного взыскания.

7. Современные реалии диктуют необходимость отказа от построения дисциплинарных отношений в по-

лиции, с ориентацией на дисциплинарные отношения исторически сложившиеся в Советской Армии и Вооруженных Силах РФ, поскольку наше общество и государство вышло из того состояния, когда требовались жесткая централизация государственного управления, милитаризация труда и военизация полиции.

В заключение отметим позицию, высказанную авторским коллективом под руководством В.Л. Кубышко о том, что «...ни одна, даже самая жесткая система контроля и

наказаний не в состоянии обеспечить тот уровень служебной дисциплины, который может создать сознательное выполнение сотрудниками правил и норм поведения. Сознательность и самоконтроль сотрудников напрямую зависит от уровня их мотивации к службе. Для руководителя очень важно знать мотивацию работников и уметь эффективно управлять ею с целью повышения результативности и качества трудовой деятельности, обеспечения высокого уровня служебной дисциплины» [5].

Литература:

1. Состояние работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2010 год: Сборник аналитических и информационных материалов. — М.: ЦОКР МВД России, 2011. с. 44—48
2. Тимошенко И.В. Административно-процессуальная деятельность (административный процесс). Ростов н/Д, 2007. С. 236—239.
3. Чаннов С.Е. Служебное правоотношение: понятие, структура, обеспечение / под ред. В.В. Володина.— М.: Ось-89, 2009. С. — 58.
4. Общее административное право: учебник / под ред. Ю.Н. Старилова. — Воронеж: изд-во Воронеж. Гос. Ун-та, 2007. — С. 639.
5. Психологическое обеспечение профилактики нарушений служебной дисциплины в органах внутренних дел: Учебно-методическое пособие. — М.: ЦОКР МВД России, 2008. С. — 154.

К вопросу о системе международного права

Мурадымова Гульназ Айдаровна, аспирант
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Научная деятельность проф. Д.И. Фельдмана в области международного права явилась важной вехой в отечественной науке международного права. Многочисленные труды ученого свидетельствуют о многогранности его научного творчества, в котором значительное место занимают исследования института признания, проблема международной правосубъектности, методология и система международного права и другие проблемы теории и истории международного права. Следует отметить, что исследования данных проблем являлись первостепенными и практически необходимыми в тот период развития науки международного права, когда жил и творил выдающийся ученый-международник Д.И. Фельдман, не теряют они свою актуальность и в настоящее время. Одним из таких направлений явилось изучение и построение системы международного права.

Поступательный процесс развития международного права, несомненно, приводит к непрерывному усложнению его системы, что, в свою очередь, вызывает необходимость теоретического решения указанной проблемы. Анализируя этапы исторического развития и становления системы международного права, можно отметить, что интерес отечественной международно-правовой науки к ней стал повышаться в 70—80-е годы XX века.

Именно в этот период Д.И. Фельдман публикует статью «О системе международного права» [1], в которой прямо указывает на неразработанность вопросов системы международного права и представляет ряд принципиальных положений по этой проблеме. Позднее выходит его монография «Система международного права» [2], где автор развивает основные положения своей статьи.

Эта монография представляет собой практически первое в отечественной науке всестороннее и целостное исследование системы международного права. На основе многочисленных источников в работе проводится глубокий анализ широкого спектра теоретических позиций как зарубежных, так и отечественных ученых-юристов по системе права и системе международного права, при этом значительное место уделяется критике отдельных концепций по вопросам системы международного права. Отмечая особую роль системного подхода в изучении системы международного права, автор раскрывает ее сущность и содержание, определяет ее место и значение в эффективном функционировании всего международного права. В работе подробно освещается история становления и формирования системы международного права, определяются перспективы ее дальнейшего развития, а также исследуется связь между системой международного права и системой науки и преподаванием междуна-

родного права. Ввиду острой научной дискуссионности и сложности рассматриваемых в монографии вопросов, необходимо отметить её актуальность и сохраняющуюся на сегодняшний день практическую ценность.

Международное право как особая и весьма сложная правовая система требует особого подхода к ее исследованию. При выборе наиболее эффективного метода познания системы международного права Д.И. Фельдман отдает предпочтение системному подходу и считает его наиболее приоритетным. Преимущество применения системного подхода в юридической науке ранее отмечали С.С. Алексеев, Д.А. Керимов, Л.С. Явич и др. [3]. Юристы-международники применяют его при анализе важнейших теоретических и ряда практических аспектов науки международного права [4, с. 40].

Однако в своей работе Д.И. Фельдман указывает, что не все исследователи признают системный подход в качестве самостоятельного метода исследования; более того, некоторые из них проявляют «известное нигилистическое отношение к данному методу» [5, с. 7]. Далее он приводит в пример В.М. Сырых, который утверждает, что в исследовании самого понятия «система» до сих пор не сложилось общепринятой позиции по ряду вопросов принципиального характера [6, с. 130], что системно-структурный подход не является принципиально новым методом, а попытки отдельных ученых рассматривать его в качестве нового средства научного познания несостоятельны [7, с. 134–135].

Раскрывая роль системно-структурного подхода для всестороннего анализа системы международного права, Д.И. Фельдман отмечает, что понятие системы международного права не идентично понятию структуры международного права. Система современного международного права — это сложный конгломерат различных элементов, регулирующих отношения между субъектами международного права [8, с. 54]. Под структурой обычно понимают особый, присущий каждой системе способ связи элементов системы, возникающий закономерно в процессе функционирования и развития системы [9, с. 7].

При системно-структурном подходе к исследованию международного права проф. Д.И. Фельдман впервые предлагает деление структуры международного права на структуру-инвариант и вариантную структуру. Подчеркивая особую важность этого положения, известный юрист-международник Е.Т. Усенко соглашается с ним: «... международное право, кроме исторически изменчивой, т.е. вариантной, части системы, имеет и инвариантную часть», составляющую «скелет», или «несущую конструкцию», или структурную основу системы, являющуюся в то же время гарантом развития системы в целом [10, с. 243].

Система международного права складывается под воздействием целого ряда факторов. Большинство исследователей прямо указывает, что «система международного права носит объективный характер» [11] в связи с тем, что право во всяком обществе представляет собой объективно обусловленную систему правовых норм, регули-

рующих различные сферы общественных отношений [12, с. 131], а «система права представляет собой объективную закономерность права данного государства» [13, с. 8–9]. Раскрывая понятие системы международного права, Д.И. Фельдман особо отмечает роль не только объективных, но и субъективных факторов, порождающих систему права. Он обращает внимание на то, что в последнее время субъективные факторы оказывают все большее влияние на построение системы права, что необходимо учитывать при определении принципов наиболее правильного построения структуры права, выделения тех или иных отраслей и подотраслей права.

При исследовании важнейшего вопроса об отраслях международного права, о критериях его деления на отрасли в монографии проводится широкий обзор критериев, предлагавшихся различными авторами. На основе анализа многочисленных источников, Д.И. Фельдман констатирует, что, несмотря на множество предлагаемых системообразующих критериев, этот вопрос остается особенно дискуссионным. Акцентируя внимание на отдельных выдвигаемых критериях, автор отмечает, что «почти все упоминают предмет правового регулирования» [14, с. 46]; многие выделяют «обособленность или автономность», а также «качественное своеобразие» совокупности обособленных международно-правовых норм и институтов, особенности «источников этих норм и институтов», которыми регулируется определенная область общественных отношений; некоторые оправдывают существование самостоятельной отрасли «заинтересованностью в этом международном сообществе»; упоминают и о методе правового регулирования. Подводя итоги разностороннего обзора предлагаемых системообразующих критериев, проф. Д.И. Фельдман предлагает свое определение отрасли международного права как «совокупность согласованных юридических норм, регулирующих более или менее автономно международные отношения определенного вида, совокупность, характеризующую соответствующим предметом правового регулирования, качественным своеобразием, существование которой вызывается интересами международного общения» [15, с. 47]. Далее автор ещё раз подчеркивает, что в исследовании сложной отраслевой структуры международного права наиболее перспективен системно-структурный подход. Применение системно-структурного подхода позволяет исследовать сложные проблемы взаимодействия между отраслями международного права, характер их определенных связей, а также тех процессов интеграции и дифференциации, которые свойственны для системы современного международного права.

Значительное место в своей работе Д.И. Фельдмана уделил такому вопросу, как классификация отраслей в системе международного права. Необходимо особо подчеркнуть сложность, малоизученность этой проблемы в период написания работы, не менее сложным остается этот вопрос и на сегодняшний день. Констатируя отсутствие общепризнанных критериев построения системы

права в общей теории права до настоящего времени, разброс мнений по её построению, Д.И. Фельдман проводит анализ классификации, предложенной Д.Б.Левиным, отмечая как положительные моменты, так и её недостатки. При конструировании системы международного права Д.Б.Левин выделяет отрасли международного права, учитывая предыдущие попытки систематизации разных авторов, а также появление новых институтов и норм международного права; кроме того Д.Б. Левин выделяет «нормы и институты», относящиеся к правовому положению государства как субъекта международного права, в самостоятельный раздел [16, с. 94–102]. Однако, как отмечает Д.И. Фельдман, в это построение не вошли основные принципы международного права, в систему не вошли ряд отраслей, сложившихся за последние годы, нет четких критериев порядка расположения отраслей.

По мнению Д.И. Фельдмана, применяя системный подход и руководствуясь категорией инварианта, подобный порядок должен определяться социальной ценностью конкретной отрасли в системе международного права, т.е. в ряду первых отраслей должны быть помещены такие отрасли, как право международной безопасности, право мирного решения споров и др. [17, с. 57].

Классификация, предлагаемая Д.И. Фельдманом, представляет собой следующий шаг в приближении к выявлению действительной системы международного права. В качестве первого раздела системы он называет (более точно, чем Д.Б. Левин) «право международной правосубъективности», а затем помещает «право международных договоров» [18, с. 263]. Исключительно важную роль он отводит основным принципам международного права, которые пронизывают все отрасли и институты современного международного права и обеспечивают функциональное и структурное единство всех его элементов. В современных условиях ускорения общественного прогресса, научно-технической революции происходит расширение сферы применения общепризнанных принципов международного права, возникновение и становление новых международно-правовых принципов и норм, создание новых отраслей международного права [19, с. 14].

Проф. Д.И. Фельдман, занимаясь активной преподавательской деятельностью и являясь талантливым пе-

дагогом, не мог не затронуть в своей работе вопросы системы преподавания международного права. В монографии дается широкий обзор многочисленных построений как зарубежных, так и отечественных курсов международного права, как прошлых, так и современных курсов и учебников, акцентируя внимание на преимущества одних и недостатки других. В то же время автор отмечает, что система международного права не совпадает с системой науки международного права, охватывающей всю доктрину международного права в целом, и зависит прежде всего от того, в каком учебном заведении курс читается. Особенность преподавания международного права в неюридических вузах заключается в более глубоком изучении соответствующих отраслей международного права в зависимости от спецификации вуза (военного, морского, дипломатического и т.п.). Система преподавания международного права в юридических вузах должна быть наиболее оптимальной. Д.И. Фельдман считает оправданным деление Курса международного права на две части, где первая как бы содержит разделы общей части, а вторая — особенной, которая практически вся строится по отраслям.

Раскрывая особенности преподавания международного права, автор подчеркивает значение методологического подхода при чтении курса международного права, важно, с каких позиций оно преподается. Независимо от того, на каком курсе будет преподаваться международное право, независимо от количества часов, отводимых на его изучение, необходимо обеспечить такое формирование международного правосознания, которое опиралось бы на общепризнанные принципы международного права, служащего миру, международной безопасности и международному сотрудничеству [20, с. 80].

Система международного права является сложной и многоаспектной проблемой, в изучении и исследовании которой несомненная заслуга принадлежит проф. Д.И. Фельдману. Его работа — это начало комплексного изучения системы международного права, его науки и преподавания. Система международного права и сегодня остается одной из актуальнейших проблем для исследования. Решение многогранных сторон системы международного права — важнейшая задача будущих поколений юристов-международников.

Литература:

1. Фельдман Д.И. О системе международного права // Советский ежегодник международного права, 1977 — М.: Наука, 1979.
2. Фельдман Д.И. Система международного права. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983.
3. Алексеев С.С. Структура советского права. — М., 1975, с. 7; Керимов Д.А. Философские проблемы права. — М., 1972, с. 288; Явич Л.С. Общая теория права. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976, с. 131.
4. Фельдман Д.И., Курдюков Г.И., Лихачев В.Н. О системном подходе в науке международного права // Правоведение. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980, №6. — с. 40.
5. Фельдман Д.И. Система международного права — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983. — С. 7.
6. Сырых В.М. Метод правовой науки (основные элементы, структура) — М.: Юридическая литература, 1980. — С. 130.
7. Там же, с. 134–135.

8. Фельдман Д.И. Указ соч. — С. 54.
9. Алексеев С.С. Структура советского права. — М., 1975. — С. 7.
10. Курс международного права. В 7т. Т.1. Понятие, предмет и система международного права / Отв. ред. Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин — М.: Наука, 1989. — С. 243.
11. Талалаев А.Н. Международные договоры в современном мире. — М.: Международные отношения, 1973, с. 7; Шибяева Е.А. Право международных организаций как отрасль современного международного права // Советское государство и право, 1978, №1, с. 102.
12. Мицкевич А.В. Советское социалистическое право, его основные принципы и система // Советское государство и право, 1975, №9. — с. 131.
13. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. — М.: Госюриздат, 1961. — С. 8–9.
14. Фельдман Д.И. Указ соч. — С. 46.
15. Там же, с. 47.
16. Левин Д.Б. Актуальные проблемы теории международного права. — М.: Наука, 1974. — С. 94–102.
17. Фельдман Д.И. Указ соч. — С. 57.
18. Курс международного права. В 7т. Т.1. Понятие, предмет и система международного права / Отв. ред. Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин — М.: Наука, 1989. — С. 263.
19. Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. — М.: Юридическая литература, 1972. — С. 14.
20. Фельдман Д.И. Указ соч. — С. 80.

Стратегическая программа таможенного сотрудничества ЕС и России: место и роль в развитии правовой базы сотрудничества России и ЕС в таможенной сфере

Турланов Даниил Александрович, ведущий советник
Министерство экономического развития Российской Федерации (г. Москва)

Целый ряд документов, действующих в отношении между Россией и ЕС, в том числе Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС 1994 г., «Дорожная карта» по общему экономическому пространству, совместная инициатива «Партнерство для модернизации», содержат положения, затрагивающие вопросы таможенного сотрудничества.

Место и значение этих положений в содержании и структуре указанных документов зависели от целого ряда факторов, в том числе конкретного исторического периода отношений России и ЕС, в который заключался документ, целей, которые преследовали стороны при его разработке. Таможенное дело в рамках этих документов не было основным, а являлось одними из многих аспектов сотрудничества, на регулирование которых были направлены эти документы. Сотрудничество в таможенной сфере рассматривалось сторонами как средство достижения целей взаимодействия в смежных областях, например, в торговле, инвестициях и других.

Такое положение вопросов таможенного сотрудничества в рамках указанных документов обусловило их содержание, которое в основном носило концептуальный характер.

В отличие от указанных документов Стратегическая программа таможенного сотрудничества между Россией и ЕС (далее — Программа) призвана на более детальном

уровне описать конкретные направления работы, реализация которых будет способствовать достижению концептуальных направлений сотрудничества.

Прикладной цели программы способствует ее межведомственный характер. Программа заключена между руководителем ФТС России и Комиссаром по налогообложению и таможенному союзу, аудиту и борьбе с мошенничеством Комиссии ЕС А. Шеметой 25 ноября 2011 г.

Программа состоит из четырех разделов, описывающих ее предпосылки, приоритеты сотрудничества, специальные цели сотрудничества на 2011–2013 годы, а также вопросы реализации.

Предпосылки сотрудничества изложены в вступительном разделе программы, где стороны указывают на роль таможенного сотрудничества в отношениях между Россией и ЕС, которые являются стратегическими торговыми партнерами. Являясь неотъемлемой частью торгово-экономического сотрудничества, таможенное сотрудничество России и ЕС представляется важным в обеспечении содействия торговле, защиты граждан, а также в противодействии мошенничеству.

В положениях вводной части программы отражена преемственность в вопросах таможенного сотрудничества. Со ссылкой на СПС разработчики указывают на согласованную в апреле 2007 года стратегию таможен-

ного сотрудничества в целях принятия мер, направленных на решение проблемы скопления очередей на границе России-ЕС, которая предусматривала актуальные для данной проблемы направления сотрудничества:

- реформы, проводимые Россией в области таможенных и пограничных процедур;
- передача предварительной таможенной информации из ЕС в Россию;
- совершенствование трансграничной таможенной и транспортной инфраструктуры.

Следует отметить, что выработка, а также реализация данных направлений сотрудничества проходила в условиях постоянно обостряющейся проблемы пограничных очередей транспортных средств. Данная работа одновременно со спадом объемов торговли в связи с начавшимся мировым финансово-экономическим кризисом привела к существенному сокращению очередей транспортных средств через пункты пропуска на совместных участках границы.

Нормализация ситуации позволила в штатном русле оценить проделанную работу в области нормативно-правового регулирования таможенного сотрудничества и спрогнозировать будущие потребности торгово-экономических отношений между Россией и ЕС.

Результаты этой работы нашли отражение в плане реализации совместной инициативы «Партнерство для модернизации». В рамках данной инициативы стороны подтвердили обоюдный интерес к реформированию взаимных отношений в целях модернизации России. В связи с тем, что таможня играет решающую роль в увеличении эффективности товарообменов, поддержке модернизации экономики и сближении законодательств, как было отмечено, таможенное сотрудничество является неотъемлемой частью инициативы «Партнерство для модернизации».

Во введении к программе также отмечено, что стратегическое планирование таможенного сотрудничества между Россией и ЕС должно учитывать такие обстоятельства, как членство России в Таможенном союзе с участием Белоруссии и Казахстана, а также вступление России в ВТО.

Приведенные обстоятельства таможенного сотрудничества обусловили следующие приоритеты сотрудничества в таможенной сфере:

- безопасные и мобильные торговые пути;
- управление рисками и борьба с мошенничеством;
- вклад в модернизацию таможни.

Создание безопасных и мобильных торговых путей предусматривает создание таких условий для торговли, которые одновременно с содействием осуществлению торговых операций могли бы обеспечить должный уровень их безопасности. В качестве международной правовой основы реализации данного направления стороны называют Рамочные стандарты безопасности и содействия мировой торговле, разработанные под эгидой ВТамО.

Цель второго из указанных приоритетов состоит в создании мощной системы управления рисками для обна-

ружения и противостояния основным видам незаконной торговли, включая риски налогового мошенничества и риски в области безопасности.

Модернизация таможни включает комплекс мер, направленных на обеспечение соответствия используемых в России и ЕС таможенных процедур. В связи с передачей Россией части своих полномочий в сфере таможенного администрирования на наднациональный уровень, при реализации данного аспекта сотрудничества потребуются привлечение соответствующих органов Таможенного союза.

Каждое из приведенных направлений сотрудничества предусматривает набор конкретных мер, срок действия которых рассчитан на период с 2011 года до 2013 года. Это свидетельствует о намерении сторон максимально упорядочить данную работу, сделав ее этапной, подверженной коррективам на основе промежуточных результатов, а также ориентированной на конечный результат. Его достижение позволит с учетом конкретных обстоятельств и прогнозируемых потребностей торгово-экономических отношений между Россией и ЕС планировать дальнейшие меры в области таможенного сотрудничества.

Так, приведенное первым направление сотрудничества, предусматривающее создание безопасных и мобильных путей во взаимной торговле, будет реализовано посредством следующих мероприятий.

Во-первых, это создание механизма раннего предупреждения (далее — МРП). МРП предполагает не только обмен предварительными уведомлениями о ситуациях, которые могут нарушить движение торговых потоков, но и сотрудничество в целях выработки практических решений по предотвращению указанных нарушений. Неотъемлемым условием эффективной работы МРП является регулярный мониторинг движения транспортных средств через пункты пропуска и скопления очередей на границе.

Следует отметить, что положение о создании МРП предусмотрено планом реализации инициативы «Партнерство для модернизации». Это подчеркивает значение МРП как инструмента так называемой «модернизационной повестки» сотрудничества России и ЕС в таможенной сфере, применение которого позволит сделать таможенное сотрудничество качественно иным, способным принести реальный положительный эффект в деле выстраивания доверительных и предсказуемых отношений в таможенной и других сферах взаимодействия России и ЕС.

Во-вторых, это оптимизация контрольных функций на границе. Данная задача предусматривает использование европейского и международного опыта по сокращению числа контролируемых структур в российских пунктах пропуска с шести до двух. В комплексе с другими мерами сокращение контролируемых структур позволит ускорить прохождение товарами границы.

В-третьих, это создание так называемых быстрых путей посредством использования институтов предварительного информирования, а также сокращение популяризация ис-

пользования института уполномоченных экономических операторов. Это потребует не только упрощения формальностей в отношении товаров, перемещаемых уполномоченными экономическими операторами, но и подготовки совместного международного акта о признании уполномоченных экономических операторов друг друга.

Данные меры свидетельствуют о намерении сторон максимально ускорить взаимную торговлю, обеспечив ее безопасность не посредством усиления контрольных функций, а за счет их оптимизации и развития соответствующей нормативной правовой базы.

Меры в области совершенствования системы управления рисками и борьбы с мошенничеством также характеризуются своей ориентированностью на ускорение торговли. При этом следует отметить, что появление института управления рискам в практике ведущих таможенных администраций обусловлено стремлением облегчить торговлю, обеспечив требуемый уровень ее безопасности. В целях совершенствования системы управления рисками Программа предусматривает обмен накопленным опытом ее применения.

Кроме этого, Россия и ЕС констатировали значительную роль в ускорении взаимной торговли запущенного в 2009 году проекта по предварительному информированию и договорились о необходимости развития проекта на основе имеющихся результатов его применения, уделив особое внимание вопросам конфиденциальности и защите персональных данных.

В рамках борьбы с мошенничеством Программа предусматривает укрепление сотрудничества по противодействию занижения таможенной стоимости и обманным использованием счетов-фактур.

Мероприятия программы в рамках третьего направления сотрудничества, предусматривающего содействие модернизации таможне, характеризуются стремлением России и ЕС обеспечить гармонизацию процедур, используемых во взаимной торговле. Эта работа требует продолжения работы по облегчению транзитных процедур посредством присоединения России к конвенциям 1987 года с учетом ее членства в Таможенном союзе с участием Белоруссии и Казахстана.

Помимо этого требуется продолжить практику оперативного сотрудничества на границе между таможенными органами России и соседних государств-членов ЕС, включая совместный таможенный контроль пунктах пропуска.

Анализируя положения программы, следует отметить, что они безусловно носят более детальный характер по сравнению с нормами других международных актов, регламентирующих сотрудничество между Россией ЕС. Несмотря на это, ряд положений носит декларативный характер и требует предложений по их содержательному наполнению.

Согласно разделу программы, регламентирующему его реализацию, данная работа будет проводиться Рабочей группой России-ЕС по таможенным пограничным во-

просам, состоящей из представителей России, Комиссии ЕС и заинтересованных государств-членов ЕС. Данная рабочая группа будет разрабатывать рабочие программы или дорожные карты, направленные на реализацию программы, а также осуществлять контроль за их выполнением. В частности, в зависимости от потребностей и доступных ресурсов, рабочая группа будет учреждать экспертные группы и управлять их работой, организовывать механизм мониторинга и оценки проводимых работ, а также отчитываться перед Подкомитетом Россия-ЕС по таможенному и трансграничному сотрудничеству.

Надлежащая оценка положений программы, в частности их потенциала с точки зрения способности сделать таможенное сотрудничество России и ЕС эффективным инструментом торговых отношений, требует их сопоставления с документами программного характера, которые регламентировали сотрудничество России и ЕС в прошлом.

В качестве такого документа можно использовать Совместное заявление о сотрудничестве в таможенной области между Россией и Комиссией ЕС 1997 года (далее — Совместное заявление).

Сравнение двух документов позволило выявить как сходство, так и различие в предпосылках, обусловивших необходимость установления тесных контактов между Россией и ЕС в таможенной сфере. Так, и Программа, и Совместное заявление констатируют роль таможни в обеспечении экономического развития, однако средства такого обеспечения в совместном заявлении и программе различаются. Если Совместное заявление делает акцент на роли таможенных служб в борьбе с правонарушениями и организованной преступностью, то Программа рассматривает таможню прежде всего как фактор содействия торговле и инвестициям, обеспечивающим экономический рост.

Такое изменение роли таможни носит объективный характер и связано с развитием роли таможни в 21 веке как звена не только в отношениях «по-горизонтали» между участниками внешнеэкономической деятельности, но и в отношениях «по-вертикали» между участниками внешнеэкономической деятельности и государством. При этом данная эволюция роли таможни, нашедшая отражение в положениях Программы, не умаляет роль таможенного контроля, а изменяет его концепцию, делая более эффективным и удобным как для участников внешнеэкономической деятельности, так и для государства. Этим обусловлена ссылка в Программе на Рамочные стандарты безопасности и облегчения мировой торговли 2007 г., описывающие современные подходы к работе таможни.

Изложенное объясняет различие в направлениях сотрудничества, предусмотренных Совместным заявлением и Программой. Совместное заявление делает акцент на техническом содействии в целях обустройства пунктов пропуска, компьютеризации таможенной системы, развития сети таможенных лабораторий, а также роста кадрового обеспечения. Содействие развитию за-

конодательства в Совместном заявлении носит явно второстепенный характер и должно осуществляться в случае необходимости.

В отличие от Совместного заявления Программа выделяет принципиально иной набор направлений, основной чертой которых является стремление России и ЕС обеспечить удобные условия для взаимной торговли посредством гармонизации таможенных процедур и развития современных институтов таможенного администрирования. Программа, безусловно, уделяет внимание и вопросам таможенного контроля, однако через соответствующие механизмы, в том числе предварительного

информирования, системы управления рисками, развития нейтральных технологий, он также подчинен целям содействия ускорению товарооборота.

Изложенное позволяет заключить, что Программа, несмотря на межведомственный характер и отсутствие правового статуса международного договора, занимает важное место в системе нормативных правовых актов, регламентирующих таможенное сотрудничество России и ЕС. Отражая роль таможенных органов в условиях современных торговых отношений России и ЕС, Программа определяет вектор дальнейшего развития нормативной правовой базы таможенного сотрудничества России и ЕС.

Принцип состязательности – как элемент права на справедливый судебный процесс

Ченский Дмитрий Григорьевич, магистрант
Тюменский государственный университет

Законодательство России признает важность справедливого судебного разбирательства¹, но стоит отметить, что указанные понятия не имеют яркого выражения в нормах процессуального права.

В то же время, Европейский суд по правам человека, указав на принцип состязательности как на элемент права человека, на справедливый судебный процесс². В наши дни, прогрессивная мировая юридическая общественность, обращаясь к одной из актуальных и значимых проблем современного правосудия – оценке качества правосудия в целом, особое внимание уделяет социальной функции судов. Действительно, мировой опыт показывает нам, что суды, разрешая конкретные дела, содействуют справедливости и защищенности материальных прав в обществе в целом, так как принимаемые ими решения обладают заметным руководящим эффектом. Кроме того, рост значимости посреднической роли судов в последнее десятилетие расширил функции судов от простого рассмотрения исков до более разнообразных форм разрешения споров. Когда закон предлагает большую свободу в толковании норм права, роль суда как совершенствующего права института также возрастает. В этом смысле, с социальной точки зрения также традиционно признается, что суды поддерживают правопорядок и социальный порядок³.

Конституционный суд РФ указал, что из положений Конституции Российской Федерации и корреспондирующих им положений Всеобщей декларации прав чело-

века (статьи 7, 8 и 10), а также Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6, а также статья 3 и пункт 2 статьи 4 Протокола N 7 к Конвенции в редакции Протокола N 11), которые в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации являются составной частью правовой системы России, следует, что правосудие по своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и гарантирует эффективное восстановление в правах⁴.

Еще в XIX веке российский ученый, профессор А.В. Рязановский писал: «при организации процесса должны быть приняты во внимание не только интересы отдельных ..., но и интересы правопорядка, интересы публичные»⁵.

Однако, не смотря на обоснованную важность и необходимость указанных положений, в настоящее время интересы публичные, а вместе с ними и интересы частные находятся в уязвленном положении. Закон составлен таким образом, что защищается интерес сильнейшего лица, а не интересы общественные, и, в частности, интересы любого человека.

В пример можно привести разбирательства по двум делам. В первом случае⁶, истец обратился в суд с иском о взыскании денежных средств с ответчика за неоплаченный, но поставленный товар. Истец предоставил полный пакет документов, первичную документацию,

¹ Статья 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ, совокупное толкование статей 2, 12, 391.11 Гражданского процессуального кодекса РФ).

² Постановление Европейского суда по правам человека – CEDH. 24 февраля 1995.

³ Оценка качества разрешения дел в судах. Принципы и предлагаемые критерии качества/ проект судов округа Апелляционного суда Рованими, Финляндия. Март 2006 г. С. 18.

⁴ Постановление конституционного суда РФ от 11.05.2005 г. №5-П.

⁵ Архивное дело № А70-9011/2011 Арбитражного суда Тюменской области.

свидетельствующую о поставке товаров. В свою очередь ответчик в судебные заседания не являлся, доводов в свою пользу не приводил, возражений не представлял, ввиду чего суд удовлетворил заявленные иски. Во втором случае¹ истец обратился в суд с иском о взыскании денежных средств с ответчика за несуществующее обязательство (неосновательное обогащение). Также истец предоставил полный пакет документов, доказательств перечисления денежных средств ответчику. Ответчик также в судебные заседания не являлся. Судебные решения были вынесены в пользу истца, с той мотивацией, что одна сторона представила доказательства в материалы дела, а вторая не предъявила своих контраргументов и возражений, что в силу статей 64, 65 АПК РФ, а также в силу диспозитивного начала судебного процесса не противоречит действующему законодательству.

Данные судебные акты иллюстрируют отношение законодателя к выявлению истины в процессе судопроизводства. Фактически закон говорит о том, что в процессе судопроизводства истина не должна быть установлена, справедливость не должна быть восстановлена. Если брать во внимание потенциал научно-технического прогресса, не трудно вообразить в каком свете может представать дело одна сторона, в отсутствие возражений второй. Подтверждая практическую значимость указанных доводов, приведу в пример судебное дело², в котором истец подал исковое заявление о взыскании суммы неосновательного обогащения в суд, приложив к иску соответствующие платежные поручения. В свою очередь в заседание явился ответчик, который предоставил в материалы дела договор между истцом и ответчиком. Следовательно, между сторонами имелись договорные отношения, и бесспорно говорить о неосновательном обогащении уже нельзя. Естественно без второй стороны суд вынес бы решение в пользу истца, так как одна сторона может представать дело в отсутствие другой так, как ей заблагорассудится. Фактически, отсутствие ответчика в процессе, на взгляд автора, является гарантией победы истца, вне зависимости от его провоты.

К таким последствиям приводит чрезмерный формализм в подходе к состязанию в судебном процессе. «В процессе должны быть созданы условия для выявления истины и восстановления справедливости» — подход, который ограничивается одним почтовым отправлением в юридический адрес ответчика, и далее уже не важно, явится ли ответчик в суд или нет. Запущенная судебная машина уже не терпит, и жалости не знает. Крайне печально, что в данный момент выявление истины в гражданском и арбитражном процессе, оставлено это как некий бонус, получаемый участником процесса в случайном порядке.

Это приводит к снижению доверия граждан к судебной системе и судье как таковому. «Так добиться решения в свою пользу может не та сторона, которая объективно права, и на чьей стороне материальная истина, а та сторона, которая является более умелым спорщиком» — еще в 19 веке говорил Профессор В.А. Рязановский.

Указанная тенденция прослеживается и в развитии современного права, так были внесены изменения в АПК РФ 27.07.2010 года ФЗ №228-ФЗ, которыми дополнена статья 70 АПК РФ: «3.1. Обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существа заявленных требований». Основываясь на положениях данной статьи ФАС Западно-Сибирского округа в своем постановлении от 16 января 2012 г. по делу N А75—3172/2011 посчитал доказанным факт исполнения договора истцом на основании документов, подписанных только со стороны истца.

Закон поддерживает позицию, высказанную в теории гражданского процесса, о том, что верховной и конечной целью гражданского процесса является не установление материальной истины а «осуществление материальных гражданских прав», основным свойством которого является свобода распоряжения ими. Суд же находится в ином положении: он не заинтересован в раскрытии материальной правды ни лично, ни даже в качестве представителя государственной власти, для которой, собственно, безразлично, кто из тяжущихся победит в процессе; для нее важно лишь, чтобы победа была одержана без нарушения установленных правил процессуального поведения³. Иной же, и на наш взгляд более верной, была позиция профессора В.А. Рязановского. Напомним, что мыслитель настаивал на том, что осуществление материальных гражданских прав является самоцелью только с точки зрения отдельных лиц, для государства же служит средством для поддержания правопорядка. И, следовательно, при организации процесса должны быть приняты во внимание не только интересы отдельных лиц и свойства принадлежащих им гражданских прав, но и интересы правопорядка, интересы публичные⁴. И не верно утверждение, что для государства безразлично, уплатит ли Иванов свой долг Петрову. ... Для государства не может быть безразлично, чтобы подобное явление стало общим, Государство существенно заинтересовано в том, чтобы действительный кредитор мог получить удовлетворение от действительного должника и чтобы такое положения являлось общим правилом. Следовательно, процесс должен быть так организован, чтобы суд мог установить

¹ Архивное дело № А70-8372/2011 Арбитражного суда Тюменской области.

² Архивное дело № А45-11464/2012 Арбитражного суда Новосибирской области.

³ См.: Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васильковский. Под ред. В.А. Томсинова. — М., 2003. С. 104.

⁴ См.: Рязановский В.А. Единство процесса: Учебное пособие. / В.А. Рязановский — М.: ОАО Издательский дом «Городец», 2005. — С.60.

действительное отношение между сторонами, найти материальную правду¹.

Правильность указанного мнения можно вывести из определения, правосудия, которое понимается в узком, научно-теоретическом смысле — как деятельность судов, осуществляемая путем рассмотрения и разрешения гражданских и уголовных дел с целью всемерного укрепления законности², и не совсем верно говорить о том, что правосудие, это форма реализации судебной защиты³, которая определяется как процессуальная деятельность по защите прав, свобод, законных интересов, и не сводима к объекту защиты, результату процесса — действительно существующему праву или законному интересу⁴. Разница в указанных определениях сводится к цели правосудия — всемерное укрепление законности. Из указанной разницы в понимании правосудия следует описанная в данной статье проблематика.

Такой подход ведет к тому, что общество получает судебные решения, которые не обязательно являются справедливыми. Так, справедливость — «это понятие о должном, содержащее в себе требование соответствия деяния и воздаяния: в частности, соответствия прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания, соответствия роли различных социальных слоев, групп и индивидов в жизни общества и их социального положения в нём. Отсутствие должного соответствия между этими сущностями оценивается как несправедливость»⁵. Для соответствия деяния и воздаяния необходимо уяснить понятие Истины, ведь если, содержащееся в решении деяние не имело место быть, значит воздаяние не будет соответствовать деянию, и такое решение не будет справедливым. Так, истина — это «верное отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от познающего субъекта и его сознания. Истиной может называться само знание (содержание знания) или сама познанная действительность». В целом, истина есть универсальная категория, понятие, используемое, в частности, как в религии и философии, так и в рамках научного познания. Противоположным истине является понятие лжи⁶.

Исходя из изложенного справедливым судебное решение, будет только тогда, когда оно будет содержать в себе требование соответствия деяния и воздаяния. Следует особо подчеркнуть, что понятие «деяние»⁷ и «воздаяние»⁸ понимаются в данном определении в широком

смысле. Лишь тогда, каждый действительный кредитор может взыскать денежные средства с действительного должника, и лишь тогда, когда такое положение вещей станет общим правилом, доверие населения к судебной системе будет отвечать той важной роли, которое занимает суд в любом государстве.

Вместе с тем, позиция конституционного суда относительно справедливого судебного разбирательства следующая⁹: Согласно статье 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Право на судебную защиту реализуется через совокупность процессуальных средств, обеспечивающих справедливое правосудие и эффективное восстановление нарушенных прав граждан.

Право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека; в Российской Федерации оно признается и гарантируется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 17, части 1 и 2; статья 46, часть 1 Конституции Российской Федерации). Международным пактом о гражданских и политических правах (статья 14), Всеобщей декларацией прав человека (статьи 7, 8 и 10) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статья 6) установлено, что все равны перед законом и судом и каждый при определении его гражданских прав и обязанностей имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. По смыслу этих положений, право на судебную защиту предполагает наличие конкретных гарантий, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости.

Из названных положений следует, что правосудие по своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и гарантирует эффективное восстановление в правах.

Принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3), — это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод, которая должна быть обеспечена государством. Иное не согласуется с универсальным во всех видах судопроизводства

¹ См.: Рязановский В.А. Единство процесса: Учебное пособие. / В.А. Рязановский - М.: ОАО Издательский дом «Городец», 2005. — С.36–37.

² См.: Алексеев С.С. Учебник: Теория государства и права / С.С. Алексеев учебная литература — М., 2004 с. 237.

³ Сахнова Т.В. / Курс гражданского процесса — теоретические начала и основы.

⁴ Публикация: Tatyana V. Sakhnova. On the essence of civilistic procedure and procedural law // The recent tendencies of development in civil procedure law - between East and West: international conference to celebr. 100-th annivers. of the birth of prof. J. ruolis. Vilnius, 2007. P. 104–110.

⁵ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов. Под ред. Н.Ю. Шведовой. — 18 — е изд., стереотип. — М.: Рус. Яз., 1987. — с. 658; Википедия [Электронный ресурс]. — с. 1 — режим доступа http://ru.wikipedia.org/wiki/Справедливость#cite_note-slovar1-0.

⁶ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов. Под ред. Н.Ю. Шведовой. — 18 — е изд., стереотип. — М.: Рус. Яз., 1987. — с. 222.

⁷ Поступок, дело, действие / Толковый словарь Ушакова, 1935–1940.

⁸ Возмездие, кара или награда за поступки / Толковый словарь Ушакова, 1935–1940.

⁹ Постановление конституционного суда РФ от 11.05.2005 г. № 5-П.

требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляет и ограничивает право на судебную защиту.

Принципы беспрепятственного доступа к правосудию и законного суда признаны международным сообществом в качестве фундаментальных. Согласно статье 10 Всеобщей декларации прав человека каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на основе полного равенства на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом. Развивая эти положения, Международный пакт о гражданских и политических правах (пункт 1 статьи 14) и Конвенция о защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 6) устанавливают, что каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, при соблюдении принципа равенства всех перед судом.

Гарантированное Конституцией Российской Федерации право на судебную защиту подразумевает создание государством необходимых условий для эффективного и справедливого разбирательства дела именно в суде первой инстанции, где подлежат разрешению все существенные для определения прав и обязанностей сторон вопросы.

В соответствии с правовой позицией, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлениях от 2 июля 1998 года N 20-П и от 10 декабря 1998 года N 27-П, рассмотрение дела без участия лиц, о правах и об обязанностях которых принято решение, ограничивает их конституционное право на судебную за-

щиту, искажает саму суть правосудия, является отступлением от гарантированных статьями 19 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципов равенства всех перед законом и судом, осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон.

Разрешение судом вопроса о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, не позволяет считать судебное разбирательство справедливым, обеспечивающим каждому в случае спора о его гражданских правах и обязанностях закрепленное статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом. Лицо, не привлеченное к участию в деле, в отношении которого вынесено судебное решение, нарушающее его права и свободы либо возлагающее на него дополнительные обременения, во всяком случае должно располагать эффективными средствами восстановления нарушенных прав, как того требует статья 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Из этого исходит в своей практике Европейский Суд по правам человека, неоднократно указывавший на то, что статья 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантирует доступность на национальном уровне средств правовой защиты для осуществления материальных прав и свобод, установленных Конвенцией, независимо от того, в какой форме они обеспечиваются в национальной правовой системе; средства правовой защиты должны быть эффективными в том смысле, что они должны предотвращать предполагаемое нарушение или прекращать его, равно как и предоставлять адекватную компенсацию за уже произошедшее нарушение (Постановления от 26 октября 2000 года по делу «Кудла (Kudla) против Польши», от 30 ноября 2004 года по делу «Кляхин (Klyakhin) против России» и др.).

Литература:

1. Статья 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ, совокупное толкование статей 2, 12, 391.11 Гражданского процессуального кодекса РФ)
2. постановление Европейского суда по правам человека – CEDH. 24 февраля 1995.
3. Оценка качества разрешения дел в судах. Принципы и предлагаемые критерии качества/ проект судов округа Апелляционного суда Рованиеми, Финляндия. Март 2006 г. С. 18
4. Постановление конституционного суда РФ от 11.05.2005 г. №5-П
5. См.: Рязановский В.А. Единство процесса: Учебное пособие. / В.А. Рязановский – М.: ОАО Издательский дом «Городец», 2005. – с. 60
6. Архивное дело №А70–9011/2011 Арбитражного суда Тюменской области
7. Архивное дело №А70–8372/2011 Арбитражного суда Тюменской области
8. Архивное дело №А45–11464/2012 Арбитражного суда Новосибирской области
9. См.: Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский Под ред. В.А. Томсинова. – М., 2003. С. 104
10. См.: Рязановский В.А. Единство процесса: Учебное пособие. / В.А. Рязановский – М.: ОАО Издательский дом «Городец», 2005. – с. 60
11. См.: Рязановский В.А. Единство процесса: Учебное пособие. / В.А. Рязановский – М.: ОАО Издательский дом «Городец», 2005. – с. 36–37
12. См.: Алексеев С.С. Учебник: Теория государства и права / С.С. Алексеев учебная литература – М., 2004 с. 237

13. Сахнова Т.В. / Курс гражданского процесса — теоретические начала и основы
14. Публикация: Tatyana V. Sakhnova. On the essence of civilistic procedure and procedural law // The recent tendencies of development in civil procedure law — between East and West: international conference to celebr. 100-th annivers. of the birth of prof. J. guolis. Vilnius, 2007. P. 104—110
15. См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов. Под ред. Н.Ю. Шведовой. — 18-е изд., стереотип. — М.: Рус. Яз., 1987. — с. 658; Википедия [Электронный ресурс]. — с. 1 — режим доступа http://ru.wikipedia.org/wiki/Справедливость#cite_note-slovar1-0
16. См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов. Под ред. Н.Ю. Шведовой. — 18-е изд., стереотип. — М.: Рус. Яз., 1987. — с. 222
17. Поступок, дело, действие / Толковый словарь Ушакова, 1935—1940
18. Возмездие, кара или награда за поступки / Толковый словарь Ушакова, 1935—1940
19. Постановление конституционного суда РФ от 11.05.2005 г. №5-П

ПОЛИТОЛОГИЯ

Эволюция института губернаторства в конце XX – первой половине XXI в.

Спиров Артем Сергеевич, аспирант
Воронежский государственный университет

Россия всегда была страной, где взаимоотношения между центральной властью и региональной выстраивались определенным, очень специфическим образом. Моментами, в этой сфере, за ориентир брались западные лекала. В других случаях, принималось решение о создании собственных, отличных от всех других практик. Кроме того, обширные территории, а как следствие наличие большого числа составляющих ее частей – губерний, имеющих особенную, не похожую на других культуру и обычаи, часто являлись краеугольным камнем внутренней политики. Но, тем не менее, региональная власть, как и в целом региональные политические процессы, целиком и полностью ассоциируются у нас с фигурой Губернатора.

Созданный еще при Петре Великом, институт претерпел ряд качественных изменений и трансформаций. Постоянно менялся объем губернаторских полномочий, но никогда не менялась его роль – роль связующего звена между губернией и центральной властью. Только в 1917 году институт губернаторства уходит с политической сцены. Уходит на долгие 70 лет, однако, геополитическая катастрофа XX века в виде распада СССР вернул, казалось бы забытый со времен Империи, институт губернаторской власти. Так вышло, что на переломе эпох воссозданный институт губернаторства стал играть одну из определяющих ролей, послужили той опорой, на который Федеральный центр мог рассчитывать в необходимых для него ситуациях.

В рамках данной статьи попытаемся проследить процесс формирования отношений по оси цент – регион на протяжении 90-х годов и вплоть до последних значительных изменений, внесенных в законодательство совсем недавно.

Итак, стоит сказать, что губернаторы, особенно в середине 90-х гг., не были простым молчаливым союзником Москвы, в проводимых ей изменениях. Для достижения компромисса по линии центр – регионы пришлось приложить немало усилий, как с той, так и с другой стороны.

В современном понимании губернатор в Российской Федерации – глава местной администрации или высшее

должностное лицо, избираемое населением края, области или автономного округа и возглавляющее в нем систему исполнительных органов государственной власти [1, с. 93].

Первым шагом в направлении возрождения губернаторской власти стало избрание М. Шаймиева А. Собчака, и Г. Попова главами соответственно республики Татарстан, городов Санкт-Петербурга и Москвы. Произошло это событие 12 июня 1991 года, а именно, одновременно с выборами президента РСФСР. Примечателен тот факт, что на встречах с губернаторами президент Ельцин заявлял буквально следующее: «Опираюсь на вас, надеюсь на вас. Я настаиваю, чтобы приоритет во всех делах был именно за вами, а не за федеральным центром» [2]. Видимо, Ельцин понимал, что в большинстве субъектов Федерации региональные элиты не готовы пока оказать ему поддержку. Эта версия подтверждается буквально через месяц, когда было объявлено о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Показательно, что многие главы облисполкомов выступают как раз на стороне ГКЧП, а не Ельцина, что лишает его серьезной поддержки в виде регионов. Тем не менее, Ельцин сумел одержать вверх в борьбе с ГКЧП. Однако, здесь он столкнулся еще с одной проблемой. Старой команде руководителей регионов он теперь доверять не мог, а председателей облисполкомов 9 регионов он отстраняет от должности, обвинив их в пособничестве ГКЧП. Для заполнения получившегося вакуума, командой Ельцина разрабатывается два варианта выстраивания исполнительной вертикали. Во-первых, предлагается ввести выборную должность губернатора. Для контроля его работы предлагается ввести должность представителя президента в регионе. Однако, вверх берет альтернативная точка зрения, согласно которой выборной должна стать сама должность губернатора. С нашей точки зрения, принятие такого решения обусловлено несколькими причинами. Так, президент и его команда опасались, что в ходе прямых выборов в регионах к власти смогут прийти консервативные, просоветские представители. А если к ним приставить контролирующего представителя, то необходимо наделять его

широкими полномочиями, что может привести к двоявластию. Тем не менее, для более жесткого и полного контроля все-таки был введен пост полпреда президента в регионах. Кроме того, решение одной проблемы привело к рождению второй. Возникла проблема рекрутинга новых кадров. Здесь, Ельцин был вынужден опереться на либеральную интеллигенцию, активно проявившую себя в событиях, начала 90-х годов. Стоит сказать, что свою задачу по поддержке федерального центра они выполнили. Однако, необходимо заметить, что мало кто из этих назначенцев имел опыт административного управления. Позже, факт отсутствия компетенции назначенцев подтвердили выборы 1996–1997 годов, где «из первых 17 ельцинских назначенцев в дальнейшем прошли демократическую выборную процедуру только трое: это Б. Немцов (Нижегородская область), М. Пруссак (Новгородская область) и К. Титов (Самарская область).

В 1993 году, с принятием новой конституции, за губернаторами был закреплен выборный статус, а значит, существовала опасность потерять под собой ту самую опору назначенных глав регионов, лишиться их поддержки при следующих президентских выборах.

Что делать в такой ситуации? Вполне объяснимо, что президентская администрация в таком положении решит сделать ставку на региональные элиты. Однако, как становится понятно из мемуаров Ельцина, это, по мнению президента, не самый лучший способ. Так, например, он высказывался о губернаторах: «Для того чтобы создать атмосферу смуты и раскола, им (т.е. губернаторам) вовсе не требуется ни военного переворота, ни импичмента, ни вотума недоверия правительству ... сто хозяев России, сто князей — не знаю уж, как их точнее назвать... С самых древних времён такое собрание в глазах народа обладало колоссальными полномочиями, могло, если потребуется, и царя лишить короны» [3, с. 277]. Как нам видится, это мнение президента очень точно может характеризовать дальнейшее развитие событий. Здесь речь прежде всего идет о созыве закрепленного в Конституции Совета Федерации. В этом случае Ельцин решал сразу две задачи: во-первых, «вытягивая» губернаторов из своих регионов, заставляя тем самым играть на его территории. А отсюда можем сделать следующий вывод о том, что выводя губернаторов на федеральный уровень, повышая их статус, Ельцин действовал по системе «полномочия в обмен на политическую лояльность». Но не смотря на это, в ходе этого выборного цикла (сентябрь 1996 — март 1997) действующие губернаторы баллотировались в 51 регионе и в большинстве из них проиграли. Переизбраны на свой пост 23 руководителя (42.5%). Из них, по заявлению первого заместителя начальника Территориального управления Администрации Президента С.А.Шаповалова «лояльны президенту и правительству РФ» — 9 [4, с. 157].

Для Федерального центра ситуация осложнялась еще и тем, что дело приходилось в основном иметь с теми главами регионов, которые выросли на параде суверенитетов. В связи с этим, на протяжении всего года активно разво-

рачивалась кампания по работе и заключению договоров по разграничению предметов ведения и полномочий между федеральными властями и субъектами федерациями. Таким образом можно говорить о том, что сложившаяся договорная модель федеративных отношений является, пожалуй, одной из наиболее ярких особенностей того «нового федерализма», который постепенно формировался во второй половине 1990-х, начиная с программного заявления Ельцина, сделанного им еще в 1990 году [5].

Новая эпоха взаимоотношений по оси центр — регион начала складываться после 2000 года. Уход с поста президента Б.Ельцина, назначение и.о. Путина В.В. заставили многих говорить о скорых дальнейших переменах. Кроме того, важным событием стала победа, за год до этого партии «Единство», на которую новый президент смог опереться в ходе проводимых преобразований. Ко всему прочему, большую свободу, в отношениях с регионами Путину дал его высочайший рейтинг. Теперь он мог опираться не только на региональную, но и на федеральную элиту. Однако, проведение административной реформы президент начал с того, что потребовал привести все региональные законодательные акты в соответствии с федеральными. Данная задача была выполнена уже к 2008 году. Так, по данным министерства Юстиции количество нормативных актов регионального уровня, не соответствующих федеральному законодательству, снизилось с 33% в 1999 г. до 0,4% в 2008 г. [6]. Что объяснимо, первыми в этом списке стали договоры о разграничении предметов ведения, заключенных еще при Ельцине. В продолжении реформы, были созданы 7 федеральных округов во главе с полномочными представителями президента в них. Стоит понимать, что изменение института полпредов может так же говорить о желании перехвата инициативы у старых элит — это во-первых. К тому же, это естественно, обуславливает дополнительный контроль за главами регионов. А если учесть, что первые путинские полпреды были почти все выходцами из силовых структур, то это лишь подтверждает вывод.

Еще одним «эпохальным» событием стало изменение порядка реформирования Совета Федерации. 5 августа 2000 года был подписан закон, предусматривающий выведение губернаторов из верхней палаты Парламента. Однако, вместо этого, главы регионов получили в качестве компенсации Госсовет, но у него отсутствуют властные полномочия, следовательно, это делает Госсовет декоративным совещательным органом.

Кроме того, губернаторам была жалована еще одна функция. В соответствии с законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в России», главы исполнительной власти субъекта федерации, получили право отстранять от должности глав местного самоуправления (за исключением глав столиц и административных центров регионов). До этого, подобным правом обладал лишь президент.

Однако, многим административная реформа, да и в целом, политическая жизнь начала 2000-х запомнилась не

этим. Виною всему казусное «обнуление губернаторских сроков», явившее собой фантастический сюжет несоответствия арифметики с политикой, когда на деле, третьи – четвертые сроки для губернаторов стали первыми – вторыми. Не смотря ни на что, это вполне поддается объяснению, если учесть, что на носу, в 2004 году, были президентские выборы. Должно быть, это стало негласным договором о поддержке местными элитами, в обмен на предоставление продленных полномочий. Но такой же ход уже не мог сработать на следующих выборах, потому что полномочия многих губернаторов истекали уже после них – в 2009 году. Выходом из ситуации стало предложение «Единой России» согласно которому, губернаторы, избранные до вступления в силу нового закона должны поставить перед президентом вопрос о доверии.

Еще одним событием, повлиявшим на политическую жизнь в стране, и на отношения центра с регионами стал теракт в Беслане в 2004 году. Начиная с этой даты, стартует новый этап взаимоотношений между двумя уровнями власти. Он характеризуется собой, как отказ от выборности губернаторского корпуса, появлением новой процедуры – наделение губернаторов полномочиями. После введения института «наделения полномочиями», губернаторы стали фактически полностью зависимы от центра, что и обеспечивает их лояльность. Кроме того, губернаторы оказались «привязанными к центру» и через партийные организации, так как в соответствии с принятыми поправками, партия, победившая на выборах в региональный парламент, наделяется правом инициировать рассмотрение региональным парламентом предложения главе государства о кандидатуре губернатора. Такая система, нужно полагать работает достаточно слажено. Но в условиях падения доверия к партии власти, могут возникнуть некоторое недовольство.

В связи с этим, самым значимым событием нового политического времени стало возвращение всенародных губернаторских выборов. Можно говорить о том, что событие это стало настолько неожиданным, насколько и новым. По-видимому, данное начинание явилось попыткой обновления системы контроля в вопросах формирования губернаторского корпуса, с учетом интересов бывшего президента. Кроме того, это решение может рассматриваться, как имиджевый ход Медведева, поддерживающее реформаторские начинания главы государства.

В начале мая 2012 года, президент Медведев подписал Федеральный закон от 02.05.2012 N 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ». Данная поправка вводит прямые выборы глав регионов. По задумке законодателей, данные выборы будут обладать муниципальным фильтром. Декларативная позиция по этому вопросу сводится к тому, что

в этом случае, выдвинутый претендент на губернаторской кресло будет иметь наиболее широкое представление о сложившейся ситуации в регионе. Кроме того, отметим, что закон предусматривает лишь процедуру выдвижения, оставляя за регионами право устанавливать рамки, необходимые для процедуры. Итак, во-первых, закон предусматривает наличие двух путей выдвижения: через партийные организации, либо самовыдвижением. При этом, наличие порядка самовыдвижения должно быть предусмотрено законом субъекта РФ. Кандидаты на должность высшего должностного лица субъекта РФ должны получить поддержку от 5 до 10 процентов депутатов представительных органов муниципальных образований. Далее, регион сам устанавливает, потребуется ли от этого числа подписи глав муниципалитетов (так же, от 5 до 10 процентов), или подписи будут собираться по одной из предложенных схем. При этом кандидат должен быть поддержан указанными лицами не менее чем в трех четвертях муниципальных районов и городских округов субъекта Российской Федерации. Кандидатам, выдвинутым в порядке самовыдвижения, необходимо будет собирать также и подписи избирателей в количестве, установленном законом субъекта РФ.

Большое внимание уделено процедуре отзыва губернатора. Причин запуска такого механизма может быть две: это нарушение высшим должностным лицом субъекта РФ законодательства, факт совершения которого установлен судом, и неоднократное грубое без уважительных причин неисполнение им своих обязанностей, установленное судом. Инициатива процедуры отзыва в законе отведена политическим партиям, общественным объединениям, группам граждан (не менее 100 человек). Для поддержки инициативы необходимо осуществить сбор подписей избирателей региона в размере не менее одной четверти зарегистрированных избирателей). Так же, более точно определены основания для утраты высшим должностным лицом субъекта РФ доверия Президента РФ. Ими будут являться – выявление коррупции со стороны губернатора, или в случае неисполнения им решения Конституционного Суда, принятого в отношении нормативного правового акта высшего должностного лица субъекта Федерации [7].

Таким образом можно сделать вывод о том, что основным выборным барьером будет являть теперь не президентский, а муниципальный фильтр. Ни одна из партий не обладает на данный момент нужным муниципальным ресурсом. Поэтому, независимые депутаты вряд ли будут иметь шансы на успех. Для успешного прохождения всех фильтров кандидату просто необходимо ассимилироваться с «Единой Россией». В этом видится нам и некоторой риск федеральных властей, так как дальнейшее существование партии власти отнюдь не безоблачно. Возможно, при критическом снижении рейтинга «Единой России», создание альтернативного центра силы. Но в таком случае губернаторам придется в массовом порядке менять свою партийную принадлежность.

Таким образом, мы можем утверждать, что весь комплекс, производимых Центром изменений в рамках продолжающейся административной реформы — это совокупность динамичных и точечных действий, направленных, во-первых, на легитимацию режима в условиях обострившейся политической обстановки. Во-вторых,

эти действия направлены на формирование лояльной и предсказуемой власти в субъектах Федерации. Кроме того, ясно проявляется мотив понижения статусов губернаторов на федеральном уровне, однако, сказать о том, что такое понижение происходит на уровне региона, мы не можем.

Литература:

1. Иванец Г.И., Калинин И.В., Червонюк В.И. Конституционное право России: энциклопедический словарь / Под общей ред. В.И. Червонюка. — М.: Юрид. лит., 2002. — с. 93.
2. Левкин А. 1999 Ельцин и сенаторы. — Русский журнал от 21.04.1999.
3. Ельцин Б.Н. 2000. Президентский марафон М. с. 277.
4. Белонучкин Г.В. ноябрь 1996. Федеральное Собрание: Совет Федерации, Государственная Дума — Справочник. с. 157.
5. Выступление Б. Ельцина на встрече с общественностью Уфы. — Советская Башкирия, 4.08.1990.
6. Данные министерства юстиции:
7. http://www.minjust.ru/ru/analytics_statistics/MunicipalLegislationOverview/
8. Федеральный закон от 02.05.2012 N 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» Российская газета 4.05.2012 г. №5772.

Политическая социализация личности как гарант демократического развития общества

Юсупова Элеонора Фердинандовна, старший преподаватель
Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами (Узбекистан)

В цивилизованном обществе политика осуществляется для людей и через людей. Человек является не только объектом, но и субъектом политики, ее творцом и исполнителем, когда вовлекается в политико-властные отношения, в процесс принятия решений и управления. Социальные группы, слои, политические движения, партии, общественные организации, государственные структуры, несомненно, играют важную роль в политике, являются ее субъектами, однако сами эти группы и организации также состоят из личностей. [2, с. 46]

Именно взаимодействие личностей, их интересов, в конечном счете определяет содержание политического процесса. Поэтому политика в системе ценностных ориентаций личности занимает одно из ведущих мест.

В современном мире ещё сохранились патерналистские взгляды, которые достаточно широко распространены в развивающихся странах, авторитарных и тоталитарных государствах. Так, в СССР признавались только права, дарованные, предоставленные гражданину государством. Человек рассматривался не как равный с государством партнер, а как собственность государства, зависимый от партийно-государственного механизма. Политика была ориентирована не на конкретных людей, а на

трудящихся, рабочий класс, а судьба отдельного человека не в последнюю очередь зависела от его социально-классового положения.

И когда в так называемый период перестройки в конце 80-х годов рядовые люди получили от власти некоторые политические свободы, то вместе с ними обрушились и те основы, которые организовывали любое общество, — дисциплина, порядок, управляемость, трудовой настрой.

На сегодняшний день важно определить место и роль человека в общественной жизни, политической деятельности, в управлении государством. Поступательное движение общества есть движение от несвободы к свободе, в ходе которого реализуются творческие возможности личности, воплощаются общечеловеческие ценности и демократические идеалы. Всё развитие общества, начиная с экономики и кончая духовной сферой, направлено на удовлетворение потребностей человека, на его всестороннее развитие. Зависит ли экономика от человека? Конечно. От того, какое место занимает человек в производстве, от того, как он ведет себя на производстве, от его трудовой активности, добросовестности, заинтересованности в труде и т.п. Социальная сфера и социальные отношения непосредственно зависят от человека и его спо-

способности реализовать все экономические успехи для обеспечения жизни, быта, условий труда. В развитии политической системы очень много зависит от политической зрелости, образованности, инициативы человека. Усиление внимания к личности, социальным ее качествам, общественному и политическому сознанию и поведению тесно связано с реорганизацией системы образования, воспитания, культуры, морали.

Определение места человека в системе социально-политических отношений требует рассмотрения понятия политической социализации, то есть комплекса тех социально-политических процессов, которые готовят человека к активной политической жизни, определяют политическое поведение индивидов и социальных групп. Политическая социализация понимается как совокупность процессов становления политического сознания и поведения личности, принятия и исполнения политических ролей, проявления политической активности. То есть, это вхождение человека в мир политики, его подготовка и включение в отношения власти.

Проблема политической социализации личности ставит вопросы: как и почему личность включается в политическую жизнь, каковы факторы, а главное — результаты этого процесса? Но вопрос решается достаточно просто: приобщение личности к политике реализуется путем её участия в политической деятельности. Это участие зависит от нескольких факторов.

Во-первых, сильнейшее воздействие оказывается на человека со стороны институтов политической системы, властных структур, национальных и социальных общностей, слоев, групп. Во-вторых, сам человек содержит внутренние механизмы сознательного и бессознательного реагирования на социально-политические импульсы. Социальная обусловленность вовлечения личности в политику предполагает разграничение политических и неполитических факторов процесса политической социализации личности. Характер и тип государственного устройства, политический режим, политические институты, политические партии и политические движения, объединения — вот основные политические факторы процесса. Семья, школа и другие учебные заведения, работа, служба, культура, искусство, литература, средства массовой информации, национальные обычаи и традиции и т.п. — все это неполитические факторы. Но разграничение факторов социализации личности на политические и неполитические носит относительный характер. Оно происходит в каждом конкретном случае.

Политическая социализация предполагает формирование определенной политической позиции индивида. В понятие политической позиции включаются: эмоциональное отношение к политическим явлениям и процессам, убеждения относительно политических явлений и системы политических ценностей, склонность к политической деятельности и т.п. Политическая позиция — явление индивидуальное, дающее возможность понять мотивы, интересы, потребности человека. [3, с. 76]

Политическая активность личности зависит от социально-экономического развития общества. Высокий экономический потенциал общества обуславливает соответствующий уровень активности. Первостепенную роль в политическом воспитании личности играет образование. Неграмотный или малограмотный человек не способен правильно ориентироваться в политических событиях, легко поддается, всякого рода, демагогии, втягивается в экстремистские движения, составляет основу охлократии. Наоборот, достаточная образованность личности предохраняет её от политического шарлатанства, воздействия различных антинаучных, реакционных идей.

В том же плане можно говорить о роли общей и политической культуры в становлении личности как субъекта политики. Чем выше уровень её культуры, тем большими возможностями располагает личность для усвоения основополагающих норм политического поведения, тем быстрее она способна анализировать и систематизировать политическую обстановку, выделять главное из всей совокупности политических событий и акцентировать на нём внимание.

Наконец, следует отметить большое значение для политической социализации личности демократических традиций. Политическая жизнь западных стран стала усваивать эти традиции сотни лет назад. С течением времени они укреплялись и ныне стали настолько привычными, что воспринимаются общественностью как нечто должное. Свобода слова, мысли, обеспечение политических прав личности, разделение властей и строгое выполнение каждой из них своих функций, рассчитанных на взаимный контроль, создают благоприятные условия для формирования политически свободной личности. [1, с. 48]

Каждый из нас в своих взаимоотношениях с властью выступает в различных ролях. В соответствии с Конституцией как полноправные граждане мы представляем исходное начало государственной власти, которая призвана действовать в наших интересах. Как избиратели, голосуя на выборах, референдумах, мы уполномочиваем избранных нами главу государства, народных депутатов, осуществлять нашу волю, удовлетворять наши чаяния. То, что нам открываются возможности самим быть кандидатами на выборах во властные органы, побеждать на них, делает нас непосредственными участниками управления обществом.

Политическая социализация своим результатом имеет разный уровень усвоения человеком политических ценностей общества, социальной группы, политической организации. В одном случае происходит лишь самое поверхностное приобщение к политике, в другом — формируется человек активный, политически инициативный, убежденный сторонник определенных политических взглядов. Политическая социализация не заканчивается с достижением определенного возраста, а сопровождает человека всю его жизнь. Конечно, в процессе социального взросления человек приобретает относительно устойчивую совокупность политических ориентаций. Если со-

циальные условия и идеологическое воздействие не изменяются, то трансформации подвергаются периферийные элементы политической культуры человека. Если же происходят глубокие социально-политические перемены, то для большинства населения они связаны с процессом ресоциализации и формирования новой политической культуры. Ресоциализация — процесс перемены отношения к ранее усвоенным политическим ценностям и приобщения к их новой системе.

Политическая социализация, осуществляемая объективно, в силу включенности человека в общество и государство, называется процессом формирования политических качеств человека. Тот аспект политической социализации, который связан с целесообразной деятельностью государства, партий, средств массовой информации по развитию определенной политической культуры, носит название политического воспитания человека. Человек может сам активно участвовать в политической социализации, и тогда этот процесс называется политическим самовоспитанием. Соотношение формирования, воспитания и самовоспитания в политической социализации в каждом конкретном случае подвижно и неоднозначно.

На основе формирования политических убеждений и анализа собственного опыта складывается политическая ориентация личности. Она выражает не только отношение к политике, но и отношение к действующим в ней силам, в первую очередь к руководящим партиям и правительству. Политическая ориентация в значительной степени определяет политическое поведение, т.к. является исходным материалом для определения путей реализации потребностей человека.

Не участвовать в политической деятельности человек может как из-за черт своей личности, так и реально оценивая свои шансы в осуществлении власти. Долгие годы командно-административная система формировала в человеке качества управляемого, т.е. пассивно-исполнительские качества. Однако сама современная жизнь стремительно политизирует поведение человека, порой стихийно включает его в политическую жизнь, что само по себе стимулирует и развитие политического сознания.

Анализируя политическое поведение личности, следует выделить два его основных типа: политическое участие и политическая иммобильность, то есть выключение человека из политической жизни, его отчуждение от политической власти, своего рода негативная отрицательная разновидность результата политической социализации личности. Она может выражаться в различных формах:

- апатия к политическим событиям;
- безразличие к политическим событиям;
- бойкот выборов, различных политических акций и т.п.

Участие личности в реализации властных политических отношений, или противодействие их осуществлению и есть политическое участие. Именно здесь человек выступает как субъект политики. Но в жизни разных людей

политика занимает неодинаковое место. В связи с этим Макс Вебер выделял три типа участников политической жизни. Первый — политики по случайности. Это те, кто время от времени участвуют в выборах, выражают свое мнение на референдумах и т.п. Второй — политики по совместительству — депутаты от определенных регионов в представительных органах власти, которые участвуют в обсуждении проблем экономической, социально-политической и духовной жизни общества и т.п. И третий тип — политики по профессии. Это люди, посвятившие себя политике. Политика составляет главное содержание их жизни и деятельности. Политическая деятельность таких людей — основной источник средств существования. Проявляется это в политическом лидерстве или постоянной работе в политических учреждениях.

Основными формами политического участия личности являются, во-первых, массовое участие в политической жизни. Таковым считается чтение периодической печати и ознакомление с политическими передачами радио, телевидения; обращение к государственным и партийным органам, а также в редакции газет, журналов, на радио, телевидение с инициативными предложениями об улучшении существующего положения, если такие обращения выходят за пределы личных проблем и носят характер действий, затрагивающих общественные интересы. Во-вторых, участие личности, человека в деятельности, направленной на поддержку существующей политической системы или против неё, участие в деятельности политической партии и общественного объединения, движения, выполняющего политические функции (участие исполнительское, организаторское, рядовое и в роли лидера и т.п.). В-третьих, участие в производстве и распространении политической информации. В-четвертых, участие в митингах, демонстрациях, политических акциях. В-пятых, исполнение политических функций в политико-властных структурах, в органах государственной власти. Это полностью осознанное участие, утверждение в политике своих собственных осмысленных интересов и ценностей.

Участие в политической жизни общества может быть активным и пассивным, прямым и опосредованным, добровольным и принудительным, профессиональным и непрофессиональным, легальным и нелегальным и т.п.

Повышению роли личности в политике служит такая система социализации, которая:

- создает наилучшие условия для реализации способностей и инновационного потенциала людей, сознательно ориентирующихся на служение обществу;
- обеспечивает индивиду выполнение таких ролей в политике, к которым он наиболее предрасположен;
- определяет наиболее оптимальный характер и степень эффективности системы политического воспитания общества (учебные заведения, средства массовой информации, культурные и образовательные объединения, общественные и политические организации);
- обеспечивает необходимое количество публичной информации об общественных проблемах, предпосылках

и обстоятельствах принятия политических решений и социальных последствиях осуществляемых действий. Это позволяет общественному мнению воздействовать на принимаемые решения и деятельность властей.

Большинство современных политических учений считает личность приоритетной по отношению к государству. Политическая активность человека зависит от экономического благосостояния и уровня образования. Кроме того, для участия людей в политике необходима соответствующая правовая основа. В Республике Узбекистан созданы все условия для реализации своих граждан во всех сферах общественной жизни, в том числе и в поли-

тике. Подлинным субъектом политики человек становится только в рамках какой-либо социальной или политической общности. Для сознательного включения в политическую деятельность большое значение имеет политическая социализация. Процесс социализации протекает как стихийно, так и организовано. Его результатом могут быть как политическое участие, так и политическое отчуждение. Задачей политической системы общества является максимальное приобщение населения к политическому участию, поскольку лишь в этом случае возможно обеспечение сознательной поддержки осуществляемой государством политики.

Литература:

1. Дживилегов А.К. Права и обязанности граждан в правовом государстве. М.; 1999 г.
2. Пугачёв В.П. Объекты политики: личность, элиты, лидерство. М.; 1991 г.
3. Политическая система и политическая жизнь общества. Под ред. В.Ф. Калины. М.; 1991 г.

ИСТОРИЯ

Формирование рыночного пространства Среднего Поволжья

Аникин Сергей Александрович, аспирант
Ульяновский государственный педагогический университет

На протяжении XVI—XIX вв. земли Среднего Поволжья в Российской империи из внутренней окраины превратились в хозяйственно освоенную территорию, новую житницу страны и постепенно, к началу XX в., в один из аграрно-промышленных, преимущественно по сбыту сырого и переработанного хлеба, районов. Типичной формой связи большинства населения с рынком были поставки выращенного зерна всероссийскому или местному потребителю. Изменение хозяйственного статуса волжских земель в империи имело множественные последствия. Менялась организация хозяйства, жизненный стандарт, и в конечном счёте, менталитет населения.

Цель данной статьи состоит в том, что бы реконструировать процесс включения поволжских территорий в единое экономическое пространство страны и проследить в связи с этим изменения в организации крестьянского хозяйства. Первая часть работы, как мне представляется, предполагает воссоздание хода заселения региона, выявление господствовавшей к началу XX в. хозяйственной специализации, определение местоположения населённых экономически значимых пунктов и, особенно, городов. Городская жизнь может служить интегрирующим показателем степени развития товарного обмена в регионе, связи территории со страной, уровня развития рыночных отношений в целом. Поэтому имеют значение такие статистические показатели как численность городского населения, размер торгового и промышленного оборота в среднем на одного человека, размер годового грузооборота станции, пристани. Отображение их на карте позволит увидеть рыночное пространство Поволжья начала XX в.

Изменения в организации хозяйства крестьян под воздействием рынка рассматриваются на основе анализа данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Заявленные задачи решаются на материалах Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Пензенской губерний, составлявших Среднее Поволжье.

Само понятие «экономическое, или рыночное пространство» достаточно емкое. Оно подразумевает и фор-

мирование типа производственных отношений, в основе которых товарно-денежный обмен, и складывание социальных общностей «производитель-потребитель», «собственник-труженик», и оформление территориальной целостности, в коих рамках эти отношения функционируют. Любой из этих смыслов имеет право на самостоятельное изучение. Но в рамках данной статьи я рассматриваю пространство прежде всего в смысле географическом — территории, которая трансформировалась под воздействием включения её в товарно-денежное хозяйство страны.

Хозяйственное освоение волжских земель по времени совпало с формированием всероссийского рынка. В состав Российского государства они вошли во второй половине XVI в. и являли тогда огромное, не освоенное в хозяйственном отношении пространство. Земли, расположенные ниже слияния рек Камы и Волги до Астрахани были местом кочевий Ногайской орды и казачьих стоянок. Лишь в Казанском крае существовало земледельческое хозяйство и кустарные промыслы. Освоение края началось со строительства оборонительных крепостей. Первыми в 1570-е гг. были возведены — Саранск, Алатырь, Тетюши, в 1583—1591 гг. — Самара, Уфа. Царицын, Козмодемьянск, Царевококшайск, Цивильск, Уржум, Мамадыж, Царевосаранчуйск, Ядрин, Яранаск, в первой трети XVII в. городки-крепости были возведены в Волго-Донском районе [4, с. 24]. Крепости и монастырские владения были немногочисленными освоенными островками, а большинство населения служилым сословием. Основным видом предпринимательства тогда выступали рыбная ловля и солеварение, которым занимались монастыри и частные лица — откупщики. Во второй половине XVII в. началось строительство непрерывных укрепленных линий, положивших начало массовой земледельческой колонизации. Завоевание Азова повлекло активное освоение территории Саратовского округа: возникли города Петровск, Дмитриевск. Чуть позже (1700 г.) были возведены крепости на левом берегу Волги, в районе Самары (Алексеевск, Сергиевск). Исследователи отмечали, что в XVII в., по всей вероятности, у правительства существовал единый план (или идея) создания целостного общероссий-

ского оборонительного комплекса от границ с Польшей до притоков реки Камы, особенно на южных и юго-восточных границах [2, с. 44]. В этих условиях города-крепости были построены «практически по всему периметру региона» [4, с. 73.] (от реки Камы до устья Волги), исходя из задач сохранения за Россией и активного использования волжского пути, а также промысловой эксплуатации природных богатств края. Население укрепленных городков не только было защитником окрестных мест, но занималось торгом и промыслами.

В 1730–1740-е гг., когда замыслился новый пограничный рубеж для ограждения Правобережья и Закамья, возникла цепочка крепостей от Самары к Оренбургу, в 1738 г. Основан город Ставрополь [5, с. 85]. По мере укрепления на восточных окраинах России. В конце XVIII в. военное значение возведенных в волжских крепостей падало, ширилось земледельческое освоение завожских степей. Крепости стали именоваться городами империи, приобретая административные функции. [1, с. 39]

Изменение правового статуса волжского населенного пункта, приобретение им гражданских функций постепенно меняло его конфигурацию. Военный городок имел в развитом виде вид концентрического круга, административный центр вытягивался, выделяя «деловой центр», или «властную линию» в городском пространстве, где располагались основные учреждения города. Вокруг административного центра формировалась сельскохозяйственная округа [11, с. 29–38]. Развивавшееся земледельческое производство могло обеспечить населению автономное существование вне торгового обмена, но города, предъявляя спрос на продовольствие, становились «точкой опоры» для формировавшегося вокруг них рыночного пространства. Так функция населенного пункта менялась. Если в XVII – первой половине XVIII вв. значение города определял военный статус, то уже к концу столетия важным становилось наличие удобных пристаней и трактов. Дальнейшую судьбу населенного пункта определял его статус как губернского центра. В 1708 г. были определены контуры – Казанской губернии, в 1717 – Астраханской, в 1744 – Оренбургской, в 1780 – Пензенской, Саратовской и Симбирской, в 1850 – Самарской.

Новая волна изменений в региональном экономическом пространстве была связана с железнодорожным строительством второй половины XIX в. Железнодорожное строительство 1870-х гг. имело первоначально целью соединение Центра империи с хлебными районами страны, а далее, железнодорожные магистрали через Самару, Саратов в Сибирь и Среднюю Азию, строились с учётом стратегических интересов. Транспортные магистрали в 1870–1880-е гг. соединили Поволжье практически со всеми частями Российской империи и окончательно «вплели» его в общеимперское пространство. К началу XX в. каждая губерния Среднего Поволжья имела

свой железнодорожный путь соединения со столицами. В 1870–1880-е гг. экономические выгоды новых путей сообщения ощутили Саратов и Царицын, в 1890-е Самара и Сызрань. Царицын становился центром тяготения товарных грузов из районов Придонья, Самара и Саратов – Среднего Поволжья. Казань, попадавшая в проекты соединения её с северо-восточными территориями, постепенно становилась центром Волжско-Камского региона, создавая поле тяготения для Вятской и Архангельской губерний. Торговое значение Симбирска, не получившего вплоть до первой мировой войны железнодорожного сообщения со столицами, падало.

Экономическое значение губернских центров, ставших комплексными водно-железнодорожными транспортными пунктами, росло. Вместе с тем была дана жизнь новым населённым пунктам, возникавшим вокруг небольших станций. Они превращались в центры местного рынка, создавая поле тяготения для сбыта выращиваемого здесь зерна. Таковыми, к примеру в Самарской губернии в 1890-е гг. стали Бузулук, Бугуруслан, Абдулино, Сорочинская [13, с. 101–102]. Пространственные «подвижки» заметны были в г. Цивильске Казанской губернии, где торговля зерном зачала и переместилась на близлежащую станцию Шихраны [6, л. 2], уменьшилось торговое значение оказавшихся в изоляции о современных средств сообщения городов Чебоксары и Мамадыш [6, л. 2]. Новые торговые пункты, уменьшая значение старых, формировали собственную сферу влияния. Строительством Волго-Бугульминской (1913–1914 гг.) для жителей близлежащих населённых пунктов уменьшилась значимость Самары, Балаково и Чистополя, но возросла станций Кошки, Шантала, Клявлино [1, с. 12–13]. Новые центры формировали «очаг» (или «пучок») хозяйственной жизни не традиционного, а рыночного типа и хозяйственных связей, основанных на использовании банковского кредита, биржевых сделок. Русский торгово-промышленный банк вне губернских центров имел в Поволжье (1909 г.) 14 филиалов, а Волжско-Камский – 5 [9, с. 4–19]. Это положение закреплялось в 1910-е гг. строительством здесь государственных элеваторов и зернохранилищ.

Таким образом, рыночное пространство Поволжья в начале XX в. представляло собой освоенное земледельческое пространство, в котором ясно обозначились крупные административные и экономические центры. Известный географ В.П. Семенов Тян-Шанский, изучавший на начало XX в. размещение городов и деревень Европейской России, исследовал различные селения по показателям численности населения, душевым размерам годового торгового и промышленного оборота. Волжские города Саратов, Казань, Самара были отнесены им к крупным городам с бойким торгово-промышленным оборотом (от 500 до 800 рублей на человека в год), Пенза, Симбирск, Царицын составили группу больших городов, где бой-

¹ Само слово «город» происходит от «городить» и означало укрепленное от нападений место, фактически военное укрепление // Семенов Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910.

кость торгово-промышленной жизни была средней (от 100 до 500 рублей в год).

Число средних и малых городов (всего более 50) значительно превышало первые две группы. Преобладание средних и малых городов, в которых проживало соответственно до 40 или до 10 тысяч человек, географ назвал типичной, здесь слабо развита промышленность, многие города имели сельскохозяйственные пригороды [10, с. 136–141, с. 157–159] Большая доля мелких населённых пунктов, считал учёный, «никак не могут дорасти до городов» [10, с. 158].

Влияние аграрной специализации Поволжья просматривалось и в градообразующих процессах: численность городского населения в регионе росла преимущественно за счёт крестьянства. В 1861 г. Их доля составляла 14, 5% населения губернских и 15, 6% уездных городов Поволжья, к 1897 г. Эти показатели выросли соответственно до 48, 8% и 40, 7% [12, с. 76–77].

Итак, больших городов в Поволжье было мало, преобладающим в них был торговый, а не промышленный товарооборот, большая часть населения — недавние выходцы из деревни. Общекультурное и рыночное воздействие города на поволжскую деревню несомненно так же, как и несомненно обратное влияние, формировавшее город, в котором центром деловой жизни выступали пристань или железнодорожная станция, неподалеку расположенные здания бирж и банковских контор, элеватор. Торговая площадь примыкала к административному центру города с губернской администрацией, нотариальными конторами. В силу дороговизны земли в деловом районе раньше, чем на окраинах росли многоэтажные каменные строения (в 2–4 этажа).

Рыночное пространство региона состояло не только из крупных экономических центров, но и значительного количества торговых центров местного значения. Они так и не выросли в города. Хозяйственная специализация Поволжья, в основе которой было выращивание и сбыт высокосортных зерновых культур, консервировало аграрную структуру расселения [13, с. 273]. В Поволжье постепенно складывались свои рыночные центры и периферия. Эту иерархичность определял и ступенчатый сбыт зерна. Особенно он был характерен для районов с малыми транспортными возможностями. Так, из Уральской области, окраин Новоузенского уезда Самарской губернии везли зерно на продажу в три крупных села — Красный Кут, Дергачи или Александров Гай, отсюда оно переправлялось на продажу в Покровскую слободу либо пристань Ровное. Только здесь и бывал базар, всё остальное — лишь «предбазарь» [3, л. 3]. Иерархию создавало и железнодорожное сообщение.

На протяжении XVI — XIX вв. пространственные контуры поволжского рынка обрели явные очертания. Стро-

ительство оборонительных рубежей, хозяйственное освоение территории, установление постоянных железнодорожных путей сообщения определили местоположение главных экономических центров. Итоги этого процесса в начале XX в. были видны уже на географической карте: в районах более раннего хозяйственного освоения к концу первого десятилетия столетия размещения волжских городов имело вид «кристаллеровской решётки», что являлось свидетельством наиболее оптимальной с экономической точки зрения системы расселения людей, в районах более позднего хозяйственного освоения (Заволжье) размещение сохраняло пока очаговый вид.

Сохранение аграрной структуры расселения консервировало сложившуюся аграрную специализацию региона и закрепляло его сельскохозяйственную «нишу» во все-российском рынке. То обстоятельство, что доля городского населения была наивысшей в уездах с губернским административным и транспортным центром подчёркивало локальность и иерархичность в развитии экономических центров Поволжья, оформление центральных и периферийных мест внутри одного экономико-географического района.

Географические контуры Среднего Поволжья к началу XX в. сложились. Проследить его воздействие на жизнь и организацию хозяйства крестьянского населения возможно на основании анализа ряда статистических показателей: эластичность и гибкость крестьянского хозяйства объяснялась возможностями варьировать использование земли, скота, рабочей силы семьи и нанимаемых работников. «Формировала» эти показатели сама семья, исходя из оценки реальных условий жизни — близости трудового пункта, возможности обработать землю своими руками, без привлечения чужого труда, наличия продовольственных запасов и т.д. Следовательно, такие показатели как доля активно используемой крестьянами пашни, количество используемого в хозяйстве рабочего скота и рабочих рук, размер семьи возможно использовать для изучения реакции крестьянского хозяйства на рыночной реалии жизни [14, с. 47]. Анализ этих данных позволит судить о глубине и степени воздействия рыночной среды на крестьянское хозяйство Поволжья.

Я рассчитал по уездам следующие данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.: доля посевов в крестьянской пашне, средний размер посевной площади, численность рабочих лошадей на одно хозяйство, я определил так же средние данные о размере крестьянской семьи, числе работников, доле хозяйств нанимавших срочных рабочих. Затем уезды 5 волжских губерний были распределены по зонам тяготения населённых пунктов к определённому торговому центру в зависимости от расстояния до него. [1, с. 35–38] Мои расчёты показали, что каждый торговый пункт в Поволжье

¹ Такой метод получил название «дистанционного» и активно использовался в трудах последователя организационно-производственного направления экономической науки Баскина Г.И. — См.: Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья.

притягивал товары преимущественно соседних территорий [13, гл. 5]. Близость к нему позволяла надеяться на более высокие цены, и наоборот, чем дальше от места сбыта, тем ниже была цена зерна: уже в 1880-е гг. каждые десять вёрст пути уменьшали цену пуда зерна на одну копейку [8, л. 43 (об)]. В целом, близость к торговым центрам заметно влияла на организацию земледелия. В уездах, прилегающих к нему, крестьяне при меньших размерах земельного участка, меньшей численности семьи интенсивнее использовали пашню. На периферии чаще велось экстенсивное земледелие: количество рабочих лошадей здесь в среднем было большим, чем в центре.

Слабее организующее влияние рынка было заметно в использовании рабочей силы. По мере удаления от рыночного центра меньшая доля хозяйств занималась побочными промыслами, ограничиваясь только продукцией земледелия и скотоводства. Потребности крестьян в промышленной продукции были минимальны.

Сопоставляя торговые районы вокруг старых и новых центров (Покровская слобода, Самара, Бузулук, Богатое, Сорочинская, Абдулино, Бугуруслан и др.), расположенных в малонаселённых степных уездах, видно, что крестьянское хозяйство быстрее подчинялось рынку, нежели в районах давнего хозяйственного освоения (Казань, Саранск, Чистополь, Тетюши и др.). Выращивание хлеба (доля посева в пашне) заставляло крестьянина ориентироваться на близость сбыта. Другие стороны жизни определялись иными соображениями — национально-хозяйственным укладом, религиозными воззрениями. Часто в районах компактного проживания одного из народов Поволжья хозяйствование подчинялось экономической целесообразности (повышение интенсивности хозяйственной деятельности в зависимости от близости к торговому центру). В районах существования разнообразных национально-хозяйственных укладов (например, чувашей и татар) экономическая целесообразность оказывалась вторичной по отношению к национальному родству. Этноконфессиональный фактор порой действовал сильнее рыночного. Например, из двух покупателей зерна чувашский крестьянин, продавший хлеб, чаще всего выбирал представителя своей национальности [7, с. 101]. Однако данное суждение, вытекающее из анализа средних статистических данных о крестьянском хозяйстве Поволжья, требует дальнейшей проверки и самостоятельного изучения.

Таким образом, изучение истории формирования рыночного пространства Среднего Поволжья к началу XX в. позволяет нам сделать ряд выводов.

Хозяйственное освоение поволжских земель было длительным процессом, в котором возможно выделение нескольких этапов:

1) появление опорных военных пунктов в XVI в. и строительство непрерывных укреплённых линий;

2) 1730–1860-е гг. — время массовой колонизации и формирование вокруг военных городков сельскохозяйственной округи. Наряду с военными центрами в это время выделились административные и экономические пункты.

3) 1860–1914 гг. — «вплетение» волжских земель в российское хозяйственное пространство и установление постоянных связей с другими частями Империи. Материальным выражением этих процессов явилось железнодорожное строительство.

Итогом этой эволюции явилось выделение экономических центров российского значения (Казань, Саратов, Самара, Царицын), куда стремился российский и иностранный капитал и возникали новейшие формы торговли, и торгово-промышленных пунктов регионального значения, где имелась рыночная инфраструктура (зернохранилища, элеваторы, банки), но не было административных преимуществ. Формировались центры и периферия регионального рынка. Различия между центром и периферией просматривались по показателям численности населения, динамике демографического роста, размерам промышленного и торгового товарооборота (в расчёте на душу населения), объёмам грузооборота станций и пристаней.

Консервация аграрной специализации Поволжья на протяжении XIX — начала XX вв. не создавала объективных условий для быстрого роста городов. Многие экономически значимые пункты региона сохраняли аграрный статус. Мы предполагаем, что воздействие города и деревни в начале XX в. было двусторонним, но именно деревня оказывала решающее влияние на городскую жизнь в Поволжье, определяя социальную структуру, основной вид деятельности горожан, образ жизни. В связи с этим, нам представляется необходимым специальное изучение истории городов Поволжья в капиталистическую эпоху.

Освоенная территория, определившийся главный вид деятельности населения, выявление экономических центров региона, сложившиеся направления товарных потоков к известным торговым пунктам, — все эти явления дают основания говорить об оформленности рыночного пространства Поволжья к началу XX в., контуры которого в основном сложились (по типу кристаллеровской решётки) [13, с. 310]. Тем не менее внутри этих контуров довольно явно просматривались центральные и периферийные зоны. Перемещение экономически значимых центров наблюдалось по мере государственного освоения восточных земель с XVII–XVIII вв. Однако только в эпоху железнодорожного строительства второй половины XIX в. это движение имело следствием быстрое развитие новейших форм торговли и рыночной инфраструктуры в малозаселённых местностях. Такие экономические центры обеспечивали здесь быстрое, но локальное развитие современного товарного обмена. Дихотомия «экономический центр — периферия» в капиталистическую эпоху становилась реальностью не только общероссийского, но и регионального рыночного пространства. Значение того или иного населённого пункта в Поволжье в начале XX в. определяло его местоположение, главным образом по отношению к транспортному узлу.

Рыночное пространство Поволжья оказывало определяющее воздействие на местный рынок и организацию крестьянского хозяйства. В каждом локальном торговом

районе оно проявлялось в прямой зависимости степени интенсивности крестьянского земледелия от расстояния до места сбыта товарного хлеба (явный показатель экономической целесообразности). Слабое проявление этой закономерности на общем, региональном уровне даёт нам основания предполагать, что в многонациональном

Поволжье крестьянин, зачастую поставленный перед выбором экономической целесообразности или национальной общности, часто делает выбор в пользу последнего. Однако в целом хозяйственные связи внутри региона складывались на основе экономического строительства, а не национально-географического пространства.

Литература:

1. Баскин Г.И. Деление Средневожской области на районы по дистанционному принципу. Самара, 1929.
2. Бурганова Р.Г. Города и городское население Башкирии в XVI – XVII вв. Уфа, 1993.
3. ГАСарО, ф. 403, оп. 1, д. 253.
4. Дубман Э.Б. Промышленное предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара, 1999.
5. История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000.
6. НА РТ, ф. 359, оп. 1, д. 528.
7. Николаев Г.А. Рыночные реалии второй половины XIX – начала XX столетий и крестьянская община чувашей. // Поволжье в системе Всероссийского рынка.
8. РГИА, ф. 573, оп. 18, д. 27410.
9. Русские банки: перечень городов и селений, в коих находятся кредитные учреждения и их филиальные отделения на 15 июня 1909 года. СПб., 1909.
10. Семенов Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910.
11. Смирнов Ю.Н. Формирование ближнего сельскохозяйственной округи заводского города и ход её функциональной трансформации. На примере Самары XVIII–XIX вв. // Самарский земский сборник. 1998. № 1 (2).
12. Смыков Ю.И., Гончаренко Л.Н. Город и деревня Поволжья в период капитализма: основные направления и характер взаимодействия // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. XXII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Минск. 11–14 октября 1989 г. М., 1989.
13. Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999.
14. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1987.

Контролирующие органы Сената Петра I

Белова Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент
ГБОУ ВПО «Омская государственная медицинская академия» Минздрава России

Окончательное утверждение в России в первой четверти XVIII в. абсолютистского государства с мелочной регламентацией всех сторон жизни и деятельности его подданных и бюрократизацией управления требовало и наличия нового механизма контроля над соблюдением всех установленных правил и норм. Учрежденный Сенат, а равно и другие правительственные установления, не могли четко исполнять свои обязанности без организации органов контроля над ними. Таким образом, сложившаяся к этому времени политическая ситуация в стране вызвала к жизни совершенно новое для российской юридической практики учреждение общегосударственного контроля — институт фискалов.

Царскими указами от 2 и 5 марта 1711 г. в России были учреждены фискалы, действовавшие при Сенате [14; 15]. «Обращаясь к юридической практике Запада, Петр вни-

мательно изучал тот значительный опыт по использованию фискального надзора, который был накоплен к этому времени в таких странах как Швеция, Пруссия и Франция. В Европе фискалы выступали преимущественно в качестве адвокатов по гражданским и уголовным делам, преследуя интересы казны. Причем они могли выступать как в роли обвинителей, так и защитников, зачастую получая право расследования наиболее важных преступлений и право контроля над судом и следствием» [17, с. 19; 2]. В указе от 2 марта 1711 г. о фискалах говорилось в самых общих словах: «Учинить фискаловъ во всякихъ делахъ, а какъ быть имъ, пришесть известие» [14]. Именным указом от 5 марта 1711 г. функции нового ведомства были уточнены: «Долженъ онъ надъ всеми делами тайно надсматривать и проведовать про неправый судъ; такожъ в сборе казны и прочаго, и кто неправду учинить, то

долженъ фискаль позвать его перед Сенать... и тамо его уличать; и буде уличить кого, то половина штрафа в казну, а другая ему, фискалу. Буде же и не уличить, отнюдь фискалу в вину не ставить, ниже досадовать, под жестоким наказанием и разорением всего имения» [15]. В указе 5 марта 1711 г. определялась и структура нового ведомства: его руководителем, обер-фискалом, предписывалось «выбрать... человека умнова и доброва (из какого чина ни есть)», у него в подчинении должны были быть «несколько... провинциаль фискаловъ», а у них — еще «несколько нижнихъ». Они несли те же обязанности и имели такие же права, как и обер-фискал, за исключением того, что только последний мог «вышняго Судью или Генеральнаго штаба на судь... позвать» [15]. Особым указом от 16 января 1712 г. было подтверждено, что провинциал-фискалы независимы от губернских властей. «Фискаловъ, которые в Губернияхъ, не ведать не ихъ, ни деревень ихъ Губернаторамъ» [16].

О серьезности намерений царя свидетельствовало назначение в апреле 1711 г. главой ведомства дьяка Якова Былинского, известного своими «розысками» о крупных государственных преступлениях, проводившихся в Преображенском приказе. Он сразу же обратился в Сенат с запросом об уточнении своих полномочий в десяти пунктах (10 августа 1711 г.). Однако, существенных разъяснений обер — фискал не получил [19]. Вскоре Ф.Ю. Ромодановский затребовал вернуть своего дьяка в Преображенский приказ и царю пришлось вновь вернуться к вопросу о назначении обер-фискала. 29 мая 1711 г. он распорядился повысить статус обер-фискала тем, что приказал выбрать в обер-фискалы из «царедворцев доброго человека» [7, с. 205]. 22 августа 1711 г. Петр I заключил своеобразный договор («уряд») с графом Н.М. Зотовым о том, чтобы именно он «взял на себя сие дело государственного фискала» [18, с. 205]. Но и это назначение почему-то не состоялось.

В октябре 1712 г. должность обер — фискала занял стольник М.В. Желябужский. В это время с подачи московского провинциал — фискала А.Я. Нестерова началось расследование «подрядной аферы», в которую оказались замешены «персоны» из ближайшего окружения царя, включая А.Д. Меншикова. Тогда же начали выявляться махинации служащих Мундирной канцелярии (имевшие последствием закупку для армии огромной партии негодных сапог, рубах и камзолов), разоблачены хищения казны в Военном приказе и Петербургской губернии, злоупотребления белозерского коменданта В.Н. Римского-Корсакова и важского — Д.А. Соловьева.

Активизация деятельности фискалов вызвала повсеместное недовольство. По мнению современного исследователя фискалитета в России А.Д. Паутова: «Такое развитие событий не вызвало одобрение у сенаторов. Привыкшая к бесконтрольности и самоуправству администрация крайне негативно отнеслась к организации фискалитета. В дальнейшем сами сенаторы часто чинили препятствия «надсмотрителям», медлили с рассмо-

тением дел, выгораживали виновных из своей среды. Нередко они компрометировали фискалов и их донесения» [17, с. 19–20; 20, с. 25].

В свою очередь Петр I попытался усилить режим законности путем принятия новых нормативных актов. Именным указом от 23 октября 1713 г. Петр I пошел на беспрецедентную меру: он разрешил «ежели кто... преступниковъ и повредителей интересовъ Государственных и грабителей ведаеть, и те бь люди безъ всякаго опасения приезжали и объявляли о томъ Самому Его Царскому Величеству, только чтобъ доносили истину; а кто на такого злодея подлинно донесеть, и тому за такую его службу богатство того преступника... отдано будетъ,... и чинь его» [10]. В именном указе от 25 января 1715 г. порядок непосредственного обращения к монарху с доношениями был уточнен. Царю через караульного сержанта разрешалось объявлять только о государственных преступлениях (по «слову и делу»), которые подразделялись на три пункта: «1. о какомъ зломъ умысле противъ персоны Его Величества или измены; 2. о возмущении или бунте; 3. о похищении казны; а о прочихъ делахъ доносить кому те дела вручены» [13].

Также недостаточная надежность фискалитета привела к возникновению в 1715 г. при Сенате должности генерального ревизора, или надзирателя указов. Видимо, уже на этом этапе реформы Петр I осознал, что по отношению к высшим должностным лицам государства в России тайный надзор неприменим. Главное дело ревизора — «дабы все исполнено было». 27 ноября 1715 г. он назначил на вновь созданную должность генерального ревизора бригадира В.Н. Зотова [5].

Личное вмешательство царя активизировало и деятельность фискалов. «Согласно записям журнала доношений Алексея Нестерова, сменившего Желябужского на этом посту в апреле 1715 г., основными преступлениями, раскрытыми фискалами, были разнообразные злоупотребления чиновников, укрывательство дворян от службы, тайное винокурение, незаконная рубка леса, махинации с недвижимостью, а также преступления политического свойства — так называемые преступления по «слову и делу» [1, с. 37].

В 1720 г. сделан был более сильный нажим и на Сенат: Оберъ-Секретарю было предписано наблюдать «дабы в Сенате все было делано порядочно, и суетныхъ разговоровъ, крика и прочаго не было...» [9]. Через год — 27 января 1721 г. — эти обязанности были возложены на военных: «по одному из Штабъ-Офицеровъ отъ Гвардии быть при Сенате, переменяясь помесечно» для наблюдения за порядком, «а ежели кто станетъ браниться или невежливо поступать, такого арестовать, и отвесить в крепость, и Нам потомъ дать знать» [12].

Наконец, 12 января 1722 г. функции контроля были возложены на специально назначенного генерал-прокурора: «Надлежитъ быть при Сенате Генераль-Прокурору...» [6], который был «яко око наше» [8, пункт XI]. Генерал — прокурор должен был «смотреть накрепко, дабы Сенать свою должность хранилъ и во всехъ делах, ко-

торые к сенатскому рассмотрению и решению подлежат, истинно, ревностно и порядочно, безъ потеряния времени... Также должен накрепко смотреть, дабы Сенат в своем звании праведно и нелицемерно поступал» [8, пункт I, II]. «Иностранцы скоро оценили новое учреждение и отметили, что генерал-прокурор П.И. Ягужинский собственно второе после государя лицо по своей силе и значению в правительстве» [3].

Далее Петр I указывал и на необходимость контроля за заседаниями и деятельностью Сената со стороны генерал-прокурора: «Сидеть въ Сенате неотложно по три дни въ неделю; а ежели нужда будетъ, то и более, когда Генераль-Прокуроръ требовать будетъ» [11]. Но, несмотря на данный указ, по замечанию историка С. Князькова, «порядок решения дел в Сенате был довольно затяжной, благодаря большим формальностям и письменности; редко бывало, чтобы дело решалось через шесть недель по поступлении; обыкновенно делопроизводство длилось дольше» [3, с. 185].

Еще одним должностным лицом при Сенате был обер-прокурор, который как и Генерал-прокурор «ничьему суду не подлежат, кроме нашего» [8, пункт IX]. Также при Сенате были рекетмейстер и герольдмейстер [6]. Первый —

«принимал жалобы на коллегии и делал по ним доклад Сенату» [3, с. 184], что было подробно расписано в «Наказе Рекетмейстеру» от 5 февраля 1722 г. [4], второй — ведал государственной службой.

Таким образом, царь — реформатор вынужден был постоянно расширять созданную им специальную систему организованного недоверия и доносительства, дополняя существующие органы контроля новыми. Однако, даже законодательство об институте фискалов не вошло в контекст тех идей и принципов, которые Петр I пытался внедрять на практике. Создание «регулярного» государства требовало мелочной регламентации всех действий подданных короны, и фискалитет как нельзя лучше отражал особенности новой властной модели, однако его правовое обеспечение никак не может претендовать на всестороннюю разработанность. Петр, обычно стремившийся не просто издать закон, но и объяснить, почему он нужен, в случае с фискалитетом так и не смог ответить на вопрос «почему?». Ясно осознавая предназначение института фискалов, государь не смог донести это до своих подданных. Негласный контроль не получил поддержки в обществе, что также явилось одной из причин его быстрого упадка.

Литература:

1. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.
2. Казанцев С.М. Прокуратура Российской империи: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003.
3. Князьков С. Из прошлого русской земли. Время Петра I. М., 1991.
4. Наказъ Рекетмейстеру // ПСЗ — 1. Т. VI. №3900.
5. О бытии Г. Зотову въ Сенате Генеральнымъ ревизоромъ для наблюдения за исполнениемъ приказовъ // ПСЗ — 1. Т. V №2957.
6. Объ обязанностяхъ Сенатскихъ Членовъ... // ПСЗ — 1. Т. VI. №3877.
7. О выборе фискала из царедворцев и о возвращении дьяка Былинского на службу к кн. Ф.Ю. Ромодановскому // Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. I.
8. О должности Генераль-Прокурора // ПСЗ — 1. Т. VI. №3979.
9. О должности Оберъ-Секретаря // ПСЗ — 1. Т. VI. №3519.
10. О доношении всякимъ людямъ о Государственныхъ интересахъ Царскому Величеству Самому // ПСЗ — 1. Т. V №2726.
11. О заседании въ Сенате // ПСЗ — 1. Т. VI. №3895.
12. О назначении при Сенате, доколь не будетъ выбранъ Государственной Фискаль, по одному из Штабъ-Офицеровъ Гвардии, съ переменою помесечно, и о должности оныхъ // ПСЗ — 1. Т. VI. №3721.
13. О нечинении доносовъ, о подметныхъ письмахъ и о сожигании оныхъ при свидетеляхъ на месте // ПСЗ — 1. Т. V №2877.
14. О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, объ устройстве Государственныхъ доходовъ, торговли и другихъ отраслей Государственного хозяйства. // ПСЗ — 1. Т. IV. №2330.
15. О порядке заседаний и делопроизводства въ Правительствующемъ Сенате, и о должности Оберъ-Фискала. // ПСЗ — 1. Т. IV. №2331.
16. О штрафахъ съ Офицеровъ за побегъ солдатъ... // ПСЗ — 1. Т. IV. №2467.
17. Паутов А.Д. Институт фискалов в России в первой трети XVIII в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Омск, 2007.
18. Подпись Никиты Зотова под урядом государственного фискала // Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. I.
19. Резолюции Сената на докладные пункты Оберъ-Фискала Былинскаго, касательно его должности // ПСЗ — 1. Т. IV. №2414.

20. Серов Д.О. Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

Уйгурская национальная традиция «машрап кеча»

Валихонова Гулнора, преподаватель
Андижанский сельскохозяйственный институт (Узбекистан)

«Машрап кеча» — это развлекательный вечер, являющийся особенностью культуры уйгурского народа. Машрап имеет свои установленные порядки, обычаи, ряд условий проведения, основанных на знании, находчивости и эрудиции.

Согласно «Туркий тиллар девони», машрап, проводимый друзьями в зимние дни по очереди, ещё в период средневековья стал популярной формой общественного развлечения. Машрап заключал в себе различные интересные игры, имеющие воспитательное значение. В нем хорошо выражены национальная психология, гармония народной культуры.

Это мероприятие начиналось поздней осенью и продолжалось до весны, чаще проводилось до начала полевых работ. В нём принимали участие мужчины, живущие в одном кишлаке или махалле. В прошлом эта церемония называлась «Уттиз угил» (тридцать парней). На этой церемонии они не только отдыхали и развлекались, но и беседовали на интересные для себя темы и осведомлялись о новостях [1, с. 184].

«Машрап кеча», формировавшиеся на основе традиций каждой местности, делились на «Дулон машраби», «Турпон-кумул машрапи», «Қиёт машрап» «Майса машрап», «Туй (майлис) машрап» и др. Каждый из них отличался друг от друга традициями проведения. Если в одних «машрапах» музыка, песни, и танцы являлись основой, то в других исполнялись комедийного характера анекдоты, шуточные песни и танцы. Например, в «Дулан машрап» изображались приёмы труда. В «Туя уйини» (игра верблюдов), «Гоз усули» (игра гусей), «Амалдор уйини» (игра чиновника) проблемы показывались в смешной форме. «Майса машрап» в основном исполнялся зимой, в это время прорастивались пшеница или ячмень. Хозяину дома, у которого первым прорастал первый посев, можно было организовать посиделку и пригласить «Уттиз угил» (тридцать парней).

Когда не было пшеницы и ячменя, можно было прорастить лук или чеснок и организовать посиделку. Приглашенные присоединялись в круг, читая в качестве поэтического приветствия читая байты (стихи).

Сначала участник «майса машрапа» читал следующий байт:

Кишилиги ундирдилар бир дона бугдойни,
Сугориб майса килди шу дона бугдойни.

Кеча кундуз ёд этиб устун худони,
Чилла зимистонинида ундуриб сабззорни.

(Зимой выростили пшеницу,
Поливали эту пшеницу до зеленой поросли.
Поминая днём и ночью господ бога.
Вырастив в зимнюю изморозь молодую поросль)

Прочитав рифмованное стихотворение, гости передавали зеленые проростки следующему и он должен был также прочитать стих или спеть. Обычно байты (стихи) были не сложны, состояли из двух, четырёх или шести строк, и по смыслу дополняли друг друга.

«Майлис машрап» в основном проводился на свадьбах, на нем играли музыку, пели песни, танцевали. Ещё были игры похожие на машрап. Например, «Гул чой», «Таниш чой», «Хайрлашиш чой». Кроме того, показывались театрализованные представления такие как «гул сайли», «бог сайли», «ковун сайли», «дарё буйи сайли» [2, с. 11].

Для обеспечения порядка дисциплины и добровольности в посиделках машрап, были назначены «хизматчилар» (служащие), «қоида-тузумлар» (распорядители). Обычно в машрапах принимали участие 20–30 человек. Ведущего называли «қози» или «раис». Если «қози» оказывался недостаточно находчивым, участники могли его отстранить или заменить. Возраст участников был ограничен, лица моложе 18 лет не допускались. Молодые парни довольно долго готовились к участию в машрап. Принятие совершеннолетних в круг было знаком чести, считалось своеобразным процессом инициации. От участников машрапа требовалось быть пунктуальными, не опаздывать, без причин не пропускать действие, быть вежливыми, правдивыми, не шутить с женщинами, вести себя достойным образом.

Среди уйгуров, человека, непонимающего шуток, аскию, затрудняющегося находить общий язык с другими, называли «машрап курмаган» (невоспитанный, непонимающий шуток).

Поднявшаяся до уровня «Машрап уйини» и играемый среди трех или четырех друзей «тупук уйин» (игра с косточкой барана), широко распространена в Ферганской долине [3]. Друзья на посиделке передают косточку из лодыжки барана со своего блюда самому близкому другу и говорят: «друг, это тебе в сохранность!». Человек, получивший косточку, должен отдать ее другу в любой момент

при встрече. Если он, в силу каких-то причин, не может отдать его в момент встречи, то он должен дать угощение. Сроком договоренности между друзьями считались два года, после истечения, договор терял свою силу. Теперь, в уйгурских селениях, условия договора «тупик уйин» изменились. В специально приготовленное блюдо на посиделке друзей намеренно кладется один «тупик». Кому в блюдо попадет эта кость, тот должен будет организовать посиделку.

На вечеринках широко использовались национальные музыкальные инструменты, такие как кашгар рубоб, дутор, сапайил и сатар. Особенно широко музыкальные инструменты использовались в «туй машрап», где были песни и танцы. Позднее кашгар рубоб, сатар, колун, сапайил заняли место среди узбекских музыкальных инструментов [4, с. 178–179].

Песни и танцы в уйгурской культуре занимают большое место. Именно по этой причине, Хайит, Навруз и другие увеселительные мероприятия, не обходились без музыки, песен и танцев. Уйгурские танцы делятся на групповые, сольные, танцы с тарелкой, танцы с пиялой, танцы с дойрой. Имеются разновидности женских и мужских танцев. Также исполняются коллективные танцы и игры.

Мужские танцы обычно исполнялись с кайроктош, подносом или с камчой. Женские танцы исполнялись с использованием различных движений. В культуре уйгуров сформировался ряд танцевальных приёмов, которые переходили из поколения в поколение. Например, очень известны танцы, которые называются хайит усули, ногора, сурнай, сапайил, нагма, олов, санам усулы. Национальные танцы выражают, как правило, три основных мотива. Это женская грация, движения выражающие борьбу и печальные интонации [5].

Литература:

1. Абдурайим Хабибулла. Уйгурская этнография. — Цинцзянь: 2000.
2. Исмаилова Э.М. К вопросу о танцевальном искусстве уйгуров // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. — М.: 1984. с. 180–187
3. Кадыров А.Н. Уйгурский советский театр: (Уйгурский театр музыкальной комедии). Алма-Ата: Онер, 1984. — 158 с.
4. Полевые материалы автора. 2005 г. Андижанская область.
5. Кибирова С.Н. Уйгурские народные музыкальные инструменты // Актуальные проблемы Советского уйгуроведения. — Алма-Ата: Наука. 1983. с. 176–178
6. www.florida.uz. Уйгурские танцы.

Среди уйгурских танцев широко распространились танцы с пиалой, тарелкой, ложкой, подносом и таваком (большая тарелка).

В танце «пиала», женщина танцует со стопкой пиалок (чашек) на голове, а в танце «ликопча», в такт под музыку выполняет движения с тарелкой и «чука» в руках. Обычно танцы с таваком и подносом исполняются мужчинами. Тавак кружится между головой и лопатками. Эти танцы вызывали большой интерес у местного населения Ферганской долины.

Среди уйгурских женщин, поселившихся в Ферганской долине стали проводиться своеобразные «машрап кеча». За последние тридцать лет, эти «машрап кеча» стали подвергаться некоторой трансформации, а также стали основой для появления «гап-гаштак». Несмотря на это, среди уйгуров, живущих в Андижане, Куве и Ташкенте, «машрап кеча» сохранились со всеми своими правилами и порядками.

Большая часть уйгуров, поселившихся на территории Ферганской долины, принесли с собой свои национальные традиции и обычаи. Под влиянием инокультурной среды, некоторые традиции исчезли, игры изменились согласно местным традициям, порядкам и условиям.

В качестве вывода, можно сказать, что изменения в обычаях мероприятий, которые являются составной частью духовной культуры — это результат взаимных связей различных этнических групп. Со временем, уйгурская «машрап кеча» стала основой для появления в долине в частности, и в культуре узбеков вообще «гап-гаштак», собрания друзей.

По этой причине, мы считаем, необходимо исследовать байты, песни и айтишув, исполняемые на уйгурских «машрап кеча», не только с целью сбора этнографического материала, но и для сохранения уникального фольклора.

Значение астраханского направления в российско-восточной торговле

Казанцев Алексей Владимирович, учитель истории
Средняя общеобразовательная школа №78 (г. Ульяновск)

Установление торговых связей России с Востоком через Астрахань уходит своими корнями вглубь веков. Уже в XIII–XIV вв. через крупнейший торговый центр Золотой Орды город Хаджи-Тархан (прежнее название Астрахани) шли торговые караваны в Азию. Исключительно выгодное положение города, ставшего связующим звеном между Западом и Востоком, притягивало сюда торговцев из Индии, Ирана, ханств Средней Азии и других государств. Корнилович в письме к Бенкендорфу писал в 1829 г.: «Мысль об установлении прямого сообщения с Индией и о возвращении городу Астрахани той важности, которую он имел при генуэзцах в 14 и 15 веках, была любимой мыслию императора Петра I...». Голландец К. де Бруин, побывавший в России в начале XVIII в., отмечал, что в окрестностях Астрахани живут армяне и индийцы: «Индийцы живут там в своем караван-сараяе, где и совершают свои торговые дела. Число их не меньше армян (около сорока семейств), но жен или женщин у них нет». В самом начале XVII в. индийцы выстроили здесь каменный магазин. Как замечает голландский путешественник, «это новое строение довольно обширно и поместительно, в сорок квадратных футов». По данным, которые приводит А. Юхт, в 1734 г. индийцы занимали 41,5% товарооборота России с Ираном и Закавказьем, в то время как на долю иранских и закавказских торговцев приходилось 42,1%, а российских купцов — 16,4%. Только к середине века ситуация изменилась: в 1750 г. на долю российских торговцев стало приходиться до 80% товарооборота с Ираном и Закавказьем. В 1762 г. в Астрахани была учреждена купеческая компания по торговле с Хивой. Н.И. Костомаров называет другую дату основания этой компании — 1760 г. (принадлежала графу Воронцову, была создана для торговли с Хивой и Бухарой с привилегиями на 30 лет). Астраханские купцы наладили морской путь до Мангышлака. При хорошей погоде путь мог занять всего 1 сутки. [2, л. 41 об.] Существовал и караванный путь из Бухары до побережья Каспийского моря. Караваны отправлялись из столицы ханства и далее следовали вдоль берега Аму-Дарьи. В районе урочища Базырган находилась переправа через реку. Затем купцы проходили Ургенч, Хиву, в районе урочища Дин Алана следовали через горы и доходили до Мангышлакского мыса. В пути насчитывалось 56 становищ. [2, л. 41 об.] А на его преодоление тратилось в среднем 27 дней. Многие астраханские купцы имели собственные морские суда, которые они использовали для транспортировки товара как в Иран, так и ханства Средней Азии: «В Астрахани многия из тамошних купцов содержат мореходные суда, как то шнявы и галиоты, для торгу в Персию употребляя в матросы вольных тамошних людей». [2, л. 41 об.] Был и другой путь на Астрахань. Бу-

харский посланник писал в 1775 г.: «Ближайшая и способнейшая из Бухарии в Россию дорога лежит на Гурьев городок, которой всегда в прежния времена бухарские и другие караваны в Астрахань ходили». [2, л. 36 об.] Это был сухопутный путь из Средней Азии через северное побережья Каспия на Астрахань. Однако, к концу XVIII в. он все больше утрачивал свое значение. Причины были те же: участвовавшие случаи грабежей купеческих караванов кочевниками. В другом донесении бухарского посланника читаем о том, что «и дорога в Астрахань также имеет свои трудности». [2, л. 25 об.] Судя по намерениям хивинских властей, местные купцы не собирались прекращать выгодную торговлю в Астрахани. 17 июня 1751 г. на имя астраханского губернатора Брылкина поступило доношение из Государственной коллегии иностранных дел о том, что «хивинский хан желает против прежних годов и купечество иметь в Астрахани, а не внутри России и для того в удовольствие своего народа домогательство имеет». [4, л. 90] Да и в середине 70-х гг. XVIII в. в письме на имя Оренбургского губернатора Рейнсдорпа Екатерина II замечала, что «и ныне нередко бухарцы отправляются через Каспийское море в Астрахань, предпочитая сию ездю Оренбургской же». [2, л. 9]

На развитие торговли в Астрахани оказывало и состояние мануфактурного производства. Так, еще в 1742 г. астраханские купцы-армяне во главе с Ширвановым основали фабрику по производству шелковых и хлопчатобумажных изделий и получили право на беспощинную торговлю изделиями на всей территории империи сроком на 30 лет. В 1757 г. в Астрахани и Кизляре открылись фабрики по изготовлению красителей. Это производство объявлялось монопольным сроком на 20 лет. Большое значение имели также элтонские соляные промыслы и селитренные казенные заводы на реке Ахтубе, которые отдавались в откуп. Развитие мануфактурного производства в Астраханском крае положительно отражалось на торговле, способствовало укреплению товарно-денежных отношений. В середине XVIII в. Астрахань привлекает все больше торговцев из стран Востока. По образному выражению Н.И. Костомарова, «торговля везде привлекает в край иностранцев; и в России то же было. Иностранцы толпились в ней». Это было характерно и для Астрахани, где «разные восточные народы жили особыми слободами, не записываясь в купечество, и отправляли свои богослужебные обряды, будучи свободны от постоя и всяких служб; тут были и армяне, и персияне, индийцы, хивинцы, грузины».

С основанием Оренбурга, нового центра российско-восточной торговли, торгово-экономическое значение Астрахани постепенно начинает падать. Мы не можем со-

гласиться с выводом авторов двухтомной «Истории предпринимательства в России» о том, что «до начала XIX в. главенствующее положение в торговле России со странами Востока занимала Астрахань». [8, с. 251] К началу XIX века пальма первенства в российско-восточной торговле перешла к Оренбургу. С началом оренбургского торгового некоторые крупные астраханские купцы приняли в нем самое активное участие. Для закупки восточных товаров и реализации изделий отечественной мануфактурной промышленности они выезжают в Оренбург. Среди астраханских торговцев, активно участвовавших в оренбургской торговле в середине XVIII в. следует назвать Ф.И. Кобыкова, А.Г. Скворцова, И.И. Телепнева, Т.Д. Лошкарева, Г.А. Скворцова и др. В 70-е гг. XVIII в. по торговым оборотам выделялся астраханский купец Петр Волковоинов, который доставлял свои товары на галиоте к Мангышлаку. Так, в 1775 г. он доставил сюда многочисленный товар, заплатив пошлину в размере 1 300 руб. при тарифе 50 коп. с пуда. [2, л. 41 об.] Для торгового оборота в Бухарское ханство через Оренбург ездил астраханский армянин Макар Степанов, который в находясь в ханстве, вызволил из плена саратовского купца Петра Тихоновича Калмыкова, проданного в рабство в Хиве в 1772 г. [3, л. 110] В середине 70-х гг. XVIII в. оживленную торговлю вел Астраханского Гилянского двора татарин Мамед Кедыров, который вместе с приказчиком астраханского армянина М. Гилянчикова через Орскую крепость ездил в Хиву и Бухару. [3, л. 130] Обращение астраханских купцов к оренбургскому торговому обороту неслучайно. По-видимому (и архивные документы это подтверждают), условия для ведения торговых операций на Оренбургской линии были лучше и выгоднее для купцов, да и основной поток среднеазиатских товаров все больше смещался в сторону Оренбурга. По торговым оборотам Оренбург прочно стал входить в число российских лидеров. К примеру, уже в 1769 г. только в Оренбург и Троицк было доставлено товара и скота на сумму 338 624 руб. 69 $\frac{1}{4}$ коп. Российский же экспорт в государства Востока по Оренбургской линии в этот год составил 259 770 руб. 10 коп. [1, л. 186 об.] Таким образом, торговые операции России по Оренбургскому направлению имели отрицательное сальдо, что объяснялось большой потребностью внутреннего рынка страны в сырье и слабым развитием мануфактурной промышленности, в основном удовлетворявшей потребности населения империи. К концу XVIII в. торговые обороты оренбургской торговли значительно выросли. Так, в 1799 г. из Оренбурга в ханства было отправлено товара на 800 верблюдах. Известно, что один из российских караванов в 70 верблюдов был ограблен казахами у р. Сыр-Дарья. Разграбленный товар оценивался в 240 466 руб. [5, л. 2] Вместе с тем, вплоть до конца XVIII в. с усилением оренбургского торгового оборота значение Астрахани как важного центра восточной торговли сохранялось. Бухарский посланник к российскому двору писал в 1775 г.: «Коммерция, производимая ныне с бухарцами и хивинцами в Оренбурге и в Астрахани», может упрочиться и получить

все выгоды «по близкому своему к Восточной Индии положению», если будет решена проблема предотвращения грабежей купеческих караванов. [5, л. 50 об.] Этот же вопрос поднимали и хивинские власти. Уже в начале XIX в. на имя кн. Волконского поступило письмо от хивинских купцов «Об улучшении торговли чрез Сорочинскую крепость с Оренбургом и Астраханью и о пресечении грабительства караванов киргизами». [7, л. 1–3 об.] Хивинцы жаловались на очень высокие поборы со стороны казахов (до 1/ цены товара). Купцы отмечали: «... доселе выходили тако же караваны к Астраханской таможене мангышлакским трактом, то теперь и там от грабителей со стороны тухменских народов сделался путь совершенно невозможным». [7, л. 2] Любопытно, что некоторые среднеазиатские купцы, прибывавшие по торговым делам в Астрахань, не продавали там свои товары, а высказывали намерение следовать дальше до Оренбурга. К примеру, хивинские и ургенчские купцы, прибывшие в 1806 г. для торгового оборота в Астрахань, обратились к войсковому атаману Уральского войска полковнику Бородину с просьбой «препроводить их сухим путем и теми местами, где опасности предстоять не будет для торгу» в Оренбург. [6, л. 1 об. – 3] Майор Бланкеннагель, побывавший в Хиве в 1793–1794 гг., подчеркивал особую роль Астрахани в российско-восточной торговле. Отмечая усиление Оренбурга, майор объяснял это, в частности, тем, что среднеазиатские торговцы «на остающуюся сумму товаров выменивают они наличные золотые и серебряные деньги во всякой монете; укрыть же от правительства вывоз их находят они великую удобность, чрез надежных себе Киргизцев, и сего от рода Бухарцы охотнее приезжают в Оренбург, нежели в Астрахань, ибо провезти тайно не так удобно на кораблях, как сухопутно». Бланкеннагель в целях развития торговли России с государствами Востока по астраханскому направлению строил невероятные проекты: «Рукаву реки Амин-Дарьи, впадавшему прежде в Каспийское море и загражденному Осбеками (узбеками) плотиною, дать прежний ток можно, как уверяли меня, в 30 дней, употребляя на работу сию не более 500 человек; рукав сей, по открытии своем, доставит торговле нашей величайшие выгоды; посредством онаго, с малыми издержками доставлять могут из Астрахани всякие товары в Хиву, а из оной в Бухарию и в Бадахшан, который город близ Индии. Астрахань будет тогда почитаться из первых торговых городов».

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода роль и значение Астрахани как центра российско-восточной торговли изменялись. С основанием Оренбурга и началом торговли России с государствами Востока через казахские степи вектор российско-восточной торговли постепенно смещается на восток. Оренбург становится главным форпостом российской торговли с ханствами Средней Азии, Афганистаном, Индией, независимыми и вассальными государствами центрально-азиатского региона. Астрахань сохраняет свое значение как центр российской торговли с Ираном и азиатской ча-

стью Турции. Торговый опыт астраханских и иностранных купцов, в том числе по формированию торговых колоний с успехом использовался в Оренбурге. В течение всего сто-

летия Астрахань играла важную роль и как центр Волго-Каспийского рыболовства и торговых связей России с прикаспийскими туркменами.

Литература:

1. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 104.
2. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 154.
3. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 194.
4. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 27.
5. ГАОО, ф. 3, оп. 10, д. 1.
6. ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 219.
7. ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 830.
8. История предпринимательства в России, 2000.

Чайная фальсификация в России и Сибири как социально-культурное явление

Кожухарь Андрей Игоревич, старший научный сотрудник,
Музей истории города Иркутска

Исследование такого явления как фальсификация товаров, имевших ключевое значение в национальной и международной торговле, безусловно, требует обращения к экономическим сторонам исторического процесса. Однако в некоторых случаях не менее важно рассмотреть социально-культурную основу возникновения той или иной фальсификации, т.к. вокруг нее способна сформироваться традиция, имеющая, среди прочего, и межкультурные коммуникативные нюансы.

Так, для оформления чайной фальсификации как основной социально-культурной традиции (наряду с другими ее аспектами) исторически сложились два корня.

Во-первых, желание получить большую прибыль при меньших затратах со стороны чаеоторговцев и одновременно рост популярности чая среди всех слоев населения, требовавший сделать его доступным товаром широкого потребления (а снижение цены чаще всего было возможно за счет ухудшения качества продукта или вовсе его подделки, замены суррогатами).

Во-вторых, этнические традиции потребления чайного напитка на территориях прохождения чаеоторговых путей. Они оказывали прямое влияние на формирование русской и сибирской традиции чаепития, а рецептуры, содержавшие в себе различные растительные вкусовые и ароматические добавки, чаще всего становились основой для создания суррогатов — заменителей чая или примесей к нему, или прямо фальсифицированных продуктов.

Эти два аспекта, в свою очередь, можно отнести к специфическим межсословным и межкультурным коммуникативным проявлениям чаеоторговли.

Для дальнейшего рассмотрения необходимо разграничить понятия фальсификата и суррогата. Хотя и то, и другое существовало параллельно, в равной мере исполь-

зовалось как в простонародье, так и недобросовестными продавцами чая, и в равной же мере является составной частью исследуемой традиции.

Если давать упрощенные (в допустимой степени) определения, необходимые и достаточные в рамках данного исследования, то можно сказать, что суррогат — это легализованный заменитель, продаваемый под собственным именем, как более или менее адекватная альтернатива тому или иному продукту. Фальсификат же, в известном смысле, это суррогат, выдаваемый за настоящий продукт. При этом продавец может сообщать ложную информацию о составе и качестве своего товара. Они же могут отличаться от свойств настоящего продукта в значительно большей степени, чем состав и качество легальных суррогатов.

А.П. Субботин, выпустивший в 1892 г. масштабный труд по истории чая и чайной торговли, называет несколько причин, приводящих, на его взгляд, к возникновению суррогатов и фальсификатов чая. В частности, он пишет: «Потребность человека в напитке, подобном чаю, оказывается до того сильной, что в тех местностях, где настоящего китайского чая нет или он дорог, население для удовлетворения этой органической потребности в подобном напитке заменяет *Thea Chinensis* другими растениями, которые хотя и не имеют таких полезных свойств, но способны служить своего рода суррогатами» [2, с. 76]. Также, по мнению Субботина, «Россия в отношении суррогатов чая сделала большие успехи, что, конечно, объясняется бедностью большинства населения, которому не под силу настоящий чай» [2, с. 82], притом суррогаты эти хотя и дешевле настоящего чая, но гораздо дороже фальсификатов, т.е. злоумышленных подделок. Тем не менее, можно заключить, что популярность суррогатов зави-

села не от одной только стоимости, что косвенно отмечает и сам Субботин, во-первых, подчеркивая, что суррогаты относительно безвредны по сравнению с фальсификатами. Во-вторых, в России и Сибири традиционно чай и растительные добавки к нему использовались как лекарственное средство.

Следовательно, можно предполагать, что фальсификация как злоумышленная подделка в большей степени отвечает первому из выделенных выше аспектов, т.е. спекулятивным задачам, попыткам нажиться на товаре низкого качества. Суррогаты же более связаны с лекарственными свойствами растений и этническими заимствованиями в области рецептуры и способов употребления чайных напитков.

Фальсификация чая, имеющая целью сбыть менее качественный товар по цене продукта хорошего качества или дороже, может ориентироваться на следующие методы: изменение внешнего вида, чтобы выдать низкий сорт за более высокий или подделку за настоящий чай; изменение веса, чтобы продавать товар по более высокой стоимости. Для этого есть несколько приемов, и А.П. Субботин приводит их типологию: «1) сдобривание настоящего чая приданием ему искусственного аромата и окрашиванием в искусственные цвета; 2) подмешивание в чай высушенных и подкрашенных листьев бывшего в употреблении чая... 3) примешивание к чаю листьев других растений... а иногда и посторонних веществ ради увеличения веса; 4) замена чая другими суррогатами и так наз. чайными препаратами, которые выпускаются в торговлю под видом настоящих чаев» [2, с. 89].

По сведениям Субботина, «для окрашивания чая употребляются самые различные составы: берлинская лазурь, куркума, жженный гипс, хромокислый калий и свинец, мышьяковистая медь и др. минеральная зелень, графит, кампешевое дерево и др., а также менее вредные: индиго, известь, углекислая магнезия, лакмус и проч.» [2, с. 90]

Относительно попыток увеличения веса товара, Субботин замечает, что в чай подмешивали даже песок и металлические опилки, и приводит курьезный пример: «Один торговец подмешивал в чай обломки гвоздей и другие железные мелочи. Насколько значительны были его обороты, видно из того, что этой примеси покупалось до 200 пуд. в год. Подобное остроумное прибавление служило двум целям: увеличивало вес и делало настоек более темным» [2, с. 103], по-видимому, за счет ржавчины.

Нельзя не упомянуть и так называемый «рогожский чай» (по названию Рогожской части в Москве, где было сосредоточено его производство), который изготовлялся из уже спитого чая. «В Москве спитой чай, т.е. выпарки, собирается по трактирам (где он предоставляется в пользу половых), харчевням и др. заведениям прислугою, выбирается даже из помойных ям» [2, с. 104]. Причем производство это было развернуто широко, не составляло секрета и, на удивление, не встречало особенных препятствий со стороны властей. Кроме того, значительная часть российского общества «не в состоянии купить хо-

роший чай, при том не понимает в нем вкуса, главное — был бы темный настоек» [2, с. 104]. В этом смысле сибиряки несколько отличались от жителей европейской части России. Охотно используя суррогаты, они, тем не менее, знали толк и в качестве настоящего чая. Сохранились свидетельства о том, что сибиряки помогали разоблачать поддельные чаи, на две трети состоявшие из примесей, которые жители Петербурга покупали по высокой цене, не умея распознать подделку [1, с. 315–316].

Таким образом, можно говорить о том, что распространенности чайной фальсификации способствовала не только значительная выгода, извлекаемая из нее недобросовестными производителями и торговцами, но и процесс формирования культуры чаепития, который в России и Сибири протекал специфически, вовлекая в себя, среди прочих заимствований, и употребление фальсификатов. В конце концов, оно стало фактически общепринятой и значительной частью местных чайных традиций.

Далее необходимо чуть подробнее остановиться на некоторых растительных добавках к чаю и его заменителях, корни употребления которых, как уже было отмечено, можно попытаться найти среди обычаев, заимствованных у коренного населения регионов, по которым проходили чаеторговые маршруты, в том числе и в Сибири. Но важно отметить, что приведенные примеры лекарственных свойств растений являются лишь культурологической иллюстрацией из области фольклора и народной медицины и, следовательно, не могут рассматриваться как рецепты или руководство к применению. Равно как и перечисленные выше вещества, служившие для подкрашивания чая или придания ему большего веса, в действительности, нередко оказывались безвредны для организма.

Субботин перечисляет растения, наиболее популярные у русских для замены чая, дающие темный настоек наподобие чайного: «Для фабрикации фальсифицированного чая идут высушенные листья разнообразных растений, между которыми более употребительны: кипрей или иван-чай, листья ивы, тополя, осины, ветлы, каштана, камелии, ясеня, клена, дуба, бука, терновника, земляники, вероники, черники, боярышника, бузины и др.» [2, с. 91] Выбираются листья растений, которые формой похожи на чайные и имеют схожее вяжущее свойство.

Так, например, иван-чай или кипрей, который Субботин ставит на первое место, фактически стал в России легальным суррогатом, получившим широкое распространение по всей территории под именем «копорского чая» не только как добавка или заменитель. Наряду с использованием уже спитого чая (иногда с дополнительными примесями), он был одним из самых распространенных ингредиентов при его фальсификации. Он пользовался большой популярностью у населения и, таким образом, оказался неотъемлемым элементом эволюции русской и сибирской традиции чаепития наряду с некоторыми другими травяными «чаями».

Чай из кипрея получил название «копорского» по имени местности Копорье в Петербургской губернии, ко-

торая стала центром производства «копорского чая» и его торгового распространения по всей России [2, с. 106]. Однако настой листьев Иван-чая и раньше употребляли в качестве напитка, имеющего полезные свойства. Он используется в народной медицине при головных болях, заболеваниях желудочно-кишечного тракта, как противовоспалительное средство, в восточной медицине — как снотворное. Иван-чай содержит в себе дубильные и пектиновые вещества, сахара, алкалоиды и прочее [4, с. 180–181]. Заготавливают его способом, похожим на заготовку настоящего чая: траву и листья собирают в период цветения, слегка провяливают, прокатывают скалкой до выделения сока и немного поджаривают на противнях, а затем досушивают. Корневища иван-чая используются в пищу в свежем виде или перемолотыми в муку.

К сожалению, в некоторых публикациях возникает путаница, и под именем «копорского» фигурирует курильский чай. Это неверно. Курильский чай — другое растение, также известное в ботанике под названиями пятилистник кустарниковый или лапчатка кустарниковая [4, с. 145–146]. Но его настой тоже издавна пьют в Сибири и на Дальнем Востоке как чайный напиток и используют в народной медицине как кровоостанавливающее, желудочное, противовоспалительное, дезинфицирующее, желчегонное, вяжущее средство. В нем содержится эфирное масло, каротин, кислоты и другие полезные вещества. Заготавливают его так же, как иван-чай. Напиток, заваренный из листьев пятилистника кустарникового, напоминает индийский чай.

Отдельно А.П. Субботин упоминает чаи из душицы, багульника, богородской травы, лесной земляники и так называемый «фруктовый» чай, приготовленный из разных рубленых сушеных фруктов: груш, яблок, винных ягод, чернослива и др., их кожицы, косточек, иногда с другими растительными примесями.

Земляничные листья заготавливают в период цветения, обрывают вручную и сушат в проветриваемых помещениях или в тени на открытом воздухе. Они содержат аскорбиновую кислоту, дубильные вещества, каротин, алкалоиды. Их используют в народной медицине как успокаивающее, мочегонное, вяжущее, кровоостанавливающее средство [4, с. 143–144]. По замечанию Субботина, «земляничный чай может успешно конкурировать с хорошими сортами китайского чая» [2, с. 83]. При этом он ссылается на неназванные немецкие и русские сельскохозяйственные журналы, а также пишет, что «в Ярославской губернии, по исследованию одного врача, целая волость занимается «выделкой чая» из листьев лесной земляники, причем этот чай сбывается на Нижегородскую ярмарку» [2, с. 82–83].

Душицу заготавливают в период цветения, срезая верхушки растения, высушивают на открытом воздухе и просеивают, удаляя толстые стебли. В траве душицы содержится эфирное масло, дубильные вещества, аскорбиновая кислота и прочие полезные составляющие. Народная медицина включает душицу в состав ветрогонного, потогонного, мочегонного, горлового, грудного и других сборных

«чаев» [3, с. 59]. По словам Субботина, в начале 1890-х гг. «купец г. Верного Светоносов выступил даже с ходатайством о привилегии на приготовление чая из душицы, который он называет «русским»» [2, с. 83].

Чайный суррогат, который А.П. Субботин в своей работе называет «лабрадорским чаем», изготовлялся из листьев болотного багульника. «Чай этот имеет вяжущий вкус и действует вяжущим образом», — пишет Субботин, упоминая, что этот напиток употребляется и в Сибири [2, с. 80]. Молодые побеги багульника с листьями и цветами заготавливают и так же высушивают на открытом воздухе, в тени. Однако его аромат может вызывать головную боль, поэтому подолгу находиться там, где сушится багульник, не рекомендуется. Его эфирное масло в больших дозах способно парализовать нервную систему. Нектар багульника токсичен для пчел. В багульнике содержатся дубильные и смолистые вещества, фитонциды и прочее. Его используют как отхаркивающее, антисептическое средство и для снижения давления, а также как средство против насекомых и грызунов, которые, якобы, не выносят его запаха [3, с. 30–31].

Богородскую траву (чабрец ползучий) заготавливают целиком в период полного цветения, высушивают и пропускают сквозь проволочные сита, чтобы удалить стебли. При сушке избегают попадания прямых солнечных лучей. В чабреце содержится эфирное масло, дубильные вещества, горечи, кислоты, камедь. Он используется как успокоительное, отхаркивающее, мочегонное, антисептическое, желудочное, желчегонное средство, а также при радикулитах [4, с. 216].

О свойствах «фруктового» чая сообщает сам Субботин: чай этот хорош и безвреден, пока горяч; остыв, он приобретает неприятный вкус и выраженные вяжущие свойства, а при большом количестве молотых косточек в составе может оказаться небезвредным для желудка. В 1888 г. Правительство запретило продавать его под именем чая [2, с. 85–86]. «Фруктовый» чай можно считать примером продукта путем правительственного запрета фактически переведенного из категории легальных суррогатов в разряд фальсификатов.

В Монголии и Сибири также нашел широкое распространение чай из бадана толстолистного. В народной медицине он применяется как вяжущее, противовоспалительное, обеззараживающее и жаропонижающее средство [4, с. 133–134], используется при болезнях почек и желудочно-кишечных заболеваниях. При заготовке растение вырывают из почвы, очищают от земли, корневища разрезают на части и высушивают при хорошем проветривании, а листья вялят. В бадане содержится крахмал, дубильные вещества, танин, кислоты, фитонциды и прочее. В чай используются, конечно, листья, а корневища используют в пищу в вымоченном виде.

Подводя итог, необходимо отметить, что, как видно, очень многие чайные фальсификаты и обиходные заменители чая происходят из этнических обычаев и народной медицины. Некоторые из них нашли применение уже в

медицине официальной, научной, а некоторые продолжают существовать в социально-культурном поле традиций производства и употребления чая. Сейчас ароматизированные чаи, чаи с добавками — это полноценный

легальный продукт и неотъемлемый элемент культуры, в формировании которого значительную роль сыграла чайная фальсификация и сопровождавший ее межкультурный диалог.

Литература:

1. Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. 446 с.
2. Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб.: Типография северного телеграфного агентства, 1892. 658 с.
3. Телятьев В.В. Лекарственные растения Восточной Сибири. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1971. 396 с.
4. Телятьев В.В. Полезные растения Центральной Сибири. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. 400 с.

Общественно-демографические процессы и межнациональные отношения в Узбекистане

Рахмонов Хамро Хазратович, соискатель
Навоийский государственный педагогический институт (Узбекистан)

В данной статье проанализированы социально-демографические процессы и межнациональные отношения за годы независимости в Республике Узбекистан, в том числе, на территории Навоийской области. Работа основана на статистических сведениях и исторической литературе. Также проведен сравнительный анализ аналогичных процессов и в других странах СНГ.

In this article were analyzed social demographic processes, multinational relations in the Republic of Uzbekistan based on historical sources, literatures and statistic facts. Also were made comparative analysis similar processes in other countries of Commonwealth of Independent States (CIS).

Проблемы, связанные с населением, в Узбекистане за последние годы превращаются в основной объект исследования экономических и социальных наук. Как и во всех государствах мира, в Узбекистане изучение социально-демографических групп имеет свою историю и специфические особенности. На проблемы демографических групп в Узбекистане было обращено особое внимание в 60-годы прошлого века, когда начались многочисленные исследования. В 1959 году на территории Узбекистана жило 8261 тысяча человек, в 1979 году — 15391 тысяча, в 1991 году — 20706 тысяча и 2000 году это число достигло 24583 тысяча [1, с. 86]. К 2011 году численность населения республики составила 28540 тысяча [2]. В течение 1990—1995 годов, население республики увеличилось почти на 500 тысяча человек в год [3, с. 195]. По данным статистики, в 1991—2006 годах население республики увеличилось на 5,7 миллиона человек. В том числе, в сельской местности население увеличилось на 4,5 миллиона, в городах — на 1,2 миллиона [4, с. 1]. Из этих сведений можно увидеть, что уровень рождаемости намного выше в сельской местности по сравнению с го-

родами. Ныне 64 процента существующего населения проживает в сельской местности.

Несмотря на то, что Республика Узбекистан по площади своей территории занимает лишь третье место среди азиатских государств постсоветского пространства, по численности населения он уверенно лидирует [5, с. 200]. Узбекистан в мировом масштабе по своей территории занимает 41-е место, по численности населения — 58-е место. Среди государств СНГ, Узбекистан по численности населения занимает 3-е место после России и Украины. В 2006 году, из имеющихся 27167,3 тысяча населения, 13593 тысяча составили женщины, 13575 тысяча — мужчин. В процентном выражении, мужчины составляют 49,9% от всего населения страны, а женщины — 50,1% [6, с. 47—48]. Если до 2007 года женщин было больше чем мужчин, то, в настоящее время, количество представителей обоих полов почти сравнялось.

По статическим данным, если на 1000 женщин в Германии приходится 910 мужчин, во Франции — 951, Англии — 954, Италии — 946, Канаде — 978, США — 949 [7, с. 5], то в Узбекистане этот показатель составляет

994 мужчины на 1000 женщин.

Несмотря на то, что по уровню плотности населения Узбекистан имеет один из наиболее высоких показателей среди государств СНГ, плотность эта неравномерно распределена по регионам страны. В 1999 году средняя плотность населения в Узбекистане составила 46,3 человека на один квадратный километр, к 2010 году этот показатель увеличился до 56 человек. Однако, если на каждый квадратный километр площади в Андижанской области приходится 536,5 человек, в Ферганской области — 409,2, то в Республики Каракалпакстан и в Навоийской области, несмотря на то, что они занимают больше половины территории нашей страны, на каждый квадратный километр площади приходится лишь 7 человек. Одной из причин этого является преобладающий степной ландшафт данных территорий, неимение возможности равномерного распределения населения и низкий уровень миграции. Отличительной особенностью демографической обстановки в Узбекистане является преобладание детей и молодежи. В возрастном разрезе, количество детей до 15 лет составляет 34,2 процента всего населения, людей 16–56 лет составляют 60 процента [8, с. 1]. Высокий процент молодежи в составе населения, в первую очередь, зависит от рождаемости. Не смотря на то, что Узбекистан считается государством со сравнительно высокой степенью рождаемости, последние годы характеризуются определенным упадком рождаемости. Если степень рождаемости в 1991 году составила 34,5 человека на тысячу, то в 2000 году — всего 21,5 человека. В 1991 году родилось свыше 724,1 тысяч младенцев, к 2000 году этот показатель составил 530,0 тысяч [9, с. 126]. После 1995 года, уровень рождаемости уменьшается как в сельской, так и в городской местности.

В последние годы в республике ведутся масштабные работы по уменьшению материнской и детской смертности. По официальным данным, в 1991 году, смертность детей до одного года составила 35,5 на тысячу, в 2004 году этот показатель снизился до 15,4, или в этот период смертность детей снизилась от 48,2 промилле до 20,6 промилле, то есть уменьшилось в два раза [10, с. 42–45].

За годы независимости, у нас в стране, наряду с другими отраслями, всесторонне развивается и социальная сфера. В этом направлении, со стороны государства последовательно проводится ряд реформ. За последние годы, средства, потраченные государством на социальную сферу, повысились более чем в пять раз. Ежегодно, 50% государственного бюджета направляется на развитие социальной сферы. Материнская смертность уменьшилась более чем в два, а детская — в три раза. Средняя продолжительность жизни мужчин повысилась с 67 до 73 лет, а женщин — до 75 лет. На сегодняшний день, 48% населения, охваченного работой, составляют женщины [11, с. 104].

Не смотря на то, что средняя продолжительность жизни в стране в последние годы повышается, она все равно остается намного ниже аналогичного показателя

развитых государств. Средний возраст населения в Японии составляет 84 года, в Испании 80,4, в Швейцарии 80,1, в Италии 79,9 лет [12, с. 1].

В настоящее время имеются некоторые различия в вопросах вступления в брак среди сельской и городской молодежи. В частности, среди сельского населения процесс формирования семьи начинается раньше чем в городе. В 1997 году в республике зафиксированы 181,1 тысяч бракосочетаний, в 2007 году — 254,2 тысяч. В 1997 году было зафиксировано 21,5 тысяч разводов. Для 2007 года эта цифра составляет 18,2 тысяч [13, с. 43]. Количество разводов в Узбекистане выше среди городского населения, что связано со многими факторами. В частности, это наличие представителей европейских национальностей в составе городского населения. Известно, что в семьях коренного населения государств Центральной Азии разводы гораздо более редки, по сравнению с европейскими государствами. По сведениям 1989 года, число разводов на 1000 человек составило в России — 3,9, на Украине — 3,7, в Белоруссии — 3,4, в Латвии — 4,2, Эстонии — 3,8, Литве — 3,3. В то время как в республиках Центральной Азии и Азербайджане этот показатель меньше в 2–3 раза, а именно, в Узбекистане и Таджикистане — 1,5, в Туркменистане — 1,4, Киргизстане — 1,9, Азербайджане — 1,7 [14, с. 45].

Узбекистан — исторически многонациональное государство. Национальный состав этой страны изменился ещё в период II мировой войны. С передовых территорий в Узбекистан было эвакуировано более 1 миллиона человек разных национальностей. По итогам переписи, проведённой в 1959 году, выявлено, что в республике проживают представители 113 национальностей и народностей. В 1979 году, это число составило 120, а в 1989 году уже 129 национальностей и народностей. Более 40% населения республики проживает в городах. 80% всего населения — узбеки, представители других национальностей составляют большинство, в основном, в городах. В составе городов с развитой индустрией, построенных в эпоху социализма, представители европейских национальностей составляют большинство. К числу таких городов относятся гг. Навои (1958), Зарафшан (1972), Учкудук (1978) Навоийской области, г. Ширин (1972) Сырдарьинской области и г. Пахтакор (1977) Джизахской области.

Не смотря на то, что население Навоийской области намного меньше населения других областей, оно имеет большое значение из-за своей многонациональности. По состоянию на 1 января 2010 года, общее число населения, проживающего в Навоийской области составляло 851559 человек. В области, кроме узбеков, проживают казахи (более 50 тысяч), русские (более 30 тысяч), каракалпаки (более 20 тысяч), татары (около 10 тысяч) и таджики (более 12 тысяч). Наряду с этим есть представители около 90 других национальностей и народностей. В составе населения области — 63,3% узбеков, 13,5% казахов, 11,5% русских, 2,7% каракалпаков, 1,5% таджиков, 1,2% татар и 6,3% представителей других национальностей.

Национальный состав населения области приводится в следующей таблице:

Всего	01.01.2004	01.01.2005	01.01.2006	01.01.2007	01.01.2008	01.01.2009	01.01.2010
	804 243	810 194	812 704	819 530	828 993	839 256	851 559
Узбеки	628972	640941	652356	664396	677844	692138	706684
Казахи	70359	66761	60312	56744	54040	51815	50755
Русские	38360	36490	34653	33356	32244	30734	29620
Каракалпаки	19939	20138	20160	20277	20391	20632	20865
Таджики	12214	12347	12454	12527	12634	12734	12841
Татары	11191	10782	10445	10168	9945	9611	9394
Азербайджанцы	4354	4324	4317	4305	4306	4322	4340
Украинцы	3186	2984	2786	2645	2530	2332	2205
Корейцы	1205	1154	1112	1085	1058	1014	992
Евреи	853	847	844	843	843	843	841
Киргизы	703	696	689	673	668	667	667
Армяне	727	703	688	687	682	673	662
Туркмены	504	522	524	536	541	547	552
Белорусы	350	318	295	277	262	251	233
Грузины	222	223	220	217	212	208	209
Литовцы	50	50	49	48	48	47	46
Молдаване	59	60	58	52	49	41	36
Эстонцы	30	30	29	29	30	30	30
Немцы	17	26	15	14	14	18	14
Латыши	11	11	11	11	11	11	10
и другие	10937	10787	10687	10640	10641	10588	10563

В настоящее время на территории республики проживают и представители национальностей и народностей, численность которых составляют всего лишь несколько десятков человек. Во всей территории республики представители разных национальностей самоотверженно трудятся для развития государства, спокойствие в стране, благоустройства народа. Права всех представителей в Узбекистане защищены Конституцией, созданы все условия для свободного проживания. В ней говорится, что «независимо от национальности народ Узбекистана составляют его граждане» [16,19]. В стране среднее и высшее образование ведётся на 7 языках, уделяется особое внимание созданию на разных языках необходимых учебных программ и учебников для дошкольных учреждений и общеобразовательных школ. Если в 1991 году число национально-культурных центров у нас в республике составляло 10, то в настоящее время их число достигла до 140. Несравнимо значение этих центров в восстановлении

своих национальных и культурных ценности всех наций и народностей, проживающих в нашей стране.

Заслуживает особое внимание деятельность национальных культурных центров в развитии сотрудничества между нациями, в усовершенствовании межнациональных отношений. В этих целях в 1992 году 13 января решением совета Министров Республики Узбекистан был создан республиканский Интернациональный центр. В этом году исполнилось 20 лет организации этих центров. В связи с этим проводятся различные мероприятия во всех культурных центрах областей нашей республики.

Имеет большое значение обеспечение гармоничности в многонациональных государствах в общественно – этнических отношениях учёт выгоды всех этнических групп. Наше большое достижение – обеспечение в Узбекистане содружество, мир и спокойствие до уровня государственной политики в годы независимости.

Литература:

1. Буриева М.Р. Демография асослари. –Тошкент: 2001, с. 86.
2. Интернет-сайт Министерства иностранных дел Республики Узбекистан – www.mfa.uz
3. Саидбобоев З. Тарихий география. –Тошкент: 2010, с. 195.
4. Численность населения Узбекистан. 2006. Статистически сборник. –Ташкент: 2007.
5. Узбекистонда этнодемографик жараёнлар II қисм. –Тошкент: 2005. с. 200.
6. Статистический ежегодник Узбекистана. – Ташкент, 2009, с. 47–48.
7. Буриева М.Р. Ижтимоий демографик гуруҳлар. –Тошкент: 1999. с. 5.

8. Численность населения Республики Узбекистан. 2006. Статистический сборник. — Ташкент: 2006.
9. Исокова Т., Хужакулов Х. Демография статистикаси. — Тошкент: 2004. с. 126.
10. Саломатлик барча учун: Ўзбекистоннинг янги мингйилликдаги асосий мақсади. — Тошкент: 2006. с. 42—45.
11. Выступление Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова на пленарном заседании саммита ООН «Цели развития тысячелетия». Отзывы и комментарии представителей зарубежных общественно-политических кругов. Ташкент. «Узбекистан» 2010. с. 10.
12. Ежегодный статический сборник Республики Узбекистан. 2006.
13. Статистический ежегодник Узбекистана, — Ташкент: 2009, с. 43.
14. Исокова Т., Хужакулов Х, Демография статистикаси. — Тошкент: 2004. с. 45.
15. Источник: сведения управления статистики Наваийской области.
16. Конституция Республики Узбекистан. — Ташкент: «Узбекистан», 1995. с. 19.
17. Каримов И. Высокое духовенство — непобедимая сила. — Ташкент: «Маънавият», 2008. с. 9.

Развитие правового регулирования деятельности православных священников в армии за период XVIII–XIX вв.

Рыбаков Николай Александрович, аспирант
Межрегиональный открытый социальный институт (г. Йошкар-Ола)

Тема статьи выбрана не случайно. Актуальность обусловлена тем что в настоящее время в РФ имеет место стабильный рост числа верующих, меняется религиозная ситуация в стране. Являясь срезом социальных отношений в обществе, российская армия так же все более и более затягивается в религию. Отрицательна данная тенденция или нет — покажет время. В 2009 г. Д. Медведев поддержал инициативу руководителей крупнейших религиозных общин России воссоздать институт военного духовенства, упраздненный в 1918 г.

Очевидно, что такая деятельность должна с необходимостью опираться на исторический опыт.

Началом процесса формирования института военного духовенства следует считать 30 марта 1716 года, когда указом Петра I был введен «Устав воинский» [2, № 3006]. Он состоит из самого Устава (68 глав), в котором изложены законы военно-учредительные, и из следующих приложений: Артикул воинский с кратким толкованием (209 статей; военно-уголовный кодекс). Краткое изображение процессов или судебных тяжб (3 части и 14 глав). О экзерциции (или учении), о приготовлении к маршу, о званиях и о должности полковых чинов (3 части).

По «Уставу воинскому» при каждом полку должен был состоять священник и впервые определена должность обер-полевого священника, который был священноначальствующим лицом для всех военных священников действующей армии. Устав определял текст «Присяги или обещания всякого чина людям», порядок отправления молитв, должность священника при госпитале или полевом лазарете, и ответственность всех чинов (включая и военных священников) за отступления от веры, нарушения установленного порядка отправления молитв и нехристианский образ жизни.

Артикулом был очерчен круг нарушений, за которые священник должен был получить наказание вплоть до лишения сана. Скажем, если священник будет вести не-праведный образ жизни и таким образом дурно влиять на окружающих — требовалось отослать его в духовный суд который при установлении вины накажет его и лишит чина. Так же если священник пропустит богослужение без уважительной причины — с него следует взимать по рублю за каждое его отсутствие. Если же он будет вовсе пьян — начальный священник при армии должен наказать его. В третий раз провинившегося следует отослать в духовный суд, который уже решит что с ним делать если его вина будет установлена.

Чин обер-священника вводился при командующем армией в числе членов Генерального штаба. На него возлагались такие обязанности: управлять «полевыми священниками», разрешать конфликты и споры между ними, осуществлять контроль за их деятельностью, образом жизни и поведением, наставлять их «к доброму житию» и совершать богослужения при Генеральном штабе. Из устава и приложенных к нему артикулов следует, что в них определялись не только обязанности обер-священника как священноначальствующего лица и священнослужителя при главнокомандующем, но также и его взаимоотношения с военным командованием, которое было наделено правом определять место и время отправления чрезвычайных и торжественных богослужений. Обер-полевой священник русской армии, как и все священнослужители военного ведомства того времени, назначался лишь на военное время и для наблюдения за духовенством только действующей армии.

Как мы видим, обер-полевой священник сухопутной армии являлся полноправным представителем духовно-

административной власти в Вооруженных Силах государства и обладал достаточно весомыми служебными обязанностями. Со временем определение священников в полки именным указом в 1723 году было возложено на Синод. По причине того что он не имел в своем распоряжении кандидатов на эти должности, это право было предоставлено преосвященным тех епархий, в округах которых находились полковые команды. Обыкновенно назначение осуществлялось по запросам полковых командиров или главнокомандующих к архиереям.

По определению Св. Синода от 15 января 1733 г. [4], были установлены особые правила, по которым епархиальные духовные консистории, разработали для духовенства армейских подразделений специальные инструкции. Изложенный в инструкции порядок «надсмотрения» над полковыми священниками действовал и мог иметь определенную силу лишь тогда, когда полки находились в мирном положении. В военное время при непрерывном передвижении войск из одной местности в другую и при удалении их за пределы государства он не мог иметь своего настоящего применения. Эта привело к тому, что практика «духовного окормления» войска потребовала создания особых органов наблюдения, принадлежавших к составу самого военного духовенства — так называемых благочинных, самую старейшую и многочисленную часть вспомогательных органов военно-духовного управления.

В Российской империи имели место быть как должности флотских, так и гвардейских благочинных, дивизионных (гренадерских и армейских), старших и корпусных благочинных. В русском православии должность благочинного, как административно-судебного должностного духовного лица, впервые упоминается в Духовном регламенте 1719 г., по которому в обязанности епископа входило, с целью тщательного и усиленного надзора, учинить наказ по всем городам, чтобы «протопопы или нарочно определенные к тому благочинные, как духовные фискалы, все, относящееся к обязанностям епископа, насматривали и ему бы епископу доносили» [3, с.267]. Благочинные в российской армии и на флоте соответствовали православному церковному устройству в целом. Благочинные охватывали все без исключения части, соединения и объединения российской армии, в том числе и дислоцированные в пограничных гарнизонах. Создание благочиния и введение должностей благочинных в военно-духовном ведомстве производились по единому для РПЦ порядку, но имели некоторые особенности, определявшиеся структурой и штатами военного ведомства, размещением гарнизонов и частей, которые были разбросаны по всем уголкам России. Благочинные по началу не имели специальной инструкции, и руководствовались предписаниями, которые давали им при назначении на должность и в других случаях обер-священники. Благочинный не мог перепоручить кому-либо своей должности, куда бы ни был командирован полк, священником которого он является. Но ему разрешалось при объездах полков перепоручать исправление священнических треб в своем полку кому-

либо из священников. Благочинный был вежливо и учтиво обходиться с подчиненными ему священниками и при этом пользовался правом давать им «для исполнения законных нужд» отпуска на положенное законом время по предварительному согласованию с командованием полков. Благочинный не мог обращаться по служебным делам прямо в Синод, минуя обер-священника. Получаемые благочинными указания не исчерпывали всех вопросов, решаемых ими на практике. Первая попытка создания инструкции благочинным, так как благочинные постоянно обращались с просьбами определения своих обязанностей и прав, была предпринята в 1824 году протоиереем Павлом Моджугинским. Утверждена Синодом она была 29 сентября 1828 года. В соответствии с данной инструкцией корпусные или дивизионные благочинные смотрители избирались обер-священником армии и флота из достойных протоиереев или священников. Благочинные отдельных корпусов, флотские, крепостные и госпитальные все необходимые предписания высшего духовного начальства получали непосредственно от обер-священника армии и флота; благочинные дивизий первой и второй армий — через полевого обер-священника. По делам своего ведомства дивизионный благочинный сносился с дивизионным начальством, корпусной — с корпусным, флотский — с флотским, крепостной — с крепостным, госпитальный — с госпитальным и т.д. В случае соединения армии и флота, их дальнейших совместных действий под началом одного главнокомандующего, флотские благочинные поступали под руководство полевого обер-священника армии. Как первенствующее в своем месте лицо, «благочинный должен быть в достоинстве своего сана осмотрителен, прилежен, трезв, во всех случаях благопристоен, чтобы не подать собою ни в чем случая к соблазну других; и таковое же поведение должен внушать подчиненным ему священникам». При осмотре подведомственных ему церквей благочинный обязан наблюдать:

- 1) «хранится ли в них чистота;
- 2) есть ли святое миро и прочие принадлежности христианских треб;
- 3) с благоговением ли хранятся святыя дары;
- 4) в должном ли порядке ризница, есть ли ей опись и вписывается ли прибыль на вещи;
- 5) много ли недостатка в необходимых по уставу книгах и изданных Св. Синодом на особенные случаи книжицах;
- 6) записывается ли денежный приход и расход и с надлежащею ли осторожностью хранится церковная сумма;
- 7) в полноте ли и порядке находятся принадлежащие церковному архиву бумаги» [5].

Вышеозначенная инструкция впоследствии стала основным руководящим документом для армейских и флотских благочинных и оставалась таковой вплоть до принятия в 1890 г. нового Положения об управлении военным и морским духовенством. Значительные изменения управление военным духовенством претерпело в годы правления Павла I (1796—1801). Он осуществил обособление полкового духовенства от епархиального на постоянной

основе, создав для управления им особые постоянно действующие под его непосредственным «высочайшим» наблюдением органы, наделенные соответствующими правами.

В 1797 году по инструкции Синода был введен порядок, при котором обер-полевые священники, находясь в непосредственной зависимости от главнокомандующего, при исполнении частных обязанностей своей службы, в прохождении своей должности стали состоять в ведении Синода [2, № 18115]. Павел I объединил армейское и флотское духовенство, а для сосредоточения руководства подчинённым духовенством в одних руках он ввёл новую должность, которая стала постоянной, с непосредственным подчинением Св. Синоду и с правом состоять членом Синода, обер-священника армии и флотов. Обер-священник армии и флотов получил право личного доклада императору о всех делах ведомства, что ставило его в исключительное положение в управлении военным и морским духовенством, без ведома обер-священника запрещалось производить какие-либо перемены по части армейских священников. В целях упорядочения отношений обер-священника с военным командованием, особенно при назначении, увольнении и награждении священнослужителей, Павел I в указе от 9 мая 1800 года повелел, чтоб все воинские чины по духовным делам относились прямо к обер-священнику, а не в Консистории [2, № 19415]. Это решение дало Синоду повод передать обер-священнику и все списки представленных к наградам полковых священнослужителей. Еще большему обособлению военного духовенства в самостоятельный институт, решению задач подготовки кадров, обеспечения социальной защищенности священнослужителей военного ведомства способствовало решение о создании армейской семинарии. Она была учреждена высочайшим указом от 1 июня 1800 года [2, № 19439], состояла под непосредственным управлением и присмотром обер-священника и предназначалась для детей армейского и флотского духовенства. Другим актом, способствовавшим расширению полномочий обер-священника, явился указ от 28 февраля 1801 года [2, № 19789; 6]. В соответствии с этим указом обер-священник получил дополнительные права по назначению пенсий военным священникам и участию в их судьбе, а сами военные священники — дополнительные льготы. Одновременно с определением прав и полномочий обер-священника армии и флотов происходило и совершенствование структуры его управления. 14 декабря 1800 года Павел I утвердил доклад П. Озерецковского о создании 14 инспекций (Санкт-Петербургской, Московской, Лифляндской, Смоленской, Литовской, Брестской, Финляндской, Украинской, Днестровской, Крымской, Харьковской, Кавказской, Оренбургской и Сибирской). В соответствии с ним все

полковое духовенство было распределено на 14 благочиний¹, при которых создавались постоянные должности благочинных, являвшихся вспомогательными органами надзора за полковым духовенством. Таким образом, военное духовенство вышло из под надзора епархиальных архиереев.

Александр I издал 14 апреля 1801 года указом «О назначении Священнослужителей во флоты и полевые полки» [2, № 19835; 7] передал функцию назначения духовенства во флот и полки Синоду. Военной Коллегии, Адмиралтейской и Сухопутной было предписано по вопросам удовлетворения своих потребностей в замещении должностей священнослужителей обращаться прямо с Синодом. Объявляя об этом повелении обер-священнику, Синод в указе от 20 апреля 1801 года [8] определил ему осуществлять руководство духовенством церковью полевых полков, пока они служат при полковых церквях, и состоящим во флоте до возвращения из кампании. Священнослужители же гвардейских церквей, оставаясь в ведении обер-священника, по епископским делам зависели от Епархиальных Архиереев. Кроме того, в ведомстве обер-священника армии и флотов сохранялась на прежних основаниях армейская семинария. Подготовленный по докладу Синода указ от 19 апреля 1801 года «О неделании Обер-священнику никаких распоряжений, без представления Синоду и без его утверждения» [2, № 19843] затрагивал все стороны вверенного обер-священнику управления. В указе осуждалось сложившееся обособление военного духовенства и исключение Синода из управления им, безотчетное распоряжение выделяемыми на его содержание суммами со стороны обер-священника, и определялся новый порядок. Обер-священник армии и флотов теперь не имел права без представления

Синоду и его утверждения делать распоряжения, а также обязан был давать отчеты по всем полученным и получаемым суммам. Таким образом, обер-священник, оставаясь священноначальствующим лицом для всего армейского и флотского духовенства, лишился права без согласования с Синодом перемещать священнослужителей, представлять к награждению и решать какие-либо другие вопросы. Вместе с тем, несмотря на все эти ограничения, сам институт военного духовенства сохранял свою обособленность от епархиального духовенства и оставался одним из элементов государственно-церковного устройства России того периода. Другим актом, способствовавшим расширению полномочий обер-священника, явился указ от 28 февраля 1801 года [2, № 19789; 6]. В соответствии с этим указом обер-священник получил дополнительные права по назначению пенсий военным священникам и участию в их судьбе, а сами военные священники — дополнительные льготы. Военной Коллегии, Адмиралтейской и Сухопутной было предписано по во-

¹ «Благочиние (благочиннический округ) — в Рус. и в нек-рых др. правосл. церквях - часть епархии, объединяющая группу приходов и церквей, находящихся в непосредств. территориальной близости друг от друга... Возглавляется назначаемым архиереем благочинным» (Христианство: Словарь / Под общ. ред. Л.Н. Митрохина и др. — М., 1994. — С. 57).

просам удовлетворения своих потребностей в замещении должностей священнослужителей обращаться прямо с Синод. Объявляя об этом повелении обер-священнику, Синод в указе от 20 апреля 1801 года [8] определил ему осуществлять руководство духовенством церквей полевых полков, пока они служат при полковых церквях, и состоящим во флоте до возвращения из кампании. Священнослужители же гвардейских церквей, оставаясь в ведении обер-священника, по епископским делам зависели от Епархиальных Архидиаконов. Кроме того, в ведомстве обер-священника армии и флотов сохранялась на прежних основаниях армейская семинария.

Сосредоточение всех частей управления военным духовенством в Синоде, устраняя посредствующее участие обер-священника, затрудняло его деятельность и обременяло канцелярию перепиской.

Окончательно место обер-священника в духовной иерархии определил указ от 30 ноября 1809 года о занятии мест в придворном соборе духовными лицами — «после архиереев первое место занимать Его Императорского Величества духовнику... и под ним архимандритам; обер-священнику становиться на ряду с архимандритами первоклассных монастырей...» [9]. Однако даже при расширении военно-духовного ведомства до размеров епархиальных управлений обер-священник в силу своей пресвитерской степени не имел права совершать епископские действия: рукоположение священнослужителей, освящение антиминсов¹ и приготовление святого мира. Важное место в процессе формирования военного духовенства, определения круга его деятельности имеет произошедшее в 1815 году дробление центральных органов управления. 12 декабря 1815 года данным Сенату именованным указом определено новое управление Военного Департамента и учрежден ГШ ЕИВ, который стоял над Военным министерством. В числе членов ГШ состоял и обер-священник. В 1830 году с переименованием Гвардейского корпуса в «Отдельный» обер-священник ГШ стал называться «Обер-священником Главного Штаба и Отдельного Гвардейского корпуса». Такое название он сохранил до 1844 года, когда повелением от 9 мая ему были переподчинены священнослужители гренадерского корпуса. В связи с этим он стал «Обер-священником Гвардейского и гренадерского корпусов».

Разделенные ведомства обер-священника армии и флотов и обер-священника гвардейского и гренадерского корпусов составляли параллель в правах и преимуществах, которыми они обладали в деле управления своими ведомствами. Оба обер-священника без представления или донесения Синоду не могли ни назначать, ни увольнять, ни награждать подчиненных священнослужителей, ни подвергать их взысканиям в случае тяжких престу-

плений. Кроме того, для определения священнослужителей в гвардейские полки необходимо было «испрашивать» через Синод «высочайшее соизволение». Такой порядок сохранился до 1853 года, когда по поводу сокращения переписки по духовному ведомству было решено несколько изменить и делопроизводство обер-священников. В результате этих изменений обер-священникам предоставили право определять в военное ведомство священнослужителей, увольнять и перемещать их, не обращаясь за разрешением в Синод. Кроме того, оба обер-священника получили право назначать следствие по проступкам священнослужителей, вести его и принимать по их существу решения, руководствуясь правилами Устава Духовных Консисторий о епархиальном суде. Кроме того, старший военно-духовный начальник армии и флота получил право окончательного назначения для лиц военного звания епитимий, вида и степени прохождения их. Таким образом, в 1853 г. обер-священники по своим правам (касательно управления духовенством военного ведомства) были поставлены в одинаковые с епархиальными преосвященными условия. В 1865 году права главных священников были еще более расширены. Им предоставили право увольнять священноцерковнослужителей и из гвардейских полков в епархии, из которых они поступили, без согласования с епархиальным начальством и «высочайшего соизволения». С получением этих прав каждый из главных священников стал в полной мере начальствующим лицом во вверенном ему ведомстве. Совершенствование ведомств обоих обер-священников происходило параллельно и взаимообусловлено. Это прослеживается и во внутреннем устройстве их управлений, которые практически были организованы на одинаковых началах. Новые изменения управлений обер-священников были обусловлены утверждением 21 марта 1841 года Устава Духовных Консисторий и нового штата канцелярий при них. 1 апреля 1847 года был утвержден ее штат: правитель канцелярии; 2 столоначальника; регистратор; 6 канцелярских служителей. Всего на содержание канцелярии предусматривалось 2870 руб. в год. А 29 января 1855 года и В. Бажанов обратился с ходатайством о новом штате своей канцелярии, который 19 марта того же года был утвержден в составе: секретарь; регистратор (он же и архивариус) и два канцелярских служителя. Такие штаты сохранялись до принятия в 1869 году нового штата для духовных консисторий и для канцелярии главного священника гвардии и гренадерских корпусов с повышением окладов и должностей чиновников [1, с. 101]. После чего и главный священник армии и флотов обратился с просьбой о распространении этих изменений и на его ведомство, которая была полностью удовлетворена Государственным Советом. Попытка преодоления двойственности в управ-

¹ «Антиминс (греч. anti — вместо и лат. mensa — стол, т.е. «вместопрестолье») — обязательная и неотъемлемая часть престола, без к-рой нельзя служить литургию. Представляет из себя четырехугольный плат из шелковой или льняной материи с изображением положения во гроб Иисуса Христа, орудий его казни и четырех евангелистов по углам... В середине А. ... помещаются ... мощи...» (Христианство: Словарь / Под общ. ред. Л.Н. Мирохина и др. - М., 1994. — С. 27–28).

лении военно-духовным ведомством была предпринята после смерти в 1883 году протопресвитера В.Б.Бажанова, когда заведование церквами и духовенством гвардейского и гренадерского корпусов было временно по совместительству поручено главному священнику армии и флотов протоиерею П.Е. Покровскому. Одновременно с этим по представлению Синода была учреждена комиссия из представителей духовного управления и военного ведомства под председательством архиепископа Саввы Тихоми-

рова для разработки «Высочайших предложений о разрешении вопроса относительно управления церквами и духовенством военного ведомства во всей полноте и совокупности возникающих при этом вопросов».

12 июня 1890 г. император Александр III положил конец многолетнему процессу развития и формирования военно-духовного ведомства, утвердив «Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств» [2, №6924].

Литература:

1. Барсов Т. Об управлении русским военным духовенством. — СПб., 1879.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830
3. Христианство: энциклопедический словарь. М., 1995. Т.1.
4. Протокол Святейшего Синода от 15 января 1733.
5. РГИА. Ф.806. Оп.2. Д.5246. Лл. 4
6. РГИА. Ф. 806, оп. 1, д. 1293, л. 2–3.
7. РГИА. Ф. 806, оп. 1, д. 260, л. 1.
8. РГИА. Ф. 806, оп. 1, д. 260, л. 3.
9. РГИА. Ф. 797, оп. 97, д. 226, л. 313.

Syncretism of Shamanistic Traditions with Islamic Thoughts (in the Example of the Uzbek People of the Fergana Valley)

Халмуратов Бахтиер Режавалиевич, преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Halmuratov B.R., teacher, Namangan State University, Uzbekistan

In the life of Central Asian people shamanism had a particular view under the influence of Islam. In shamanism not only the views of Islam appeared, but also the ceremonies and traditions contradicting to Muslim beliefs changed under the influence of Islam, and lost their ideas and purposes. This can be seen in the changed parts of shamanism under the influence of Islam not having special ceremonial clothes, decreasing the reputation of shamanism in the social and political life of the society. But, all these cannot give full impression of the role of Islamic shamanism in the life-style of people.

The historical and ethnographic information also proves that in the life of Central Asian people Islamic shamanism is connected with Sufism and the activities of saints. Specifically, muslim saints widely occupied the place of the spirits in shamanism. According to A. Divaeva wrote, the spirits took the Kazakh shamans to the presence of holy Kuchkor ota, in order to check his power they made him to read the writings on the paper. Most shamans imagined their patron spirits like a saint or mullah [1, c. 40–41].

Some researchers gave enough evidence that as the reason why some elements of shamanism were kept in Islam shamanism stood in a high position in the traditional life

style of native people until Islam spreaded among the most peoples of the world [2, c. 289]. Saints have occupied a wide place in the traditional activities of Central Asian shaman people. Bakhshis (singers of epic tales) recommended their regular visitors to go to the holy places and stay there one night in order to recover in time.

While Islam was spreading widely shamanism was pursued by religious persons. Specifically, in Central Asia in XIX the shamans who wore women's dress were strictly punished [3, c. 179]. For example, at that time in Karakalpak such people were stoned or buried up to their waist according to the blessing of mullahs. After that the tradition of burying them out of the graveyard with their face down appeared [4, c. 96]. But, such punishment was not given to them not only for their being occupied with shamanism, but for their breaking the Islamic laws. Because, according to shari'a (Islamic laws) men were not allowed to wear women's clothes and vice versa, women were not allowed to wear men's clothes [5, 43].

In XIX–XX centuries different thoughts about shamanistic beliefs not matching with Islamic laws were saved. But, some elements of shamanism were noticed in the course of Islamic traditions. For example, in the XIX century triangular amulets containing different written charms or verses related

to Islam and marked scripts were added to shamanistic ceremonies among the Turkmen and Uzbek tribes. The Tajik shamans lived in northern Afghanistan mainly used the marked scripts and prayer beads during the ceremonies [6, p. 165–169], the Uratapa shamans took the religious books out of the room while getting ready for the ceremony. Because, as if such kind of books pretended the shaman from calling its spirits [7, c. 63–91].

According to Islam scholars, shari'a (Islamic laws) approves the work of fortuneteller and disapproves going to bakhshis (singers of epic tales) asking for help. Specifically, as K. Shoniyozov wrote, the Uzbek mullahs had negative relationship with bakhshi-shamans [8, c. 162]. Shamans' beliefs can be the reason for it. Because, it is believed that according to shamanistic beliefs, during ecstasy in the underground (the dead), on-ground (the alive), sky (spirits) world they can easily stroll about and may influence on everybody there. Therefore shamans liked to regard themselves as prophets and in the result they faced a strict opposition by the representatives of Islam religion. It should be noted that shamans could never get along with the representatives of another religion. D. Freezer also noted this case [8, c. 142].

In XIX–XX century the shamans of Ferghana valley carried out their activity sometimes secretly, sometimes openly. It was caused by the reputation of Islam in the society and the politics carried out for the ancient religious beliefs. Most shamans sent some patients to the presence of mullahs to cure them, and mullahs advised some patients to go to the presence of bakhshis. As A. Levish wrote, «often the Kyrgizs called the shamans, religious scholars, bakhshis at the same time and they acted without interfering each other. In this case all of them tried in the same purpose to get an amount of money for their work» [9, c. 67]. In the Uratapa Tajiks after the shamanistic ceremonies a mullah came every morning for three days to blow on the patient to drive away the evil spirits [10, c. 68]. In the beginning of XX century the shaman-bakhshis lived in Samarkand during the ceremony «kuchirma» asked the patient's relatives to call a mullah and he helped them to strengthen their treatment by making a prayer [11, c. 150].

Some of the religious scholars admitted not only the shamanism, but also used some of its traditions. For example, some religious leaders weaved a tale about the existence of helping spirits, and used shamans' treating methods too. A researcher A. Divaev who lived in XIX century noted some information about the peris (fairies) one of the shaman spirits were seen by mullahs, and sometimes they subdued them [12, c. 232]. The process of carrying out the shamanism at the same time with the Islamic spiritualness gradually became a usual case. As V. Basilov wrote, in the 60 s of XX century in Mari Turkmen the Muslim religious people were occupied with medical practice too. The religious persons called their helping spirits and held a ceremony of driving away jinns. Most of them were famous among the native people as «a mullah with a dutor» [13, c. 283].

The process of absorbing the Islamic ideas to the mind and soul of Central Asian people lasted long. After the native

people had accepted Islam, it was very difficult for them to get rid of their ancient religious beliefs. Many religious beliefs existed until XIX century began to lose their sphere of influence in XX. This enormous changes didn't bypassed shamanism either, but among the main part of the native people the respect for shamans remained.

According to V. Basilov, some of the traditions connected with Islam belong to shamanism, their roots dated to the very ancient times [14, c. 95]. This idea was confirmed by many scholars who researched the traditions and ceremonies of Turkish people, and they emphasized that originally shamanistic events belong to sometimes Islamic in form, and shamanistic in meaning.

A number of researchers acknowledged that the influence of shamanism on the society was connected with Islam [15, c. 124]. In shamanism the world of spirits was enriched with Saints, it began to reflect a certain Muslim character. For example, the Turkmen bakhshis asked for help of Imomi A'zam and Imomi Malik hoping their help in fighting against enemy spirits [16, c. 283].

As a rule, shamans or folk healers didn't accept their permanent clients on Thursdays and Fridays which was the day off of Muslim. Because, on these days the patron spirits would go to Haj. In the result the bakhshis would lose their ability to influence on their patients. Therefore, most of the bakhshis in Ferghana valley don't work on Fridays [17]. But, it should be noted that for some of the bakhshis in Ferghana valley there is no importance of which day it is. Particularly, Tuhfatilla bakhshi who lives in Chortok city accepts his clients on every day of the week. As the bakhshi acknowledges, every day of the Allah is great. To separate it into good and bad days is not in accordance with the aim. For only Friday is a great day, the sky doors open for prayers on this day. As the bakhshi tells, he has a particular daily schedule. The bakhshi sees the patients in the early morning from the pre-dawn prayers time to 10 o'clock, in the afternoon from noon-time prayers to the evening sundown prayers. Because, between the times above as the bakhshi himself informs, he has a strong trans situation [18].

As O. Sukhareva noted, most of the Samarkand shamans in XX century did not accept their clients on Sundays. Because, on this day the eshons (mullah-like holy men) who were the patrons of shamans went to the market to do their family shopping and without their help the bakhshi couldn't do anything [19, c. 43–44].

After Islam religion came into the area of Central Asia, the essence of shamanistic belief completely changed. Shamanistic belief began to adapt with Islamic creeds. We can see such kind of situations in the ceremonial attributes and different ceremonies of shamans. Most of the bakhshis gave up traditional spheres and began to work by means of prayer beads and holy books. Specifically, Sumbula bakhshi, Dilorom bakhshi, Mavluda bakhshi make a prediction by prayer beads, and Abdurahim bakhshi makes a prediction by holy books. For example, Maqsuda bakhshi lived in Qaqir village of Uchkuprik district in Ferghana region said three

times «Allah, Allah, Allah» before making a prediction, but she didn't mention the word «Akbar». Because, as she tells, if she says «Akbar» her arms and legs wouldn't work and her prediction would be pretended [20]. Such kind of situations were researched by O. Sukhareva too. According to the researcher notes, in the 50–60s of XX century the shamans of Samarkand used mainly the holy books while predicting. Shamans tried to find treatment for the suffering of the patients by reading different prayers from the holy books. While predicting there always stood a knife in front of the bakhshi [21, c. 43]. Besides that, most of the shamans blew on their ceremonial aids by mullahs. Some of the bakhshis hung the triangular amulets containing different written charms or verses from the Quran on their necks. It can be seen from this, in shamanism the remainders of not only Islam, but also fetishism, one of the ancient beliefs remained.

In concluding we can say that most of the researchers use the phrase «Islamic shamanism» in describing the shamanistic problems. There is a partial truth in the these ideas. Because, Islamic shamanism reflects in itself the certain period of religion development. Besides, the people of the world who

saved this religious belief accepted the world religions such as Buddhism, Christianity and Islam.

It should be acknowledged that the shaman-bakhshis living in Ferghana valley consider the most of the ceremonies belong to this religious belief connected with Islam religion. Therefore they tried to show as if they are not doing anything against Islam religion by reading charms and verses from Qur'an. It can be clarified by that most of the shamans have no sufficient religious education, trying to separate themselves from the common people, intensity of realizing the national identity in the first years of the independence, giving the freedom of belief, increasing of exchange of information, looking at the development of modern medicine with doubt is still continuing in the mind of common people. Some bakhshis' intend to win people's trust and earn more profit is progressively increasing. In the result, those who fell into the sphere of their influence can be met among the certain part of the native people. And this causes to happen various social problems (breaking of young families, increasing of conflicts between the neighbors, breaking of relationships between relatives and etc.) in the society.

References:

1. Диваев А.А. Этнографические материалы. — Ташкент, 1896.
2. Look at: Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1992.
3. Look at: Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун-наби // СЭ. — 1949.
4. Look at: Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. — М.: Наука, 1978.
5. Look at: Centliviers M.P., Slobin M.A. Muslim shaman of Afghan Turkestan // Ethnology. — L., 1971.
6. Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. — М.: Наука, 1975.
7. Шаниязов К.Ш. Узбеки-карлуки. — Ташкент: Фан, 1964.
8. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. — М; Наука, 1980.
9. Левшин А. Описание. Киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. — СПб., 1832.
10. Сухарева О.А. Пережитки демонологии...
11. Троицкая А.Л. Лечение больных ... — С. 149; Снесарев Г.П. Реликты....
12. Диваев А.А. О происхождении Албасты, Джинна и Дива // ИОАИЭ. — Казань., 1896.
13. Басилов В.Н. Шаманство у народов... — С. 283.
14. Басилов В.Н. Пережитки шаманства у туркмен-гекленов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. — М.: Наука, 1986. — С. 95.
15. Малов С.Е. Шаманство у сартов Восточного Туркестана // СМАЭ. — Пг., 1918; Тайжанов Қ., Исмаилов Х. Особенности доисламских верований у узбеков корамуртов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. — М.: Наука, 1986.
16. Look at: Басилов В.Н. Шаманство у народов...
17. Field notes. Namangan region Chust district Ogasaray village. 2010 year; Fergana region Kokand city. 2010 year; Andijan region Izboskan district Jonobod village. 2009 year.
18. Field notes. Namangan region Chortok city. 2010 year.
19. Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. — Ташкент: АН УзССР, 1960.
20. Field notes. Ferghana region Uchkuprik district Qaqir village. 2009 year.
21. Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане...

Мары – культурная столица СНГ 2012-ого года (к вопросу изучения истории древнего Мерва)

Ходжакулиева Бахар Атабаевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель
Филиал Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина в г. Ашхабаде (Туркменистан)

Решением Совета глав государств СНГ в целях расширения культурных связей между странами — участниками Содружества Независимых государств город Мары, расположенный в юго-восточной части Туркменистана, объявлен культурной столицей Содружества на 2012 год [1, с. 3]. Данный выбор далеко не случайный. Мары является одним из древнейших городов мира, известный в истории под названием Мерв. Процветанию города во многом способствовало месторасположение его в старой дельте реки Мургаб. Мары и сегодня является динамично развивающимся современным городом Туркменистана — вторым по величине после Ашхабада и административным центром одного из пяти регионов страны — Марыйского вelayа.

Богатая и самобытная история Мерва уходит своими корнями в глубокую древность. На протяжении многих веков город являлся крупнейшим научным и культурным центром. Богатейшие библиотеки Мерва привлекали к себе внимание известных ученых Востока. Как отмечает Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов: «В разные периоды своей славной истории город Мерв считался одним из ведущих культурных центров мира. Находясь на пересечении маршрутов Великого шелкового пути, этот древний город создал условия для влияния развитой туркменской культуры на культуры различных народов мира» [2, с. 2].

Плодородные земли Мургабского оазиса ещё в древности являлись благоприятным фактором для создания земледельческих культур. Во втором тысячелетии до н.э. здесь зарождается один из древнейших центров мировой цивилизации — Маргуш. У греко-римских авторов эта область упоминается как страна Маргиана. Столицей этой древнейшей страны был Гонурдepe, где на протяжении уже нескольких десятилетий ведутся археологические исследования. К началу первого тысячелетия до н.э. вследствие изменения русла реки Мургаб население покинуло город. В середине первого тысячелетия до н.э. жизнь зарождается на территории древнейшего ядра Мерва — городища Эрк-кала, который был главным городом маргианской сатрапии державы Ахеменидов. Античные авторы свидетельствуют о том, что известный завоеватель древности Александр Македонский основал в центре Маргианы город, но теперь благодаря археологическим фактам становится ясным, что греко-македонский предводитель не строил здесь новый город, а лишь укрепил стены существовавшего и назвал его Александрией Маргианской [3, с. 205]. Это нынешнее городище Эрк-кала. Во времена Антиоха Сотера — правителя Селевкидского государства, основанного после распада им-

перии Македонского, границы города расширяются, и он стал именоваться Антиохией Маргианской. Весь прилегающий земледельческий оазис вокруг Мерва, в целях защиты от набегов кочевников был обнесен земляным валом.

В период с III в. до н.э. — до III в.н.э. Мерв входил в состав одного из крупнейшего государств древности Парфянского царства, являлся важным пунктом Великого шелкового пути. Наивысшего расцвета город достигает в XI в. во времена существования Туркмено-Сельджукской империи. Именно тогда он стал называться «Шахиджахан» («Душа царей»). С 1118 года последний правитель Сельджукского государства султан Санджар сделал Мерв своей столицей.

История Мерва на протяжении многих десятилетий привлекает к себе внимание известных ученых мира, в том числе и российских историков. Начиная с 90-х годов XIX в. Древний Мерв становится объектом пристального интереса востоковедов и археологов. Первое научное изложение истории и исследование памятников принадлежит профессору Петербургского университета Валентину Алексеевичу Жуковскому, который в 1890 г. был командирован в Мервский оазис Императорской археологической комиссией [4, с. 1]. Он не имел возможности проводить археологические раскопки, и главное внимание, согласно поставленной перед ним задаче, уделил обследованию руин древнего Мерва и ближайших окрестностей по обоим берегам Мургаба. В.А. Жуковский осмотрел и сфотографировал все доступные взору исторические памятники, собрал народные предания о них, переписал со стен зданий и с надгробных плит тексты на арабской графике, и на основе топографической съемки составил первую карту развалин Мерва. Итогом исследований ученого явилась написанная в 1894 г. книга «Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва», представляющая огромный научный интерес и в наши дни [4]. Важно отметить, что в 2004 г. фотографии Жуковского были привезены в Туркменистан в ходе официального визита делегации Санкт-Петербурга во главе с В.Матвиенко [5]. Среди старинных архитектурных памятников, изображенных на снимках, мавзолей Асхабов и Солтана Санджара, ворота Абдуллахан-кала, мечеть Шахруха и другие. Даже сильно разрушенные временем великолепные образцы строительного искусства, построенные туркменскими мастерами в различные исторические эпохи не утратили своей красоты и совершенства форм. К сожалению некоторые из них можно видеть теперь только на этих уникальных фотографиях. Стеклопленочные негативы снимков и сегодня бережно хранятся в

фототеке Института истории материальной культуры Российской Академии наук.

**Фотографии Жуковского. Мавзолей Асхабов.
Мавзолей Султана Санджара**

**Мавзолей Султана Санджара (после реставрации).
Современный снимок**

В начале прошлого столетия история Мерва привлекает к себе внимание известного востоковеда академика В.В. Бартольда. В опубликованном в 1910 г. историческом очерке «К истории Мерва» ученый всесторонне исследует книгу В.А. Жуковского «Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва». Автор подробно анализирует работу Жуковского и, основываясь на арабские и персидские источники, приводит более подробные топографические данные, относящиеся к Мервскому оазису. Итоги исследований Бартольда в области изучения истории Мерва нашли свое отражение в IV томе собраний сочинений автора [6].

В XX веке большой вклад в дело изучения истории и культуры древнего Мерва внесли академик М.Е.Массон и возглавляемая им Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ). Решение об учреждении Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией было принято в Москве ещё в 1945 г. Основанием послужил тот факт, что территория Туркменистана по количеству и научной значимости исторических памятников материальной культуры занимала

ведущее место в Советской Средней Азии. Полевые работы начались с 1946 г. В Ленинградском отделении Института истории материальной культуры Академии наук СССР был создан постоянный ученый Совет ЮТАКЭ во главе с академиком В. Струве. Согласно положению ЮТАКЭ для проведения полевых археологических работ, экспедиция приглашала специалистов из союзных республик, а также из головных институтов Москвы и Ленинграда. В работе экспедиции принимали участие не только археологи и историки, но и филологи, искусствоведы, ботаники, зоологи, химики и другие специалисты. Экспедиция в течение 30 лет предпринимала активную разностороннюю разведочную, маршрутную и стационарную деятельность по всей территории Южного Туркменистана, включая памятники древнего Мерва.

Во второй половине 40-х годов XX в. один из отрядов ЮТАКЭ под руководством С.А. Вязигина занимался исследованием стены, воздвигнутой по приказу Антиоха Сетера. В результате археологических раскопок было установлено, что данное сооружение, построенное в античное время, обороняло Мервский оазис от набегов кочевников с северной, восточной и западной сторон. В 1950-х годах экспедиция возглавляемая В. Массоном проводила археологические раскопки в районе поселения Яздепе, датируемого железным веком. Результатом научных исследований явилась вышедшая в свет в 1959 г. книга «Древняя земледельческая культура Маргианы». В начале 1960-х годов отрядами ЮТАКЭ были обнаружены следы буддийских и христианских храмов на территории древнего Мерва. В целом, благодаря исследованиям Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции научные открытия Древнего Мерва получили всемирную известность [7, с. 20].

На протяжении уже нескольких десятилетий в зоне старой дельты Мургаба плодотворно работает совместная туркмено-российская археологическая экспедиция «Маргиана» Национального управления Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры, а также Института антропологии и этнологии Российской академии наук под руководством профессора В.И.Сарианиди. С 1972 г. Виктор Иванович Сарианиди проводит регулярные полевые сезоны в Каракумском этрапе Марыйского вейалата. Особое внимание ученых привлекает огромный дворец и монументальный храм огня, следы которых обнаружены в Гонурдепе [8, с. 247]. Находки археологов — гончарные изделия, ювелирные украшения, письменные знаки, датируемые третьим тысячелетием до н.э. — являются ярким свидетельством высокоразвитой культуры древних земледельцев населявших некогда плодотворную долину старой дельты Мургаба [9, с. 33]. Благодаря открытиям археологов совместной туркмено-российской экспедиции страна Маргуш получила всемирную известность, как одного из центров древнейших цивилизаций.

Следует отметить, что археологические раскопки Маргианской экспедиции продолжаются и в настоящее

время. Совсем недавно археологи порадовали нас новыми удивительными находками. Весной 2012 г. недалеко от царского некрополя Гонурдепе среди большого скопления каменных, керамических, бронзовых изделий была обнаружена круглая бронзовая печать-амулет так называемого перегородчатого типа. Большой интерес представляют находки золотых изделий, в том числе не-

большая фигурка сайгака с инкрустацией из бирюзы, а также фаянсовая скульптура обезьянки, исполненная с большим мастерством в строго реалистической манере [10]. Ученым ещё предстоит изучить эти и многие другие уникальные находки экспедиции В.И. Сарияниди и определить их место в культурном богатейшем наследии туркменского народа.

Золотая фигурка сайгака с инкрустацией из бирюзы. Фаянсовая скульптура обезьянки. Находки сезона 2012 г. (Гонурдепе)

Таким образом, среди древних цивилизаций и средневековых культур, расположенных на территории Туркменистана Мерв занимает особое место. Исторические источники, археологические находки свидетельствуют о том, что на этой земле существовал один из древнейших

очагов мировой земледельческой культуры. В этом отношении, привлекающая к себе внимание ученых всего мира, история древнего Мерва представляет огромный интерес. Большая заслуга в изучении данной проблемы принадлежит российским ученым.

Литература:

1. Древний Мерв — центр мировой цивилизации. Краткое содержание международной конференции. — Ашхабад, 2012. — 159 с.
2. Маргиана — Мерв — Мары. Тысячелетия культуры в оазисе реки Мургаб. — Ашхабад, 2012. — 103 с.
3. Историко-культурное наследие Туркменистана. — Стамбул, 2000. — 381 с.
4. Жуковский В.А. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. — Спб., 1894. — 216.
5. Нейтральный Туркменистан. 2004, 19 марта.
6. Бартольд В.В. Сочинения. Т IV. — М. 1966.
7. Массон В.М. Туркменистан в зеркале мировой истории. — Ашхабад, 2001. — 32 с.
8. Сарияниди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. — Ашхабад, 2002. — 355.
9. Сарияниди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. — Ашхабад, 2009. — 341 с.
10. Нейтральный Туркменистан. 2012, 29 мая.

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Психологический портрет человека времен тоталитаризма

Барабанов Родион Евгеньевич, студент
Московский педагогический государственный университет

Каждая новая историческая эпоха характеризуется не только своеобразием общеполитической обстановки, но и тем, что представляет из себя человек — частичка того общества, в котором он растет и развивается. Мы можем перечислить великое множество примеров, исходя из которых, с уверенностью можно идентифицировать характерные черты личности определенной исторической эпохи. Веяния времени и культурно-социальное бремя, несомненно, накладывают свой отпечаток на формирование личностных психологических особенностей человека как объекта культурно-исторического наследия. Социально-политическая, экономическая и просветительская ноша возлагаются на массы людей, оставляя свой отпечаток в их уязвимом и неспособном к противостоянию сознанию. Оказываясь наедине с тяготами общеполитического характера, человек не в силах отстоять свой внутренний нейтралитет и в связи с этим его сознание подвергается значительной социально-мировоззренческой трансформации. Четко прослеживаются грубые формы личностного преобразования в сфере общественной коммуникации и отношения к сложившемуся историческому периоду.

В представленной работе мы конкретно обратимся к психологическому портрету человека эпохи тоталитаризма. Тоталитаризм как таковой представляет собой совокупность общеуничтожительных мер в процессе построения социально-правового общества на базе силового принуждения. Ярким примером тоталитарного общества можно считать СССР в период правления Иосифа Виссарионовича Сталина. Деморализация и психологическая депреация — именно этими словами мы можем охарактеризовать данное время в отношении человеческого самосознания в период сталинизма. Грубые античеловеческие формы носила модель тогдашнего всевластия и полнoprавия.

Человек, являясь природной концентрирующей силой, вбирает в себя все то, что преподносит ему время. Созидая в себе весь негатив исторической клоаки, личность человека отражает общую совокупность социально-исторических преобразований в культурно-политическом плане.

Особое внимание здесь необходимо уделить формам личностного преобразования на фоне определенной исторической эпохи. На данный момент нет достоверных данных касательно того, имеет ли историко-политический режим прямое влияние на онтогенез психологического состояния человека. Косвенные данные, полученные в результате ряда исследований, безусловно, указывают на неопровержимую связь. В ходе данной работы мы попытаемся представить доказательства того, что с ходом изменения общественного режима, стиля жизни и направления мышления меняется и самобытность человеческой психологии в масштабе целого социума.

Чтобы понять механизм воздействия обще-социальных факторов на психику человека, необходимо обратиться к психофизиологии. Периоду тоталитаризма свойственна **стереотипизация** — это восприятие и оценка социальных объектов и результатов действий на основе определенных представлений (так называемых стереотипов). Стереотипизация проявляется в приписывании сходных, общеупотребительных характеристик всем членам какой-либо социальной группы без достаточного осознания возможных различий между ними, в данном случае — на фоне принуждения, прививания «стадного» чувства в структуре собственной личностной идентификации.

Стереотипное поведение, присущее общей массе людей периода тоталитаризма, возникает на основе ограниченного прошлого опыта в результате стремления строить выводы на базе недостаточной информации о совокупности действий в историко-политической сфере. Чаще всего стереотипы возникают относительно социокультурной и морально-нравственной принадлежности человека, что характерно для режима тоталитаризма.

Стереотипизация является одной из важнейших характеристик тоталитаризма, а также межгруппового и межличностного восприятия и сопровождается проявлениями социальных установок, эффектов ореола, первичности и, якобы, новизны. В межличностной перцепции стереотипизация выполняет две основные функции:

1) поддержание идентификации в обще-социальной среде;

2) оправдание возможных негативных установок по отношению к другим группам под давлением культурного и политического строя.

Во времена тоталитаризма в Советском Союзе стереотипизация в процессе познания людьми друг друга привела к двум различным следствиям. С одной стороны, к определенному упрощению процесса познания другого человека; к замене образа человека штампом, например «И.В. Сталин — тиран», «Берия — жестокий убийца». С другой стороны, это привело к предубеждениям, если суждение о социальном объекте строится на основе прошлого ограниченного опыта, который чаще всего может оказаться негативным.

Психика человека эпохи тоталитаризма напоминает расплавленный металл. А матрица-форма, в которую этот металл отливался, откуда бралась она? На самом деле ответ весьма простой. Вся эта каркасная форма бралась из общества, обществом диктовалась, создавалась. Ученые-психологи во многом придерживаются «**социологического**» взгляда на человеческую психику, считая, что именно бытие, и, прежде всего, бытие социальное, оказывает решающее воздействие на сознание.

Литература:

1. Михаил Телегин, «О сознании и экологических представлениях современных подростков» — М., 2012;
2. Батаршев А.В., «Механизмы восприятия человека человеком и взаимопонимание в процессе общения» — М., 2006.

Социально-психологические особенности пациентов, больных туберкулезом

Горбунова Надежда Валерьевна, студент
Владимирский государственный университет

Болезнь «туберкулез» известна с древнейших времен и является одной из важнейших проблем человечества. «Чахотка» — так прозвали болезнь в XIX веке в России. Болели и умерли от туберкулеза В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, А.П. Чехов, Ф. Шопен и многие другие известные люди.

Туберкулез передается воздушно-капельным путем. Возбудитель — микобактерия туберкулеза. Туберкулез имеет всевозможные формы, при которых поражаются различные органы и ткани: плевра, лимфатические узлы, глаза, кости, почки, оболочки мозга и др., но наиболее распространенной считается туберкулез легких. При этом в легких начинается патологический процесс, который разрушает их. Наиболее частые симптомы — это кашель, который часто сопровождается кровохарканием, потливость, легкая лихорадка. Эти симптомы сопровождаются похуданием, потерей аппетита и чувством подавленности. Лечить туберкулез самостоятельно невозможно. Терапия проводится систематично. Врач производит индивиду-

альный подбор препаратов, в зависимости от динамики заболевания. Для больных важен режим труда, отдыха и покоя. Рациональное питание — составная часть терапии туберкулеза.

В ходе изучения архивных данных, были выявлены следующие диспозиции в общем портрете человека времен тоталитаризма: состояние покоя, нарушенное воздействием радикальных принудительных мер, перетекало в возрастающее эмоциональное возбуждение, появлялось чувство агрессии, склонности к дивергентному поведению, перетекающее при увеличении силы раздражения в пограничное патологическое дивергентное состояние.. Так, например, при силовом воздействии и тотальном контроле возникали пассивные суицидоподобные формы мышления. Все это влияло на формирование культурно-нравственных ценностей и общественно-моральных поведенческих норм. Тоталитарный режим в свою очередь оказывал влияние на стиль и манеру общения, делая её внутренне отчужденной и грубой в скрыто-пассивной форме. Наравне с этим формировалось трепетное отношение к социальным установкам и общественным рамкам.

Нельзя говорить о том, что представители того или иного общественно-политического строя обладают определенным набором эмоционально-волевых качеств, так как в чистом виде не существует людей, которые всецело подвергались бы культурно-историческому влиянию.

Восприимчивость к туберкулезу определяется особенностями работы иммунной системы, на которую в свою очередь влияют социальная ситуация и личность самого человека. В качестве психологических причин возникновения болезни указывается постоянно изнуряющие напряжения и конфликты, разочарования, длительный страх или постоянные раздоры, которые приводят к состоянию страдания. Это могут быть обычные ситуации, которые воспринимаются как душевные катастрофы.

Восприимчивость к туберкулезу определяется особенностями работы иммунной системы, на которую в свою очередь влияют социальная ситуация и личность самого человека. В качестве психологических причин возникновения болезни указывается постоянно изнуряющие напряжения и конфликты, разочарования, длительный страх или постоянные раздоры, которые приводят к состоянию страдания. Это могут быть обычные ситуации, которые воспринимаются как душевные катастрофы.

Болезнь — это жизнь в измененных условиях. Психологическая реакция личности на болезнь может быть различной. Все зависит от характера заболевания, остроты и темпа его развития, от характера лечения и психотерапевтической обстановки, от личности больного и отношения к болезни со стороны общества. По Л.Л. Рохлину различают

следующие типы психологического реагирования на заболевание: депрессивно-астеническое реагирование (эмоциональная невыносимость, разбитость, подавленность); психастеническое реагирование (пессимизм, суицидальные мысли); ипохондрическое реагирование (депрессия, тревога, беспокойство); истерическое реагирование (чрезмерная эмоциональность, трагичность, театральность); эйфорически-анозогнозическое реагирование (игнорирование заболевания, нарушение режима, вред здоровью).

У большинства пациентов с диагнозом туберкулез легких наблюдается ипохондрическое отношение к болезни с положительной направленностью на социум.

На базе противотуберкулезного диспансера проводилось исследование 40 больных закрытой формой туберкулеза легких мужского и женского пола, в возрасте от 18–60 лет, находящихся на амбулаторном лечении. Испытуемым предлагалось ответить на вопросы анкеты на выявление психологической направленности больных на социум и на самого себя. Предоставлялся опросник «мини-мульти», ориентированный на выявление наиболее распространенных ситуативных личностных расстройств, обусловленных экстремальными условиями жизнедеятельности. Тест А.И. Сердюка на изучение оценки социальной значимости болезни.

Анализ результатов опроса позволяет говорить о том, что все пациенты мужского и женского пола оценивают состояние своего здоровья как «удовлетворительное», тем самым, они «трезво» оценивают свои возможности. Все пациенты хорошо осведомлены о болезни, о причинах ее возникновения, протекания, клинической картине и методах лечения.

Из 100% опрошенных пациентов, 17%, на вопрос: «Верите ли Вы в положительный исход болезни?» ответили, что «не очень». Причем, такой ответ был дан только мужской частью населения. Проведя анализ, было выявлено, что они лечатся от недуга более 2 лет. Можно говорить о том, что у них больше не хватает терпения, они устали бороться за свою жизнь. Среди женщин такого ответа не обнаружено. Следовательно, можно сделать вывод о том, что женщины на психическом уровне более стабильны и это выражается в том, что им свойственны более выраженная консервативность и терпение, они более устойчивы и обладают большей сопротивляемостью к неблагоприятным воздействиям, нежели мужской организм.

Опрошенные мужчины всех возрастных категорий, признались в том, что имеют пагубные привычки, такие как курение и употребление алкоголя, в том числе пива. Когда узнали о болезни, многие безуспешно пытались бросить. 17% мужчин ответили, что эти привычки доставляют им удовольствие. Среди опрошенных женщин 27% не имеют пагубных привычек. У остальных присутствует такая привычка как курение, они пытались от нее избавиться, но не получилось. 10% женщин, признались, что курение доставляет им удовольствие. Можно сделать вывод о том, что, даже заболев, люди неохотно «прощаются» с вредными привычками.

На вопрос «Как Вы отнеслись к тому, что у Вас обнаружили туберкулез?» 17% женщин и 10% мужчин ответили, что «впали в панику». «Закрылись и ушли в себя» 14% женщин и 20% мужчин. Остальные опрошенные адекватно отнеслись к диагнозу, но почти у всех отмечалось шоковое состояние.

В основном, все опрошенные первым делом сказали о болезни своим супругам и детям. Среди ответов встречались «родители», «братья и сестры». Почти у всех опрошенных изменились отношения в семье после известия о болезни. Больные признались, что родные стали уделять им больше внимания. Сами же они начали больше переживать за своих близких и за их здоровье. Таким образом, что касается близкого окружения больного, то можно судить о том, что болезнь сплотила семью. Отмечается двустороннее переживание за жизнь и здоровье своих близких. Идет активная психологическая помощь и поддержка. Но несмотря на это, большинство пациентов считают, что стали обузой для своей семьи.

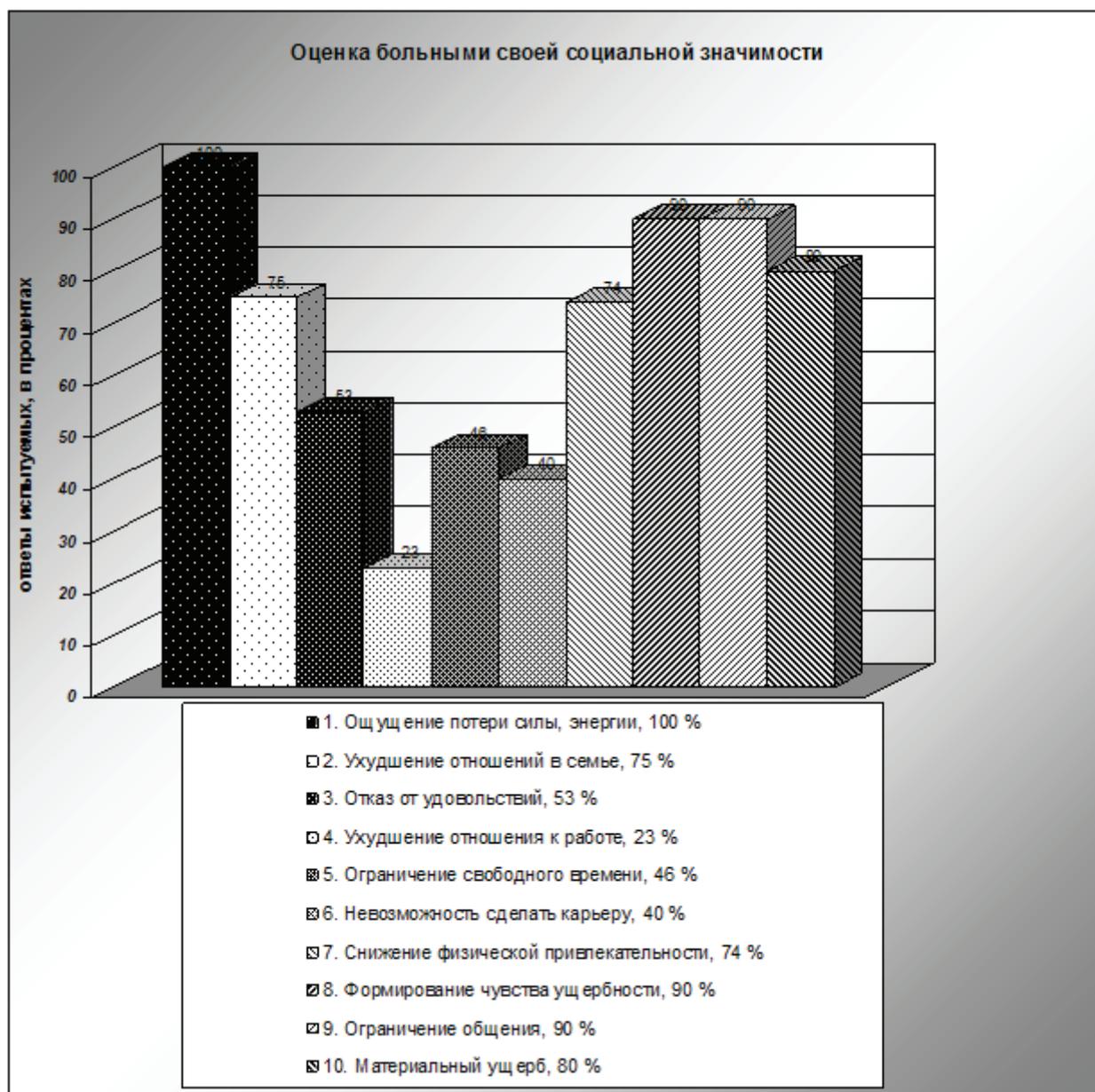
Почти все пациенты продолжают общаться с друзьями, они их поддерживают. Однако есть больные, которые признались в том, что они продолжают общаться с друзьями, но те не знают о болезни. 10% пациентов друзья бросили, узнав о болезни, но они имеют сравнительно маленький срок пребывания в больнице. Негативизм и отстранение — это первая реакция общества на болезнь.

На вопрос «Чувствуете ли Вы отличие между собой и окружающими людьми», 90% опрошенных ответили, что «Да». Таким образом, с развитием болезни, у больных сформировалось чувство ущербности, которое подкреплено ограничением себя в общении. Об этом свидетельствует и то, что большинство опрошенных не хотят общаться и заводить новые контакты с людьми. В целом же, из опроса видно, что к здоровым людям, больные относятся нормально. Они считают, что здоровые люди испытывают брезгливость и страх заразиться от них. 7% мужчин ответили, что здоровые люди их не понимают и не принимают, так как они не «переживали того, что переживают они». 7% женщин и 4% мужчин на этот вопрос ответили «презираю, они живут, а я вынужден существовать». У них недавно обнаружили туберкулез и можно сказать, что это защитная реакция организма на известие о болезни.

Рассматривая оценку больными своей социальной значимости по тесту А.И. Сердюка, болезнь повлияла, в первую очередь на их отношение к самому себе. У всех опрошенных наблюдается ощущение потери силы и энергии. Это обусловлено еще и тем, что туберкулез сопровождается такими симптомами.

75% опрошенных ответили, что из — за болезни, у них ухудшились отношения в семье, они чувствуют, что надоели своим родным, и стали для них «обузой». Это говорит о том, что больные психологически неустойчивы, у них наблюдается резкое снижение самооценки и своей значимости.

53% опрошенных вынуждены отказываться от удовольствий: избегают ходить в гости, отказывают себе в развлечениях. Однако, что касается такого фактора, как

«боюсь употреблять спиртное и курить», из анкеты можно сделать вывод, что болезнь этому не препятствует.

40% пациентов считают, что из-за болезни они не могут сделать карьеру. Она мешает ему занять лучшее положение в обществе и не позволяет ему работать там, где он хочет. 80% опрошенных сказали, что болезнь наносит им материальный ущерб, что из-за нее они не могут больше зарабатывать так как чувствуют физическое недомогание, усталость, вялость.

74% опрошенных признались в том, что после заболевания замечают изменения в своей внешности, они стали неприятными для окружающих.

Болезнь сделала несчастным и заставляет чувствовать себя не таким, как все 90% опрошенных. Они чувствуют, что отдаляются от людей, болезнь мешает им общаться с окружающими.

Для исследования личностных особенностей пациентов использовался сокращенный вариант опросника

«мини-мульти». В ходе обработки результатов, оказалось, что у 61% опрошенных пациентов отмечается тоска, тревога, чувство внутреннего напряжения, снижение самооценки, депрессия, слабость, избегание контактов, отказ от развлечений, ощущение собственной ненужности, снижение интереса к окружающему. Им характерно недовольство собой, раздражительность, ожидание беды, их преследуют мрачные, негативные мысли о себе и своих близких. Все эти симптомы характерны для пациентов, имеющих ипохондрическое отношение к болезни.

Для 10% опрошенных характерны чрезмерная эмоциональность, трагичность. Такие пациенты воспринимают болезнь как трагедию, «живут» ей и стремятся привлечь внимание окружающих их людей. Такие больные относятся к истерическому типу реагирования на болезнь.

7% опрошенных имеют эйфорически-анозогнозический тип реакции. Для них характерно игнорирование не-

дуга, они не выполняют назначений врача, грубо нарушают режим и наносят ущерб своему здоровью.

Психастенический тип реагирования характеризуется тревогой, суицидальными мыслями и пессимизмом. Среди опрошенных этот тип выявлен у 7% больных.

Для 15% опрошенных характерно депрессивно-астеническое отношение к болезни: подавленность, удрученность, эмоциональная невыносимость, разбитость, чув-

ственность к ощущениям и раздумья.

Таким образом, у большинства пациентов с диагнозом туберкулез легких наблюдается ипохондрическое отношение к болезни с положительной направленностью на социум.

Для работы с такими пациентами необходимо проявлять толерантность, дружелюбие, отзывчивость, внимательность.

Литература:

1. Кошечкин В.А., Иванова З.А. Туберкулез — Учебное пособие 2005 год
2. Малкина-Пых И.Г., «Эксмо» 2004, 989 с.

Причины социального сиротства

Дмитриева Марина Алексеевна, педагог-психолог
Казенное учреждение социальной защиты г. Москвы ДДИ 24

Данная статья имеет целью выяснение основных причин социального сиротства в детском доме-интернате.

Конвенция ООН о правах ребенка признает, что «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания». Государства, ратифицировавшие Конвенцию, обязуются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия; с этой они принимают необходимые законодательные и административные меры. Закон превращается в эффективный механизм регулирования общественных отношений только в тех случаях, когда в нем используется четкий понятийный аппарат, именно это определяет, какие нормы права, и в каких случаях используются. Социальное сиротство является термином социологическим и не имеет адекватного закрепления в праве, что влечет существенные расхождения в оценке распространенности этого явления.

Актуальность проблемы социального сиротства является бесспорной уже на протяжении нескольких лет, а в настоящее время особо важной, что подтверждается тем фактом, что даже правительство причисляет проблему сиротства к приоритетным задачам, требующим немедленного решения. [5]

Социальное сиротство получило широкое распространение в период распада традиционной многопоколенной семьи. Совместное проживание нескольких поколений, вовлечение старших детей в воспитание младших практически исключали возможность того, что в случае смерти родителей дети оставались без опеки родственников. В современной России рост социального сиротства обусловлен двумя причинами. Первая причина, общая для стран Запада, заключается в кризисе института семьи.

Этот кризис проявляется в увеличении возраста вступления в зарегистрированный брак, росте числа разводов, значительной распространенности незарегистрированных брачных отношений, снижения рождаемости, легализации гомосексуальных браков. Вторая причина специфическая — критическое состояние российской семьи, которое обусловлено бедностью значительного числа семей, отсутствие эффективной социальной политики, широким распространением алкоголизма, и связанного с ним семейного насилия.

Сирота... Невозможно привыкнуть к этому слову. У нас в стране возникает ситуация, когда само общество порождает целое поколение детей-сирот. Многие из них имеют живых родителей: алкоголиков, наркоманов, воров, проституток. Это разложившиеся, аморальные, беспринципные типы.

Дети поступают в детские дома из домов ребенка, когда их в родильных домах оставляют матери, из семей алкоголиков и наркоманов, лишенных родительских прав. Сироты не знают ни семейного тепла, ни материнской ласки. Самым печальным является то, что все эти дети больны. У них травмированная психика, они страдают различными заболеваниями, и почти все имеют задержки в развитии.

Самую многочисленную группу детей с отклонениями в развитии (более 2% от общей детской популяции) составляют умственно отсталые дети, у которых имеется диффузное органическое поражение коры головного мозга, проявляющееся в недоразвитии всей познавательной деятельности и эмоционально-волевой сферы.

О кризисном состоянии российской семьи свидетельствует устойчивый рост числа родителей, лишенных роди-

тельских прав. Лишение родительских прав является основной причиной социального сиротства. Так, половина выявляемых в течение года детей, оставшихся без попечения родителей, — это дети, родители которых лишены родительских прав или ограничены в родительских правах.

Ситуация с социальным сиротством в современной России (распространенность, формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей) определяется факторами, сформировавшимися еще в советский период.

Коммунистическая идеология приоритетной формы воспитания считала общественное, семья рассматривалась как отживший свое институт, не имеющий существенного значения формирования личности ребенка. Следствием такого подхода были, во-первых, преимущественное устройство детей сирот и детей оставшихся без попечения родителей в интернатные учреждения и, во-вторых, отказ от активного социального вмешательства в неблагополучные семьи для вывода их из кризисного состояния. В годы Советской власти и в настоящее время государство вместо предупреждения семейного неблагополучия (социальная поддержка семей, ранняя профилактика дисфункциональных отношений в семье) основные усилия направляет на устройство детей, оставшихся без попечения родителей. [2]

Причиной увеличения количества социальных сирот являются не столько экономические факторы, сколько социальные и психологические. Научно-технический прогресс и меры по социальной защите населения так же приводят к возможности человеку прожить без семьи (в свое удовольствие) не опасаясь за свою старость, что снижает ответственность у людей за подрастающее поколение. [4, 57]

Сегодня Мир вступил в XXI век. Однако проблемы детей-сирот преобладает еще большую остроту и актуальность, так как число их не уменьшается, а непрерывно растет. Небывалый духовный, экономический, политический, социальный кризис, потрясший Россию, привел к увеличению числа семей с тем или иным уровнем социальной, психологической или структурной дезорганизации. Резкое падение жизненного уровня населения впервые вызвало такое явление как отказ от ребенка в связи с отсутствием возможности его прокормить. Кризисные явления в российском обществе вызвали рост преступности, наркомании, алкоголизма, психических заболеваний, расширив истоки детского неблагополучия. Кризис современной семьи, констатируемый специалистами, негативно отразился на состоянии детства в стране, приведя к росту социального сиротства и увеличению числа таких специфических учреждений как детские дома-интернаты. Впервые проблемой стало их переуплотнение. [1, 98]

Проблема отказа матери от своего новорожденного ребенка — распространенное социальное явление. Роль социальных факторов в формировании искажений материального поведения настолько велика и очевидна, что многие исследователи непосредственно сводят именно к

ним всю спорную проблему причинности социального сиротства. [3, 78]

В наш детский дом-интернат дети поступают уже отказниками по медицинским показателям (матери оставляют их в родильных домах), после чего они поступают в дом ребенка и, в возрасте трех-четырёх лет, уже поступают к нам.

По результатам наблюдений будущие отказницы чаще всего воспитывались в неполной семье, однако и они часто находились в неблагополучной, психо-травмирующей среде. Только в 1/3 случае женщины характеризовали отношения в родительской семье как хорошие. В большинстве семей дочерей «воспитывали» грубостью, криком, а часто и побоями. Таких семей, по нашим данным, не менее 58%. При этом били детей 1% отцов и, что особенно показательно, 13% матерей.

Хорошо известно, какое важное значение имеет образ собственной матери для формирования психологических установок на материнство у молодых женщин. В этом отношении отказницы с детства приобретали негативный опыт. Около трети из тех, кто рос с матерью, отмечали плохие с ней отношения. В 60% случаев матери женщин отказниц категорически отказываются помочь своей дочери в воспитании новорожденного.

Ситуация с отцами еще хуже. Прежде всего, как уже отмечалось, многие росли вообще без отца. Развод родителей пришлось пережить в детстве (до 12 лет) 18% женщин. В сохранившихся семьях обстановка была далеко не всегда благополучной, и 23% оценивают свои отношения с отцами как плохие, а иногда очень плохие. Злоупотребляли алкоголем 38% отцов (в популяции около 5%), а «случалось выпить лишнего» — 63%.

Большинство будущих отказниц в детстве были, по их словам, «сыты и одеты, хотя не имели ничего сверх этого», но у 6% таких семей едва хватало на еду. Более трети семей были обеспечены ниже среднего уровня. Свои жилищные условия большинство респонденток считают средними. Плохими их назвали 6% опрошенных, хорошими — 11%. При этом 11% женщин жили в коммунальной квартире, 30% не имели своего места (угла, комнаты) для учебы и игры. В половине семей случались драки, скандалы.

Обращает на себя внимание также крайне неблагополучная ситуация с источниками доходов и соответственно с материальным достатком отказниц. Только 18% из них до настоящей беременности постоянно работали, остальные не работали по разным причинам (искали работу, ссылались на плохое здоровье и т.д.), а 12% откровенно заявили, что и не собираются работать. Большинство отказниц не имели никакой определенной профессии или специальности. Около половины их находились на иждивении родителей, родственников и друзей. Подрабатывали, когда была возможность, и перепродавали вещи и продукты 5%. При этом 45% считали, что хотя они не голодают, но совершенно не имеют денег на одежду; 15% сообщили, что им не хватает денег вообще, и 25% хотели бы иметь дополнительные доходы на развлечения и дорогие вещи; 55% отказницы считали свое материальное

положение ниже среднего в стране, и никто не оценивал его выше среднего, а средний уровень, как известно, таков, что позволяет не голодать, но ничего сверх этого. В такой ситуации появление ребенка неизбежно приведет к еще большему снижению уровня жизни. Отсюда, естественно, что мотив материальной необеспеченности занимает важное место в ряду других мотивов. На него ссылается 50% опрошенных. [6, 354]

Литература:

1. Панина Н.А. Профилактика сиротства: социальная работа с несовершеннолетними матерями. /Н.А. Панина. — Минск, 2006 г. 98 с.
2. Е.И. Цымбал, советник юстиции, кандидат медицинских наук, лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области образования.
3. Храмцова Ф.И. Асоциальная семья как объект социально-педагогической работы. /Ф.И. Храмцова.-Минск, 2008 г. 4 с.
4. Коробейников И.А. Проблема сиротства: реальность и ожидания. /И.А. Коробейников.-Москва. 2006 г. 57 с.
5. Лиханов А.М. Дети без родителей./ А.М. Лиханов.-Москва. 1987 г.
6. Копыл О.А., Баз Л.Л., Баженова О.В. Готовность к материнству, выделение факторов и условий психологического риска для будущего развития ребенка. / Копыл О.А., Баз Л.Л., Баженова О.В. Синапс. 1993. №4. С. 354.

В течение пяти лет моей работы было взято опекунов над двумя детьми. Родственники восьми отказников посещают наш детский дом-интернат, общаются, приносят подарки, играют, присутствуют на концертах для детей.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что основной причиной сиротства в нашем детском доме-интернате является отказ от ребенка в родильном доме в связи с его болезнью.

Гендерные особенности ценностных ориентаций студентов

Иовенко Евгений Юрьевич, студент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Любое общество имеет неповторимую структуру ценностных ориентаций, в которой отражается обыденность данной культуры. В процессе социализации каждый индивид усваивает уникальный набор ценностей, который представляет ему общество. Исследование ценностных ориентаций студенчества весьма актуально, так как это даёт возможность определить уровень приспособления студентов к изменяющимся социальным условиям. Процессы, овладевающие сознанием молодого поколения, таят в себе исключительную важность, ибо они знаменуют собою ближайшее будущее нашего общества, неотъемлемым компонентом которого является студенчество.

Процессы качественных изменений в массовом сознании всегда привлекали множество исследователей. Такие учёные как Б.Г. Ананьев, Т.М. Андреева, Л.И. Божович, Б.С. Братусь, Л.С. Выготский, А.Ф. Лазурский, Б.Ф. Ломов, В.А. Ядов, рассматривали аспект ценностей человека в связи с источниками активности человека — потребностями, предметами этой активности — мотивами и факторами управления данной активностью. Огромное значение в исследовании ценностных ориентаций оказали труды А.В. Мудрик, И.С. Кон, В.М. Кузнецов, И.С. Артюхова. Ольшанский В.Б. представлял ценностные ориентации как тяготение личности или группы к различным формам социальной важности. Но В.А. Ядов вместе с А.Г. Здравомысловым объединили ценностные

ориентации с психологическим определением установки на уровне общества, но не в контексте отдельного субъекта [3, 4, 5].

Понятие «ценность» в его психологической трактовке эквивалентно некоторому комплексу психологических явлений, которые, хотя и терминологически, отмечаются разными дефинициями, но семантически однополярны: Н.Ф. Добрынин называет их «значимостью»; А.И. Божович «жизненной позицией»; А.Н. Леонтьев «значением» и «личностным смыслом»; В.Н. Мясищев «психологическими отношениями».

Студенческие годы являются этапом усиленного формирования системы ценностных ориентаций, которая влияет на укрепление личностных характеристик в целом. Индивиды в данном периоде развития стараются сформулировать важнейшие цели, установки, мировоззренческие позиции, опираясь на которые пытаются планировать свою деятельность и выбирают необходимые средства для осуществления своих целей. В наше время молодые люди поставлены в условия индивидуального выбора системы ценностей и их осознания. Отсюда следует, что процесс интериоризации ценностей подвержен случайным и массовым влияниям. В работах Ш.А. Амонашвили, А.А. Деркача, И.В. Дубровиной делается акцент на целенаправленность формирования ценностных ориентаций в годы студенчества, формирование условий для

укрепления культурных и нравственных ценностей у молодёжи [1; 25]. Система ценностных ориентаций формирует содержательную сторону направленности личности и составляет основу её отношений к окружающему миру, к другим людям, к самому себе. Данная система укрепляет платформу мировоззрения, в которой заложена сердцевина мотивации жизнедеятельности. В конечном счете, она определяет «философию жизни» и является посредником для становления «Я-концепции» личности [2; 62]. Как показывает обзор литературы, ученые уделяют больше внимания исследованию ценностных ориентаций в юношеском возрасте, но в то же время гендерный аспект ценностных ориентаций студенчества изучен недостаточно.

Целью нашего исследования является выявление психологических особенностей ценностных ориентаций студентов. Мы предполагаем, что существуют гендерные отличия в ценностных ориентациях студентов.

В исследовании приняли участие 30 студентов первого и второго курсов факультета психологии в возрасте от 17 до 19 лет, среди них 15 юношей и 15 девушек. Для диагностики особенностей ценностных ориентаций была использована методика М. Рокича. Статистическая обработка данных проводилась с использованием непараметрического метода углового преобразования Фишера. Математическая обработка данных проведена на основе пакета MS Excel.

Все ценности, мы разбили на две категории: доминирующие это те ценности, которые часто выбирались испытуемыми, т.е. они являются основополагающими в их жизни; ценности, которые не получили должных баллов, для того, чтобы считаться ведущими, мы их назвали периферийными, то есть находящимися далеко от главных, но имеющих с ними непосредственную связь.

После статистической обработки данных наметились определённые тенденции, характеризующие различия ценностных ориентаций у юношей и у девушек. Обнаружены различия в терминальных (доминирующих) ценностях, обозначающихся как ценности — цели. Ведущую роль в обеих выборках, заняла такая ценность как «здоровье», в группе девушек в дополнение кроме здоровья присутствуют еще «любовь» и «семейная жизнь». Ценности «здоровье», студенты уделяют высокую позицию. На данном этапе своего индивидуального развития, когда молодые люди постепенно проникают своими интересами и мировоззрением во взрослую жизнь, особо важное место занимает здоровье как физическое, так и психическое. Дело в том, что когда здоровье человека находится в норме, то ему не нужно использовать резервные силы для того, чтобы утвердить своё социальное положение, так как оно является показателем успешности в обществе. Балансируя только в состоянии нормы, он облагораживает свой социальный статус, завоевывает определённое отношение к себе как личности, зарекомендовывает себя среди других людей. Его внимание полностью сосредоточено на проблемах своего положения в обществе, отно-

шениях к нему, иными словами на самом социуме. Для студентов 17–19 лет, приобретение социального статуса во взрослой жизни через получение образования имеет значимость, так как принятие на себя определённой социальной роли (в нашем случае это студенческая скамья и успеваемость) будет внешне характеризовать данную личность.

Определённо важную ценность наряду со здоровьем, в выборке девушек, играют такие категории как любовь и счастливая семейная жизнь. Необходимо отметить, что девушки более чувствительны к социальным переменам, это относится к любви, и вытекающей из неё как необходимое следствие семейная жизнь. Дело в том, что девушки физиологически имеют более раннее созревание по сравнению с представителями противоположного пола. В этой возрастной периодизации имеется и своя психологическая действительная, но скрытая причина. Созревание девушек складывается по общепринятому принципу феминности. Мягкость, готовность помочь, формирует у девушек высшие духовные чувства, переживание которых приводит к становлению в таком контексте и мировоззрения. Любовь, воспринимается как высший идеал, к которому необходимо стремиться, чтобы реализовать жизненные цели. В возрасте 17–19 лет, любовь, прежде всего как плотское чувство, имеет воплощение в подходящем «идеале» противоположного пола. От того, как будет происходить созревание этого чувства и его раскрытие, будет зависеть дальнейшие притязания девушек к юношам и к жизни в целом. Рубежом успешности будет являться семейное положение. Брачные отношения, могут являться для девушек индикатором состоятельности девушки в обществе как успешной личности. По сравнению с юношами, которые отвели семейной жизни далеко не первое место, девушки могут полагаться на известные социальные стереотипы о жизни в обществе, для них скорая семейная счастливая жизнь является мыслью приятной.

Анализируя результаты, которым участники исследования доверили наименьшие баллы, названные нами периферийными ценностями, то есть находящимися далеко от центральных, ведущих ценностей жизни, на которых базируется мировоззренческие позиции личности. Наши испытуемые в единогласно констатировали, что одной из самых малозначимых ценностей — целей, является красота природы и искусства. Выбор данной ценности как самой незначительной, исходит из того, что возраст наших испытуемых, слишком молод для переживания прекрасного в природе и искусстве, так как это ценность второго, а может быть и третьего порядка, осознание которой приходит к людям гораздо старшего возраста по многим причинам. Во-первых, можно привести аналогию с пирамидой потребностей знаменитого психолога-гуманиста Абрахама Маслоу, в которой, для того чтобы достичь высшей ступени пирамиды, то есть самоактуализации, необходимо удовлетворить ниже лежащие потребности. Так и в случае с красотой природы и искусства, чтобы наслаждаться переживанием прекрасного, необходимо обрести и сохра-

нить те базовые ценности, опираясь на которые, индивид будет способен воплощать в реальность все оставшиеся ценности, включая и ту, которой отдал самый низкий бал. Во-вторых, осознание данной ценности присуще не всем людям, так как более глубинно её понять и найти в ней огромный смысл, может только тот человек, который способен это почувствовать, то есть у которого должны быть определённые способности к пониманию этого феномена. Это относится к людям творческих специальностей, в которых без вдохновения нет никакого смысла работы.

Проведя всесторонний обзор терминальных ценностей, ценностей-целей, мы приступаем к всеобщему обозрению результатов, получившихся при статистическом анализе ценностей-средств, инструментальных ценностей. Если брать во внимание группу доминирующих ценностей юношей и девушек, то тут, как и у терминальных ценностей, высокий результат наблюдается у такой категории ценностей как воспитанность. Что касательно этого понятия, то в этом нет ничего удивительного, так как, прежде всего воспитанность и хорошие манеры, всегда и во все времена являлись высоким показателем достойного происхождения, респектабельности и важности самого рода и человека из него в частности. Но стоит отметить и то, что выбор этой ценности в двух выборках не случаен, так как мы уже упоминали самые важные терминальные ценности, их плюсы и минусы, эта ценность, косвенно апеллирует к социальному положению в обществе, выбор наиболее выгодной позиции в нём. Воспитанность является одним из тех качеств, на которые смотрят собеседники. Девушке, чтобы понравиться почтенному и приличному молодому человеку, необходимо частично знать светский этикет, исполнение норм и правил которого, обеспечит ей приятные мгновения пусть хотя бы на короткий вечер романтического знакомства. Парню, которому нужно закрепиться в обществе, хотя бы из-за чувства самоутверждения, доказать себе свою состоятельность, непременно необходимо иметь при себе пару тройку дельных вариантов расположения к себе людей. Итак, воспитанность, как наиболее значимая ценность-средство, полностью оправдало свой выбор. Тенденция, которая незримо развивалась ещё при анализе ценностей-целей, дала о себе явно знать в ценностях-средствах, и получается, что она имеет в себе достаточно основания, чтобы быть закономерной. Нужно уделить внимание ещё одной ценности, которую представительности слабого пола посчитали сравнимой с первой ценностью. Честность, как необ-

ходимая характеристика установления контакта между людьми. Важно отметить то, что девушки являются более чувствительными к различного рода мелочам в общении. Именно лишь когда партнёр по общению максимально честен, с ним можно поговорить на откровенные темы, установить интимный контакт. Иначе не получится никак. Что касается молодых людей, то они не особо уделили внимание такой ценности, и в общении с противоположным полом своего возраста, им необходимо хотя бы иметь иллюзию честности, для того, чтобы войти в доверие к девушке. Честность характеризуется ещё как взгляд на мир, желание созерцать в нём только правду и ничего кроме её.

Говоря о периферийных ценностях-средствах, мы можем констатировать сходство между выбором у двух, различающихся по гендерным признакам групп. Две выборки испытуемых, остановились на выборе непримиримости в недостатках в себе и других. Такой выбор, можно комментировать следующим образом: так как выборки исследования составляли студенты 17–19 лет, индивиды, которые вступают во взрослую жизнь, у которых множество различных занятий, (главным из которых является учеба, конечно же), не думают о том, чтобы лишиться себя какого-нибудь удовольствия, иной раз не прийти на первую пару, убедив себя в явном недосыпании, либо не сходить в тренажёрный зал, чтобы поддержать форму на должном уровне. Все эти мелкие недочёты, где-то ошибки, где-то провалы, являются хорошим подспорьем для развития множества негативных привычек, главной из которых является лень. Именно она расслабляет личность, не давая заниматься должным образом, подготавливать семинары, выполнять работу по дому, самосовершенствоваться. Непримиримость к недостаткам порождает множество пороков, избавиться от которых бывает очень трудно, к примеру, во время стрессовой ситуации, индивид, вместо того, чтобы критически осмысливать ситуацию, давать ей разумную оценку, он попадает на ту самую ловушку, в которую угодили множество людей, и приобщается к курению. Необдуманность и лёгкость выбора зачастую играет злую шутку со многими людьми, которые мирятся с недостатками в себе и других. В заключении необходимо отметить, что статистически значимых различий в гендерных особенностях ценностных ориентаций студентов факультета психологии в возрасте 17–19 лет выявлено не было. Результаты данного исследования необходимо проверить на выборке большего объема, что будет являться предметом нашего следующего исследования.

Литература:

1. Амонашвили Ш.А. Школа жизни М.:998.
2. Дубровина И.В. Руководство практического психолога. М.1998.
3. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение 1989.
4. Крапивская Л.В. Личность и ее ценностные ориентации. М.1983.
5. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методические проблемы социальной психологии. М.1975.

Социально-психологический аспект становления полоролевой идентичности подрастающего поколения российских граждан

Кузьмин Александр Валерьевич, студент

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Многие годы большое внимание уделяется вопросам самосознания, самооценки и идентичности в психологии подросткового и юношеского возраста. И сейчас этот вопрос продолжает интересовать многих. Еще более интересным и немаловажным аспектом данного вопроса является полоролевая идентичность. Проблема полоролевой идентичности весьма значима и для современного российского общества и особенно для молодого поколения.

За последние двадцать лет огромную популярность в среде российской молодежи приобрели различные субкультуры и неформальные группы, которые несут в себе не всегда положительный взгляд не только на окружающий мир, но и на понимание подростками самих себя, осознание собственных чувств, осознание собственного внутреннего мира [1, с. 147]. В этих группах часто формируется не совсем правильное представление о том, каким должен быть мужчина, и какой должна быть женщина. Из этого вытекает еще одна немаловажная проблема: в настоящее время активно разрушаются институты семьи и брака где и должны закладываться основы полоролевой идентичности [2].

В условиях усиления духовного кризиса, утраты нравственных ориентиров становится очевидной тенденция разрушения культурных традиций, переориентации ценностей молодежи с духовных на материальные, прагматические. Существенным является и то, что на процессы социализации серьезное влияние оказывает информационная среда. Значительное число экспериментальных исследований свидетельствует о непосредственном влиянии средств массовой информации на социальное поведение и личность [3]. Насаждается индивидуализм и насилие, что часто не совпадает с исконными национальными ценностями. Изменяется сама форма семьи и семейных отношений, где роли мужчины и женщины уже не имеют четких различий в отличие от традиционной. Обилие неполноценных семей постепенно становится нормой в российском обществе.

Возникает необходимость осмыслить новое в восприятии материнства и отцовства, понять главное: кто и где воспитывает российских детей, а также: как и что воспитывают в российских детях. Хотим мы этого или нет, но следует признать, что «традиционная семья» в представлении российского обывателя — именно модель семьи середины прошлого века стала меняться под воздействием эпохи перемен.

Все происходящее в России — часть общемировых проблем, подчеркнул известный сексолог, доктор философских наук Игорь Семенович Кон [4]. В 70 — е годы весь мир столкнулся с проблемой смертности мужчин и с из-

менением мужской сущности. Что же происходит: феминизация мужчин или маскулинизация женщин? Мужчины реагируют на это по — разному. Одни принимают изменения и готовы быть с женщиной на равных (это «новые мужчины» и их, к сожалению, меньшинство). Вторые — представители патриархальной, жесткой маскулинности, считают, что с ослаблением мужского начала человечество гибнет. Третьи (самая многочисленная категория мужчин) растеряны и дезориентированы [5].

Если в Советской России были стерты различия между группами, были затушеваны национальные традиции, а характерной особенностью времени была исключительная преданность не идеи семьи и брака, а общей идеи государства и общества, при этом наблюдалась крайняя поляризация гендерных ролей внутри семьи и обществе, то в течении последних десятилетий многие семейные ценности (разделение труда между полами, подчинение жены мужу, и др.) лишились экономических механизмов их поддержки. Ведь именно необычность, крайность норм, изменения в социально — экономических условиях обуславливают существование модели семьи нового тысячелетия. Эти факторы определили преходящий ее характер и привели к тому, что «традиционная» модель семьи начала переживать относительно глубокий кризис, поскольку многие семейные ценности оказываются без экономических механизмов, которые их поддерживали. Речь идет об обострении социально — экономического неравенства, при котором благополучие семьи не может держаться на одном «кормильце» [6].

Происходят изменения во взглядах на предназначение женщины и сексуальную мораль. Молодое поколение россиян сегодня сталкивается с парадоксальной ситуацией: провозглашенное формальное равенство мужчин и женщин вступило в противоречие с выполнением традиционных гендерных ролей, которые предписывали следовать противоположным и зачастую несовместимым установкам, причем противоречия заключаются как в самих нормах, так и между провозглашенными ценностями и реальностью [7, с. 87—99]. Представления о деловитости, настойчивости, конкурентоспособности в реальной жизни применимы и по отношению к женщинам. Однако они рассматриваются зачастую как противоречащие «истинной женственности», которую никто не отменял. Это означает, что и поколение молодых россиянок во многом еще не освободилось от давления прежних норм и стандартов поведения.

В контексте новых нравственных ценностей, обусловленных новыми реалиями жизни, стали возможными произошедшие и происходящие изменения в институте семьи

и брака. Многие российские семьи продолжают жить по старым правилам, однако очевидно, что подорвана идея универсальности модели и ее строгой обязательности. Независимость (друг от друга и от общественных норм), личностный рост, развитие внутреннего мира женщины и мужчины превращается постепенно в первоочередные ценности для многих россиян, поскольку свобода личности достижима только путем саморазвития, порой ценой отказа от общепринятой морали, нарушения стандартов и стереотипов в разных сферах жизни.

В центре процесса отрицания общепринятых норм — индивид с его стремлением к самореализации и свободе. Произошла не замена одной модели на другую, а появилась новая норма, впитавшая в себя два элемента. Среди принципиальных изменений наблюдается ослабление социальных ограничений в сфере семейного поведения и расширения рамок индивидуального выбора, а общественные нормы носят менее императивный характер. Это позволяет говорить о «культуре нового индивидуализма, когда свобода от необходимости следования нормам сама превратилась в норму». Конечно, трудны поиски «разумной середины» между советского образца двойным стандартом репрессивного морализма и «извращенной» терпимостью (существует двойственное отношение к гражданскому браку и др.). Новая система приоритетов в семейных ценностях более адекватно отвечает изменившимся социально-демографическим условиям. Традиционная семья, базировавшаяся на ограничении свободы индивида, в особенности женщин, постепенно перестает быть однозначной моделью для подражания [8]. Однако, трудно утверждать, что для большинства россиян семья — это гибкие роли партнеров и подлинная близость, открытость в отношениях, извлечение позитивного опыта из конфликтов, самовыражение, внимание к окружающим и забота о них, сочувствие, стремление ощущать себя связанным с родными.

Что могут сделать миллионы женщин из тех, которых принято называть «простым народом», сегодня для гармонизации жизни? Как воспитывать мальчиков, чтобы подготовить их к быстро меняющимся ситуациям жизни? «Выравнивание» отношений между полами потому и сложно, что оно требует глубинных перемен в сознании. Отношения, которые сложились между мужчинами и женщинами, поддерживаются такой властью, которая зиждется на устоявшихся представлениях и гендерных стереотипах. Необходимо внедряться в те пласты убеждений, взглядов, идей, посылок, с помощью которых эти отношения власти поддерживаются и возрождаются круг за кругом. Это чрезвычайно трудно, потому что отношения власти, в том числе и взаимоотношения между полами, имеют длительную историю, во-первых. А во-вторых, эти основные послышки (идеи) стали своего рода ценностями, т.е. нравственными критериями в сложившейся культуре. Да, изменение ценностей — сложнейшая задача, однако — это не причина для оправдания бездействия, чтобы эти ценности оставались прежними.

Прежде всего, следует разобраться с собой и понять для себя: что такое «традиционная женственность»? Что мы подразумеваем под «традиционной женственностью»? Что значит быть женщиной? Что значит быть мужчиной? Как воспитывать мужчину?

Многие ли из нас задумываются над этими вопросами в тиши от дневных обыденных забот, включающих как «добычу хлеба насущного», так и налаживание каждодневного семейного быта с «крепким» и без такого «хозяина»? А есть ли они «крепкие» хозяева? И, что это значит: «крепкий» хозяин?

Стереотип мужской доминирующей роли, которая проявляется в семье и обществе, постоянно навязывается и репродуцируется всюду: дома, в яслях, саду, в школе, в институте, на экране, в литературе, СМИ. Мальчикам часто говорят: «не раскисай», «не хнычь», «будь мужчиной», «будь хладнокровен». Это традиционные призывы традиционной системы воспитания с самого малого возраста преследуют мальчика. Юношей недвусмысленно призывают доминировать в спорте и в сексе.

В российской культуре, как иногда и в западных, все еще существует четкое разделение представлений о том, что такое «мужественность», и что к ней не относится. Мальчикам предписывается делать то, что в обществе считается типичным для мальчиков, и таким образом определять себя мужчинами. (стать мужчиной по образу и подобию этих типичных представлений). Этот общественный идеал служит мерилем того, можно ли считать мужчину мужчиной. Быть мужчиной — значит быть чем — то другим, а не женщиной. Мужчина сравнивает себя с себе подобными (т.е. другими мужчинами), используются критерии — отличия от противоположного пола [9]. Существуют, таким образом, ценности принятые обществом, которые мужчины признают принадлежащими им и характерными для мужского пола.

Общественный идеал мужчины и мужественности переменчив: в разные времена существуют различные «правильные» модели мужчины и мужественности. Образы — модели патриархального кормильца семьи, мягкого мужчины или сочетание двух этих моделей бытуют в обществе.

Многие считают, что проблемы при воспитании мальчиков создаются тем обстоятельством, что им преимущественно занимаются женщины. Особенно выделяют проблемы воспитания мальчиков, живущих только с матерью. Также ребенка в детском саду и в школе окружают в основном женщины. Если бы в садах и школах было больше мужчин, то и отцы бы активнее участвовали в их деятельности. Сегодня в России детские сады — почти безраздельная сфера господства женщин. (Излишне напоминать, что заработная плата в этой сфере скорее символическая, чем рассчитанная на выживание).

Основные женские и мужские ценности остаются консервативными. От мужчины по-прежнему ждут, чтобы он был сильным, смелым и кормильцем семьи. Хотя в более развитых странах это уже не главное. Модель «настоя-

шего мужчины» (ковбой с кольцом) не подходит для цивилизованного общества. Женщины теперь требуют, чтобы мужчина был чутким, понимающим, эмоционально отзывчивым (а это уже феминистические качества). Поэтому современным мужчинам приходится развиваться в двух направлениях.

В душе у каждого мальчишки самой природой заложена огромная тяга к мужскому общению с взрослым мужчиной — и не важно, кто именно это будет, старший брат, дедушка, отец, спортивный тренер или дворовый

авторитет. Ни одна женщина не способна удовлетворить эту тягу к мужскому общению. И если мужское общение по каким — либо причинам не сложилось, мальчик не сумел заполучить необходимую ему долю мужского общения и мужского воспитания, он либо вовсе лишается мужского воспитания и природной тяги к самостоятельности под постоянным покровительством матери, либо подпадает под криминальное влияние улицы и получает мужское воспитание в самой жесткой и извращенной форме.

Литература:

1. Араканцева Т.А., Дубовская Е.М. Полорольевые представления современных подростков, как действенных фактор их самооценки // Мир психологии, 1999, №3. С. 147—155
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
3. Клёдина И.С. Гендерная социализации. Учебное пособие. СПб., Изд — во РГПУ им. А.И. Герцена. 1998
4. Кон И.И. Подростковая психология на пороге XXI века. М., 2001.
5. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // «Идентичность» хрестоматия сост. Л.Б. Шнейдер МГУ 2003.
6. Н. А. Шведова \»Революции, как и дома, начинают строить снизу (мать и сын: гендерный взгляд)\» //Open Women Line. Библио — Центр. 2001. URL:<http://www.owl.ru/win/books/policy/son.htm> (дата обращения: 25.09.2012).
7. Брандт Г.А. Природа женщины // Екатеринбург: Гуманитарный университет, — 2000, С. 87—99.
8. Антонов А.И. Семья: функции, структуры, теории семейных изменений // Основы социологии. Изд. 2. М., 1994.
9. Юферева Т.И. Образы мужчин и женщин в сознании подростков // Вопросы психологии 1985, №3. С. 84

Психологические причины вовлечения молодых людей в деструктивные неокульты («секты»)

Петрина Мария Григорьевна, магистрант
Московский педагогический государственный университет

Культовая зависимость представляет собой чрезвычайно сложный феномен, при изучении которого одним из важнейших вопросов является выявление причин ухода человека в секту. Очевидным является тот факт, что превращение человека в адепта деструктивного культа связано не с одним, а с целым спектром детерминант внешнего и внутреннего характера. Внешние детерминанты всегда связаны со степенью *виктимогенности* социальной среды, в которой живет человек. Под *виктимогенностью* понимается наличие в тех или иных объективных обстоятельствах социализации характеристик, черт и опасностей, влияние которых может сделать человека жертвой этих обстоятельств [6, с. 202]. Так, появление новых религиозных движений деструктивного толка в конкретном городе или микрорайоне усиливает возможность личных и опосредованных контактов человека с культовыми вербовщиками. Таким образом, проживание в данной социальной среде становится потенциально опасным.

Внутренние же детерминанты ухода человека в секту связаны со степенью его *виктимности*, т.е. личной пред-

расположенности к становлению жертвой данных неблагоприятных обстоятельств [6, с. 202].

По сей день спорным является вопрос о том, какого же свойства детерминанты в конечном итоге обуславливают уход человека в неокульт — внутреннего или внешнего? Как справедливо заметил П. Мартин, часто у профессионалов психического здоровья, а также родственников и друзей существует тенденция «обвинять жертву» в ее становлении таковой [2, с. 68]. Не соглашаясь с таким суждением, И. Михель считает, что независимо от фактов предрасположенности именно тщательное психологическое манипулирование заставляет жертву присоединяться к культу и нести психологический ущерб [2, с. 68]. Обе точки зрения представляются нам ошибочными, поскольку только определенное соотношение *виктимогенности* среды и личной *виктимности* способствует становлению человека жертвой тоталитарной секты. Поэтому каждые типы детерминант — внутренние и внешние — требуют тщательного осмысления. Остановимся подробнее на рассмотрении внутренних предпосылок развития куль-

товой зависимости, особенностью которых является их неоднозначность, малодоступность для внешнего наблюдения и зачастую неочевидность даже для самого адепта.

Ф. Макхоек, М. Сингер и С. Эш считают, что уязвимость некоторых людей к культовым манипуляциям обусловлена: высоким уровнем существующего в данный момент страдания, культурным разочарованием у несостоявшегося искателя, отсутствием подлинной системы религиозных верований и ценностей, склонность личности к зависимости, о чем свидетельствует недостаток внутреннего руководства, нехватка адекватного самоконтроля (например, застенчивость), низкая терпимость по отношению к двусмысленности, неоднозначности и восприимчивость к трансовым состояниям [2, с. 66].

Р. Энрот считает, что главными факторами предрасположенности людей к уходу в культы являются, во-первых, дисфункциональные семейные отношения, недостаток общения между родителями и детьми, в результате чего молодые люди испытывают эмоциональный дефицит и томление по любви. Во-вторых, причиной привлекательности сект является сильная жажда духовной истины среди молодых людей, которую охотно предлагают культы [2, с.66–67].

Согласно А.В. Котлярову, деструктивные культы, в первую очередь, привлекают личностей, стремящихся к власти, авторитету, к утверждению себя за счет других. Именно данный тип характера, по его мнению, менее предрасположен к катастрофическим последствиям пребывания в секте [4, с. 374]. Властолюбие и тщеславность позволяет таким людям занимать удовлетворяющее их амбиции место в иерархии группы. В случае, когда дальнейшая самоактуализация в секте невозможна, они сами стремятся покинуть ее, иногда в статусе «неправильных», «отверженных». Сей факт позволяет Котлярову считать обладателей такого типа характера самой «благополучной» группой потенциальных адептов сект. Наиболее же разрушительным пребывание в культе становится для людей, обладающими следующими характерологическими чертами:

- Повышенная тревожность, мнительность. Жизнь таких людей наполнена постоянными сомнениями, неуверенностью, впечатлительностью. В себе они предпочитают видеть множество недостатков и страшатся быть осмеянными и подвергнутыми осуждению, вместе с тем оценка окружающих для них чрезвычайно важна, ввиду чего они быстро становятся зависимыми от советов и внешних предписаний. Чрезмерная тревожность часто связана с желанием таких людей переносить ответственность за собственные несчастья и неудачи на других.

- Позерство, перфекционизм. Стремление казаться больше, чем ты есть на самом деле, и пережить больше, чем в состоянии пережить — отличительная характерологическая особенность потенциальных жертв культов, выделяемых Котляровым.

- Погруженность во внутренний мир. Такие люди живут только своими необычными интересами и увле-

чениями, иногда связанными с оккультизмом и мистицизмом. В общении с окружающими испытывают неловкость и напряжение.

- Инфантильность, детскость. Данная черта характера не обязательно присуща исключительно подросткам и юношам. Детскость или инфантильность — следствие преднамеренного ограждения человека от каких-либо обязанностей и самостоятельных усилий по достижению жизненных целей. В результате столкновения с жизнью у человека появляется убеждение, что воплощение высоких идеалов в реальном социуме невозможно. Он стремится создать иллюзию жизни, которая не соответствует реальности [4, с. 374–375]. Е.В. Емельянова рассматривает адептов деструктивных культов, как лиц, склонных к созависимым отношениям, где культовая зависимость относится к немногочисленным «злонамеренным созависимостям». Согласно ее наблюдениям потенциальным адептам сект свойственны следующие черты:

- Несформированность вполне определенной Я-концепции, размытость, опустошенность собственного «Я». Как правило, это является следствием того, что с раннего детства ребенок получал противоречивые оценки себя и своих поступков. Выработывая Я-концепцию, юноша опирается на мнение окружающих, прежде всего, близких людей. Если он получает противоречивую обратную связь относительно своей личности и поступков, его Я-концепция будет включать в себя все эти противоречия. Попадая под влияние «миссионеров» секты, его начинает привлекать стройная система взглядов того, как он должен жить, действовать, думать и поступать;

- Отсутствие определенной системы ценностей и представлений, желаний, целей в жизни;

- Страх перед ответственностью за свою жизнь и, как следствие, стремление переложить ее на плечи «духовного учителя», лидера секты;

- Чувство ничтожности, незначительности собственного существования, когда молодых людей привлекает позиционирование себя в секте как наделенных особой ролью и миссией;

- Бунт, противостояние стремлению родителей или других близких влиять на их жизнь, непринятие навязчивой системы ценностей окружающих. Так, стремясь освободиться от родительской опеки, молодые люди могут не представлять, что делать со своей свободой. Поэтому огромен риск того, что зависимость от одних людей просто меняется на зависимость от других, лишь бы она отличалась от родительской;

- Перфекционизм, стремление быть максимально «правильным», максимально «совершенным», максимально «духовным», чтобы соответствовать собственному Идеальному Я;

- Разочарованность в прежних убеждениях, утрата уверенности в верности своих жизненных воззрений. Переживающий подобный кризис человек дезориентирован, на время лишен воли. Такого человека легко «утешить», предложив совсем непохожую на прежнюю, «справед-

ливую», «глубокою» философию и окружение «особых» людей;

- Невозможность самореализации [3, с. 73–78].

Каждая из названных причин имеет место быть, слагая психологический портрет приверженца неокульта. Однако далеко не все из них являются универсальными и обязательными. Кроме того, ни один из указанных исследователей не ранжирует причины по степени их значимости, поэтому вопрос о фундаментальной, сущностной обусловленности культовой зависимости остается открытым. Мы же считаем, что хотя уход человека в деструктивный культ, как правило, обусловлен несколькими психологическими причинами, среди них можно выделить главную, генеральную причину.

Для того чтобы глубже осмыслить данную проблему необходимо обратиться к особенностям человеческой психики и связанному с ней феномену веры. В 1987 г. на заседании лондонского психоаналитического общества Антоний Сурожский выдвинул тезис о том, что «вера, как феномен, имеет отношение не только к Богу или области Божественной» [5, с. 116]. Спустя почти десятилетие, размышляя на эту тему, Б.С.Братусь скажет: «...вера не только богословский, но и *общепсихологический* феномен, неотъемлемо входящий в суть и механику психической жизни любого человека. Вера тогда — фундаментальный факт функционирования человеческой психики. В известной степени, вера соприсутствует, неотрывна от любой человеческой деятельности» [1, с. 21]. В разных формах ее можно наблюдать практически у всех. Так, само планирование дел человеком — есть акт веры, где допускается вероятность неудачи и, вместе с тем, вера в осуществление задуманного. Начиная житейскими, и заканчивая высшими формами проявления веры, такими как религия, данный общепсихологический феномен обнаруживается абсолютно у всех людей. Таким образом, мы говорим о существовании онтологической, фундаментальной потребности человека в вере в ее широком понимании. Особенностью данной потребности, по замечанию Б.С. Братуся, является тот факт, что «эта потребность... не в конечных предметах, а в предметах бесконечных» [1, с. 23]. Он характеризует потребность в вере как *метафизическую потребность*, т.е. потребность в том, чем нельзя непосредственно завладеть как некой вещью. Непосредственная недостижимость желаемого обуславливает *самотрансценденцию* человека, т.е. ориентацию

человеческого бытия вовне на нечто, что не является им самим, ориентацию на поиск смысла. Согласно концепции В.Франкла, смысл может быть обретен в отдаче делу, которому человек себя посвятил, человеку, которого он любит или Богу, которому он служит [7, с. 51]. Поэтому поиск Бога, Истины, Абсолюта является естественной экзистенциальной для человека потребностью, побуждающей его выходить за границы своего Я и фрустрация которой лишает жизнь смысловой наполненности. Однако наличие потребности в вере и смысле еще не означает удачное ее удовлетворение. В эпоху постмодерна, со свойственным ей мировоззренческим плюрализмом удовлетворение экзистенциальных потребностей оказывается весьма затруднительным. «В отличие от животных инстинкты не диктуют человеку, что ему нужно, и в отличие от человека сегодняшнего дня традиции не диктуют человеку, что ему должно. Не зная ни того, что ему нужно, ни того, что он должен, человек, похоже утратил ясное представление о том, чего же он хочет. В итоге он либо хочет того же, чего и другие, либо делает то, что другие хотят от него» [7, с. 25]. Поэтому у человека, испытывающего религиозную потребность, но лишенного образца воплощения здоровой духовности, велик риск деструктивного удовлетворения данной потребности, формирования своего рода девиаций веры, воплощенных в суевериях, обращении к магии, оккультизму, астрологии, нумерологии, и, разумеется, уходе в неокульты (секты). Особенно актуальным это становится для духовного опыта подростков и юношей, ибо религиозная жизнь требует от человека личностной и духовной зрелости.

Таким образом, в основе формирования культовой зависимости лежит фрустрация базисной человеческой потребности в вере и смыслообретении, когда человек пытается преодолеть личный экзистенциальный вакуум в отсутствие подлинного образца здоровой религиозности, что, в конечном итоге, приводит к девиации религиозной веры. Такова главная, фундаментальная причина victimности жертв сект различного толка. Дисфункциональные семейные отношения, чувство одиночества, внутриличностные конфликты, отсутствие определенной Я-концепции и другие детерминанты развития культовой зависимости, которые обычно можно встретить в психологических исследованиях по этой проблеме, однозначно усиливают уязвимость человека к действию манипуляций, но не являются генеральными.

Литература:

1. Братусь Б.Г. Психология и духовный опыт // Московский Психотерапевтический Журнал. 2009. №3.
2. Волков Е.Н.. Исцеление от «рая»: реабилитация и самопомощь при социальной зависимости / Под науч.ред. Е.Н. Волкова. — СПб.: Речь, 2008. — 392 с.
3. Емельянова Е.В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. — СПб.: Речь, 2004. — 368 с.
4. Котляров А.В. Другие наркотики или Homo Addictus: Человек зависимый. — М.: Психотерапия, 2006. — 480 с.
5. Митрополит Антоний Сурожский. Уверенность в невидимом: Выступление во Фрейдовском Психоаналитическом обществе 25 ноября 1987 // Московский Психотерапевтический Журнал. 2004. №4.

6. Мудрик А.В. Социальная педагогика: учебник для студ. высш. учеб. заведений / А.В. Мудрик. — 7-е изд., исправ. и доп. — М.: Издательский центр «Академия», 2009. — 224 с.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.:ил. — (Б-ка зарубежной психологии).

Эмпатийные сопереживания в контексте ценности личности

Хлебодарова Ольга Борисовна, преподаватель
Современная гуманитарная академия (г. Москва)

Личность в течение всех этапов своего развития, формирования и становления постоянно оценивает окружающий мир, явления социальной реальности, факты собственной жизни по их значимости. Специфика человеческого бытия, в первую очередь, состоит в ценностном отношении к миру.

Абсолютная, самая высшая ценность — это сам человек, его жизнь.

Принятое в философии понятие «ценность» характеризуется социально-историческим значением для общества и несет личностный смысл для индивидов определенных явлений действительности. В качестве объектов такого отношения выступает все многообразие предметно-человеческой деятельности, общественные отношения. Критерии оценки тех или иных явлений в качестве ценности носят конкретно-исторический характер. Ценности служат важным фактором регуляции поведения личности и взаимоотношений людей [4].

Ценности высшего порядка формируются, как правило, очень надолго или навсегда, и изменяются только под влиянием очень тяжелых экстремальных воздействий. Большой интерес представляют также ценности низшего порядка, ценность становится ценностью тогда, когда индивидуум обращает на феномен свое внимание, именно они формируют значительную часть разнообразия ценностей личности, как таковых. Так, в данной иерархии можно сформулировать еще одну закономерность, а именно: чем выше порядок ценностей, тем меньше ценностей данного порядка может существовать. Это можно объяснить, прежде всего, необходимостью выживания и адаптации, ибо если бы у человека все ценности были ценностями высших порядков, то он должен был бы или постоянно жертвовать жизнью, или принимать невыгодные для себя решения, что с точки зрения социальной адаптации, конечно, недопустимо.

Таким, образом, естественная иерархия ценностей базируется на представлении о том, что чем сильнее воздействие, под влиянием которого индивидуум способен отказаться от данного запрета, тем выше порядок ценностей. Ценности в процессе жизни меняют свой порядок, постоянно мигрируя. Чем выше порядок ценности, тем ниже ее возможность к изменению порядка (подвижность), но количество ценностей низкого порядка всегда больше, чем

ценностей высокого порядка.

Ценности разделяют на материальные (ценности, которые существуют в форме вещей) и духовные — моральные, религиозные, художественные, политические и др. При этом материальные ценности (их иногда называют благами) удовлетворяют телесное бытие человека, а духовные, делают бытие человека людским, гарантируют ее существования как духовного существа.

Но кроме ценностей, которые удовлетворяют материальные и духовные нужды, мы акцентируем внимание на психических ценностях, которые удовлетворяют соответствующие нужды. Так, переживание радости, счастья, душевного комфорта, к которым человек стремится и которые ценит, не принадлежат ни к духовной, ни к материальной сферам. Они являются душевными, а не духовными, ценностями.

Именно здесь мы можем говорить о вчувствовании к своему внутреннему миру, участию в своей жизни, о эмпатии не только к окружающим. Зная себя, я знаю других

Эмпатия — это нечто гораздо большее, чем сопереживание, ее богатство или бедность зависит от того, что лежит в ее основании [7].

Эмпатия — (греч. *empathia* — сопереживание) — постижение эмоциональных состояний другого человека в форме сопереживания. Термин Э. введен Э.Титченером, который обобщил в нем близкие по содержанию идеи о симпатии, а также положения концепции вчувствования Э.Клиффорда и Т. Липпса. Различается эмоциональная Э., основанная на механизмах проекции и подражания моторным и аффективным реакциям другого человека; когнитивная Э., базирующаяся на интеллектуальных процессах (сравнение, аналогия и т.п.), и продиктивная Э, рассматриваемая как способность человека предсказывать аффективные реакции другого человека в конкретных ситуациях. Как особые формы Э. выделяют: сопереживание — переживание субъектом тех же эмоциональных состояний, которые испытывает другой на основе отождествления с ним, и сочувствие — переживание субъектом по поводу чувств другого. Важной характеристикой Э., отличающей ее от других видов понимания, является слабое развитие рефлексивной стороны, замкнутость в рамках непосредственного эмоционального опыта.

Установлено, что эмпатическая способность индивидов возрастает с ростом прошлого опыта; Э. легче реализуется в случае сходства поведенческих и эмоциональных реакций субъектов, а также у высокотревожных индивидов. В концепции западной психологии Э. трактуется в основном как пассивно-созерцательное отношение к состояниям и переживаниям другого человека, без актив-

ного вмешательства с целью оказания действенной помощи. Между тем в системе межличностных отношений, характерных для развитого коллектива, формируется активное вмешательство субъекта. Э. в сложившуюся ситуацию с целью устранения фрустрации других членов коллектива [4 стр.409].

В структуре эмпатии выделено три уровня:

Согласно этой концепции, предложенной О.П. Санниковой личность рассматривается как макросистема, состоящая из разноуровневых подсистем, каждая из которых включает взаимосвязанный комплекс свойств отражающих 1/ формально-динамические; 2/ содержательно-личностные; 3/ социально-императивные (или нормативные) характеристики. К первому относится совокупность всех свойств, отражающих динамику протекания психических явлений и индивидуальные свойства конституционального характера. Второй включает в себя собственно личностные качества (понятие личности в узком смысле), характеризующие направленность, по-

требностно-мотивационную сферу и т.п. Третий уровень условно назван автором социально-императивным (от латинского «повелительный, настоятельно требующий, безусловный»). Если, как отмечает исследователь, два первых уровня созвучны представлениям о двухаспектности психики (динамическое и содержательное), то третий уровень включает тот класс характеристик, который отражает имеющиеся у личности представления об обществе, морали, нормах, культуре, знаниях и т.п. Этот уровень жестко контролируется сознанием.

По мнению А.А. Меграбяна, эмпатия включает в себя три компонента:

Эмпатия в целом рассматривается как двухмерное образование:

Е.А. Климов включает эмпатию в когнитивные и эмоционально-волевые процессы в разных сферах психического отражения и регулирования. В сфере психического отражения когнитивный компонент эмпатии, по мнению автора, реализуется через интроекцию и проекцию субъекта с объектом эмпатии. В сфере психического регулирования — эмоциональный компонент эмпатии, который реализуется через процессы привлекательности (аттракции) индивидов в их взаимодействии (интеракции). Е.К. Климов говорит, что сопереживание имеет эмоциональное начало, а вот в сочувствии преобладает когнитивный компонент; субъект центрирован на объекте эмпатии и активно отражает его состояние, при этом эмоции могут овладеть субъектом, но ситуация остается для него личностно незначимой.

В.В. Бойко в структуре эмпатии кроме аффективно-когнитивной сферы выделяет еще и интуитивный канал, который свидетельствует о способности респондента видеть поведение партнеров, действовать в условиях дефицита информации о нем, опираясь на опыт, хранящийся в подсознании [2].

Таким образом, в структуре эмпатии выделяется еще один компонент — действенный (или поведенческий).

Действенная эмпатия проявляется в виде группы альтруистических актов, которые базируются на эмоциях сопереживания и сочувствия, а также на адекватном понимании состояния объекта. И.М. Юсупов исключает присутствие этого компонента в структуре эмпатии, считая ее в основном, пассивно-наблюдательным сопереживанием или сочувствием без активного вмешательства в виде действенной помощи, которую, с его точки зрения, не следует отождествлять с более глубоким явлением в межличностных отношениях — действенной групповой эмоциональной идентификацией [5].

С.К. Нартова-Бочавер отмечает, что в основе помогающего поведения (т.е. действенной эмпатии) лежит готовность субъекта к оказанию помощи. Такая готовность, являясь комплексным образованием, требует от него наличия определенных психологических ресурсов: когнитивных (включающих анализ ситуации бедственного положения другого человека, осознание себя субъектом помощи, принятие решения), поведенческих способностей и возможностей) и мотивации помощи. Понятие мотивации помощи употребляется исследователем в узкооперационном смысле и подчеркивается аффективный компонент феномена готовности к помощи как состояния мотивационно-аффективной сферы личности.

А.П. Гладштейн выделил условия эмпатического взаимодействия:

1. Осознание. Эмпатия, прощупывание и различные формы вызова, в основе которых восприятие опыта, чувств, поступков человека и собственный опыт, чувства и поведение в процессе взаимодействия с ним.

2. Техническое умение. Знание техники, опыт ее реализации, осознание результатов.

3. Ассертивность. Высокая степень осознания и прекрасное техническое умение будут бессмысленны до тех пор, пока они действительно не будут использованы в подходящий момент. Включает в себя внимательное слушание себя, других и последующее сообщение понимания чувств, а также лежащих в их основании переживаний и поведения. Умение трансформировать понимание опыта, поступков и чувств в отклик, с помощью которого можно разделить это понимание с окружающими людьми [7].

Развитие эмпатии и нравственное становление человека, его отношение к миру своих чувств и переживаний окружающих людей, формирует понятие о ценности другого существа, закрепляются потребности в благополучии других людей. Благодаря эмпатийным сопереживаниям выстраивается иерархия ценностей самого человека.

Литература:

1. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М.: «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. — 352 с.
2. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В.В. Бойко. М.: Информ.-изд. дом «Филинь», 1996. — 472 с.
3. Винарская Е.Н. Ценностный аспект проблемы эмоциональной напряженности (психолингвистическое исследование) // Психол. журн. — 1980.-№5. С. 117—130.
4. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. — М: Политиздат, 1985. — 431 с.
5. Юсупов И.М. Психология эмпатии: (теоретические и прикладные аспекты): автореф. дис. . д-ра психол. наук / И.М. Юсупов; С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 1995. — 24 с.
6. Etchegeon G.R. The fundamentals of psychoanalytic technique / G.R. Etchegeon. London; New York: Karnak Books, 1991. — Chapters 21: Countertransference: discovery and rediscovery. — P. 270—280.
7. Kirschenbaum H. On Becoming Carl Rogers / H. Kirschenbaum. New York: Delacorte Press, 1979. XVII, 444 p.

Особенности личности и экзистенциальных переживаний лиц, страдающих алкогольной зависимостью (на примере групп анонимных алкоголиков)

Хлестова Александра Михайловна, студент

Российский государственный гуманитарный университет, Институт психологии им. Л.С. Выготского (г. Москва)

В статье представлен обзор теоретических источников, статистический и психологический анализ, полученных в результате обширного исследования, данных. Проводится сравнение особенностей мужского и женского алкоголизма. Особое внимание уделяется особенностям женского алкоголизма с точки зрения экзистенциального подхода.

Проблема алкогольной зависимости всегда была актуальна для всего мира, но для России особенно. Для того чтобы наглядно это показать, ниже приведены цифры международной статистики.

В мире каждый третий умирает по причине употребления алкогольного наркотика. В России по этой причине ежегодно умирает около 900 тысяч человек [1].

По официальным данным Роспотребнадзора (экспертные оценки даже выше), душевое потребление поднялось до 18 литров чистого алкоголя в год. Порог безопасности, определенный ВОЗ для любой страны в 8 литров, превышен, по крайней мере, вдвое — без принятия самых экстренных мер деградация России, её народа неизбежна [2].

Сверхвысокое потребление алкоголя в России приводит к преждевременной, предотвратимой смерти около 500 тысяч человек ежегодно. Это около 30% смертности мужчин и 15% — женщин [3].

Злоупотребление алкоголем приводит к глубокому кризису в России института семьи. Россия занимает первое место в мире по количеству брошенных детей [4, 5].

Смертность от алкогольных отравлений в России — самая высокая в мире [6].

Приведенные выше цифры освещают ситуацию лишь частично, но уже позволяют предположить, что алкоголизм отрицательно влияет на жизни людей. Особенно принятие алкоголя в больших дозах отрицательно влияет на здоровье, разлагивает семьи, неудовлетворительно сказывается на воспитании детей. В целом, можно сказать, что алкоголь является одной из ведущих причин социальной и личностной деградации.

К сожалению, ученые различных направлений до сих пор не могут с уверенностью сказать, что же является причиной появления и развития алкоголизма. Ни одна концепция не может полностью удовлетворить все вопросы, которые вызывает это заболевание. Тем не менее, попытки ответить на все эти вопросы продолжаются. Многие исследователи сейчас пытаются найти продуктивный и этически приемлемый метод лечения алкогольной зависимости. Проведенное автором исследование также является вкладом в этот поиск.

Целью данной работы является исследование специфики особенности личности и экзистенциальных пережи-

ваний мужчин и женщин, страдающих алкогольной зависимостью (на примере групп Анонимных алкоголиков) в рамках экзистенциального подхода.

Объектом исследования являются психологические характеристики аддитивной личности, такие как невротичность, спонтанная агрессия, депрессивность, раздражительность, общительность, уравновешенность, реактивная агрессия, застенчивость, открытость, экстренсивность/интрэнсивность, эмоциональная лабильность, маскулинность/феминность, экзистенциальные защитные механизмы, суверенность психологического пространства личности и экзистенциальная исполненность.

Предметом исследования являются различия в особенностях личности и экзистенциальных переживаниях у мужчин и женщин, страдающих алкогольной зависимостью.

Основной задачей исследования было выявить личностные особенности лиц, суверенность психологического пространства, экзистенциальные защиты, меру экзистенциальной исполненности лиц страдающих алкогольной зависимостью.

Особое внимание следует уделить используемым в исследовании методикам.

1. Многофакторный личностный опросник FPI (форма В) для диагностики личностных особенностей. Опросник измеряет такие показатели как: невротичность, спонтанная агрессия, депрессивность, раздражительность, общительность, уравновешанность, реактивная агрессия, эмоциональная лабильность, застенчивость, открытость, экстраверсия-интроверсия, маскулинность-феминность.

2. Для диагностики целостности личности использовался опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП). Он включает 80 утверждений и 6 шкал: суверенность физического тела, территории, вещей, привычек, социальных связей и ценностей человека. Автор: С.К. Нартова-Бочавер.

3. Для исследования психологических защит от тревоги, связанной с экзистенциальными проблемами, был взят опросник «Экзистенциальные защитные механизмы» (ЭЗМ) (разработанный Каладзе в дипломной работе, посвященной соматоформным расстройствам), определяющий психологические защиты от тревоги, связанной с такими экзистенциальными проблемами, как смерть, одиночество, свобода и смысл жизни.

4. Шкала экзистенции (ШЭ). Тест измеряет *экзистенциальную исполненность, как она субъективно ощущается испытуемым*. Адаптирован в работе: «Майнина И.Н. Адаптация Шкалы экзистенции А.

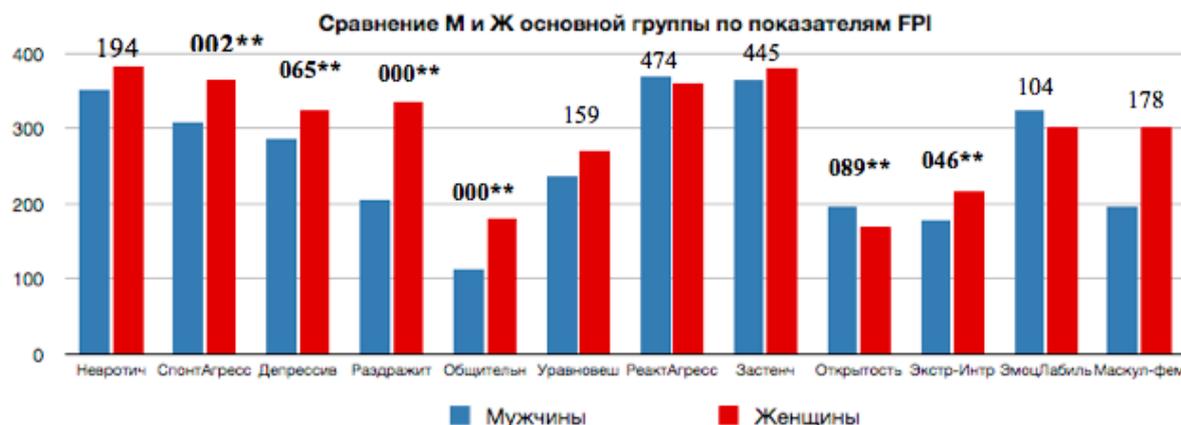

Рис. 1.

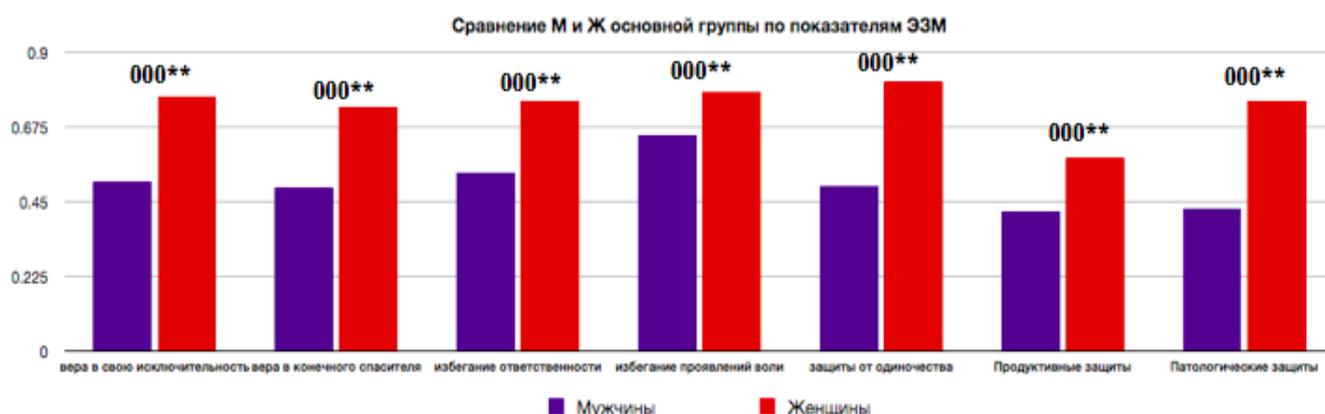

Рис. 2.

Лэнгле, К. Орглер к русскоязычной выборке: дипломная работа. — М.: МГУ, 2007.»

В качестве испытуемых выступали участники программы Анонимные алкоголики 12 шагов, начинающая группа. Всего 103 человека, 51 мужчина от 19 до 47 лет и 52 женщины от 23 до 47.

В исследовании была поставлена следующая гипотеза. Женщины, страдающие алкогольной зависимостью отличаются от мужчин, страдающих алкогольной зависимостью по личностным особенностям, экзистенциальным переживаниям.

В процессе статистической обработки результатов исследования использовался непараметрический критерий Манна-Уитни.

Сравнение основной группы женщин и основной группы мужчин по показателям опросника FPI (Рисунок №1) показало, что группа мужчин имеет статистически значимую меньшую выраженность спонтанной агрессии, депрессивности, раздражительности, общительности и интринсивности ($p < 0,01$). Более высокие статистически значимые показатели обнаружены по показателю открытости ($p < 0,01$).

Сравнение основной группы женщин и основной группы мужчин по показателям опросника Экзистенци-

альные защитные механизмы (Рисунок №2) показало, что все экзистенциальные защиты статистически значимо менее выражены у мужчин, чем у женщин.

Сравнение основной группы женщин и основной группы мужчин по показателям опросника Суверенности психологического пространства (Рисунок №3) показало, что все показатели суверенности психологического пространства мужчин статистически значимо более выражены, чем у экспериментальной группы женщин ($p < 0,01$).

Сравнение основной группы женщин и основной группы мужчин по показателям опросника Шкала Экзистенции (Рисунок №4) показало, что единственный показатель, который статистически значимо более выражен у мужчин, чем у женщин это самодистанцирование ($p < 0,01$). Остальные показатели статистически значимо менее выражены у мужчин, чем у женщин ($p < 0,01$).

Полученные в результате исследования данные позволяют сделать следующие заключения.

Из сравнительного анализа следует, что мужчины имеют меньшую выраженность спонтанной агрессии, депрессивности, раздражительности, общительности и интринсивности. Таким образом, мужчины меньше страдают от импульсивного поведения, депрессивных синдромов, меньше склонны к эмоциональной неустойчивости. Муж-

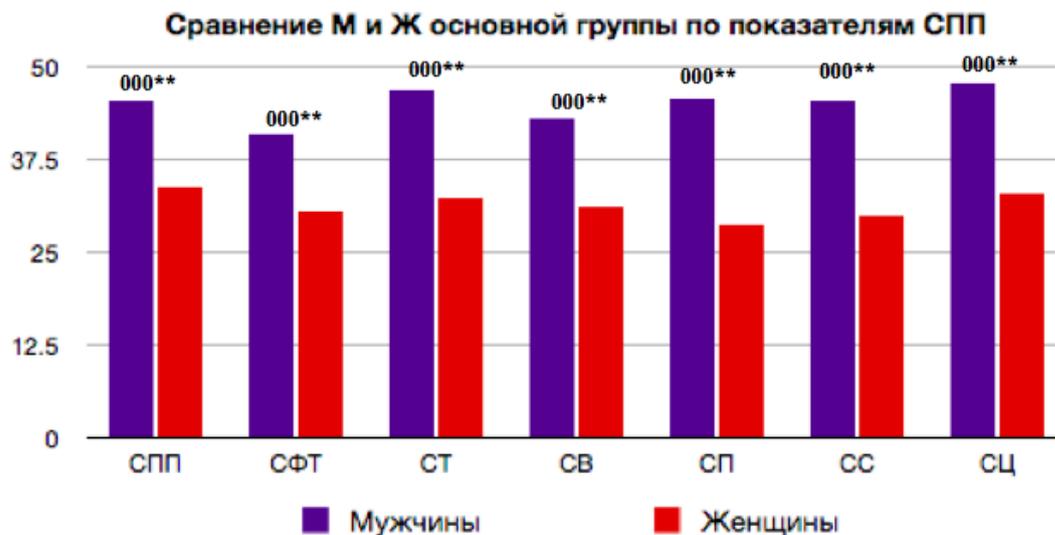

Рис. 3.

Рис. 4.

чины обладают несколько более высоким уровнем направленности во внутренний мир и, следовательно, менее общительны и не нацелены на социальный контакт. Такие личностные особенности мужчин по сравнению с женщинами можно объяснить определенными особенностями, присущими обоим полам. Мужчины склонны переживать проблемы в себе, не делиться с окружающими, отсюда возможно меньшая выраженность остальных черт по сравнению с женщинами, мужчины не склонны остро переживать какие-либо трудности и в целом признавать наличие каких-либо проблем. У мужчин доминирующей личностной чертой является реактивная агрессия, в то время как у женщин доминирующая черта-застенчивость. Это объясняет более агрессивный тип алкоголизма у мужчин по сравнению с женщинами. Наибольшую взаимосвязь удалось обнаружить между личностными особенностями и представлением о себе в глазах других (20%), из чего

можно предположить, что для мужчин суждение социума является референтным мнением, отсюда вытекает высокая взаимосвязь между реактивной агрессией и близостью, что подтверждает важность социума для мужчин.

По результатам сравнительного анализа доказано, что все защитные механизмы выражены у женщин больше, чем у мужчин. Доминирующей защитой у мужчин является избегание проявлений воли, что объясняет бегство в зависимость от необходимости проявлять волю, принимать решения, в то время как у женщин главный защитный механизм-защиты от одиночества. Более высокая выраженность экзистенциальных защитных механизмов у женщин объясняется тем, что экзистенциальная нагрузка на женщин давит сильнее, чем на мужчин в силу особенностей социума.

При сравнительном анализе Суверенности психологического пространства обнаружено, что все показатели у

мужчин выражены больше, чем у женщин, из чего следует, что суверенность физического тела, территории, вещей, привычек, социальных связей и ценностей у мужчин не депривирована, а следовательно мужчины имеют устойчивые границы личности и не имеют следов эмоционального или физического насилия над своей личностью, в то время как женщины страдают от насилия над своей личностью. Однако для обеих групп доминирующим компонентом является суверенность ценностей, но разница заключается в том, что женщины подвергались насильственному навязыванию, а мужчины нет. Наибольшая взаимосвязь обнаружена между компонентами суверенности психологического пространства, а именно между суверенностью вещей и суверенностью территории, что подтверждает целостность мужской личности и зависимостью суверенности вещей от суверенности территории.

При сравнительном анализе обнаружено, что мужчины имеют более выраженную личностную способность «воспринимать», что дает человеку трезвость, реалистичность, способность увидеть свою субъективную долю и отделить себя от другого человека, что объясняется не тронутыми границами личности, доказанными с помощью анализа опросника суверенности психологического пространства. Однако все остальные личностные способности у мужчин развиты меньше, чем у женщин.

У мужчин слабее способность «чувствовать», то есть быть затронутым, попадать в резонанс с ценностями, слабее способность «выбирать», то есть оставлять все остальные варианты ради одного, слабее способность «делать», то есть осуществлять, действительно сделать, осуществить выбор. Общая мера исполненности также ниже, чем у женщин, также как и фактор экзистенции и личностный фактор. Это говорит о том, что у мужчин куда меньше осмысленного в жизни, целостного и значимого. Это можно объяснить через социальные лишения, присущие людям, страдающим от алкогольной зависимости-утрата работы, социального положения, что явля-

ется важным фактором смысловой самореализации для мужчин, в отличие от женщин. Для женщин ключевым фактором исполненности служат социальные связи, семья и дети, в то время как для мужчин ключевой мотив мотив достижений. Наибольшая взаимосвязь обнаружена между личностным фактором и способностью чувствовать, попадать в резонанс с ценностями, что говорит о том, что мужчины ситуативны в проявлении чувственного компонента личности.

Таким образом, в исследовании подтверждается заявленная гипотеза.

С помощью статистического анализа удалось доказать, что женщины, посещающие Анонимные Алкоголики отличаются от мужчин, посещающих Анонимные алкоголики по личностным особенностям и экзистенциальным переживаниям. В целом, удалось доказать, что женщины имеют такие выраженные личностные особенности как застенчивость, невротичность и депрессивность в качестве самых основных характеристик, в то время как у мужчин главными личностными характеристиками являются интрисивность и реактивная агрессия, важным обнаружением является то, что у женщин целостность личности нарушена, в то время как у мужчин нет. Экзистенциальные переживания у мужчин состоят в страхе перед ответственностью и неудачами, в то время как у женщин основным переживанием является страх одиночества. Общая мера экзистенциальной исполненности у мужчин ниже во всем, кроме личности, поскольку ее границы у мужчин не нарушены. Таким образом можно получить усредненный портрет женщины, посещающей АА-это пассивная женщина, боящаяся одиночества, страдающая от застенчивости, страха потерять социальные контакты из-за своей зависимости. Усредненный портрет мужчины выглядит иначе-это аффективный тип мужчины, склонный к резкому и агрессивному реагированию, страдающий от неудач и неудовлетворения мотива достижения и страха перед ответственностью за свою судьбу.

Литература:

1. Немцов А.В. Алкогольная ситуация в России. — М., 1995
2. Герасименко Николай, академик РАМН, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по охране здоровья. Журнал «РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ» №4. 2009 г
3. Немцов А.В., Терехин А.Т. Размеры и диагностический состав алкогольной смертности в России. Наркология. №12. 2007
4. Social Monitor Innocenti 2006. Florence: UNICEF, 2006. P. 62.
5. Социальный мониторинг «Инноченти», 2006 г. Флоренция: Детский фонд ООН, 2006. С. 16.
6. Stickley A., Leinsalu M., Andreev E., Razvodovsky Yu., Vagero D., McKee M. Alcohol poisoning in Russia and the countries in the European part of the former Soviet Union, 1970—2002. The European Journal of Public Health Vol. 17, No. 5, 2006, P. 444—449

Социально-психологические функции смехового поведения

Хонский Сергей Игоревич, студент
Белорусский государственный университет (г. Минск)

Смеховое поведение в межличностном взаимодействии может выполнять ряд функций, которые и будут рассмотрены в данной статье. Прежде всего, необходимо отметить, что следующий перечень функций является попыткой систематизации полученных психологами знаний о смехе и смеховом поведении. Также следует сказать, что в большинстве случаев названия функций выбирались автором исходя из основного эффекта, достижение которого может преследоваться находящимся в смеховой ситуации субъектом. Также можно говорить о том, что практически каждая смеховая ситуация сопряжена с реализацией субъектами сразу нескольких функций, одна из которых может быть первостепенной.

Функция интеграции / дезинтеграции. С. Mc-Adams описывает две основные антагонистические тенденции, управляющие человеческим поведением: тенденцию к утверждению собственной индивидуальности и тенденцию к ощущению причастности, общности с кем-либо. Согласно этому представлению, люди постоянно балансируют между этими двумя полюсами: между выражением личных суждений, достижением статуса, осуществлением контроля над ситуацией и нахождением компромисса с другими, идя навстречу их ожиданиям. Интересно, что смех, как было установлено, «работает» в обоих направлениях. D. Cheatwood, например, предполагает, что смех может использоваться, чтобы создать или уменьшить социальное расстояние [19]. А. Чепмен придерживается аналогичной точки зрения, утверждая, что смех помогает поддерживать равновесное состояние близости между людьми [14]. Смех также рассматривался в качестве координирующего механизма, с помощью которого люди могут предлагать сократить дистанцию между ними или продемонстрировать приветливое расположение друг к другу [19]. Таким образом, смех способствует интеграции группы.

Смех является одним из ключевых факторов, формирующих структуру группы, выполняя не только функции включения/сплочения группы, но и исключения из неё [24]. К. Лоренц по этому поводу писал: «Если человек не может смеяться вместе с остальными, он чувствует себя исключённым, даже если смех вовсе не направлен против него самого» [10; 12]. Как отмечает О.П. Колпинова, групповой смех направлен против чуждости, «инаковости», нестандартности другого [9].

Функция демонстрации / повышения сплочённости группы. Смех, разделяемый членами группы, свидетельствует о её сплочённости, показывая единомыслие говорящих и одинаковую ориентацию на объект, действие или высказывание, вызывающее смех. Также смех описывался и как средство увеличения сплочён-

ности группы [21]. «Соединяющая» сила смеха на социально-психологическом уровне объясняется с помощью эмпатии или же благодаря поддержанию «поведенческой синхронии», которой сопутствует эмоциональная заразительность [15].

Функция демонстрации преданности субъекту/группе. Х. Гайлз и Г. Оксфорд пришли к выводу, что люди смеются, чтобы показать преданность кому-либо или чтобы заработать чьё-либо признание [15]. С ними согласен Н. Науакawa, полагающий, что смеясь вместе со всеми, люди подтверждают, что они принадлежат тому же самому кругу лиц с общими интересами (т.е. идентифицируют себя с группой). «Однако они могут лишь делать вид, чтобы создать видимость сотрудничества», — добавляет японский исследователь [20].

Функция сокрытия истинных намерений, чувств, мыслей и т.п. (маскирующая функция). Смех может играть роль «маскировщика» истинных намерений, переживаний, мотивов действий человека и т.п. Иногда смех помогает человеку эффективно общаться, маскируя смущение, растерянность, обиду и т.д. [26]. Также использование смеха в данном случае может быть охарактеризовано как «подыгрывание» другому субъекту. В совокупности данное поведение может быть рассмотрено как проявление тактики заискивания [21].

Функция идентификации / дифференциации. Данная функция смеха наиболее ярко проявляется в ситуации, когда индивид присоединяется или наоборот игнорирует (часто демонстративно) коллективный смех. В первом случае мы наблюдаем отождествление субъекта с группой (идентификационная функция), во втором — его отсутствие (дифференциационная функция). Данное разграничение мы можем наблюдать и на уровне группового взаимодействия. Как видно, для того чтобы данная функция реализовалась, смех должен быть совместным — только он создаёт у людей ощущение единения, разделения общих ценностей, снятия различий; с его помощью «мы-группа» подтверждает и усиливает собственную групповую идентичность. Соответственно, относительно аутсайдеров и «других» смех выполняет противоположную функцию — дифференциации, демонстрируя отсутствие симпатии. По мнению Ф. Гленна, данная функция (идентификации) является основной [22].

Функция акцентирования / нивелирования статусных различий. А.Г. Козинцев считает, что уже одна способность смеяться уравнивает всех [7]. Некоторыми исследователями подтверждён тот факт, что совместный смех ослабляет статусные различия, однако происходит это лишь в том случае, если этот смех возникает по поводу третьего лица, либо в том случае, если никто из субъ-

ектов не возражает (и демонстрирует это) против того, что он сам будет являться объектом осмеяния. Как было установлено, эффект нивелирования статусных различий помогает работникам лучше достигать взаимопонимания с начальством и развивает у обеих групп уверенность в себе [21].

Доказательством того, что люди, имеющие более высокий статус, смеются чаще, может выступать серия исследований профессиональных коллективов, проведённая Р. Провином. В результате наблюдений выяснилось, что занимающие наиболее высокую должность за исследуемый период в среднем смеялись 7,5 раз каждый, стоящие на ступень ниже по профессиональному статусу уже только 5,5 раз каждый, а младший профессиональный штаб всего лишь 0,7 раз каждый. Р. Провин пришёл к выводу о том, что «смех имеет слишком высокую социальную значимость, поэтому лишь старшие по социальному положению могут себе его позволить» [22, с. 30].

Противоположные результаты были получены в исследованиях, проведённых университетом штата Флорида. Было показано, что подчиненные смеются чаще, чем начальники. По мнению исследователей, это объясняется тем, что чем ниже ваш статус в социальной иерархии, тем больше потребность в нахождении союзников, которые смех и помогает завоевать [21; 22].

Совместный смех, — считает А.В. Дмитриев, — способствует временному снятию социальных иерархических различий: вождь смеётся вместе с подчинёнными, царь опускается до положения раба [5].

Функция приобретения / потери социального статуса. Роль смеха в контроле поведения и соблюдения социальных норм также означает, что он может быть использован лицами для укрепления своего статуса в групповой иерархии. Ещё в архаичных племёнах прослеживалась связь между смехом и статусом в группе. Так, Р. Александер усматривал в смехе орудие для борьбы за статус в обществе. По его мнению, при публичном акте осмеяния смех повышал статус высмеивающего и понижал статус высмеиваемого [7].

Прежде чем рассматривать данную проблему, мы полагаем необходимым развести две линии поведения: «я смеюсь» и «я смешу». Первая линия поведения появляется уже в первые недели жизни ребёнка [16], вторая — представляет собой явление, которое становится возможным уже благодаря социокультурному развитию человека. В приобретении социального статуса более весомым является способность вызывать смех у других.

О. Клапп выделил 6 ролевых типов «звёзд», которые несомненно влияют на чувства и поведение «обычных людей». Одна из этих ролей — «комическая фигура», наличие которой подразумевается в любой социальной группе, даже в той, где не принято смеяться в открытую. Если данная фигура не присутствует в группе физически, то её члены могут просто вести о ней разговор, тем самым «достраивая» группу; либо избирать новую. Возникает вопрос, какое же место занимает эта личность в группе:

шута, клоуна или, наоборот, лидера. С одной стороны, она может быть мишенью, «козлом отпущения», но с другой стороны, высказывать смелые суждения, дозволяемые неприкосновенностью роли шута, создавать у аудитории ощущение превосходства над «дураком» [5]. И в обеих ситуациях именно этот человек будет являться (активно или пассивно) инициатором смеха остальных, т.е. ему будет позволено быть смешными. Зачастую благодаря таким людям, играющим роль шута, скомороха или балагура и удавалось предотвратить раскол общины, т.е. сохранить её целостность, в результате чего они провозглашались их вождями. Но возможно, что и до этого он являлся неформальным лидером, поскольку с большей вероятностью человек будет играть роль клоуна в той группе, где он занимает доминирующее положение [21], чем в той, в которой он имеет более низкий статус. Однако в том случае, если наш собственный смех над кем-либо не подкрепляется смехом других, это может свидетельствовать о понижении нашего социального статуса. «Для эстрадника или клоуна отсутствие зрительского смеха — однозначное свидетельство провала», — пишет А.Г. Козинцев [8, с. 55].

Функция увеличения внутригруппового сотрудничества. Смех действует как «социальная смазка», увеличивая тем самым степень социального объединения и сотрудничества между незнакомцами. Также смех приводит к улучшению функционирования группы путём увеличения альтруистичности её членов [26]. Ф. Гленн рассматривает совместный смех как индикатор «партнёрства» [17].

Функция снижения степени страха перед незнакомыми людьми. Смех, издаваемый незнакомцем, снижает степень нашего страха, который мы можем испытывать по отношению к не известному нам человеку. Во многом этот страх перед новым человеком исчезает благодаря тому, что смех символизирует наличие у него чувства юмора, которое положительно влияет на социальную привлекательность этого человека [22].

Санкционирующая, или воспитательная, функция. По мнению А. Дмитриева, Б. Дземидка и Р. Пиддингтона, смех может выполнять и санкционирующую функцию, т.е. способствовать «корректировке» поведения вследствие группового осмеяния [6; 7]. О смехе, как о санкции, принуждающей соблюдать обычаи и общепринятые нормы, писал ещё Б. Дземидок [9]. Р. Пиддингтон рассматривал данного рода санкции в трёх различных аспектах: 1) своеобразная социально приемлемая «месть» человеку; 2) попытка воспитания, реформирования объекта смеха; 3) сдерживающее, устрашающее средство [7]. Б. Дземидок данную особенность смеха объясняет тем, что коллективное осмеяние вызывает у высмеиваемого чувство стыда, которое ведёт к появлению желания исправиться (загладить вину, преодолеть недостатки) [4]. О том, что целью смеха служит исправление, писал и А. Бергсон [3]. В этом случае применение смеха в качестве наказания не ставило целью исключить члена группы. Истинная функция наказания — сохранить целостность

общественной связи [7]. В связи с этим М. Шиота полагает, что смех может быть способом положительного подкрепления желаемого поведения других («смеяться с кем-то»), а также мощной формой наказания, направленного на нежелательное поведение («смеяться над кем-то») [21].

М. ван Вугт и коллеги предполагают, что сохранение у современного человека смеха может быть объяснено в том числе и тем, что он использовался как механизм, посредством которого люди через социальную игру могли осуществлять воспитательную функцию (высмеивая нежелательное поведение) [26].

Коммуникативная функция. Пожалуй, одной из главных функций смехового поведения является коммуникативная. По сути, многие из предыдущих функций смеха являются её разновидностями. В любой ситуации, в любом контексте с помощью смеха человек несёт какое-то сообщение: «мы готовы тебя принять, простить», «мы теперь тебя не боимся», «присоединяйся к нам», «ты не достоин нас», «это всего лишь недоразумение», «мы обязательно выздоровеем» и т.п. Всё это можно выразить смехом, следующим в определённый момент интеракции. Х. Фут и А. Чепмен отмечают, что смех при коммуникации также используется «для поддержания потока взаимодействия в наших ежедневных встречах: заполнение пауз в наших разговорах и поддержание интереса и внимания нашего собеседника» [14]. Причём данный эффект может достигаться и при помощи «деланного» (имитированного) смеха. В этом случае мы можем говорить о смехе как о конвенциональной составляющей коммуникации. Весьма вероятно, что намного чаще мы используем смех не как ответ на реальные юмористические стимулы (по данным Р. Провина, всего лишь 10–20% случаев смеха в компании можно считать реакцией на юмор [25, с. 22]), а в качестве метакоммуникативного сигнала, с помощью которого можно выполнить ряд социальных функций.

Функция манифестации эмоций (манифестирующая функция). Существует точка зрения, что смех является вокальным выражением именно эмоции радости [13; 22]. Однако континуум ситуаций, в отношении которых она может возникнуть, достаточно велик, поэтому трудно определить, какой стимул стал главным. На наш взгляд, в данном случае необходимо указывать и то, что радость может возникнуть и в результате неудачи неприятеля или падения на асфальт человека. При таком подходе более уместным, как нам кажется, будет определение Дж. Грегори, который писал о смехе как одном из проявлений комплекса эмоций [18]. Модальность, сила и знак эмоций в таком случае будут определяться исходя из интенсивности смеха, его длительности, ситуации, спровоцировавшей смеховое поведение, и личностных характеристик смеющегося субъекта.

Функция поддержания / привлечения внимания к себе других. Данная функция тесно связана с двумя предыдущими функциями, поскольку, с одной стороны, поддержание либо привлечение внимания могут рассма-

триваться как действия, реализующие перцептивную функцию общения, а с другой стороны, манифестация эмоций уже сама по себе может быть направлена на то, чтобы привлечь внимание к смеющемуся субъекту. Однако, в данном случае, мы будем говорить о смеховом поведении, скорее как о способе обращения на себя внимания в процессе взаимодействия (чаще на начальном его этапе) либо же как о способе реализации потребности человека быть в центре внимания. В.Я. Пропп по этому поводу пишет, что уже «громкость этого самого сигнала смеха способствует переводу внимания других людей на смеющегося, наблюдение за которым вызывает ответный смех» [11, с. 183].

Манипулятивная функция. По мнению А.В. Антоновой, биологическая инстинктивная природа смеха обеспечивает его свойством, присущим всем самым мощным инструментам манипуляции: а) свойством *коллективности* (смех как древний метакоммуникативный сигнал, означающий отсутствие агрессивных намерений, понятен абсолютно всем членам сообщества); б) свойством *заразительности* (смех заразителен и легко приобретает характер массового явления в результате действия древнего механизма синхронизации переживаний членов группы на уровне эмпатии и «зеркальных нейронов», активация которых побуждает членов группы бессознательно подражать друг другу [23].

Кроме того, физическое состояние смеющегося человека характеризуется резким ослаблением мышечного тонуса, что означает его полную расслабленность и безвольность. Смеющийся человек освобождается от психологического напряжения: смех лишает воли, «запрещает» оценку ситуации с точки зрения логики и смысла, отменяет нормы морали и этикета, блокирует речь [8].

Исходя из этого, планируемый перлокутивный (целенаправленно воздействующий на чувства и мысли людей) эффект смеха предоставляет манипулятору множество преимуществ: а) совместный смех создает эффект единения, восприятия манипулятора как «своего»; б) смех не позволяет воспринимать манипулятора как носителя агрессивных намерений и обмана, так как является древним сигналом стремления избежать конфликта; в) смех лишает того, над кем осуществляется манипуляция, способности критически оценивать намерения и действия манипулятора [1].

Ю.С. Артёмова также постулирует наличие данной функции смехового поведения: «Способность смеяться может использоваться и как средство удовлетворения внешних по отношению к смеху потребностей». Таковую форму смехового поведения как «издевательские насмешки» автор более открыто относит к манипуляции и полагает, что они должны быть отнесены к «инструментальному смеховому поведению» [2]. Таким образом, можно заметить, что данная функция вытекает из нескольких рассмотренных ранее.

Нами были рассмотрены основные функции смехового поведения. При более пристальном их анализе можно на-

блюдать некоторое пересечение ряда функций по своему смысловому содержанию. Для возможности их разграничения и выявления доминирующей функции необходимо детально анализировать каждую смеховую ситуацию, основное внимания уделяя субъектам смеховой ситуации (их мотивам, действиям, преследуемым целям и т.п.), а также её триггерам и последствиям для каждого из участников.

Литература:

1. Антонова, А.В. Смех, юмор и речевая манипуляция / А.В.Антонова // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. — 2010. — №4. — С. 52–58.
2. Артемова, Ю.А. Смеховое поведение: формы и функции (этнолого-психологический аспект): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Ю.А. Артёмова. — М., 2006. — 204 л.
3. Бергсон, А. Смех / А. Бергсон ; пер. И. Гольденберга. — М.: Искусство, 1992. — 128 с.
4. Дземидок, Б. О комическом / Б. Дземидок ; пер. С.П. Свяцкого. — М.: Прогресс, 1974. — 223 с.
5. Дмитриев, А.В. Смех: социофилософский анализ / А.В. Дмитриев, А.А. Сычёв. — М.: Альфа-М, 2005. — 592 с.
6. Карасёв, Л.В. Философия смеха / Л.В. Карасёв. — М.: РГГУ, 1996. — 224 с.
7. Козинцев, А.Г. Антропология смеха / А.Г. Козинцев // Ритуальное пространство культуры: материалы Междунар. форума, СПб, 26 фев.—7 мар. 2001 г. / СПбГУ ; редкол.: А.А. Бурькин [и др.]. — СПб, 2001. — С. 152–157.
8. Козинцев, А.Г. Человек и смех / А.Г. Козинцев. — М.: Алетейя, 2007. — 240 с.
9. Колпикова, О.П. Философско-культурное пространство смеха: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / О.П. Колпикова. — М., 2007. — 135 л.
10. Лоренц, К. Агрессия: Так называемое зло / К. Лоренц ; пер. Г.Ф. Швейника. — М.: Прогресс. Универс, 1994. — 271 с.
11. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. — М.: Лабиринт, 2005. — 331 с.
12. Троицкий, С.А. Социальная природа смеха: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / С.А. Троицкий. — СПб, 2006. — 173 л.
13. Bachorowski, J.-A. Sounds of emotion: Production and perception of affect-related vocal acoustics / J.-A. Bachorowski [et al.] // Annals of the New York Academy of Sciences. — 2003. — Vol. 1000, — P. 244–265.
14. Chapman, A.J. Humor and laughter: theory, research, and applications / A.J. Chapman, H.C. Foot. — 2nd edn. — New Jersey: Transaction, 1996. — 348 p.
15. Devereux, P.G. Socialty effects on the production of laughter. / P.G. Devereux [et al.] // The J. of General Psychology. — 2001. — Vol. 128, №2. — P. 227–241.
16. Gervais, M. The evolution and functions of laughter and humor: a synthetic approach / M. Gervais [et al.] // The quarterly review of biology. — 2005. — Vol. 80, №4. — P. 395–430.
17. Glenn, P. Laughter in interaction / P. Glenn. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 190 p.
18. Gregory, J.C. The nature of laughter / J.C. Gregory. — New York: Routledge, 1999. — P. 14–26.
19. Günther, U. What's in a laugh? Humor, jokes and laughter in the conversational corpus of the BNC / U. Günther // Freiburger Dokumentenserver FreiDok [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.freidok.uni-freiburg.de/volltexte/735/>. — Date of access: 15.03.2010.
20. Hayakawa, H. The meaningless laugh: laughter in Japanese communication / H. Hayakawa // Sydney eScholarship repository [Electronic resource]. — Mode of access: <http://hdl.handle.net/2123/656>. — Date of access: 04.02.2010.
21. Martin, R.A. The psychology of humor: an integrative approach / R.A. Martin. — Burlington: Academic Press, 2007. — 446 p.
22. Provine, R.R. Laughter: a scientific investigation / R.R. Provine. — New York: Penguin Books, 2000. — 228 p.
23. Rizzolatti, G. The Mirror-Neuron System / G. Rizzolatti, L. Craighero // Annual Rev. Neurosci. — 2004. Vol. 27. — P. 169–192.
24. Szameitat, D.P. Differentiation of emotions in laughter at the behavioral level / D.P. Szameitat [et al.] // Emotion. — 2009. — Vol. 9, №3. — P. 397–405.
25. Terrion, J.L. From «I» to «we»: The role of putdown humor and identity in the development of a temporary group / J.L. Terrion, B.E. Ashforth // Human Relations. — 2002. — Vol. 55. — №1. — P. 55–88.
26. Van Vugt, M. Laughter as social lubricant: a biosocial hypothesis about the pro-social functions of laughter and humor / M. Van Vugt [et al.] // University of Kent Library [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.kent.ac.uk/psychology/department/people/van-vughtm/personal/publications/index.htm>. — Date of access: 28.01.2010.

Технологическая характеристика организации психолого-диагностического эксперимента и диагностический инструментарий для оценки познавательной активности младших дошкольников

Штепина Инна Сергеевна, заместитель заведующей по УВР
МАДОУ №20 «Детский сад общеразвивающего вида» (г. Кемерово)

Целью психолого-диагностического эксперимента является изучение исходного уровня познавательной активности младших дошкольников. Из всего множества имеющихся в психолого-педагогической и методической литературе характеристик нами были выделены наиболее специфические компоненты, отражающие непосредственно процесс развития познавательной активности младших дошкольников, которые можно отследить по следующим показателям (табл. 1).

На основе выделенных показателей компонентов познавательной активности в целях психолого-диагностического эксперимента нами выбраны методики познавательной активности младших дошкольников.

Технология организации психолого-диагностического эксперимента представляет собой следующие этапы:

1. Подготовительный этап исследования. Целью данного этапа является всесторонняя подготовка психолого-диагностического эксперимента. Решаются следующие задачи:

- определение валидных методик диагностики познавательной активности младших дошкольников;
- составление общего плана опытно-поисковой работы.

2. Исходно-диагностический этап исследования. Данный этап психолого-диагностического эксперимента нацелен на определение степени развития познавательной активности младших дошкольников контрольной и экспериментальной групп.

3. Итогово-диагностический этап психолого-диагностического эксперимента характеризуется нацеленностью на оценку динамики развития познавательной активности младших дошкольников в контрольной и экспериментальной группах, организацию диагностических тестов, позволяющих не только оценить динамику развития тех

или иных процессов, но и валидность используемых методик.

4. Обобщающий этап исследования позволяет сделать выводы о структуре и особенностях познавательной активности младших дошкольников.

Для решения поставленных задач в рамках организации психолого-диагностического эксперимента важной является опора на конкретные методологические основы.

Опираясь на принцип, выдвинутый В.П. Озеровым для изучения познавательной активности — «максимальное число экспериментальных показателей у максимального числа испытуемых за единицу времени» [3, с. 105], предлагается воспользоваться рядом методик диагностики познавательной активности младших дошкольников:

- исследование эмоциональной сферы: методики Ю.А. Афонькиной, Г.А. Урунтаевой «Закончи историю», «Сюжетные картинки», «Раскрась рисунок»;
- мнемические способности: методика «10 слов», предложенная А.Р. Лурией;
- уровень восприятия: методика Ю.А. Афонькиной, Г.А. Урунтаевой и С.Д. Забрамной «Исключение неподходящей картинки»;
- исследования свойств мышления: методики Л.А. Венгера «Самое непохожее», методика «Анализ и синтез»;
- степень психосоциальной зрелости: тестовая беседа, предложенная С.А. Банковым;

Таким образом, содержание и направленность методик, по нашему мнению, отвечают требованиям системного подхода к организации экспериментального исследования, т.к. они нацелены на диагностику различных познавательных способностей и индивидуальных качеств младших дошкольников.

Таблица 1. Компоненты познавательной активности младших дошкольников

Компоненты познавательной активности	Показатели
Когнитивный	<ul style="list-style-type: none"> • вербально-логическое и наглядно-образное мышление, • внимание, • память, • зрительно-пространственное восприятие
Эмоциональный	эмоциональная сфера младших дошкольников
Деятельностный	психосоциальная зрелость младших дошкольников

Источник: составлено автором.

Следующей задачей экспериментального исследования является обработка и интерпретация полученных данных. Вообще приемы интерпретации экспериментальных данных подразделяются на количественные и качественные. С точки зрения количественного анализа данных применяются математические и статистические методы обработки данных. Качественный анализ позволяет систематизировать и описать общие закономерности и некоторые варианты психологических явлений, выявленных методом количественного анализа. Кроме того, при качественном анализе необходимо ориентироваться на принципы сравнительного метода, то есть выявить особенности психической организации способностей у испытуемых, различающихся не только по возрасту, но по полу (мальчики — девочки).

Ниже представлено подробное теоретическое и методологическое обоснование применяемых диагностических методик.

Методики, направленные на исследование познавательной активности младших дошкольников, и используемые в психологическом эксперименте, можно классифицировать по нескольким основаниям. Основная часть методик носит вербальный характер, то есть так или иначе связанных с речевой активностью обследуемых. Задания в этих методиках апеллируют к памяти, воображению в их опосредованной языковой форме. К вербальным методикам относятся все методики, примененные для диагностики памяти, внимания, мыслительных операций (анализ, синтез).

Часть диагностических методов, подобранных нами для решения диагностических задач, предполагает правильный ответ и за счет этого обеспечивается их объективность. К этой группе относится методика исследования мнемических способностей — методика «10 слов».

В комплекс включены методики, направленные на диагностику эмоциональной сферы, внимания, памяти, восприятия и мышления.

Младшее дошкольное детство считается особым этапом эмоционального онтогенеза, поскольку в этот период оформляются важнейшие эмоциональные новообразования: переживания становятся более глубокими, осознанными, обобщенными, дифференцированными, усложняется их предметное содержание [5, с.208], формируется устойчивая система эмоциональных отношений [7, с.197], появляется эмоциональная децентрация — способность к сопереживанию другому человеку, совершенствуется способность к распознаванию эмоций [6, с. 96], возникает эмоциональная коррекция поведения [5, с. 291].

Для оценки *эмоционального развития* младших дошкольников предлагается использовать методики Ю.А. Афонькиной и Г.А. Урунтаевой [1, с. 58] «Закончи историю», целью которой является изучение осознания детьми таких нравственных качеств, как доброта-злость, щедрость-жадность, трудолюбие-лень, правдивость-лживость; «Сюжетные картинки», направленной на изучение

эмоционального отношения к тем же нравственным качествам, что указаны в предыдущей методике; «Раскрась рисунок», целью которой является изучение характера помощи (сочувствия) другому человеку.

В контексте исследования познавательной активности младших дошкольников достаточно важным является исследование *способностей памяти (мнемических)*, поскольку память включена во все многообразие жизни и деятельности человека. Формы проявления и виды памяти чрезвычайно многообразны. Один из основных критериев вычленения форм памяти — по времени закрепления и сохранения материала. В соответствии с этим критерием различают кратковременную и долговременную память. Кратковременная память базируется на автономном распаде следов информации и представляет собой ее лабильную фазу, соответствующую удержанию следа в форме реверберации нервных импульсов, а долговременная, соответственно, является ее стабильной фазой, предполагающей сохранение следов за счет структурных изменений. Но по существу кратковременная и долговременная память представляют собой две стадии единого процесса, который всегда начинается с кратковременной памяти [4, с. 264].

Относительно недавние исследования, связанные с развитием теорий памяти привели к постановке проблемы оперативной памяти, обслуживающей непосредственно осуществляемые человеком актуальные действия. Оперативная память рассчитана на хранение информации в течение определенного, заранее заданного срока, от нескольких секунд до нескольких дней. Срок хранения сведений этой памяти определяется задачей, вставшей перед человеком и рассчитанной только на ее решение.

Оперативная память занимает промежуточное положение между кратковременной и долговременной. Но поскольку суть оперативной памяти заключается в обслуживании непосредственно совершаемых действий, диагностика ее не представляется возможной. Общепринято, что на качество оперативной памяти оказывает влияние объем кратковременной памяти, лежащей в основе всего процесса памяти. Поэтому объективным является диагностировать именно кратковременную память.

Кратковременная память характеризуется очень недолгим сохранением материала после однократного непродолжительного восприятия и проявляется только при условии немедленного воспроизведения. Тесно связанная с перцепцией, кратковременная память между тем является основой более сложных функциональных образований. При диагностике кратковременной памяти обычно измеряют объем, выражающийся в количестве символов, которые могут быть воспроизведены после однократного предъявления.

Мнемические способности детей младшего дошкольного возраста предлагается изучить посредством методики «10 слов», предложенной А.Р. Лурией. Данная ме-

тодика используется для изучения состояния памяти, выявления органических поражений мозга, а также других отклонений в психическом статусе (истощаемости, утомляемости, устойчивости внимания).

Для исследования *уровня восприятия* у детей младшего дошкольного возраста предлагается применить методику Ю.А. Афонькиной, Г.А. Урунтаевой по изучению восприятия цвета [1, с.175] и С.Д. Забрамной «Исключение неподходящей картинки» [2, с. 236].

Средством познания в процессе восприятия выступают сенсорные эталоны — образцы различных внешних свойств предметов.

В процессе восприятия происходит, с одной стороны, совершенствование представлений о разновидностях каждого свойства, с другой — развитие самих перцептивных действий использования эталонов. Различают три типа перцептивных действий: идентификация, или выбор по образцу; приравнивание к эталону (соотнесение с эталоном) в условиях неполного совпадения свойств предмета с эталоном, близким к нему, но не совпадающим с ним; перцептивное моделирование — соотнесение обследуемого предмета с несколькими эталонами.

Исследование уровня восприятия у младших дошкольников предполагает выявление способности устанавливать сходство и различие между зрительно воспринимаемыми изображениями.

Для исследования *свойств мышления*, характеризующих особенности протекания мыслительных процессов и обеспечивающих продуктивность умственной деятельности младших дошкольников, предлагается применить группу методик.

Исследование свойств мышления у младших дошкольников предполагает выявление способности выделения существенных признаков предметов и соотнесения их по этим признакам. Для этой цели предлагается применить методику Л.А. Венгера «Самое непохожее», направленной на выявление уровня овладения мыслительными операциями: анализа, сравнения и обобщения признаков.

Для диагностики сформированности мыслительных операций анализа и синтеза у младших дошкольников предлагается воспользоваться методикой «Анализ и синтез» [6, с.364], посредством которой оценивается развитие данных мыслительных операций, и дополнительно способность ребенка к целостному восприятию предмета.

Установить это можно, занимаясь с ребенком игровой и продуктивной деятельностью. Для этой цели проводится игра «Рассмотрим предмет», в которой проводящий диагностику предлагает ребенку сначала назвать изображенный объект, а затем показать и назвать его части, или сам показывает часть, а ребенок ее называет, и наоборот, проводящий диагностику называет, а ребенок показывает.

Степень психосоциальной зрелости (кругозор) младшего дошкольника позволяет определить тестовая беседа, предложенная С.А. Банковым. Ребенок должен ответить на следующие вопросы:

1. Назови свою фамилию, имя, отчество.
2. Назови фамилию, имя, отчество мамы, папы.
3. Ты девочка или мальчик? Кем ты будешь, когда вырастешь, женщиной или мужчиной?
4. У тебя есть брат, сестра? Кто старше?
5. Сколько тебе лет? А сколько будет через год? Через два года?
6. Сейчас утро или вечер? День или утро?
7. Когда ты завтракаешь — вечером или утром? Обедаешь — утром или днем? Что бывает раньше — обед или ужин?
8. Где ты живешь? Назови свой домашний адрес.
9. Кем работает твой отец, мать?
10. Ты любишь рисовать? Какого цвета этот карандаш (ленточка, платье)?
11. Какое сейчас время года — зима, весна, лето или осень? Почему ты так считаешь?
12. Когда можно кататься на санках — зимой или летом?
13. Почему снег бывает зимой, а не летом?
14. Что делает почтальон, врач или учитель?
15. Зачем нужны в школе звонок или парта?
16. Ты сам (а) хочешь пойти в школу?
17. Покажи свой правый глаз, левое ухо. Для чего нужны глаза, уши?
18. Каких животных ты знаешь?
19. Каких ты знаешь птиц?
20. Кто больше: корова или коза? Птица или пчела? У кого больше лап: у собаки или у петуха?
21. Что больше — 8 или 5, 7 или 3? Посчитай от 3 до 6, от 9 до 2.
22. Что нужно сделать, если нечаянно сломаешь чужую вещь?

Литература:

1. Афонькина Ю.А., Урунтаева Г.А. Практикум по детской психологии. — М.: Владос, 1995.
2. Забрамная С.Д. Практический материал для проведения психолого-педагогического обследования детей. — М., 2002.
3. Озеров В.П. Психомоторные способности человека. — Дубна: Феникс +, 2002.
4. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: Учебное пособие. — 2-е изд., доп. и перераб./ В.Д. Балин, В.К. Гайда, В.К. Гербачевский и др; под общ. ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. — СПб.: Питер, 2003. — 560 с.: ил. — (Серия «Практикум по психологии»).

5. Психология детей дошкольного возраста. Развитие познавательных процессов /Под ред. А.В. Запорожца, Д.Б. Эльконина. — М.: Просвещение, 1964.
6. Щетинина А.М. Учим дошкольников думать: игры, занятия, диагностика. — М.: ТЦ Сфера, 2011.
7. Эмоциональная жизнь школьника: дошкольный и младший школьный возраст / П.М. Якобсон. — М., 1999 // Возрастная и педагогическая психология: хрестоматия: учебное пособие / Сост. И.В. Дубровина, Анна Михайловна Прихожан, В.В. Зацепин. — М.: Академия, 1999. — С. 236–242.

Программа проведения тренингов и консультирования в подростково-молодежном клубе «ИНСАЙТ»

Энгельке Марина Марковна, аспирант
Русская христианская гуманитарная академия (г. Санкт-Петербург)

Подростково-молодежный клуб «Инсайт», организованный на базе государственного учреждения СПбГУ Центр «Адмиралтейский» по работе с подростками и молодежью (адрес: г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., д. 18), был основан в 2006 г.

Инсайт [англ. insight — понимание] — внезапное, яркое, молниеносное озарение; четкое, невыводимое из прошлого опыта понимание; попадание решения, найденного в процессе бессознательной мыслительной работы в фокус сознания.

Название придумали сами члены клуба, путем долгого голосования и споров.

Основные направления деятельности:

1. Психологическое (реализуется силами тренеров): тренинги коммуникативной компетентности, командообразования и пр; обучение проведению интерактивных занятий; индивидуальные консультации.

2. Досуговое (реализуется спонтанно совместными силами членов Клуба и тренеров): кино-театр-концерты-фестивали-коньки-ролики-лодки-велосипеды-лошади-походы-турслеты и т.д. что, косвенно, также способствует направленности на З.О.Ж.

3. Волонтерское (реализуется силами членов Клуба): проведение для подростков и сверстников различных семинаров, тренингов; участие в городских конкурсах, проведение акций. Профилактическое — занимается проведением акций, игр, тренингов, направленных на выбор здорового образа жизни среди молодежи.

В инсайт обычно приходят старшеклассники или студенты, которым интересна психология, также очень много студентов-психологов.

Каждое из направлений очень интересны, но мы остановимся на психологическом.

Для будущих психологов очень важно «в живую» видеть работу психолога. Наглядное виденье и участие в тренингах

Прохождение тренингов в Инсайте начинается с Базового курса.

1. Базовый курс — «Мастер коммуникации»
поможет научиться грамотно, эффективно и с удовольствием общаться с совершенно разными людьми.

Программа тренинга включает в себя следующие темы:

- Понятие команды;
- Механизмы взаимодействия в команде;
- Стратегии поведения в команде;
- Эффективность взаимодействия в команде

В процессе занятий у участников будет постоянная возможность проявлять свои навыки работы в команде, а также совершенствовать их.

По окончании курса выдается сертификат о прохождении данного тренинга.

Курс состоит из блоков:

- 1 блок: Знакомство группы.
- 2 блок: Развитие коммуникативных навыков.
- 3 блок: Командообразование: работа в команде + знакомство с участниками параллельной группы.
- 4 блок: информация по ВИЧ/СПИДу, наркозависимости + навыки проведения станций, игр и упражнений.
- 5 блок: Участие в 2-х и более городских и районных мероприятиях в качестве волонтера (задача — отработка навыков «в поле», тренировка, практика).

Затем можно выбрать, тот курс который интересен:

2. Личностный рост

Личностно-ориентированная группа проводится в рамках динамического направления.

Группа может помочь:

- если человек не удовлетворен своими отношениями с родными, друзьями, коллегами, начальством, деньгами, работой или с самим собой;
- если он не знает в его проблема, но чувствует, что она есть и мешает жить;
- если он не знает, почему в его жизни происходит именно это.

Цель группы — помочь каждому изменить свои неадаптивные модели поведения. Это не тренинг, здесь нет определенной темы и конкретного навыка, которому можно

научиться.

Здесь есть специальное пространство, где каждый участник воспроизводит и проживает свои модели отношений так же, как он это делает в повседневной жизни. Благодаря чувствам и реакциям группы, каждый участник может лучше узнать себя, разобраться со сложностями во взаимоотношениях с другими, осознать свои привычные реакции и установки и попробовать иные модели поведения.

3. Тренинг публичных выступлений

Программа тренинга включает в себя следующие темы:

- самопрезентация;
- как готовиться к выступлению;
- структура выступления;
- работа с голосом, позой, мимикой, жестами при публичном выступлении;
- работа со страхом публичных выступлений;
- техники удержания внимания
- импровизация.

В процессе занятий у человека будет возможность проявлять и совершенствовать навыки публичных выступлений, возможность тренироваться и понимать как сделать выступление более эффективным.

4. Арт-терапия

Тренинг арт-терапии нужен для тех, кто хочет лучше узнать себя, посмотреть на жизненные ситуации со стороны, осознать свои эмоции, приятно провести время, создавая свои арт-объекты.

5. Тренинг тренеров

Курс посвящен фундаментальным принципам создания и проведения любого тренинга. Программа позволяет создать последовательную и непротиворечивую модель тренинга, в которой теоретические положения связаны с конкретными действиями тренера. Тренинг тренеров «Логика мастерства» помогает не только понять «что нужно делать тренеру?», но и получить ответ на вопрос «как именно это делать?».

В связи с тем, что наиболее актуальными для начинающих тренеров являются вопросы:

- «как написать тренинг?»
 - «как управлять группой?»
 - «как сделать тренинг целостным и логичным?»
 - «как выбрать упражнения?»
 - «как реагировать, если участник отказывается что-либо делать?»
 - «что конкретно сказать в начале тренинга о себе?»
 - «как реагировать на плач или агрессию?»
 - «что делать, если группа долго смеется?» и т.д.,
- программа включает в себя следующие Тематические блоки:

1. Отличительные особенности тренинговой формы обучения.

2. Правила и условия для проведения тренинга:

- заключение контракта
 - создание безопасной атмосферы
 - коррекция целей и ожиданий участников
 - передача ответственности и мотивация участников
3. Позиция, профессиональное поведение и ответственность тренера.
 4. Управление групповыми процессами.
 5. Работа со «сложными» участниками.
 6. Пошаговая стратегия написания тренинга.
 7. Структура тренинга.

Неотъемлемой частью курса обучения является проведение собственных сначала разминок, потом содержательных упражнений, а потом целого тренинга сначала на своей группе, а потом на членах клуба или в любом другом месте.

Длительность курса: 12 занятий по 3 часа + 4–5 занятий самостоятельно.

6. Сказко-терапия

Проигрывая сказочные роли, участники открывают новые стороны нашей реальности, начиная лучше осознавать и понимать себя, свои действия, а также свои чувства и эмоции, возникающие в той или иной жизненной ситуации.

Также в «Инсайте» проходят одноразовые тренинги:

Гештальт-психология, гипноз, вокало-терапия и т.д.

Консультирование в П.М.К. «Инсайт»

На обмене опытом для консультантов предлагаются методы консультирования, отрабатываются навыки, даётся обратная связь.

В Инсайте разбираются все направления в психологическом консультировании и методы работы, как испытанные временем, так и новые, экспериментальные.

Суть проекта:

Консультирование в присутствии супервизоров.

Потом обсуждение работы консультанта.

Так молодые специалисты учатся друг у друга.

Условия:

1. Взаимовыгодный обмен, то есть для участия в проекте нужно не только консультировать самому, но и ходить на супервизии к коллегам.

2. Бесплатно/недорого.

3. Вы имеете/получаете психологическое образование

Принцип Ровесник-Ровеснику очень важен, и на мой взгляд является очень эффективным, т.к. общение со сверстниками снимает возможную тревожность и скованность. Подросток, находящийся в сложной жизненной ситуации, может получить поддержку и опыт позитивного общения. И может самостоятельно менять свой жизненный сценарий.

В заключение хотелось бы сказать, что было бы здорово чтоб таких клубов становилось больше. Чтоб молодые люди имели возможность лучше понимать себя, свои желания и потребности. Умели отделять их от социальных стереотипов.

Литература:

1. Правильный выбор: Программа формирования у старших подростков социальных установок на здоровый образ жизни. М.2005
2. Сборник информационно-методических материалов по организации социально-психологической помощи в области профилактики наркомании среди молодежи. СПб 2003
3. Лидеры нового века СПб 2009

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 11 (46) / 2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М.Н.

Иванова Ю.В.

Лактионов К.С.

Комогорцев М.Г.

Ахметова В.В.

Брезгин В.С.

Котляров А.В.

Яхина А.С.

Ответственный редактор:

Шульга О. А.

Художник:

Шишков Е. А.

Верстка:

Бурьянов П.Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

672000, г. Чита, ул. Бутина, 37, а/я 417.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6